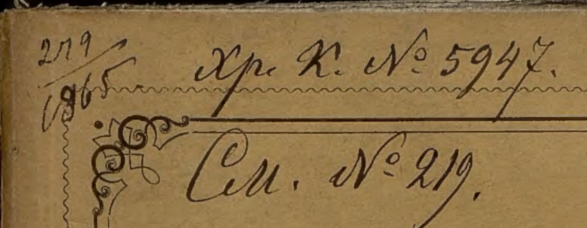

А21 5/175

СБОРНИКЪ

МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИСТОРІИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ВЪ XVIII ВѢКѢ.

ИЗДАЛЪ

А. КУНИКЪ.

Часть I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б. Еггерса и Комп., въ С. П. Б.

И. Глазунова, въ С. П. Б. И. Базунова, въ Москвѣ.

Энфиаджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 1 рубль сер.

Хр. К. 5947.
См. 2-19.

СБОРНИКЪ

А 21 5/175

МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИСТОРІИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ВЪ XVIII ВѢКѢ.

ИЗДАЛЪ

А. КУНИКЪ.

4906

Часть I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б. **Еггерса и Комп.**, въ С. П. Б.

И. Глазунова, въ С. П. Б. **И. Базунова**, въ Москвѣ.

Энфіаджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 1 рубль сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 28 марта 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимаясь нѣкогда въ академическомъ архивѣ исторіею Академіи Наукъ, я невольно обратилъ вниманіе на разные важные документы, съ которыми связаны имена извѣстныхъ литературныхъ двигателей, какъ-то: кн. Кантемира, Миллера, Тредіаковскаго, Татищева, Ломоносова, Шлецера и т. д. Мало по малу у меня составился цѣлый сборникъ такихъ матеріаловъ, въ особенности изъ архивныхъ документовъ бывшей академической Канцеляріи, но я вскорѣ почувствовалъ необходимость нѣсколько ограничить выборъ документовъ. Между прочимъ мнѣ хотѣлось со временемъ разъяснить первое появленіе Ломоносова въ средѣ и подъ защитою Академіи, и при этомъ я не могъ не опредѣлить прежде всего значенія Тредіаковскаго до возвращенія Ломоносова изъ-за границы. Изъ собранныхъ мною извѣстій и вновь отысканныхъ литературныхъ произведеній кое-что мною сообщено было уже прежде.

Кромѣ напечатаннаго въ 1854 году перевода Фенелоновой оды 1738 года, я считаю не лишнимъ указать на нѣкоторые документы, помѣщенные мною во Введеніи къ Ученымъ Запискамъ (Т. I, 1852 г. стр. LXV—LXIX), равно какъ на собранные и объясненные мною матеріалы для исторіи литературной дѣятельности Ломоносова въ 1738 и 1741 годахъ (Уч. Зап.

T. III, 1855 г. стр. 256 — 290); въ 1860 году собранныя мною письма Вольфа, относящіяся къ пребыванію Ломоносова въ Марбургѣ, включены были въ Сборникъ Вольфовыхъ писемъ, который въ томъ году изданъ былъ Академіей.

Сообразно первоначальной цѣли моего Сборника я не имѣлъ въ виду изданія всѣхъ тѣхъ архивныхъ документовъ 1736—1741 годовъ, которые не относятся прямо къ Ломоносову, но по случаю предстоящаго юбилея многіе выразили желаніе, чтобы я собралъ всѣ малѣйшія подробности, могущія пролить свѣтъ на тогдашнюю судьбу Ломоносова. Кромѣ того длинное письмо его отъ 16 ноября 1740 года, которое мнѣ стало извѣстнымъ лишь въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, побудило меня сообщить нѣсколько писемъ фрейбергскаго горнаго совѣтника Генкеля не въ извлеченіи, а цѣликомъ. Все это значительно увеличило объемъ Сборника.

При собираніи свѣдѣній о вышеупомянутыхъ лицахъ я не обращалъ вниманія на то, на какомъ языкѣ сохранились эти свѣдѣнія. Почти всѣ письменныя извѣстія о Ломоносовѣ, относящіяся ко времени его пребыванія въ Германіи, дошли до насъ на нѣмецкомъ языкѣ. Необходимо нужно было, чтобы многія изъ нихъ впредь и другимъ извѣстны были въ подлинникѣ. Оказавшіеся въ Академіи документы на русскомъ языкѣ, относящіеся къ судьбѣ Ломоносова и двухъ товарищей его въ 1736—1741 (1743) годахъ, по большей части ограничиваются дѣловыми бумагами, извлеченіями изъ подлинныхъ документовъ и нѣкоторыми болѣе или менѣе точными переводами подлинниковъ. Нѣкоторый впрочемъ не очень ощутительный пробѣлъ замѣтилъ я только за 1741 годъ, что объясняется извѣстнымъ указомъ императрицы Елисаветы.

Всѣ изданныя мною бумаги имѣютъ оффиціальный характеръ, въ томъ числѣ и латинское письмо Ломоносова къ Генкелю (см. № 67), потому что послѣдній приложилъ его къ своему донесенію, какъ документъ. Донесенія на нѣмецкомъ языкѣ, присланныя Ломоносовымъ изъ Марбурга въ 1737—1738 годахъ, въ тоже время, согласно данной ему инструкціи,

должны были служить доказательствомъ успѣховъ его въ изученіи нѣмецкаго языка. По этому мною и оставленъ безъ измѣненія встрѣчающійся кое-гдѣ оригинальный способъ правописанія Ломоносова, точно также какъ мною не измѣненъ и довольно странный мѣстами слогъ Генкеля и Шумахера.

Такъ какъ вообще многіе изъ напечатанныхъ мною документовъ написаны тяжелымъ слогомъ, то недавно выражено было желаніе, чтобы подъ моимъ наблюденіемъ изготовленъ былъ переводъ этихъ документовъ. Конечно мнѣ, какъ собирателю и издателю подлинниковъ, пока ближе извѣстны, нежели другимъ, вся связь между этими документами и кое-какія скрывающіеся въ нихъ оттѣнки и намеки, особенно въ бумагахъ академической канцеляріи. По первоначальному плану моего Сборника мнѣ прежде всего предстояло окончить изданіе всѣхъ назначенныхъ мною къ обнародованію подлинныхъ писемъ и документовъ, что требовало не мало труда. Теперь, когда *главная* задача исполнена, можно спокойно войти въ соображеніе о томъ, какимъ образомъ облегчить пониманіе изданныхъ мною документовъ. Критическая же оцѣнка ихъ составляетъ особенную задачу, — задачу необходимую, потому что нѣкоторыя мѣста могли бы подать поводъ къ недоразумѣніямъ, если бы ихъ стали разсматривать только отдѣльно, а не въ связи со всѣмъ остальнымъ.

Изъ числа не дошедшихъ до насъ бумагъ всѣхъ интереснѣе было бы письмо Ломоносова къ Шумахеру, отъ 21 мая 1740, отправленное изъ Лейпцига. Но объ немъ положительно можно сказать, что оно не получено. (Ср. распоряженія Шумахера ниже стр. 174, 175, 185 съ письмомъ Ломоносова на стр. 181). Долго я также не могъ отыскать письма Ломоносова къ Шумахеру отъ 16 ноября 1740, изъ Марбурга. Когда я выразилъ свое сожалѣніе объ этомъ нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей по Академіи, П. П. Пекарскій сообщилъ мнѣ, что это письмо уже списано и предназначено имъ къ печати, но что онъ готовъ передать мнѣ свою копію для пополненія моей коллекціи. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить

здѣсь ему мою искреннюю признательность за столь обязательное сообщеніе*).

Брошюру графа Андрея Петровича Шувалова, которую многіе тщетно отыскивали долгое время и мнѣ наконецъ удалось найти въ Вольтеровской библіотекѣ, я сначала хотѣлъ отпечатать только въ 50 экземплярахъ, желая ею побудить знатоковъ литературныхъ лѣтописей Франціи и романской Швейцаріи къ разрѣшенію нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ о той роли, которую игралъ графъ Шуваловъ въ качествѣ почитателя Ломоносова и Вольтера. Но эта библіографическая рѣдкость возбудила во многихъ такой живой интересъ, что я по желанію ихъ также включилъ ее въ Сборникъ, не измѣнивъ того, что мною прибавлено въ Notice supplémentaire собственно для иностранныхъ историковъ и библіографовъ. Въ перепечаткѣ соблюдено правописаніе подлинника.

---

*) Письмо Ломоносова отъ 16 ноября 1740, какимъ-то образомъ попало въ одинъ изъ фоліантовъ Архива ученой Конференціи, находившійся въ 1860 году у меня въ рукахъ для выборки писемъ Вольфа отъ 1740 года, но тогда мнѣ нѣкогда было полюбопытствовать. Можетъ быть, г. Пекарскому при начатомъ имъ систематическомъ разборѣ академическаго Архива старыхъ дѣлъ удастся отыскать и письмо Вольфа отъ 25 ноября 1736 (см. ниже стр. 110) и письмо президента къ Генкелю (см. ниже стр. 176, отъ . . . 1740 г.).

А. Куникъ.

Объ отношеніяхъ Ломоносова къ Тредіаковскому по поводу Оды на взятіе Хотина.

(вмѣсто введенія.)

При начертаніи плана Императорской Академіи Наукъ были приняты во вниманіе почти всѣ отрасли человѣческаго знанія, но когда дѣло дошло до осуществленія ея идеи, оказалось необходимымъ значительно ограничить число предметовъ, которые должны были войти въ составъ ученыхъ занятій Академіи. Изъ первоначальнаго проекта сначала исключили разрядъ богословскихъ наукъ, предоставивъ попеченіе о преуспѣяніи ихъ Святѣйшему Правительствующему Синоду. Потомъ до крайности сократили объемъ историко-филологическихъ и политическихъ наукъ. Правда, послѣднія въ то время не дробились еще на такое множество спеціальныхъ предметовъ, какъ въ позднѣйшее время, но назначенныя для нихъ мѣста были слишкомъ несоразмѣрны съ числомъ мѣстъ, открытыхъ для физико-математическихъ наукъ. Это-то обстоятельство и должно было невыгодно дѣйствовать на осуществленіе задачи, возложенной на Академію ея основателемъ, — задачи ввести и акклиматизировать въ Россіи науку: въ то время именно историко-филологическія науки болѣе всего могли возбуждать интересъ въ публикѣ и слѣдовательно болѣе всего служить самымъ естественнымъ звеномъ соединенія между нею и Академіею. Были, впрочемъ, еще и другія болѣе или менѣе важныя причины, которыя съ самаго начала вредили преуспѣя-

нію Академіи и не должны быть упущены изъ виду безпристрастнымъ историкомъ [1]).

Многимъ, которые о прошедшемъ судятъ съ точки зрѣнія настоящаго времени, кажется страннымъ, что въ Академіи сначала не было обращено должнаго вниманія на изученіе русскаго языка и русской исторіи. Но въ то время словесность была еще больше личнымъ искусствомъ, нежели самостоятельною наукой, и притомъ, судя по нѣкоторымъ намекамъ Петра Великаго, мы въ правѣ допустить, что со временемъ предполагалось восполнить какъ этотъ, такъ и другіе пробѣлы и недостатки первоначальнаго проекта учрежденія Академіи Наукъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна собственноручная приписка Петра Великаго къ одному изъ параграфовъ проекта, требовавшему отъ каждаго изъ вызванныхъ академиковъ, чтобы онъ привезъ съ собою одного или двухъ хорошо обученныхъ воспитанниковъ, которые въ качествѣ его адъюнктовъ должны были совершенствоваться въ наукахъ подъ его руководствомъ, или сдѣлаться преподавателями въ академической гимназіи. Резолюція эта гласитъ:

«Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ «славенскаго народа, дабы могли удобнѣе Русскихъ учить, «а какихъ наукъ, написать именно». Подъ этимъ онъ разумѣлъ западныхъ Славянъ [2]), но эта мысль, какъ и множество другихъ начинаній великаго преобразователя, по смерти его была забыта.

Первые академики не были достаточно знакомы съ весьма разнообразными цѣлями, которыхъ Петръ Великій желалъ достигнуть сразу посредствомъ Академіи. При всемъ томъ уже съ самаго начала между ними обнаруживалось нѣкоторое сознаніе необходимости заняться изученіемъ Россіи. Такъ Коль

---

[1]) На нѣкоторыя обстоятельства я вкратцѣ указалъ въ своемъ историко-литературномъ очеркѣ, составляющемъ введеніе къ вышедшимъ въ 1852 году Ученымъ Запискамъ И. Ак. Н. по I и III Отдѣленіямъ.

[2]) См. доказательства, приведенныя мною въ изданіи: Briefe von Chr. Wolff aus den Jahren 1719—1753. St. Pet. 1860. стр. 244.

по собственному побужденію сталъ заниматься церковно-славянскою литературой, а Байеръ, хотя первоначально также назначенъ былъ для такъ-называемыхъ гуманіора, безъ всякаго посторонняго приглашенія примѣнилъ историко-филологическія занятія свои непосредственно къ изученію Россіи и поощрялъ молодаго адъюнкта своего Миллера къ изученію славянскаго и русскаго языковъ. Студенту Адодурову — впослѣдствіе адъюнкту — поручено было составить русскую грамматику, которая въ 1731 году напечатана была въ видѣ прибавленія къ нѣмецко-россійскому Лексикону [3]). Хотя она была весьма неудовлетворительна, но все таки чувствовалась потребность продолжать въ этомъ духѣ, когда Академія со времени возвращенія Двора изъ Москвы въ 1732 году стала оправляться отъ перваго своего упадка. Новый президентъ Академіи, баронъ Кейзерлингъ, отправляясь посломъ въ Дрезденъ, 18 декабря 1733 года составилъ на время своего отсутствія для Академіи и академической Канцеляріи инструкцію, въ 23-мъ § которой говорится слѣдующее:

«При семъ же рекомандую я сему Депортаменту особливо, чтобъ стараться по всякой возможности о произведеніи Штатскаго и Газетнаго Лексикона, также и о поправленіи россійской и нѣмецкой грамматики [4]), понеже сіе въ пользу Академіи будетъ, и изъ которыхъ перво господинъ Викеръ, а послѣднее господинъ Ададуровъ въ состояніе привести на свои труды приняли».

Новую и во многихъ отношеніяхъ существенную услугу

---

3) Teutsch-Lateinisches und Ruszisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Ruszischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschafften zum Druck befördert.

Нѣмецко-Латинскій и Рускій Лексиконъ, купно съ первыми началами Рускаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи Наукъ печатію изданъ.

St. Petersburg, gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschafften Buchdruckerey 1731. 788 стр. и 48 стр. (Anfangs-Gründe der Ruszischen Sprache) in-4°.

4) Т. е. учебниковъ для академической гимназіи.

разработкѣ литературнаго языка и усовершенствованію русскаго слога оказалъ Василій Кирилловичъ Тредіаковскій[5]), тѣмъ что непосредственнымъ послѣдователямъ и подражателямъ своимъ указалъ и отчасти самъ проложилъ новые пути. Довольно долго существовало мнѣніе, что судъ потомства относительно значенія Тредіаковскаго въ области народнаго просвѣщенія установился разъ на всегда: полагали, что почти стереотипные эпитеты: «пресловутый, уморительный», достаточно характеризуютъ человѣка, тогда какъ это только показывало, что его и сочиненія его изучали лишь поверхностно и даже весьма недобросовѣстно. Много этому способствовали приписываемое Петру Великому предсказаніе относительно Тредіаковскаго въ 1722 году, и насмѣшки, которымъ Екатерина II послѣ смерти его подвергала «Телемахиду»[6]) Затѣмъ громкое имя Ломоносова и слѣпая вѣра въ авторитеты не позволяли историкамъ словесности отдать справедливость такому труженику, какъ Тредіаковскій. Но и послѣ 1849 года, когда Перевлѣсскій положилъ начало разсудительной реакціи одностороннему взгляду на Тредіаковскаго, все еще слишкомъ мало умѣли строго отличать различные фазисы его литературной дѣятельности. Какъ это часто бываетъ въ области историческихъ наукъ, такъ и тутъ опять оказалось, что безъ основательнаго изученія деталей, какъ это уже давно блистательно доказали естествоиспытатели, нельзя окончательно рѣшить ни одинъ историческій вопросъ. Единственное обстоятельство, которое еще отчасти можно привести въ оправданіе многочисленныхъ критиковъ, это то, что нѣкоторыя изъ первыхъ, печатанныхъ сочиненій Тредіаковскаго сдѣлались большою библіографическою рѣдкостью или вовсе не были извѣстны. Тредіаковскій самъ въ позднѣйшіе годы съ явнымъ прене-

---

[5]) Такъ Тредіаковскій самъ постоянно писалъ и печаталъ свою фамилію. Мы для однообразія держались этой формы, потому что не имѣли права перемѣнить ея въ статьяхъ ниже перепечатанныхъ.

[6]) Ср. также фразу: *въ тредьяковщину заѣхалъ!* въ Дневникѣ Чиновника (Отеч. Зап. Томъ CI. 1855. Отд. I, стр. 129).

бреженіемъ глядѣлъ на первенцовъ своей любви къ литературѣ, или совершенно передѣлалъ ихъ, издавая въ 1752 году собраніе своихъ сочиненій [7]); такимъ образомъ долго не подозрѣвали, что именно въ первыхъ печатанныхъ сочиненіяхъ его, относящихся къ тридцатымъ годамъ прошлаго столѣтія, кроется ключъ къ правильной оцѣнкѣ этого мученика русской словесности. Однимъ словомъ, во всей дѣятельности Тредіаковскаго слѣдуетъ строго различать три періода:

1) Періодъ первыхъ зачатковъ съ 1725 до 1734 года.

2) Періодъ авторитетности съ 1734 до 1740 года.

3) Періодъ соревнованія съ его послѣдователями съ 1740 до 1769 года.

Сообразно цѣли Введенія, мы сообщимъ здѣсь только нѣсколько замѣчаній относительно литературной дѣятельности Тредіаковскаго, въ теченіе втораго періода, замѣчаній, необходимыхъ для правильнаго уразумѣнія его отношенія къ Ломоносову. Въ короткой, автобіографической запискѣ, составленной имъ въ 1754 году для Академической Канцеляріи въ замѣнъ послужнаго списка, онъ самъ говоритъ о своемъ ученіи слѣдующее:

«Дѣдъ и отецъ мой были священники. Я именованный учившись, по желанію моего, покойнаго нынѣ, родителя, Словеснымъ Наукамъ на Латинскомъ языкѣ, еще въ молодыхъ моихъ лѣтахъ, въ Астрахани, гдѣ моя и Ро́дина, у Римскихъ живущихъ тамъ Монаховъ, а по охотѣ моей къ ученію, оставилъ природный городъ, домъ, и Родителей, и убѣжалъ въ Москву, да и учился въ заиконоспаскомъ монастырѣ прежнимъ помянутымъ Наукамъ [8]). По окончаніи Реторики, нашелъ я способъ уѣхать въ Голландію [9]), гдѣ обучился Французскому языку Оттуду, шедши пѣшъ за крайнею уже́ своею бѣдностію, пришелъ въ Парижъ [10]), гдѣ въ Университетѣ, при щедромъ бла-

---

7) Сочиненія и переводы какъ стихами такъ и прозою. 2 тома in-8°.

8) Съ 1723 г.

9) Въ 1725 г., а по Тредіаковскому въ началѣ 1726 г.

10) «Въ окончаніи 1727 г.»

годѣтелей моихъ меня содержаніи, обучался Математическимъ и Философскимъ наукамъ, а Богословскимъ тамже въ Сорбонѣ; чему всему имѣлъ я письменное засвидѣтельствованіе за рукою такъ называемаго Ректора Магнифика Парижскаго Университета, для того что я тамъ содержалъ Публичный диспутъ въ Мазариской Коллегіи; но письменный сей Атестатъ, въ бывшее пожарное приключеніе въ концѣ 1746 года здѣсь въ СП-Б у меня згорѣлъ...»

По словамъ академика Миллера Тредіаковскій пріѣхалъ изъ-за границы въ Петербургъ съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ и сблизился — стало быть не раньше осени 1730 г. — съ академическимъ студентомъ и переводчикомъ Адодуровымъ, у котораго онъ и жилъ.

Изъ-за границы онъ привезъ съ собою сдѣланный въ Гамбургѣ переводъ французскаго сочиненія (Voyage à l'île d'Amour, ou la Clef des coeurs, par Paul Tallemant. Paris. 1713), который въ 1730 году былъ напечатанъ Академіею и къ которому онъ между прочимъ присоединилъ самое старинное свое стихотвореніе: «Элегія о смерти Петра Великаго», сочиненное имъ въ 1725 году[11]. «Ѣзда», по увѣренію академика Миллера, не понравилась публикѣ по неуклюжему своему языку, но для молодаго автора было очень отрадно, когда герцогиня мекленбургская (Екатерина Ивановна) въ 1731 году въ Москвѣ съ похвалою отозвалась о его произведеніи и обѣщала ему представить его царствующей Императрицѣ. (La Princesse Catharine... me fait de telles graces, qui passerent mes Esperances, tantôt en me donnant des Louanges tantôt à mon Livre, tantôt en me temoignant Sa Bienveillance jointe à la promesse de me presenter à Sa Maj-té Imp-le par elle même (ср. ниже стр. 66). Разсчетливый Шумахеръ, котораго впрочемъ Тредіаковскій въ то время уважалъ какъ своего покровителя, посовѣтовалъ ему представиться также президенту Блюмен-

---

[11]) Въ первоначальномъ своемъ видѣ стихотвореніе это отпечатано было также во 2-мъ и 3-мъ изданіи «Ѣзды». Въ метрической передѣлкѣ оно явилось въ 1752 году въ его «Сочиненіяхъ и переводахъ»; срав. тамъ стр. XXIII.

тросту, и указавъ ему на необходимость перевода разныхъ сочиненій легкаго или поучительнаго содержанія, старался сообщить его дѣятельности опредѣленное направленіе.

Какъ бы неудаченъ ни былъ переводъ «Ѣзды», но онъ получилъ особое значеніе вслѣдствіе того, что Тредіаковскій въ предисловіи къ нему, хотя и не безъ опасенія господствовавшихъ предразсудковъ, рѣшился высказать свое убѣжденіе (см. ниже стр. 1), что русскій разговорный языкъ пора сдѣлать языкомъ литературнымъ, а употреблявшійся до того времени славяно-русскій языкъ предоставить авторамъ книгъ духовнаго содержанія. Этимъ положено было новое начало, которое оказало свое плодотворное вліяніе даже и на ближайшія за тѣмъ изданія Академіи на русскомъ языкѣ.

Въ тоже время или вскорѣ послѣ того его, должно быть, уже занимала мысль, осуществленіемъ которой онъ на всегда составилъ себѣ имя въ исторіи русской поэзіи. Чтобы вполнѣ оцѣнить это, нужно мысленно перенестись въ то время, когда въ публикѣ обращалось лишь очень мало книгъ легкаго содержанія и когда она кромѣ «Ѣзды» не могла отвести душу другимъ романомъ, а изъ періодическихъ сочиненій должна была довольствоваться тощими академическими Вѣдомостями и болѣе или менѣе популярно изложенными «Примѣчаніями на Вѣдомости». Понятно, что при такомъ ощутительномъ недостаткѣ въ чтеніи, стихи старинпаго силлабическаго размѣра, какъ бы они пусты ни были, пожирались съ жадностью, въ особенности послѣ того, какъ князь Кантемиръ затронулъ сатирическую струну. Восхищаться народными пѣснями, которыхъ въ то время было еще гораздо больше, такъ называемое образованное общество считало неприличнымъ. Самъ Тредіаковскій называлъ ихъ «подлыми» въ смыслѣ мужицкихъ, хотя и не могъ забыть впечатлѣніе, которое онѣ уже рано произвели на него. Объ этомъ свидѣтельствуютъ первыя поэтическія его произведенія, напечатанныя въ концѣ «Ѣзды въ островъ любви». Онъ чувствовалъ, хотя и не вполнѣ сознавалъ это, что въ этихъ народныхъ пѣсняхъ больше поэзіи, нежели во всѣхъ тогдаш-

нихъ «виршахъ». Но это знакомство съ народными пѣснями, въ тоже время, по его собственному сознанію, породило въ немъ убѣжденіе, что силлабическій размѣръ, который употреблялся въ искусственной поэзіи, вовсе не годился для русскаго языка и долженъ уступить мѣсто другому, болѣе естественному размѣру (ср. ниже прим. 17). Хорошо понимая, что въ русскомъ языкѣ собственно нѣтъ долгихъ гласныхъ, какія находятся въ греческомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и что слѣдовательно размѣръ русскихъ стиховъ долженъ основываться на удареніи, онъ придумалъ «*тоническій размѣръ*», — терминъ, который въ первый разъ употребилъ въ 1735 году (см. ниже стр. 23 = 4). Такимъ образомъ разъ на всегда указана была настоящая форма русской поэзіи.

Еще въ 1734 году онъ въ прежнихъ силлабическихъ стихахъ написалъ свою далеко не поэтическую оду на взятіе Данцига. Но между тѣмъ какъ Юнкеръ, авторъ прибавленнаго къ ней нѣмецкаго перевода, успѣлъ еще болѣе обратить на себя вниманіе Миниха и избралъ другую карьеру (внѣ Академіи), единственный русскій «піитъ» при Академіи остался ни при чемъ. По крайней мѣрѣ намъ не извѣстно, чтобы бѣднаго секретаря [12]) чѣмъ нибудь наградилъ Биронъ, которому онъ посвятилъ свою оду — съ разсчетомъ ли или потому, что Биронъ главнымъ образомъ былъ виновникомъ войны съ Польшей.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Тредіаковскій выступаетъ съ новой одой, — привѣтственнымъ поздравленіемъ барона Корфа, назначеннаго 18 сентября 1734 года «Командиромъ Академіи». Нельзя конечно отвергать положительно, что онъ этимъ хотѣлъ обратить на себя вниманіе новаго начальника, но должно откровенно сознаться, что онъ при этомъ имѣлъ въ виду и другую, высшую цѣль, т. е. желалъ «россійскую, всѣмъ и младую и новую Музу» препоручить покровительству просвѣщеннаго любителя наукъ и литературы (ср. ниже стр. 6). Онъ самъ впослѣдствіи былъ такого скромнаго мнѣнія объ этой по-

---

[12]) Въ смыслѣ канцеляриста.

здравительной одѣ, что не только не включилъ ее въ Собраніе своихъ сочиненій (1752 г.), но и далъ замѣтить читателямъ (стр. 153), будто первымъ опытомъ употребленія тоническаго размѣра считалъ не эту оду, а вышедшій въ 1735 году «Способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ». Между тѣмъ печатные экземпляры оды сдѣлались такою рѣдкостью, что она ускользнула отъ вниманія всѣхъ прежнихъ библіографовъ и біографовъ, и можетъ быть сохранилась только въ Академіи Наукъ [13]).

Первая попытка сочиненія стиховъ въ тоническомъ размѣрѣ была еще довольно неудачна: какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ попыткахъ этого рода, Тредіаковскому пришлось измѣнить удареніе нѣкоторыхъ словъ (напр. въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ: ко́торый). Между тѣмъ просьба, съ которою онъ такъ наивно обратился къ новому президенту, не осталась безъ исполненія (см. ниже стр. 6). Въ теченіе зимы 1734—35 года созрѣла, должно быть, мысль объ учрежденіи особой конференціи подъ названіемъ «Россійскаго Собранія», единственная задача которой должна была состоять въ грамматической и лексикальной обработкѣ русскаго языка, равно какъ и въ усовершенствованіи русскаго слога посредствомъ хорошихъ переводовъ. Оставалось только опредѣлить способъ и методу осуществленія этой задачи. Съ самаго начала, конечно, не было излишку въ способныхъ труженикахъ: небольшая конференція эта состояла только изъ секретаря Тредіаковскаго, адъюнкта Адодурова, ректора Швапевица, студента Тауберта, въ качествѣ протоколиста, и гвардейскаго оберъ-аудитора Эмме. На долю Тредіаковскаго выпала честь 14 марта 1735 года (см. ниже стр. 16) открыть рѣчью это первое собраніе любителей русскаго слова. Въ томъ-же году онъ издалъ обѣщанный имъ «Новый и краткій способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ съ опредѣленіями до сего

[13]) Въ Сборникѣ сочиненій на разные случаи, напечатанныхъ въ прошломъ столѣтіи и внесенныхъ около 1840 г. въ каталоги подъ названіемъ: Orationes panegyricae et Varia de regno Annae Ioannovnae (in-fol.). Первое извѣстіе о сохранившемся экземплярѣ поздравительной Оды сообщено мною въ 1855 г.

надлежащихъ званій». Если до сихъ поръ еще далеко не понято важное значеніе этого сочиненія для того времени, то это, главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, происходитъ оттого, что Тредіаковскій самъ впослѣдствіи снова передѣлалъ эту первую теорію русскаго стопосложенія подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ противъ выданнаго въ 1735 годѣ исправленный и дополненный» [14]). Вслѣдствіе этого первое изданіе было совершенно забыто и наконецъ сдѣлалось такою библіографическою рѣдкостью, что перепечатка его (стр. 17—74) для многихъ сдѣлалась необходимостью.

Изъ вышеприведеннаго видно, что Тредіаковскій былъ собственно душою Россійскаго Собранія. Будь въ другихъ членахъ хоть доля того усердія, какое выказывалъ основатель этого собранія [15]), оно успѣло бы сдѣлать гораздо болѣе. При настоящемъ же положеніи дѣла оно превратилось въ простое собраніе переводчиковъ, между которыми Тредіаковскій все еще занималъ видное положеніе. Онъ одинъ и былъ въ состояніи кое-какъ перелагать въ русскіе стихи стихотворенія, дописанныя на разные случаи на иностранныхъ языкахъ. Въ донесеніи, поданномъ имъ 8 марта 1751 года президенту графу Разумовскому, онъ самъ говоритъ: «переводилъ я все покойнаго Юнкера оды, да многіе господина надворнаго советника Штелина». Подъ этимъ въ особенности слѣдуетъ разумѣть нижеприведенныя (стр. 77—82) стихотворенія, которыя печатались съ конца 1734 до весны 1737 года и до сихъ поръ были даже почти неизвѣстны библіографамъ [16]). Тредіаков-

---

14) Соч. и переводы 1752 г. I, стр. 92—155 и ср. его Доношеніе отъ 8 марта 1751 г. (Труды Россійской Академіи. Часть III, 1840, стр. 231): «Первый изъ россійскаго народа привелъ я въ порядокъ наше стихотвореніе, изобрѣвъ новое такъ называемое количество стихамъ, въ чемъ состоитъ вся душа и жизнь стиховъ, и которому всѣ наши хвалныи стихотворцы послѣдуютъ».

15) Т. е. Тредіаковскій, потому что безъ его вызова барону Корфу едва ли пришло бы на мысль учредить особую Россійскую Конференцію.

16) У Сопикова (IV, стр. 10) приводится заглавіе двухъ изъ этихъ одъ (см. ниже стр. 80, прим 1 и стр. 82, прим. 1), но не точно и безъ имени Тредіаковскаго. С. Д. Полторацкій и Быстровъ также упоминаютъ Оду на 28 апр. 1737 г. (см. ниже стр. 82, прим. 1), приписывая ее Тредіаков-

скій, какъ давно высказано, былъ одаренъ только незначительною творческою силою. Самъ онъ, конечно, былъ другаго мнѣнія о своемъ поэтическомъ талантѣ и въ 1735 году (см. ниже стр. 74) даже заключилъ свой «Способъ» объясненіемъ, что сочетаніе рпомъ, въ родѣ «лавку» и «булавку», еще не составляетъ поэта. Между тѣмъ онъ самъ почти вездѣ является риѳмоплетомъ, въ особенности же въ своихъ метрическихъ переводахъ, гдѣ ему еще болѣе, нежели въ самобытныхъ его произведеніяхъ, приходилось бороться съ языкомъ. По видимому Тредіаковскій неохотно и съ отвращеніемъ принимался за должностные переводы и потому вовсе не старался отдѣлать ихъ сколько нибудь. Въ 1736 г. (см. ниже стр. 81) онъ даже опять вернулся къ прежнему силлабическому размѣру. Это вызвало неодобреніе со стороны «знатоковъ» русскаго слова и подало поводъ къ письму (Lettre d'un Russien à un de ses amis, écrite au sujet de la nouvelle versification Russienne) на имя Штелина отъ 11 октября 1736 г.[17]) относительно новаго русскаго стихосложенія (M. Trediakovsky la — т. е. оду Штелина — traduisant en Vers Russiens sans scansion entendit de plusieurs connoisseurs que dans l'original allemand regnait infiniment plus d'harmonie que dans la Traduction Russe. Il s'en entretenoit sur les raisons avec Mr. Stehlin et fut convaincu que la Langue Russe etoit assez propre pour cette harmonie).

Съ весны 1737 года у насъ нѣтъ свѣдѣній и доказательствъ (см. ниже стр. 82) на то, что онъ продолжалъ сочинять переводы въ тоническомъ размѣрѣ. Его внѣшняя обстановка — онъ помогалъ еще своей бѣдной, овдовѣвшей сестрѣ — была такъ тягостна, что въ немъ должна была ослабѣть охота къ дѣятельности, хоть сколько нибудь творческой. Получивъ отъ Канцеляріи отказъ въ отпускѣ ему впередъ годоваго жалованья, подъ тѣмъ предлогомъ что въ кассѣ не было денегъ, онъ въ видахъ

скому, но выдаютъ ее безъ основанія за оригинальную. См. Москвитянинъ 1849 г. Часть IV, Отд. III, стр. 29.

[17]) Письмо напечатано у Перевлѣсскаго (Избранныя сочиненія В. К. Тредіаковскаго. М. 1849, стр. 104—110).

поправленія своихъ разстроенныхъ финансовъ просилъ объ увольненіи его въ Москву и Бѣлгородъ, обѣщая тамъ прилежно заняться переводомъ древней исторіи Роллена. Просьба его 6 февраля была исполнена, т. е. ему на предложенныхъ имъ условіяхъ данъ былъ отпускъ до 1-го января 1739 года[18]).

Въ отсутствіи его всѣ оды при Академіи (см. ниже стр. 83) переводились прозой: основателя теоріи русскаго стопосложенія не кѣмъ было замѣнить даже по части переводовъ обыкновенныхъ торжественныхъ одъ. Но 1739-му году суждено было получить особенное значеніе для Тредіаковскаго. Осенью этого года ему, какъ «мастеру» русскаго стихотворства, поручено было разсмотрѣть оду харьковскаго профессора Витынскаго и, буде она заслуживаетъ вниманія, озаботиться напечатаніемъ ея. Правда, что заслуги его признаны были не очень компетентными лицами, но кто же, какъ не Тредіаковскій съ своимъ «Способомъ» могъ похвалиться тѣмъ, что онъ успѣлъ образовать учениковъ и послѣдователей? Въ тоже время выступилъ еще новый и притомъ болѣе даровитый послѣдователь Тредіаковскаго, — молодой Сумароковъ (род. 14 ноября 1718 года), который сочинилъ двѣ оды, поднесенныя Императрицѣ въ новый 1740-й годъ отъ имени Кадетскаго Корпуса[19]). Первая изъ нихъ написана еще старымъ силлабическимъ размѣромъ, вторая же уже явно оказывается подражаніемъ тоническому размѣру, введенному Тредіаковскимъ; къ ней, по всему вѣроятію, относится отзывъ Ломоносова, сообщенный ниже (см. прим. 31). Но этотъ первый опытъ кадета-пѣвца былъ такъ слабъ, что самъ авторъ его впослѣдствіи предалъ свой

---

[18]) Свѣдѣнія по этому предмету находятся въ Приказной Книгѣ 1738 года, подъ 6 февраля (лист. 34 и 35).

[19]) Ея Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, поздравительныя Оды въ первый день Новаго Года 1740. отъ Кадетскаго Корпуса, сочиненныя чрезъ Александра Сумарокова. Въ СПб. Печатано при Императорской Академіи Наукъ. (*Orat. Volum.* II, № 29). Первая Ода (на стр. III и IV) состоитъ изъ 8, вторая же (на стр. V и VI) изъ 9 строфъ. На стр. VIII — X прибавлена прозаическая «Traduction des Odes précédentes».

трудъ полному забвенію. Сообщаемъ здѣсь вторую строфу изъ той и другой оды, на которыя лѣтъ десять назадъ указалъ авторъ монографіи о Сумароковѣ [20]):

Хочется начать, трепещу нѣмѣя,
Страхомъ пораженъ приступить не смѣя:
Я боюсь когда ТУ начну хвалити,
Пѣсныю чтобъ простой ТУ не прогнѣвити.
О! сберися смыслъ, сколько ти возможно,
И трудись, трудись, только осторожно;
Что бы мнѣ не впасть въ винность несказанну.
Поздравлять хочу вить ВЕЛИКУ АННУ.

Чрезъ ТЕБЯ мой мечъ остеръ въ пóлѣ какъ сверкаетъ,
И по волѣ имъ ТВОЕЙ марсъ какъ управляетъ,
Марсъ сѣчется за ТЕБЯ войскомъ управляя,
Марсъ съ ТОБОЮ и меня храбро защищая,
Бомбы въ воздухѣ летятъ небо достигати,
Чтобъ небесна на враговъ грому тамъ достати,
И на землю что падутъ адъ тѣмъ растворяти,
АННА О ИЗВОЛЬ ВО ВѢКЪ МНОЮ ТЫ ВЛАДАТИ.

Какъ бы ничтожны ни были произведенія профессора и кадета, все-таки Тредіаковскій могъ гордиться тѣмъ, что онъ былъ для нихъ руководителемъ. Но въ то время ему уже нанесло роковой ударъ болѣе самобытное произведеніе Ломоносова, которымъ послѣдній совершенно затмилъ славу своего наставника. Первыя слова оды на взятіе Хотина:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,

которыми Ломоносовъ описывалъ впечатлѣніе, произведенное на него вѣстію о *побѣдѣ* надъ Мусульманами, могъ повторить за нимъ и каждый поэтически-настроенный читатель, чтобы передать впечатлѣніе, произведенное на него этимъ стихотвореніемъ. Однимъ словомъ, это была *побѣда* въ области человѣческаго духа.

---

[20]) Сумароковъ и современная ему критика. Сочиненіе Н. Булича. Спб. 1854. Первыя строфы обѣихъ одъ по академическому экземпляру перепечатаны г. Буличемъ въ его сочиненіи на стр. 18.

Любовь къ поэзіи возбуждена была въ Ломоносовѣ, какъ извѣстно, переложеніемъ псалтыря Симеономъ Полоцкимъ. Любовь эта, говорятъ, побудила его также переселиться въ Москву, чтобы изучить тамъ стихотворную мудрость. Въ продолженіе времени (1731 — 1735), проведеннаго имъ тамъ въ духовныхъ Спасскихъ школахъ, онъ, по сохранившимся разсказамъ, сочинилъ нѣсколько стихотвореній, которыя, за исключеніемъ 10 изъ нихъ, не дошли до насъ. Когда онъ 1 января 1736 года пріѣхалъ въ Петербургъ [21]), то незадолго передъ тѣмъ вышелъ въ свѣтъ Способъ Тредіаковскаго, который въ небольшихъ литературныхъ кружкахъ того времени очевидно надѣлалъ много шуму. Особенный интересъ, конечно, онъ долженъ былъ возбудить въ Ломоносовѣ. Послѣдній нашелъ въ немъ стихотворные образцы, которые по формѣ своей совершенно отличались отъ прежнихъ виршей, а между тѣмъ на ухо дѣйствовали гораздо пріятнѣе ихъ, не смотря на то, что способъ выраженія и сочетаніе словъ должны были оскорблять природный вкусъ Ломоносова. Успѣлъ ли онъ въ то время ближе познакомиться съ Тредіаковскимъ, мы не знаемъ, но послѣдній былъ пріятелемъ Адодурова, которому президентъ Академіи Корфъ поручилъ надзоръ за 12 московскими студентами и ближайшее управленіе ихъ занятіями. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ломоносовъ взялъ съ собою въ Марбургъ экземпляръ Способа, такъ какъ онъ изъ Фрейберга началъ вести полемику противъ нѣкоторыхъ выводовъ въ этомъ руководствѣ.

Если бы Академія предчувствовала, что у Ломоносова

---

21) Вотъ что Ломоносовъ самъ пишетъ въ краткой автобіографической Запискѣ, составленной въ началѣ 1754 года (ср. выше стр. XIII), о его пребываніи въ Москвѣ и С. Петербургѣ до отъѣзда за границу:

«1. Въ Московскихъ Спасскихъ школахъ записался 1731 года Генваря 15 числа. Жалованья въ шести нижнихъ школахъ по 3 копейки на день. А въ седмой 4 копейки на день».

«2. 1736 г. Генваря съ перваго числа по Указу Правительствующаго Сената взятъ въ СПб. А. Н. — По Сентябрь былъ студентомъ при Ак. Н. Жалованья денежнаго не происходило, но содержанъ былъ на академическомъ囗коштѣ».

была наклонность къ поэзіи, то она можетъ быть не рѣшилась бы послать его за границу, потому что предстоявшія ему тамъ занятія требовали напряженнаго и спокойнаго направленія мыслей. Поводомъ къ отправленію его за границу послужила Камчатская Экспедиція, и ближе всего, вѣроятно, полученное изъ Сибири письмо академика Гмелина (1735 г.), интерессовавшагося также улучшеніемъ горнаго дѣла въ тамошнемъ краѣ. Баронъ Корфъ, который, вскорѣ по своемъ вступленіи въ Академію, принимая живѣйшее участіе въ ходѣ экспедиціи, хотѣлъ присоединить къ ней еще «знакомаго съ горнымъ дѣломъ химика» и наконецъ, по совѣту саксонскаго берграта Генкеля, рѣшился отправить за границу трехъ академическихъ студентовъ. Между воспитанниками Академіи достаточно подготовленъ былъ къ этому только одинъ, особенно по физикѣ и математикѣ; двухъ другихъ выбрали изъ числа московскихъ студентовъ и рѣшили всѣхъ трехъ, для приготовленія къ занятіямъ въ Фрейбергѣ, предварительно отправить въ Марбургъ.

Они прибыли туда 3 ноября 1736 года. По § 5 полученной ими инструкціи имъ вмѣнялось въ обязанность «стараться о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, чтобы они ими свободно говорить и писать могли и притомъ учиться прилѣжно рисованью». Изученіе русскаго языка поставлено здѣсь на первомъ планѣ очевидно по совѣту берграта Райзера отъ 28 марта 1736 года. Требованіе это тѣмъ понятнѣе, что въ то время ученымъ языкомъ преимущественно считался латинскій, а русскій языкъ въ этомъ отношеніи еще не былъ признанъ полноправнымъ. Изъ всѣхъ трехъ студентовъ одинъ только Ломоносовъ въ донесеніяхъ своихъ нѣсколько точнѣе исполнялъ означенный параграфъ. Къ донесенію своему отъ 15 сентября 1737 г., которое потребовали отъ него особымъ предписаніемъ (см. ниж. стр. 107, 110, 115) и въ которомъ ему съ намѣреніемъ хотѣлось доказать президенту Академіи свои тогдашніе успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ, онъ приложилъ рисунокъ въ растушку съ голой мужеской модели. Въ слѣдующемъ году (4=15

октября 1738 г.) Ломоносовъ представилъ еще болѣе удовлетворительныя доказательства своей дѣятельности. Когда академическая канцелярія повторила свое требованіе (см. ниж. стр. 124, 127), то онъ прислалъ образцы своего знанія четырехъ языковъ, въ томъ числѣ метрическій переводъ одной изъ одъ Фенелона[22]). Президентъ не имѣлъ въ виду печатать эти пробныя работы (см. ниже стр. 128), а по всему вѣроятію хотѣлъ только пріучить молодыхъ людей къ составленію отчетовъ о ихъ занятіяхъ. По этому и нечего удивляться, что переводъ оды былъ просто принятъ къ свѣдѣнію и оставался подъ спудомъ до 1854 года, въ которомъ былъ отпечатанъ лишь въ одномъ экземплярѣ и 12 янв. 1855 поднесенъ Академіею Московскому университету, въ день столѣтняго его юбилея.

Одинъ только Штелинъ, кажется, упомянулъ объ этомъ переводѣ въ своихъ «Матеріалахъ для исторіи русской словесности», говоря[23]): «Около того же времени г. Ломоносовъ прислалъ изъ Марбурга... нѣсколько одъ тогдашнему президенту Бар. Корфу». Изъ сличенія этой записки Штелина съ тѣми свѣдѣніями, которыя онъ сообщаетъ въ своихъ «Чертахъ и анекдотахъ для біографіи Ломоносова» (см. ниж. прим. 32), еще никакъ нельзя заключить, что Ломоносовъ прислалъ изъ Марбурга нѣсколько одъ. Скорѣе должно полагать, что Штелинъ въ позднѣйшее годы (т. е. вскорѣ послѣ 1765 и около 1782 г.) думалъ, что ода на взятіе Хотина прислана не изъ Фрейберга, а изъ Марбурга. Въ концептѣ похвальнаго слова Ломоносову, набросанномъ имъ вскорѣ послѣ смерти послѣдняго, Штелинъ говоритъ объ этомъ положительно[24]): «Въ 1736-мъ его посылаютъ въ *Марбургъ* къ Вольфу; изучаетъ нѣмецкую литературу, читаетъ поэтовъ (особенно Гюнтера); подражаетъ соотечественникамъ; первый даетъ стихамъ раз-

---

22) См. мою статью: *Нѣсколько словъ о Фенелонѣ и его одѣ 1681 года, переведенной Ломоносовымъ*, въ Учен. Зап. И. Акад. Наукъ. Томъ III (1855), стр. 257—263.

23) Москвитянинъ на 1851 г. Часть I, стр. 206.

24) По переводу Н. С. Тихонравова въ Москвит. на 1853 г. № 3. Отд. IV, стр. 23.

мѣръ; *посылаетъ оду свою къ президенту академіи;* свидѣтельство Вольфа о его способностяхъ. *Отправляется въ Фрейбергъ* къ Генкелю...»

При полученіи въ Академіи перевода Фенелоновой оды, Тредіаковскій еще не возвратился изъ отпуска, такъ что онъ врядъ-ли когда нибудь зналъ о существованіи этого произведенія. Языкъ Ломоносова, при всей своей шероховатости, все-таки былъ несравненно благозвучнѣе того языка, на которомъ Тредіаковскій напечаталъ свои произведенія 1734—1737 годовъ; да и т. н. трохеи Ломоносова, въ первомъ его опытѣ, были гораздо правильнѣе, чѣмъ у Тредіаковскаго. Годъ спустя, послѣднему суждено было сильно разочароваться въ своихъ иллюзіяхъ.

Какъ бы сильны ни были заблужденія, въ которыя молодые люди впали въ Марбургѣ, все же изъ сличенія всѣхъ извѣстій видно, что горячая любовь къ наукѣ и къ поэзіи уберегла Ломоносова отъ совершенной погибели. Легко можетъ быть, что онъ особенно увлекся поэтическою стороною тогдашняго быта нѣмецкихъ студентовъ, которая выражалась именно и въ пирушкахъ постоянно сопровождавшихся пѣснями (ср. замѣчаніе въ академической біографіи Ломоносова 1784 г.). Между книгами своими, купленными еще въ 1738 году, Ломоносовъ приводитъ и стихотворенія Гюнтера, которыя онъ, по увѣренію Штелина, почти зналъ на-изусть. Гюнтера справедливо считали первымъ нѣмецкимъ поэтомъ своего времени [25]), особенно съ тѣхъ поръ, когда онъ написалъ оду на заключеніе мира императоромъ Карломъ V-мъ съ Турками въ 1718 году, начинающуюся словами: «Eugen ist fort, ihr Musen nach». Къ сочиненію этой оды поощрялъ молодаго поэта покровитель его, лейпцигскій профессоръ Менке, который надѣялся, что императоръ за тѣмъ сдѣлаетъ Гюнтера своимъ придвор-

---

[25]) Новѣйшая монографія о немъ: Leben und Dichten Joh. Christ. Günther's. Von Otto von Roquette. Stuttg. 1860. Рокеттъ въ началѣ своего сочиненія помѣстилъ отзывъ Гёте о талантѣ Гюнтера (ср. у Перевлѣсскаго, стр. XVIII).

нымъ поэтомъ. Но прозаическій австрійскій дворъ удовольствовался холоднымъ изъявленіемъ благодарности, а вскорѣ послѣ того — въ 1723 году — Гюнтеръ покончилъ свою безпокойную и бурную жизнь. Трагическая судьба его, отчасти еще ускоренная несчастною любовью, произвела глубокое впечатлѣніе, особенно на учащуюся молодежь, у которой онъ еще долго оставался любимымъ поэтомъ. Очень можетъ быть, что Ломоносовъ, который при сочиненіи оды на взятіе Хотина въ нѣкоторомъ отношеніи слѣдовалъ упомянутой Гюнтеровой одѣ 1718 года, надѣялся, что онъ въ Петербургѣ съ бо́льшимъ успѣхомъ, нежели Гюнтеръ въ Вѣнѣ, обратитъ на себя вниманіе своимъ произведеніемъ и въ тоже время нѣсколько загладитъ этимъ Марбургскія проказы. Въ изданіи сочиненій Ломоносова 1751 года ода эта озаглавлена слѣдующимъ образомъ:

«Ода 10, Блаженныя памяти Государынѣ АННѢ ІОАННОВНѢ на побѣду надъ Турками и Татарами и на взятіе Хотина 1739 года».

Можно впрочемъ предположить и другой внѣшній поводъ къ сочиненію этой оды. Пріѣхавъ 25 (14) іюля 1739 года въ Фрейбергъ, Ломоносовъ засталъ тамъ бывшаго академика Юнкера, который принялъ живѣйшее участіе въ судьбѣ всѣхъ трехъ молодыхъ людей и тотчасъ-же особымъ письмомъ старался нѣсколько успокоить гнѣвъ президента Корфа (см. ниже № 63, стр. 163). Какъ одами, такъ и личными качествами своими, Юнкеръ съумѣлъ пріобрѣсти себѣ въ Петербургѣ расположеніе многихъ лицъ и, благодаря протекціи Миниха, промѣнялъ свое ложное положеніе при Академіи на практическую карьеру, въ которой онъ дѣйствительно выказалъ большое усердіе и даже успѣлъ понаторѣть, какъ между прочимъ на это намекаетъ также Ломоносовъ [26]). Во всякомъ случаѣ одна-

---

[26]) Юнкеръ находился въ лейпцигскомъ университетѣ въ одно время съ Миллеромъ, но при своей наклонности къ поэзіи, поддерживаемой въ немъ стихами Гюнтера, не слишкомъ-то позаботился о пріобрѣтеніи положительныхъ знаній. По мнѣнію Миллера, онъ и не былъ способенъ къ занятію мѣста въ Академіи; тѣмъ не менѣе его, по ходатайству Миниха, 29 апрѣля

коже можно сказать, что если передъ Ломоносовымъ и проносились мысленно неудачная ода Тредіаковскаго «о здачѣ города Гданска» и карьера Юнкера, все-же онъ навѣрное не думалъ стихами своими прославлять Миниха. Побѣда русской арміи при Ставучанахъ (18 августа 1739 года) и послѣдовавшее за тѣмъ 19 августа взятіе Хотина отозвались во всей Европѣ и воодушевили даже въ Россіи нѣкоторыхъ кропателей стиховъ, какъ напр. харьковскаго профессора Витынскаго (см. ниж. стр. 84) и ректора нѣмецкой школы при церкви Св. Петра, Махницкаго[27]). Возможно-ли было не встрепенуться патріотической душѣ Ломоносова и въ тиши горнозаводскаго мѣстечка не излить свои чувства въ поэтической формѣ, при вѣсти о томъ, что русская армія такъ блистательно отомстила Туркамъ за пораженіе Петра при Прутѣ!

1734 года, произвели изъ адъюнктовъ въ профессоры. Къ Тредіаковскому Юнкеръ пришелъ въ ближайшія отношенія (см. ниж. стр. 45 = 40) и перевелъ его оду на взятіе Данцига (см. ниж. стр. 6). Онъ сопровождалъ также Миниха во время польской кампаніи, съ тѣмъ чтобы описать этотъ походъ, а вскорѣ послѣ того Минихъ взялъ его съ собою въ турецкую кампанію. Здѣсь Юнкеръ при главной квартирѣ составилъ такъ называемый дневникъ фельдмаршала, который, хотя и простирается только до 4 августа 1736 года, и написанъ мѣстами не совсѣмъ безпристрастно, все таки составляетъ для исторіи того времени чрезвычайно важный документъ (Онъ изданъ въ Beiträge zur Geschichte des russischen Reiches. Von Ernst Herrmann. Leipzig 1843, стр. 117 — 244. См. краткую Рецензію на это сочиненіе въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи. I. 1844, стр. 516). Получивъ приказаніе осмотрѣть соляныя озера въ Украинѣ и сообразить средства къ извлеченію изъ нихъ большей пользы, Минихъ, который постоянно оставался покровителемъ Юнкера, поручилъ это дѣло своему кліенту. Вслѣдъ за тѣмъ Юнкера сдѣлали каммерратомъ и осенью 1737 года послали въ Германію, для изученія тамошнихъ соловаренъ. Онъ усердно принялся за это дѣло и въ 1739 году пріѣхалъ въ Фрейбергъ, гдѣ Ломоносовъ переводилъ его донесенія и «много отъ него пользовался въ знаніи Солянаго дѣла». Юнкеръ умеръ въ 1744 году. Уже изъ-за однихъ довольно близкихъ отношеній его къ Ломоносову въ 1739 и 1741 годахъ желательно бы было отыскать бумаги Юнкера (см. Сборникъ П. Билярскаго, стр. 6. Если онѣ сохранились, то ихъ скорѣе должно искать въ Московскомъ Сенатскомъ Архивѣ, нежели въ здѣшнемъ. Въ библіотекѣ Академіи Н. сохранились однѣ бумаги поэтическаго, историческаго и географическаго содержанія.

[27]) Den Sieg der Russischen Waffen über die Türkische Armee, und die Eroberung der Türkischen Festung Choczim besinget allerunterthänigst Carl Siegmund Machnitzky, der teutschen Gesellschaft in Jena Mitglied, und Rector

Первое извѣстіе объ этой побѣдѣ Ломоносовъ встрѣтилъ вѣроятно въ Hallische Zeitung (см. ниже стр. 175), которая врядъ-ли почерпнула это свѣдѣніе изъ какого-нибудь Вѣнскаго листка, а скорѣе позаимствовала его изъ нѣмецкой петербургской газеты[28]). Ода очевидно написана еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ полученнаго извѣстія. Это проглядываетъ во всемъ, въ особенности же въ первой строфѣ, въ которой онъ по-видимому описываетъ мѣстное положеніе тогдашняго своего пребыванія. Нѣсколько намековъ на его практическія занятія того времени встрѣчается также и въ остальныхъ строфахъ. Когда именно извѣстіе о побѣдѣ при Ставучанахъ проникло въ отдаленное нагорное мѣстечко, этого нельзя сказать положительно, но безъ всякаго сомнѣнія Ломоносовъ, принимаясь за сочиненіе своей оды, еще ничего не зналъ о заключеніи мирнаго договора съ Турціей, подписаннаго уже 18 (7) сентября того-же года, хотя приказаніе возвратиться изъ Дунайскихъ княжествъ въ Украину получено было Минихомъ только въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Отослалъ-ли Ломоносовъ 28-ми строфную оду свою въ Петербургъ вслѣдъ за написаніемъ ея, этого ничѣмъ нельзя доказать. Можно догадываться, что онъ уже прежде писалъ стихи четырехстопными ямбами, и что слѣдовательно ему, при его дарованіи, ода не стоила слишкомъ много времени. Вмѣстѣ съ одою онъ отправилъ «*Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства*». Правила эти, въ которыхъ приводятся для примѣра оригинальные и переводные стихи разныхъ родовъ, безъ сомнѣнія занимали его еще прежде[29]), нежели онъ изложилъ

---

der neuen St. Petri-Schule. St. Petersburg, gedruckt bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften 1739. 4 стр. in-fol. (*Orat. Vol.* III. № 40).

[28]) Подробная реляція Миниха изъ Хотина, отъ 20 авг., привезена въ СПб. 3 сент. генералъ-маіоромъ Апраксинымъ и напечатана при академическихъ русскихъ и нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ въ видѣ особаго Приложенія, вѣроятно къ №, вышедшему 7 сент., и кромѣ того, въ видѣ отдѣльной книжки церковно-славянскимъ шрифтомъ. По такому экземпляру вся реляція, въ 1854 году, была перепечатана въ Временникѣ Московскаго Общества Исторіи (Кн. 19-я. Смѣсь. стр. 19—36).

[29]) См. ниже стр. XXXVII.

ихъ на бумагѣ въ опредѣленной формѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего Письма онъ болѣе или менѣе вступаетъ въ полемику съ Тредіаковскимъ, «Способъ» котораго онъ должно быть изучалъ еще въ Марбургѣ (ср. напр. его критику на королларіи, ниже на стр. 4 = 23, 48 = 49).

Ода Ломоносова конечно затмила собою все, что̀ до того времени могла представить русская поэзія, и въ глазахъ современниковъ, на сколько они вообще были приготовлены къ оцѣнкѣ подобнаго произведенія, должна была казаться верхомъ совершенства. По этому очень понятно желаніе узнать поближе, какъ она была принята въ Петербургѣ и какое впечатлѣніе она произвела на тогдашнее образованное общество. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса оказывается, что то что̀ намъ доселѣ объ этомъ сообщали біографы Ломоносова, основываясь на преданіи, и что̀ узнавалъ всякой, маломальски любознательный школьникъ, по крайней мѣрѣ отчасти — чистѣйшій миѳъ. Впервые преданіе это появилось въ біографіи, которую Академія Наукъ помѣстила во главѣ первой части Собранія сочиненій Ломоносова въ 1784 году. Тутъ говорится еще о томъ, что ода «отдана была для просмотрѣнія г. Адодурову, обще съ нѣкоторыми Академиками». Позднѣйшіе компиляторы, всякій по своему, разукрасили это преданіе. Мы считаемъ достаточнымъ привести здѣсь только не совсѣмъ объективно составленный разсказъ Перевлѣсскаго [30]), сочиненіе котораго, какъ учебное пособіе, распространено больше другихъ.

«Вѣсть о славѣ русскаго оружія достигла Марбурга.... Отправляя оду къ президенту академіи Корфу, Ломоносовъ видимо боялся за свое нововведеніе; а потому счолъ за нужное приложить письмо о нашей версификаціи вообще. Въ немъ Ломоносовъ просилъ разрѣшеніе академиковъ о томъ, ««правдивы ли оныя мнѣнія, что о нашемъ стихосложеніи имѣетъ, и по которымъ, донынѣ сочиняя стихи, поступаетъ»».

«Къ счастію академики-нѣмцы не взялись судить ни о до-

---

[30]) Избранныя сочиненія М. В. Ломоносова. М. 1846, стр. XVIII и XXX.

стоинствѣ оды, ни о справедливости мнѣнія о нашемъ стихосложеніи, но поручили рѣшеніе этого дѣла адъюнкту математики В. Евд. Ададурову, бывшему впослѣдствіи кураторомъ московскаго университета. Ададуровъ одобрилъ ученіе нашей версификаціи, и высоко оцѣнилъ торжественную оду, сочиненную по ея правиламъ. Опредѣлили напечатать ее, и въ торжественный день поднести императрицѣ. Такъ и сдѣлано. Въ торжественный день она поднесена Корфомъ Аннѣ Іоанновнѣ. Императрица благосклонно приняла стихи холмогорскаго рыбака, обучающагося въ Германіи, и приказала раздать ихъ придворнымъ. Общимъ удивленіемъ и единодушною радостію встрѣчена была первая ода Ломоносова... Позднѣйшіе читатели и критики не довольны первою одой Ломоносова... Но современники его были не такъ взыскательны, они не справлялись съ гюнтеровой одой (1718 г.); изумленные гармоніею русской рѣчи, новою, дотолѣ неслыханною, отъ души восхищались сочиненіемъ безвѣстнаго стихотворца. Иначе и быть не могло...»

Мы знаемъ въ настоящее время, что извѣстіе Дамаскина, автора академической біографіи, основано единственно только на показаніи Штелина, который, будучи уже болѣе 70 лѣтъ отъ роду, по порученію княгини Дашковой составилъ біографическую записку о Ломоносовѣ, напечатанную въ русскомъ переводѣ въ Москвитянинѣ. Въ то время, когда Дамаскинъ писалъ біографію Ломоносова, дѣйствительно кромѣ Штелина не было въ живыхъ ни одного изъ тѣхъ лицъ, которыя видѣли рукопись оды въ 1740 году. Въ Запискѣ Штелина, правда, говорится слѣдующее[31]):

«Въ первое свое пребываніе тамъ[32]) будучи студентомъ, онъ скоро выучился говорить и читать по-нѣмецки... Въ особенности любилъ онъ стихотворенія Гюнтера и зналъ ихъ почти наизусть. По тому же размѣру сталъ онъ сочинять рус-

---

[31]) Черты и Анекдоты для біографіи Ломоносова (Москвитянинъ на 1850 г. Часть I. Отд. III, стр. 2 и 3).

[32]) Въ Марбургѣ.

скіе стихи. Первымъ его опытомъ въ этомъ родѣ (въ 1739 г.) была торжественная ода на взятіе Очакова. Онъ послалъ ее къ тогдашнему президенту Академіи Корфу, который отдалъ ее на разсмотрѣніе Ададурову и Штелину».

«Мы были очень удивлены такимъ, еще небывалымъ въ русскомъ языкѣ, размѣромъ стиховъ, и нашли, между прочимъ, что эта ода написана въ Гюнтеровомъ размѣрѣ, и именно въ подраженіе его знаменитой одѣ:

Eugen ist fort! Ihr Musen nach etc.,

и даже цѣлыя строфы были изъ нея переведены».

«Она была напечатана при Академіи, поднесена Императрицѣ Аннѣ, роздана при Дворѣ, и всѣ читали ее, удивляясь этому новому размѣру. (Тогда Сумароковъ еще и не думалъ о сочиненіи стиховъ, тѣмъ менѣе такимъ размѣромъ; но все-таки въ послѣдствіи, въ царствованіе Императрицы Елизаветы, онъ хотѣлъ присвоить себѣ имя и честь перваго автора, который ввелъ этотъ размѣръ въ русскомъ стихосложеніи)».

Сказку о торжественномъ поднесеніи оды при дворѣ, не только приняли за чистую монету, но многіе еще разукрасили по своему! Къ несчастію до сихъ поръ ни одинъ изъ увѣровавшихъ въ эту сказку не могъ указать на дѣйствительное существованіе экземпляра такъ называемаго editio princeps этой оды. Ни въ академической, ни въ публичной библіотекѣ ея нѣтъ; не оказалось ея и въ эрмитажной библіотекѣ, когда въ 1862 году большая часть книгъ, накопившихся тамъ въ теченіи ста лѣтъ, передана была въ Императорскую публичную библіотеку. Въ библіотекѣ бывшаго шляхетскаго кадетскаго корпуса въ прежнее время не совсѣмъ удобно было удостовѣриться въ этомъ. Въ старѣйшихъ каталогахъ академической библіотеки также не упоминается о такомъ изданіи. О печатаніи одъ Витынскаго и Махницкаго (см. выше стр. XXVII) говорится въ протоколахъ академической конференціи и канцеляріи, да и кромѣ того есть свѣдѣнія въ архивныхъ дѣлахъ канцеляріи. Правда, что Штелинъ былъ человѣкъ правдолюбивый, хотя

какъ собиратель анекдотовъ поступалъ не критически. Но странно то, что онъ въ своихъ «Чертахъ» и въ прибавленіи къ французскому письму Тредіаковскаго о русскомъ стихосложеніи, взятіе Очакова (въ 1737 году), которое самъ воспѣлъ въ нѣмецкой одѣ, смѣшиваетъ со взятіемъ Хотина 1739 г. Можетъ быть онъ подъ старость какую-либо другую изъ одъ Ломоносова, поднесенныхъ послѣ 1741 года императрицѣ Елисаветѣ, смѣшалъ съ одой на взятіе Хотина. Если уже непремѣнно хотятъ вѣрить показанію Штелина, то остается только предположить, что ода 1739 года была напечатана въ очень небольшомъ числѣ экземпляровъ, что впрочемъ едва-ли согласуется съ принятымъ въ Академіи правиломъ. Притомъ, академическая канцелярія (т. е. президентъ Корфъ, совѣтникъ Шумахеръ и юстицкій совѣтникъ Гольдбахъ) въ 1738 году прямо увѣдомила Вольфа (см. ниже № 37 стр. 128), что такъ называемыя specimina трехъ студентовъ не предназначаются къ печати. Относительно присланнаго вмѣстѣ съ одой «Письма о правилахъ Россійскаго стихотворства», мы положительно знаемъ, что оно по особымъ причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, не было напечатано въ 1740 году. Дамаскинъ, который первый напечаталъ это Письмо, сообщилъ при этомъ [33]): «Оно еще нигдѣ не выпечатано было. Мнѣ для внесенія въ его сочиненія сообщено изъ Санктпетербурга».

Самая ода въ первый разъ сполна была отпечатана Ломоносовымъ въ 1751 году, а именно въ его Собраніи разныхъ сочиненій [34]). Между одами своими, которыя въ изданіи 1751 года (см. стр. 49) начинаются одою 1742 года (Какой пріятный зефиръ вѣетъ), онъ, вѣроятно не безъ умысла, отвелъ 10-е, т. е. послѣднее мѣсто одѣ 1739 года. При этомъ бросается въ глаза еще другое обстоятельство. Въ Риторикѣ своей, напечатанной въ первый разъ въ 1748 году, Ломоносовъ для примѣ-

---

[33]) Покойнаго... Ломоносова собраніе разныхъ сочиненій. Книга вторая. Въ типогр. И. Моск. Унив. 1778 года.

[34]) Книга первая, стр. 157 — 171 и ср. Матеріалы изд. П. Билярскимъ, стр. 153.

ра приводитъ нѣсколько стиховъ изъ оды 1739 года, съ тѣмъ явнымъ намѣреніемъ, чтобы представить ихъ въ болѣе совершенной формѣ, особенно съ болѣе естественнымъ сочетаніемъ словъ. Такъ напр. въ Риторикѣ два стиха 10 строфы напечатаны слѣдующимъ образомъ [35]):

Въ Иранскихъ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли Персы низложенны?
Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
Онъ такъ бросалъ за Белтъ свой громъ,
Онъ сильну такъ взносилъ десницу....

Въ изданіи же 1751 года мы читаемъ:

И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны? и т. д.

По этимъ стихамъ, лишь случайно попавшимъ въ Риторику, мы конечно вправѣ заключить, что Ломоносовъ черезъ 9 лѣтъ послѣ написанія своей оды уже не былъ доволенъ ею и окончательную строфу ея скромно сочинилъ еще во время своего пребыванія въ Фрейбергѣ.

Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ,
Звучитъ, что крѣпость силъ Твоихъ
Придать дерзнулъ некрасной стихъ
Въ подданства знакъ Твоей державѣ.

Но почему Ломоносовъ въ 1751 году согласился отпечатать оду опять въ первоначальной ея формѣ, которая не удовлетворяла болѣе его самаго? Врядъ-ли это самоотверженіе можно объяснять одними только чисто библіографическими соображеніями, хотя и при перепечаткѣ въ 1751 году другой, уже болѣе удавшейся оды 1742 года, онъ также не сдѣлалъ въ ней тѣхъ поправокъ, которыя помѣщены имъ въ Риторикѣ. Можетъ быть его побудила къ этому полемика, которую Тредіаковскій въ 1750 году открылъ противъ него въ введеніи къ переводу Барклеевой Аргениды (см. ниже прим. 48). Отпеча-

[35]) Краткое руководство къ краснорѣчію, книга первая. § 68 (стр. 67).

тавъ текстъ оды 1739 года безъ всякихъ измѣненій, не хотѣлъ ли Ломоносовъ показать этимъ, что и въ такомъ видѣ первый его поэтическій опытъ, который вообще относительно размѣра можетъ быть названъ удачнымъ, превосходитъ произведенія презираемаго имъ наставника? Не даромъ Штелинъ въ своемъ конспектѣ похвальнаго слова Ломоносову въ главѣ: *нравственный характеръ Ломоносова*, сказалъ (Москвит. на 1853 г., № 3, Отд. IV, стр. 25): «Равныхъ презиралъ..... Преслѣдуетъ бѣднаго Тредіаковскаго единственно за его дурной русскій слогъ».

И такъ, пока не будетъ отысканъ экземпляръ мнимаго «editio princeps» оды 1739 года, или пока на основаніи архивныхъ или другихъ достовѣрныхъ данныхъ не будетъ доказано, что она была напечатана въ началѣ 1740 года, до тѣхъ поръ показаніе Штелина нельзя считать безусловно вѣрнымъ. Правда, что тогда къ исторіи Академіи прибавится еще новый упрекъ. До того времени, скажутъ, Академія, кромѣ нѣмецкихъ и латинскихъ одъ, печатала пошлые русскіе вирши, да по большей части безобразные опыты Тредіаковскаго въ топическомъ размѣрѣ, а стихотворенію молодаго даровитаго русскаго студента, первому удачному произведенію «отца русской словесности», она не сочувствовала и сдала его въ архивъ!

Не говоря уже о томъ, что теперешнія понятія о значеніи, какое русская словесность имѣетъ въ школьномъ образованіи, въ семейномъ быту и въ развитіи всего общества, нельзя примѣнять къ положенію и явленіямъ 1740 года, стоитъ только задаться вопросомъ, что мы должны разумѣть подъ словомъ: «Академія Наукъ» въ 1740 году, и при какихъ обстоятельствахъ ода сдана была въ архивъ? Незначительные по числу члены *Ученой Конференціи* были даже при «главномъ командирѣ», баронѣ Корфѣ все еще слишкомъ подъ гнетомъ *Академической Канцеляріи*, или, какъ ее въ сенатскихъ бумагахъ очень удачно называли, «Академической Команды». Нѣкоторые изъ академиковъ, которые прибыли въ Россію въ молодыхъ лѣтахъ, какъ напр. Винсгеймъ и Эйлеръ-Миллеръ, Гмелинъ, Фи-

шеръ и Стеллеръ, въ то время путешествовали по Сибири— на столько знали русскій разговорный и письменный языкъ, что въ случаѣ нужды могли бы дать отзывъ о стихотвореніи, если бы это до нихъ относилось. Кромѣ того, въ конференціи имѣли право засѣдать два адъюнкта Адодуровъ и Таубертъ, которые, какъ извѣстно, сами оказали услуги очищенію русскаго слога. Но если бы даже конференція равнодушно отнеслась къ произведенію Ломоносова, то это еще вовсе не должно казаться страннымъ. Развѣ Кантемиръ, получивъ въ Парижѣ въ концѣ 1742 г. «Способъ» Тредіаковскаго, вѣрно понялъ значеніе тоническаго размѣра? Сатирическій отзывъ Сумарокова объ одѣ 1739 года, еще въ 1759 г. не былъ забытъ самимъ Ломоносовымъ. (См. ниже).

Сверхъ академической канцеляріи и конференціи была еще третья инстанція, которая преимущественно могла оцѣнить оду Ломоносова. Мы разумѣемъ *Россійское Собраніе*, которое во время пребыванія Ломоносова въ Петербургѣ—съ 1-го января до сентября 1736 г.,— усердно преслѣдовало свою задачу. Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ Тредіаковскаго къ Штелину, отъ 11-го октября 1736 г., стало быть написанномъ въ то время, когда Ломоносовъ плылъ изъ Готланда въ Любекъ:

«*La Société Russienne* est instituée, depuis une année, non seulement pour cultiver la langue russienne tant en prose, qu'en vers, mais aussi pour tout ce qui regarde l'histoire en general de nôtre nation, et pour faire la grammaire, dont nous sommes privés jusqu'à présent, qui doit être fondée sur le meilleur usage de la cour et des habiles gens, de même enfin que pour composer un dictionaire complet. Et afin que l'on puisse éxécuter plus exactement ce dernier article, on a choisi une pérsonne dependante de la société [36]), qui va de coté et d'autre et receuillie tous les termes techniques, qui sont propres à chaque art et science. Les personnes, qui la composent, s'assemblent trois fois

---

[36]) Вѣроятно младшаго члена студента Тауберта, поступившаго 9-го января 1726 года въ академическую гимназію. Ему поручено было составлять протоколы Россійскаго Собранія.

chaque semaine à l'Academie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg.... Tous ceux, qui sont du nombre de la Société, travaillent à présent aux diverses traductions des livres, afin de pouvoir s'acquerir par là l'abondance de môts, et de reduire premierement la phraseologie à la justesse du genie de la langue. Il se trouva pourtant un parmi eux, nommé Trediakoffski, qui jeta les yeux même sur notre ancienne versification....»

Это Россійское Собраніе въ 1736 г. произвело на Ломоносова такое хорошее впечатлѣніе, что онъ и впослѣдствіи желалъ возстановленія его въ видѣ отдѣльной конференціи. Такъ мы въ написанной имъ въ 1755 году критикѣ на академическій регламентъ 1747 г. читаемъ слѣдующее [37]):

«Россійскаго Собранія, нужнаго весьма учрежденія тогда не было; слѣдовательно въ Регламентѣ и не упомянуто».

Въ представленіи къ графу Разумовскому отъ 7-го января 1758 года, Ломоносовъ ходатайствовалъ объ учрежденіи новаго «Россійскаго Собранія» [38]).

Составляя въ Фрейбергѣ новую теорію русскаго стопосложенія [39]) и принимая въ извѣстномъ отношеніи за исходную точку «Способъ» Тредіаковскаго, получившій свое начало подъ покровительствомъ Россійскаго Собранія, Ломоносовъ, конечно, подчинялся приговору этого собранія и между членами его надѣялся найти своихъ прямыхъ судей. Къ нимъ только и могутъ быть обращены начало и конецъ его «*Письма о прáвилахъ Россійскаго стихотворства*».

«Почтеннѣйшіе Господà!

«Ода, которую Вашему разсужденію вручить нынѣ высокую честь имѣю, ничто иное есть, какъ только превеликія оныя радости плодъ, которую непобѣдимѣйшія Нашея МОНАРХИНИ преславная надъ непріятелями побѣда, въ вѣрномъ и ревност-

---

37) Очерки Россіи. В. Пассека. II, стр. 55; у Смирдина I, 772; ср. Матер. изд. П. Билярскимъ, стр. 283.

38) Матер. изд. П. Б., стр. 360 и 362.

39) См. отзывъ о ней А. Галахова въ исторіи русской словесности. Т. I. § 195 (стр. 355).

номъ моемъ сердцѣ возбудила. Моя продерзость, васъ неискуснымъ перомъ утруждать, только отъ усердныя къ отечеству и его слову любви происходитъ. Подлинно, что для скудости къ сему предпріятію моихъ силъ, лучше бы мнѣ молчать было. Однако не сомнѣваясь, что ваше сердечное радѣніе къ распространенію и исправленію Россійскаго языка, и мое въ семъ неискусство и въ Россійскомъ Стихотворствѣ недовольную способность извинитъ, а доброе мое намѣреніе за благо приметъ, дерзнулъ наймалѣйшей сей мой трудъ, купно со слѣдующимъ *о нашей Версификаціи вообще разсужденіемъ*, вашему предложитъ искусству. Не пристрастіе къ сему понудило, чтобъ бо́льшее искусство имѣющимъ пра́вила давать: но искренное усердіе заставило отъ васъ самихъ научиться, правдивы ли оныя мнѣнія, что я о нашемъ стихосложеніи имѣю, и по которымъ до нынѣ, стихи сочиняя, поступаю. И такъ, начиная оное Вамъ, Мои Господа̀, предлагать, прежде кратко объявляю, на какихъ я основаніяхъ оныя утверждаю».

....Но, мои господа̀, опасаяся, чтобы не важнымъ симъ моимъ письмомъ вамъ очень долго не наскучить, съ покорнымъ прошеніемъ заключаю. Ваше великодушіе, ежели мои предложенныя *о Россійской Версификаціи мнѣнія* нашему языку не свойственны и не пристойны, меня извинитъ. Не съ инымъ коимъ намѣреніемъ я сіе учинить дерзнулъ, какъ только чтобы оныхъ благосклонное исправленіе, или безпристрастное подкрѣпленіе, для бо́льшаго къ Поэзіи поощренія, отъ васъ получить. Чего несомнѣнно надѣясь, остаюсь, почтеннѣйшія господа», и проч.

Вѣроятно Ломоносовъ составлялъ себѣ въ Фрейбергѣ ложныя понятія о дѣятельности Россійскаго Собранія. Послѣднее еще существовало, но въ то самое время (5-го октября 1739 года) члены его, т. е. Тредіаковскій, Волчковъ, и адъюнкты Адодуровъ и Таубертъ, получили отъ Канцеляріи выговоръ въ видѣ «Ордера», которымъ имъ предписывалось «являться раньше въ Русскую Конференцію и заниматься прилежно», т. е. переводами.

Приложилъ ли Ломоносовъ еще другое письмо на имя

президента, объ этомъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Неизвѣстно также, получена ли была ода въ Петербургѣ въ то время, когда здѣсь еще не остылъ восторгъ, возбужденный побѣдою, или, что болѣе вѣроятно, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда вслѣдствіе политическихъ интригъ, уже заключенъ былъ невыгодный миръ съ Турціей и умы нѣкоторымъ образомъ отрезвились. По видимому посылка Ломоносова прибыла лишь въ концѣ 1739 или въ началѣ 1740 года. Врядъ-ли тогдашнія средства Ломоносова позволяли ему отправить по почтѣ пакетъ, пересылка котораго въ то время вѣроятно обходилась отъ 3 до 5 рублей [40]). Въ очень подробной, писанной рукою самаго Генкеля, вѣдомости расходамъ каждаго изъ трехъ студентовъ, не упоминается о таковой издержкѣ, а на поѣздку ихъ въ Дрезденъ въ октябрѣ 1739 г., Генкель вручилъ каждому только по 5 талеровъ. О посылкѣ пакета чрезъ русское посольство при саксонскомъ дворѣ также нельзя найти никакихъ слѣдовъ. Вѣроятнѣе всего, что Ломоносовъ передалъ свое любезное дѣтище бывшему академику Юнкеру, когда послѣдній возвращался въ Петербургъ. Юнкеръ же отправился изъ Фрейберга только въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, потому что Ломоносовъ, по собственному показанію [41]), «много въ *четыре мѣсяца* отъ него пользовался въ знаніи солянаго дѣла». Во всякомъ случаѣ Юнкеръ уже успѣлъ уѣхать, когда Ломоносовъ написалъ къ Генкелю помѣщаемое нами ниже (стр. 167) письмо на латинскомъ языкѣ. На переѣздъ изъ Фрейберга въ Петербургъ тогда нужно было употребить по крайней мѣрѣ мѣсяцъ. Достовѣрно то, что Юнкеръ не тотчасъ же уѣхалъ въ Украину, но еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1740 года въ Петербургѣ ожидалъ изъ Кабинета Министровъ указа объ отправленіи его туда.

Все, что мы кромѣ того знаемъ относительно пріема, слѣ-

---

[40]) Получилъ ли онъ отъ Юнкера небольшой гонораріи за сдѣланные имъ въ Фрейбергѣ для него переводы, намъ неизвѣстно.

[41]) См. Отеч. Зап. 1829 г. Часть 37, стр. 167; ср. Матеріалы изд. П. Билярскимъ, стр. 5.

ланнаго одѣ въ Петербургѣ, указываетъ на то, что она получена была здѣсь скорѣе въ 1740, нежели въ 1739 году, слѣдовательно въ такое время, когда не столько, сколько прежде, думали о побѣдахъ, а уже дѣлали большія приготовленія при дворѣ и въ Академіи къ великолѣпному празднованію заключенія мира. А этими приготовленіями въ Академіи стали заниматься уже съ 3 января 1740 г. (см. протоколы Канцеляріи).

Болѣе положительныя извѣстія о судьбѣ приложеннаго Ломоносовымъ къ его одѣ письма мы узнаёмъ изъ доношенія Тредіаковскаго въ учрежденную Слѣдственную Коммиссію о Шумахерѣ, отъ 19-го октября 1743 г. Въ то время Тредіаковскій снова искалъ [42]) мѣста «профессора какъ россійскія, такъ и латинскія элоквенціи» и для этого считалъ нужнымъ представить въ Сенатъ «къ освидѣтельствованію краснорѣчія» разныя сочиненія, имъ издаваемыя, и къ нимъ, между прочимъ, присоединить свое отвѣтное письмо къ студенту Ломоносову въ Фрейбергъ, отъ 11-го февраля 1740 г.

1. «Въ прошломъ 1735-мъ годѣ—такъ начинаетъ Тредіаковскій свое доношеніе въ Слѣдств. Ком., отъ 19 окт. 1743—сочинилъ я книгу о россійскихъ стихахъ подъ титуломъ *новый и краткій способъ*....

2. «Въ прошломъ же 1740-мъ годѣ [43]), будучи въ Фрейбергѣ, студентъ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ, что нынѣ адъюнктомъ при Академіи, прислалъ оттуда въ Академію Наукъ Письмо, которымъ онъ опровергалъ прáвила положенныя отъ меня, а свои вмѣсто тѣхъ представилъ».

3. «Для защищенія моихъ прáвилъ принужденъ я былъ отвѣтствовать ему туда, сочинивъ мой отвѣтъ формою же письма, которое я и отдалъ въ Канцелярію Академіи Наукъ въ томъ же 1740-мъ годѣ; однако то мое отвѣтное письмо не послано къ нему и находится по нынѣ между прочими опечатанными письмами

---

42) О прежнихъ его попыткахъ см. Доношеніе отъ 28 февраля 1744 г.

43) Подъ этимъ Тредіаковскій, вѣроятно, разумѣлъ время полученія письма въ Академіи.

при Академіи, а въ которой палатѣ, о томъ уповательно, что вѣдаетъ унтеръ-библіотекарь Іоганъ Таубертъ....» [44]).

Такъ какъ Тредіаковскій просилъ Слѣдственную Коммиссію о выдачѣ ему отвѣтнаго письма отъ 11-го февр. 1740 г., то началась переписка между Коммиссіею и академической Канцеляріей, состоявшей подъ командой Андрея Нартова. Наконецъ письмо Тредіаковскаго было отыскано и представлено въ Коммиссію при рапортѣ маіора Игнатьева отъ 30-го ноября. Но 7-го дек. Шумахеръ опять поступилъ въ Канцелярію. Изъ двухъ слѣдующихъ бумагъ видно, что Коммиссія считала нужнымъ окончить дѣло о письмѣ Тредіаковскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы положительно узнаёмъ, что оно было написано 11-го февраля 1740 года.

«Въ Коммисію о Академіи Наукъ изъ оной Академіи подъ симъ подписать, оной Академіи отъ секретаря Василья Тредьяковскаго писанное февряля 11 дня 1740-го года въ Фрейсбурхъ къ адъюнкту Михаилу Ломоносову къ защищенію на книгу о россійскихъ стихахъ подъ титуломъ: *Новый и краткій Способъ* письмо, кѣмъ и для чего посылкою въ Фрейсбурхъ до опечатанія отъ Коммисіи академическихъ апартаментовъ, (въ коихъ оное нашлось), удержано?

«Декабря 14 дня 1743 г.

Секретарь Андрей Ивановъ.

На оборотѣ этого «Коммискаго Запроса» находится слѣдующій отвѣтъ, съ собственноручною подписью одного изъ членовъ бывшаго Россійскаго Собранія, С. Волчкова.

«А по справкѣ въ Академіи Наукъ, какъ титулярной секретарь Третьяковской сіе письмо во отвѣтъ къ Ломоносову сочинилъ именемъ бывшаго Россійскаго Собранія (и) прочелъ,

---

44) Это доношеніе Тредіаковскаго, напечатанное вполнѣ В. И. Ламанскимъ (въ III Томѣ Библіограф. Записокъ. М. 1861, столб. 355—356), вмѣстѣ съ канцелярскими бумагами къ нему относящимися сохранилось въ одномъ изъ фоліантовъ (Томъ 792 II Отдѣленія академ. Архива, т. е. бывшихъ академическихъ Канцеляріи и Коммиссіи), содержащихъ все слѣдственное дѣло о Шумахерѣ.

то господа тогдашніе адъюнкты Адодуровъ и Таубертъ, изъ которыхъ нынѣ гднъ Адодуровъ ассессоромъ, а гднъ Таубертъ унтер-библіотекаремъ, совѣтнику Шумахеру представили, дабы сего учеными ссорами наполненнаго письма для пресѣченія дальныхъ, безполезныхъ и напрасныхъ споровъ къ Ломоносову не отправлять и на платежъ за почту денегъ напрасно не терять; то г. совѣтникъ Шумахеръ по оному ихъ представленію означеннаго письма къ Ломоносову въ чужіе краи посылать не приказалъ, и такъ оное письмо въ старой судейской и осталось».

«Секретарь Сергѣй Волчковъ». [45]).

Письмо, которое Тредіаковскій 11-го февраля 1740 года написалъ Ломоносову, Слѣдственная Коммиссія возвратила автору, не оставивъ, кажется, копіи съ этого документа. О содержаніи его можно составить себѣ понятіе, между прочимъ, по документамъ 1750 и 1751 годовъ, когда антагонизмъ, начавшійся между Тредіаковскимъ и Ломоносовымъ, съ 1740 г., снова вспыхнулъ по случаю напечатаннаго первымъ перевода Аргениды англичанина Барклея. Самый переводъ уже былъ отпечатанъ, когда Тредіаковскій представилъ въ Канцелярію посвященіе своего труда Императрицѣ. Когда профессоры Ломоносовъ и Крашенинниковъ и адъюнктъ Поповъ не одобрили печатанія этого посвященія, то Тредіаковскій въ «доношеніи» отъ 17-го сентября 1750 года, подалъ на это жалобу [46]), написанную съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Въ ней онъ, между прочимъ, выставляетъ

---

[45]) Судя по всему, эта справка, подписанная Волчковымъ, дошла до насъ въ оригиналѣ. То что я нашелъ въ другихъ фоліантахъ объ этомъ дѣлѣ, для насъ не имѣетъ никакого интереса. См. Реэстръ указамъ академической Коммиссіи (Томъ 780, № 69; «8-го ноября о вынятіи изъ книжной лавки посланнаго отъ секретаря Тредіаковскаго къ Ломоносову письма»), Журналъ Слѣдственной Коммиссіи о Академіи (Томъ 783, 15 дек. и 26 окт. лист. 296) и Журналъ въходящимъ дѣламъ по Коммиссіи о совѣтникѣ Шумахерѣ. (Томъ 784, № 230. 237. 284. 285. 286)

[46]) Напечатано у Перевлѣсскаго, стр. 134—141 (изъ Библіот. для чтенія за 1835 г. Томъ 12. Отд. V, стр. 31).

на видъ, что Ломоносова самого по печатнымъ его сочиненіямъ должно обвинить въ «излишнемъ ласкательствѣ» и что похвальное слово, произнесенное имъ же въ 1749 г., «наполнено солецисмами, не упоминая уже о... (его) Риторикѣ, которая въ премногихъ мѣстахъ ложна».

Во введеніи къ Аргенидѣ Тредіаковскій опять помѣстилъ разсужденіе о русскомъ стопосложеніи и, упоминая при этомъ на стр. LXV и LXVI о Письмѣ Ломоносова 1739 года, сказалъ (по журналу Канцеляріи [47]), «что будто профессоръ господинъ Ломоносовъ писалъ *къ нему* господину Тредіаковскому изъ Фрейберга о ямбическомъ стихѣ, а господинъ профессоръ Ломоносовъ предъявлялъ словесно Канцеляріи, что сіе письмо не къ нему одному Тредіаковскому, но ко всему Собранію отъ него было писано». Вслѣдствіе этого Канцелярія 27-го февраля 1751 года постановила «оную спорную рѣчь вынуть совсѣмъ вонъ» и во всѣхъ экземплярахъ перепечатать стр. 65 и 66 Предувѣдомленія, «выпустя ту одну рѣчь *ко мнѣ*. А въ прочемъ во всемъ такъ оставить, какъ напечатано, безъ малѣйшей переправки, и о перепечатаніи онаго къ корректору Барсову, а... для вѣдома о томъ къ гг. профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову послать ордеры, старую же страницу, которая будетъ перепечатана, состоящую въ 8-ю долю листа, уничтожить....»

Изъ второй редакціи этихъ двухъ страницъ оказывается однако, что Тредіаковскій по всей вѣроятности не совсѣмъ точно исполнилъ «указъ» канцеляріи. Эта вторая редакція сохранилась въ корректурныхъ листахъ Тредіаковскаго [48]); гдѣ на стр. 66 напечатано было *ко мнѣ*, тамъ слова раздвинуты. Тоже самое замѣтно на стр. 65 въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ говорится о Ломоносовѣ и гдѣ Тредіаковскому не разъ, дол-

---

[47]) См. Матер. изд. П. Билярскимъ, стр. 149.

[48]) Пересматривая въ различныхъ библіотекахъ изданіе Аргениды съ тѣмъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли во всѣхъ экземплярахъ перепечатанъ означенный листокъ, я обратился къ А. А. Стойковичу, съ просьбою показать мнѣ всѣ экземпляры Аргениды, находящіеся въ Публичной Библіотекѣ. Между ними я и нашелъ вышеупомянутый корректурный экземпляръ.

жно быть, пришлось измѣнить первоначальную редакцію. Но означенныя двѣ страницы были перепечатаны еще въ третій разъ въ такомъ видѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ въ другихъ дошедшихъ до насъ экземплярахъ Аргениды. При этомъ Тредіаковскій совсѣмъ опустилъ имя «Ломоносова» и болѣе выдвинулъ на первый планъ свои собственныя заслуги. Обвиняя Сумарокова въ непозволительномъ хвастовствѣ, Тредіаковскій могъ бы еще указать на печатное доказательство 1735 года, т. е. на стр. 7 своего Способа (см. ниже стр. 25), гдѣ онъ трохеямъ даетъ преимущество передъ ямбами, — мечта, которую онъ отстаивалъ и впослѣдствіи.

Для большей наглядности сказаннаго нами, мы сообщаемъ здѣсь текстъ стр. 65 и 66, на сколько онъ заслуживаетъ вниманія, по 2-й и 3-й редакціямъ Предувѣдомленія:

Вторая редакція.

Іамбїческій стїхъ введенъ въ наше стїхосложенiе *Профессоромъ Мїхайломъ Ломоносовымъ, пóслѣ* какъ уже былъ мною введенъ Хореїческій — — —

Третья редакція [49]).

Іамбїческій стихъ введенъ въ наше Стихосложенiе пóслѣ *того*, какъ ужъ былъ мною введенъ Хореїческій, также и самое основанiе, или лучше душа и жизнь всего Стихосложенiя, именножъ, Тонiческое количество слоговъ, тоесть, тотъ складъ почитать долгимъ, на который сила ударяетъ, прочiи всѣ въ словѣ короткими. Я прошу, чтобъ сказанное о семъ, было принято бесхитросно. Кои разглашаютъ ||, что Іамбическій Гексаметръ введенъ къ

[49]) Аргенида. Повѣсть героическая, сочиненная Іоанномъ Барклаїемъ, а съ Латинскаго на Славено-Россїйскій переведенная отъ Василья Тредiаковскаго, Профессора Элоквенціи и Члена Императорскія Академіи Наукъ. Томъ I. С.-Пб. 1751 г.

— — — тѣ токмо что бесстыдно тщеславятся: *Профессоръ Ломоносовъ тогда еще писалъ* *) *о семъ стїхъ изъ Фрейберга*, когда — — — — —

*) Въ первой редакціи: *ко мнѣ*.

Намъ первыми ими; тѣ токмо что бесстыдно тщеславятся: *Въ Россїйскомъ собранїи извѣстно было о семъ стихѣ*, когда тщеславящїися зналиль, что Іамбъ, и умѣлиль его выговорить чисто.

Изъ сообщенныхъ данныхъ нельзя также вывести положительнаго заключенія о томъ, была-ли напечатана ода Ломоносова въ январѣ или февралѣ (1740 г.) отдѣльно, безъ «Письма». Можно развѣ только предположить, или что ода была передана на разсмотрѣніе Адодурову и Штелину, а Письмо о теоріи просодіи поступило въ Россійское Собраніе, или что оппозиція Тредіаковскаго противъ Ломоносова побудила президента потребовать мнѣнія относительно оды отъ двухъ людей, которые, какъ извѣстно, пользовались его довѣріемъ и отличались спокойнымъ и безпристрастнымъ направленіемъ. Адодуровъ слылъ за знатока русской грамматики и участвовалъ почти во всѣхъ русскихъ изданіяхъ Академіи [50]); а Штелинъ по крайней мѣрѣ питалъ любовь къ искусству, самъ сочинялъ нѣмецкіе, латинскіе и италіянскіе стихи и къ новому изданію нѣмецкой грамматики, предназначавшейся для учениковъ академической гимназіи, въ 1740 году нарочно прибавилъ главу о просодіи, которая въ первомъ изданіи занимала только двѣ страницы [51]). Во всякомъ случаѣ онъ лучше умѣлъ оцѣнить поэтическое значеніе русской оды, нежели самъ писать порядочные стихи на другомъ языкѣ. Приготовленія къ празднованію заключенія мира

[50]) Ср. на прим. его переводъ (Шумахерова) предисловія къ Описанію Комментаріевъ Акад. (СПб. 1728), перепечатаннаго въ Уч. Зап. по I и III Отд. Акад. (Введеніе, стр. XXXIII—XXXVI) съ его переводами, напечатанными въ Примѣчаніяхъ къ СПб. Вѣдом. за 1739 и 1740 гг. и съ нѣкоторыми дѣловыми бумагами того времени, написанными Адодуровымъ просто по русски.

[51]) Нѣмецкая Грамматика изъ разныхъ авторовъ собрана и Россійской юности въ пользу издана отъ учителя Нѣмецкаго языка при Спб. гимназіи... 1730 года. (На нѣм. и русскомъ). Новое изданіе вышло въ 1745 г.

и самое празднество [52]) (14 февр. и слѣд.), вѣроятно, скоро заставили забыть впечатлѣніе, произведенное одой. Самого президента Академія лишилась уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Еще до отъѣзда своего онъ распорядился (14 марта 1740 г.) изготовленіемъ новаго предписанія тремъ студентамъ. Хотя имъ въ этомъ предписаніи и дѣлается порядочный выговоръ за распутную жизнь ихъ въ Марбургѣ, но тѣмъ не менѣе, въ заключеніе бумаги, особенно вслѣдствіе удостовѣренія наставника ихъ Генкеля (отъ 24 декабря 1739 г.) объ успѣхахъ ихъ въ изученіи металлургіи, имъ обѣщается прощеніе въ такомъ случаѣ, если они будутъ вести себя какъ благоразумные люди (см. ниже стр. 168). Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что благопріятный отзывъ Адодурова и Штелина также содѣйствовалъ возбужденію въ президентѣ вновь надежды на счастливый исходъ студентскихъ занятій и расположилъ его къ большей снисходительности.

Если ода дѣйствительно не была напечатана, то она могла сдѣлаться извѣстною только въ небольшихъ кружкахъ, посредствомъ рукописныхъ копій. Прежде я полагалъ, что Ломоносова ода побудила одного изъ академическихъ переводчиковъ переложить нѣсколько нѣмецкихъ стиховъ въ ямбическомъ размѣрѣ въ «Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ» 1741 года [53]). Кажется однако же, что переводчикъ, подписавшійся буквою «О», передавая означенные стихи въ русскихъ ямбахъ, болѣе или менѣе удачныхъ, скорѣе увлекся нѣмецкимъ подлинникомъ Штелина, хотя недавній успѣхъ Ломоносова долженъ былъ отражаться прежде всего въ трудахъ академическихъ переводчиковъ. Несомнѣнно то, что подъ буквою «О» не должно разумѣть Тредіаковскаго.

---

[52]) Описаніе его напечатано въ Примѣчаніяхъ къ СПб. Вѣдомостямъ 1740 года (22 и 29 февр.).

[53]) См. мою статью: Первое подражаніе Ломоносова ямбамъ, въ концѣ 1740 года (въ Учен. Зап. Имп. Акад. Наукъ по I и III Отд. Томъ III, стр. 264). Можетъ быть мнѣ, при большемъ досугѣ, или П. П. Пекарскому удастся отыскать имя переводчика, который вовсе не дуренъ для того времени. См. его прозаическіе переводы въ прим. къ Вѣд. 1740 г., стр. 52. 59. 236. 244. 416. 420.

Но и молодой Сумароковъ какимъ нибудь родомъ, должно быть, узналъ объ одѣ Ломоносова, судя по желчной статьѣ послѣдняго, написанной въ 1759 году, или вскорѣ послѣ того. Въ этой недавно изданной статьѣ [54]), гдѣ Ломоносовъ насмѣшливо называетъ Сумарокова «Génie Créateur», встрѣчается слѣдующая фраза:

«....Génie Créateur! стихосложеніе принялъ сперва развращенное отъ Третьяковскаго и на присланныя изъ Фрейберга сродныя нашему языку и свойственныя (правила?) написалъ ругательную эпиграмму. Однако послѣ имъ же послѣдовалъ и писалъ по нимъ всѣ свои трагедіи и другіе стихи». Выше (стр. XX) нами показано, что Сумароковъ въ концѣ 1739 года дѣйствительно еще писалъ стихи плохими трохеями по примѣру Тредіаковскаго.

Но выбиваясь изъ всѣхъ силъ, чтобы опровергнуть предложенную опаснымъ соперникомъ теорію русскаго стопосложенія, или по крайней мѣрѣ часть его системы, Тредіаковскій самъ, какъ разъ въ это время, подвергся такому наглому оскорбленію, которое живо напоминало собою времена татарщины, вслѣдствіи чего онъ даже «разсудилъ пасть въ ноги» великаго визиря Бирона. Но паша Волынскій лишилъ единственнаго піита, котораго могли употреблять при дворѣ, и этой послѣдней надежды,—надежды найти надлежащую сатисфакцію у «Его Высокогерцогской Свѣтлости». Побои, которыми бывшій астраханскій воевода [55]) съ своею опричной 4-го февраля и въ слѣдующіе дни угостилъ астраханскаго «мастера» въ замѣнъ гонорарія за заказанные ему шуточные стихи на свадьбу князя-апостата, какъ-то плохо вяжутся съ тѣмъ вос-

---

[54]) Примѣчаніе Ломоносова на сказанную о Сумароковѣ фразу: Quand un tel parallèle désigne deux génies créateurs. См. Лѣтописи Русской Литературы, издав. Н. Тихонравовымъ. Т. II. М. 1859 г. Отд. III, стр. 105 и ср. ниже стр. 208.

[55]) Есть преданіе, что Петръ В., вошедши въ 1722 г., вмѣстѣ съ Волынскимъ въ астраханскую школу, въ которой самымъ лучшимъ ученикомъ слылъ В. К. Тредіаковскій, сказалъ про него: «Вѣчный труженикъ, а мастеромъ никогда не будетъ». *Вотъ, великій былъ Государь*, въ послѣдствіи произнесъ будтобы изобрѣтатель тоническаго размѣра, *а во мнѣ ошибся.*

торгомъ, который, по словамъ Штелина, возбуждала при дворѣ ода Ломоносова. 10 февраля 1740 года до полусмерти избитый придворный «піитъ» подалъ академической Канцеляріи свою жалобу на Волынскаго, въ которой, между прочимъ, уже и назначаетъ своего душеприкащика.

Читая его донесеніе о нанесенныхъ ему побояхъ и зная, что академикъ Дюверну едва могъ предупредить угрожавшій ему въ ранахъ антоновъ огонь, нельзя не повѣрить, что больной серіозно приготовлялся къ смерти [56]). Въ такомъ случаѣ, письмо Тредіаковскаго къ Ломоносову, поданное имъ въ слѣдующій день, т. е. 11 февраля, въ академическую Канцелярію, для пересылки въ Фрейбергъ, заслуживаетъ еще особеннаго вниманія. Тредіаковскій на смертномъ одрѣ хотѣлъ оградить величайшій умственный подвигъ свой отъ нападеній и посягательствъ другихъ лицъ, которыя лишь вслѣдствіе его «Способа» стали ясно понимать форму русскаго стиха. Но звѣзда Тредіаковскаго уже начала меркнуть. За побои и увѣчье его, правда, послѣ паденія Волынскаго вознаградили изъ имущества послѣдняго двойнымъ окладомъ академическаго жалованія—720 рублей, но въ борьбѣ съ Ломоносовымъ ему не удалось остаться побѣдителемъ.

Отъ самого Хераскова Серг. Глинка [57]) слышалъ однажды, что будто бы Ломоносовъ въ 1742 г. увѣрялъ И. И. Шувалова: «... Мнѣ и на мысль не приходили оды съ тѣхъ поръ, какъ Тредіаковскій, изъ рабскаго подобострастія къ Бирону, сперва ему прохрипѣлъ какую-то оду, а потомъ, по его же повелѣнію, накропалъ другую на восшествіе на престолъ малолѣтняго Іоанна. И чтобъ этимъ риѳмамъ дать ходъ, — означалъ подъ ними мое имя. Эта нелѣпая клевета такъ меня поразила,

---

56) См. извѣстную челобитную Тредіаковскаго и ср. біографическій очеркъ Волынскаго, напечатанный І. И. Шишкинымъ въ Отеч. Зап. 1860 г. Т. 130. Отд. I, стр. 97, 101, 544, 563 и 582. Многіе, конечно, еще живо помнятъ, какъ Отеч. Зап. въ 1845 г. Томъ XLI, отд. V, 23) отзывались о взглядѣ хулителей Тредіаковскаго на поступокъ Волынскаго.

57) Русское Чтеніе. Часть II. Спб. 1845, стр. 281.

что я отрекся навсегда отъ одъ». Если преданіе это дѣйствительно основано на словахъ самого Ломоносова, то оно, должно быть, очень искажено. Во-первыхъ объ одѣ Тредіаковскаго, относящейся къ этому времени, намъ ничего неизвѣстно, а во-вторыхъ Тредіаковскій, при всемъ недостаткѣ чувства собственнаго достоинства, въ то время (императрица Анна Іоанновна скончалась 17 октября 1740 года, когда Ломоносовъ только-что возвратился въ Марбургъ изъ первой поѣздки своей въ Голландію), едва-ли признавалъ надъ собою поэтическое превосходство *студента* Ломоносова. Можетъ быть все преданіе происходитъ отъ того, что за означенное стихотвореніе принимали одну изъ двухъ наскоро набросанныхъ одъ, которыя Ломоносовъ сочинилъ послѣ возвращенія своего въ Петербургъ въ 1741 году, одну на день рожденія Іоанна Антоновича (12 августа), а другую на побѣду при Вильманштрандѣ (23 августа). Очень вѣроятно, что въ 95 стихѣ оды 12 августа 1741 года [58]), кроется намекъ на подобострастное восхваленіе Бирона Тредіаковскимъ въ 1734 (и 1740?) году и на произведенія петербургскихъ нѣмецкихъ риѳмоплетовъ.

Проклята гордость, злоба, дерзость,
Въ чюдовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слѣпой талантъ пустилъ взнестись!
Велитъ себя въ неволю славить,
Престолъ себѣ надъ звѣзды ставить,
Превысить хочетъ вышню Власть,
На мой животъ [59]) ужъ зубы скалитъ;
Злодѣйства кто его не хвалитъ,
Погрязнетъ скоро въ мрачну пасть.

Какъ-бы то ни было, съ 1740 годомъ между Тредіаковскимъ и Ломоносовымъ начались враждебныя отношенія, которыя

---

[58]) Обѣ оды 1741 г. отпечатаны мною въ Уч. Зап. по I и III отд. Акад. Т. III, стр. 271 и 278.

[59]) Т. е. Іоанна Антоновича. Ср. стихъ 106.

съ небольшими перерывами продолжались болѣе 20 лѣтъ. Вступленіе Ломоносова въ академическую конференцію въ качествѣ адъюнкта въ янв. 1742 года возбудило, конечно, зависть Тредіаковскаго, гордившагося самимъ собою и своими произведеніями. Къ первому времени возвращенія Ломоносова слѣдуетъ, вѣроятно, отнести первоначальное составленіе эпиграммы, цѣль которой до сихъ поръ, какъ кажется, не была замѣчена. Тредіаковскій напечаталъ ее лишь въ 1752 году— слѣдовательно вскорѣ послѣ своей ожесточенной борьбы съ Ломоносовымъ въ 1751 году (см. выше стр. XLI), — помѣтивъ ее 51-ой и послѣдней «басенкой».

САМОХВАЛЪ.

Въ отечество свое какъ прибылъ нѣкто вспять,
А нé-было его тамъ почитай лѣтъ съ пять;
То зáвсе предъ людьми, гдѣ было ихъ довольно,
Дѣлъ славою своихъ онъ похвалялся больно,
И такъ ужъ говорилъ, что не нашлось ему
Подобнаго во всемъ, ни рóвни по всему:
А больше что плясалъ онъ въ Рóдосѣ исправно,
И предпочтенъ за то отъ Общества преславно,
Въ чемъ шлется на самихъ Родóсцовъ нынѣ всѣхъ,
Что пóчесть получилъ великую отъ тѣхъ.
Изъ слышавшихъ одинъ ту похвальбу всегдашню,
Сказалъ ему: что намъ удачу знать тогдашню?
Ты къ Рóдянамъ о томъ пожалуй не пиши:
Здѣсь Рóдосъ для тебя, здѣсь нутка попляши [60]).

Нельзя не упомянуть при этомъ о прекрасной чертѣ, относящейся къ первому времени антагонизма между Тредіаковскимъ, Ломоносовымъ и Сумароковымъ, т. е. о метри-

---

60) Сочиненія и переводы, стр. 226. Тредіаковскій при этомъ имѣлъ въ виду латинскій стихъ: hīc Rhodus, hīc saltus (съ варіант: hīc Rhodus, hīc salta!), основанный на греческомъ выраженіи «ἰδοῦ ἡ Ῥόδος, ἰδοῦ καὶ τὸ πήδημα» (Fab. Aesop. 203. ed. Halm, № 30, 203b, cf. Paroemiogr. graec. ed. Schneidewin. T. II. p. 461). Выраженіе это, по преданію, обращено было къ молодому человѣку, который по пріѣздѣ въ свою родину хвасталъ тѣмъ, что онъ въ Родосѣ всѣхъ очаровалъ своей пляской. Впослѣдствіи оно употреблялось вообще для обозначенія самолюбивыхъ и надмѣнныхъ хвастуновъ.

ческомъ переводѣ 143-го псалма, который сдѣланъ былъ каждымъ отдѣльно и потомъ отпечатанъ рядомъ[61]). Первую мысль, по всей вѣроятности, подалъ Тредіаковскій, который этимъ хотѣлъ сдѣлать публику судьей въ вопросѣ о томъ, что заслуживаетъ преимущество въ русской поэзіи: хореи-ли или ямбы, впервые предложенные Ломоносовымъ.

Какъ ни трудился Тредіаковскій, чтобы создать художественно-поэтическое произведеніе, оно все таки не могло сравняться съ ямбами двухъ его соперниковъ. Онъ самъ сознавалъ это и воздалъ имъ должную справедливость, прося Сенатъ въ своемъ доношеніи отъ 28 февраля 1744 года учредить для него въ Академіи каѳедру «Россійской элоквенціи». Въ § 4 онъ ссылается на то, что «Россійское стихотвореніе и новымъ изобрѣтеніемъ, по званію Акаде́мика, первый въ пра́вильнѣйшій порядокъ привелъ и пра́вила печатныя издалъ, *которыя ужѐ подали причину искуснымъ людямъ о совершенствѣ науки сея стараться;* о чемъ прежде меня никто и не мыслилъ, довольствуя́ся токмо весьма неправильнымъ старинымъ способомъ». Причислялъ-ли онъ къ этимъ «искуснымъ людямъ» только Ломоносова и Сумарокова, или также и Кантемира, мы не знаемъ. Послѣдній получилъ «Способъ», въ которомъ неоднократно о немъ говорится (см. ниже стр. 25, 26, 29, 72, 73), въ Парижѣ лишь въ концѣ 1742 года и уже черезъ недѣлю отправилъ въ Академію свой отвѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Письмо Харитона Макентина, содержащее Пра́вила Рускаго стихосложенія*». 16 февр. 1743 секретарь Серг. Волчковъ былъ призванъ къ кн. Никитѣ Юрьевичу Трубецкому и получилъ отъ него рукопись (Кантемира) съ тѣмъ чтобы она, по желанію автора, была напечатана иждивеніемъ Академіи. Канцелярія, которая въ то время находилась подъ начальствомъ Нартова (Андрея Константиновича), разрѣшила уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1743 года напечатать это письмо, но

---

[61]) Три оды парафрастическія Псалма 143, сочиненныя чрезъ трехъ стихотворцовъ, изъ которыхъ каждой одну сложилъ о́собливо. 1744.

тѣмъ не менѣе оно явилось не ранѣе 1744 года въ видѣ приложенія къ Кантемирову переводу Горацiевыхъ Писемъ [62]). Правда, что князь Кантемиръ не успѣлъ вполнѣ оцѣнить переворотъ, произведенный Тредіаковскимъ въ формѣ русскихъ стиховъ, но высказанное имъ одобреніе заслугъ Тредіаковскаго, вѣроятно, не мало обрадовало послѣдняго.

Письмо Харитона Макентина къ *пріятелю* о сложеніи стиховъ Рускихъ начинается такъ: «Государь мой! Я не знаю для какой причины отправленные вами книги въ прошломъ годѣ только на сей недѣлѣ ко мнѣ дошли; но вы изъ того изволите узнать, для чего я медлилъ удовольствовать желаніе ваше въ томъ, что касается до книжицъ подъ титломъ *Новаго и краткаго способа къ составленію Стиховъ Рускихъ.* Приложенной отъ остроумнаго ея сочинителя трудъ столь больше хваленъ, что въ самомъ дѣлѣ народъ нашъ до сѣхъ поръ лишаяся нѣкакимъ образомъ предводителя въ стихотворномъ теченіи, многіе часто съ прямой дорóги сбивалися. Наипачеже хваленъ, что съ необыкновенною Стихотворцамъ умѣренностію представляетъ опытъ свой къ испытанію и справленію тѣхъ, кои изъ насъ имѣютъ какое либо искусство въ стихотворствѣ». Изъ § 80 (...и нужны тѣ находки, понеже, правду сказать, мнѣ стиховъ нашихъ сочиненіе кажется весьма трудное, и въ тѣсныхъ предѣлахъ заключено) и другихъ мѣстъ видно, что петербургскіе пріятели не позаботились обрадовать князя сообщеніемъ Ломоносовой Оды 1739 года, если она дѣйствительно была напечатана.

Въ 1745 г. Тредіаковскій достигъ высшей цѣли своихъ стремленій: Штелина уволили отъ должности профессора элоквенціи, а мѣсто его заступилъ Тредіаковскій и притомъ, какъ онъ самъ любилъ говорить, профессоръ россійской и латинской элоквенціи, первый изъ Россіянъ.

---

[62]) Квинта Горація Флакка десять Писемъ первой книги переведены съ Латинскихъ стиховъ на Рускіе съ примѣчаніями изъяснены отъ знатнаго нѣкотораго охотника до стихотворства съ пріобщеннымъ при томъ письмомъ о сложеніи Рускихъ стиховъ... 1744 года in-4°.

Какъ при жизни Тредіаковскій не пользовался особеннымъ почетомъ, такъ и послѣ его смерти, послѣдовавшей 9 августа 1769, не переставали надъ нимъ издѣваться. Молодое поколѣніе еще не умѣло живо представить себѣ затрудненія, которыя предстояло преодолѣвать первымъ русскимъ литераторамъ. Непоэтичность самого Тредіаковскаго ярко бросалась въ глаза: не удивительно, что онъ и по смерти слылъ не поэтомъ, а *піитомъ*. А это слово, такъ часто, съ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, употребляемое имъ самимъ, естественно напоминало литераторамъ новаго поколѣнія «Оду о здачѣ Гданска», посвященную Бирону. Но уже авторъ перваго словаря русскихъ писателей, Иванъ Дмитревскій (род. въ 1733 г.), умѣлъ, въ 1768 г. [63]), оцѣнить настоящую заслугу Тредіаковскаго гораздо лучше, нежели безчисленное множество преподавателей словесности и журналистовъ-борзописцевъ второй половины 18-го и первой 19-го столѣтій. Въ то время, конечно, литературную личность еще не умѣли разсматривать съ объективной точки зрѣнія, — и *тѣни* бѣднаго піита, увѣнчаннаго мученическимъ вѣнцомъ отъ Волынскаго, не давали покоя.

Въ 1789 г. явилось въ печати *посмертное* сочиненіе Тредіаковскаго, въ которомъ онъ самъ трунитъ надъ собою, какъ надъ «строгімъ Піитою». Это мнимое посмертное сочиненіе пѣвца взятія Гданска состоитъ изъ Оды, напечатанной въ небольшую четвертку. Прежде чѣмъ сообщимъ первые 6 строфъ этого произведенія, замѣтимъ, что взятіе Очакова, т. н. «русской Трои», 6 декабря 1788, вызвало разнаго рода стихотворенія, между прочимъ, и одну оду, вложенную въ уста покойному Тредіаковскому, «изъ ада узрѣвшемуся на лиманѣ» при Очаковѣ. Вотъ заглавіе этой рѣдчайшей брошюры:

«Двѣ Оды на взятіе побѣдоноснымъ Россійскимъ воинствомъ города Очакова 1788 года Декабря 6 дня, сочиненныя

---

[63]) Французскій переводъ Словаря (Essai sur la littérature russe) вышелъ въ Ливорно въ 1771 г., но онъ сдѣланъ былъ уже въ 1770, когда извѣстіе о смерти Тредіаковскаго еще не дошло до переводчика.

Первая
Г. Т..........мъ въ царствѣ мертвыхъ,
Вторая
отставнымъ солдатомъ Моисеемъ Слѣпцовымъ.
Печатаны съ указнаго дозволенія 1789 года». 21 стр. in-4°.

I.

ОДА

сочиненная г. Т...........мъ въ царствѣ мертвыхъ.

Азъ Т........... строгій Піита,
Краснаго слога борзой писецъ.
Сирѣчь, чья стопна мысль грановита;
Что же бы въ рифму? ..... Руской творецъ.

Звякнулъ на лиркѣ пѣсни похвальны
Ратникамъ Рускимъ, аки Русакъ.
Прочь скоротечно мысли печальны,
Васъ не изволю слушать никакъ.

Вотъ ужъ тревожно въ мрачномъ жилищѣ
Демоны злые злѣе стократъ,
Или незгода въ Тартарской пищѣ?
Иль прогоняютъ злыхъ на Евфратъ?

Ну же, о Муза! вспрянь изъ подъ бѣздны,
Гдѣ ты гнѣздишься двадесять лѣтъ [64]);
Пой громогласно пѣсни любезны,
Нуди къ Россіи быстрой полѣтъ.

Лишь проглаголалъ [65]), духъ оперился,
Стража бѣсовска брысь отъ меня;
Нынь Т........... самъ ободрился,
Вотъ ужь Пегаса шпоритъ коня.

Толкъ.... и изъ ада зрюсь на Лиманѣ,
Кая пречудность тамъ веселитъ!
Згибла надежность вся въ бусурманѣ!
Въ тупѣ весь Тартаръ съ Туркомъ палитъ.

Подъ «похвальными пѣснями» во второй строфѣ покойный Тредіаковскій, конечно, разумѣлъ по преимуществу Оду на

---

64) Считая съ года сошествія Тредіаковскаго во адъ.
65) Слово, безъ сомнѣнія, взято изъ сочиненій Тредіаковскаго.

взятіе Гданска и эта догадка по видимому подтверждается подобною одою, которая первоначально напечатана въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ подъ заглавіемъ:

ОДА

Россійскимъ Солдатамъ на взятіе крѣпости Очакова 1788 года Декабря 6 дня, сочинена въ Москвѣ отставнымъ служивымъ Моисѣемъ Слѣпцовымъ,

и оттуда перепечатана въ Москвитянинѣ, какъ замѣчательная солдатская пѣснь старыхъ временъ[66]). Но таже самая ода съ незначительными варіантами напечатана въ выше упомянутой брошюрѣ in-4° (стр. 8 и слѣд.) въ слѣдъ за первою одою и значится (на стр. 8) подъ заглавіемъ:

II.

ОДА

сочиненная отставнымъ солдатомъ Моисеемъ Слѣпцовымъ.

Изъ этого довольно оригинальнаго произведенія, носящаго на себѣ явный признакъ вѣка Екатерины II, для насъ интересны только III-я и IV-я строфы, въ которыхъ мысль и тенденція выясняются для насъ только при сравненіи съ выше сообщенными отрывками I оды. Видно, что во второй одѣ Ломоносовъ прославляется не только, по извѣстному выраженію Сумарокова, какъ подобный Пиндару, но прямо выдается за русскаго Пиндара (ср. ниже стр. 206 отзывъ гр. Шувалова). Но кто подразумѣвается подъ «великимъ осломъ»? Обращая вниманіе на то, что авторъ въ I одѣ употребляетъ слово: *Піита* для характеристики пѣвца Оды на взятіе Гданска и что Тредіаковскій, вслѣдствіе посвященія своего недорослаго дѣтища Бирону дѣйствительно заслужилъ прозвище *Піиталъстеца*, мы покуда останавливаемся на томъ, что пѣвецъ 1789 г. подъ великимъ осломъ дѣйствительно разумѣлъ историческую личность, хоть отъ природы не совсѣмъ глупую, но отличавшуюся лишь знаніемъ иппологіи и безчеловѣчными нравами.

Буде жъ пѣсня у народа,
Руска Пиндара свѣжа;

[66]) Нов. Еж. Соч. Часть 34. Мѣс. Апр. 1789 г. стр. 51—64. — Москвитянинъ. 1853. № 23. Отд. IV, стр. 9.

Такъ моя, какъ въ новѣ мода,
Хоть на время Госпожа.
А къ томужъ и та примѣта,
Что не звукъ приманка свѣта;
Смыслъ, порядокъ и дѣла.
Естьлибъ пѣлъ и Ломоносовъ
Не дѣла великихъ Россовъ,
А великаго осла;

Что объ немъ сказали въ мірѣ,
Слыша громъ пустыхъ похвалъ?
Что осла на громкой Лирѣ
Духъ ослиной воспѣвалъ.
А изъ этаго выходитъ,
Что лишь съ истинной находитъ
Похвалу себѣ Пѣвецъ.
Пой, трещи хоть въ балалайку,
Лишь не суйся въ подлу шайку
И не будь Піита льстецъ.

Кто былъ авторомъ этой шутливой піэсы, покуда остается неизвѣстнымъ. Сопиковъ (IV, 39) полагаетъ, что брошюра напечатана была въ Санктпетербургѣ, но очень можетъ быть что подъ вымышленнымъ именемъ «Слѣпцова» скрывается московскій юмористъ того времени. Забавно, что одинъ изъ поклонниковъ Ломоносова, оскорбленный бурлескимъ тономъ автора двухъ солдатскихъ пѣсень, поспѣшилъ отправить

Посланіе къ Ломоносову въ Царство Мертвыхъ:

Познай, велика тѣнь, гремящій Ломоносовъ,
Премѣны, безъ тебя наставшія у Россовъ.
Безъ Лиры днесь хотятъ казаться въ высотѣ,
Твой полной духомъ звукъ, твой громъ пренебрегаютъ,
И пресмыкающи въ Піитахъ возникаютъ,
Что славу Россовъ пѣть стремятся на Гудкѣ.
Недавно торжество надъ Югомъ злобнымъ Порда,
И въ прахъ низверженье Очакова стѣнъ горда
Задумалось воспѣть какому то Слѣпцу:
Не мысли, чтобъ тебѣ, великихъ дѣлъ пѣвцу,
Онъ сталъ въ томъ подражать, и чтобъ, настроивъ Лиру,
Старался такъ гремѣть, какъ нѣкогда ты міру
Побѣду Россіянъ гремѣлъ надъ Хотиномъ.

Не съ Лирой нашъ слѣпецъ, явился онъ съ Гудкомъ,
Набравшій на подборъ подлѣйшія рѣченья......

Какой тутъ смѣхъ, когда Россія торжествуетъ!
Тѣнь Ломоносова, я чаю, негодуетъ...

Спокоенъ будь, о ты, велика мужа духъ!
Жаръ Лирой не во всѣхъ еще гремѣть потухъ,
Чистѣйшій вкусъ, въ стихахъ тобою насажденный,
Еще у насъ цвѣтетъ: во дни толь просвѣщенны,
Сколь можно намъ, тебѣ мы тщимся подражать,
Стезей твоей на Пиндъ стараемся взлѣзать...... [67]).

Охотно вѣримъ, что пѣвецъ очаковскихъ временъ избралъ себѣ въ девизъ:

Совѣсть, Правда и ЦАРИЦА
Командиры мнѣ одни,

и предоставляемъ ему полное право изображать Тредіаковскаго піитомъ-льстецомъ: но что̀ сказалъ бы онъ, если бы узналъ объ упрекѣ, не въ шутку сдѣланномъ Тредіаковскимъ (см. выше стр. XLII) Ломоносову въ «излишнемъ ласкательствѣ», и какъ бы согласилъ онъ свой отзывъ о чистотѣ поэтическаго характера Ломоносова съ (запрещенными) одами 1741 и 1762 г., если бы онѣ въ то время были отысканы?

Для насъ этотъ односторонній взглядъ пѣвца очаковскихъ временъ и его угрюмаго критика служитъ лишь новымъ побужденіемъ, какъ Тредіаковскаго, такъ и Ломоносова понимать и оцѣнивать какъ личности вѣка, въ которомъ они жили и дѣйствовали, вмѣсто того, чтобы, по прежнему, не задумываясь выставлять одного за образецъ всего пошлаго, а другаго за представителя всего прекраснаго и дѣльнаго. Время фразъ прошло и для прошедшаго, если оно дѣйствительно прошло для настоящаго.

---

[67]) Было ли это Посланіе гдѣ-нибудь напечатано, мнѣ не извѣстно. Оно, подобно выше приведенной брошюрѣ in-4⁰, находится въ одномъ изъ моихъ Сборниковъ мелкихъ сочиненій временъ Екатерины II.

«На меня, прошу васъ покорно, неизволте погнѣваться, (буде вы «еще глубокословныя держитесь славенщизны) что я оную не славен- «скимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ сло- «вомъ, то есть каковымъ мы межъ собои говоримъ. Сїе я учинилъ «слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскои, у насъ есть «языкъ церковнои; а сїя книга мирская. Другая: языкъ славенскои «въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь теменъ, и многїя его наши читая «неразумѣютъ; А сїя кнїга есть СЛАДКІЯ ЛЮБВИ, тогоради всѣмъ «должна быть взразумителна. Третїя: которая вамъ покажется можетъ «быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то «есть, что языкъ славенскои нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, «хотя прежде сего не толко я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со «всѣми: но зато у всѣхъ я прошу прощенїя, при которыхъ я съ глу- «пословїемъ моимъ славенскимъ особымъ РѢЧЕТОЧЦЕМЪ хотѣлъ «себя показывать».

«Ежели вамъ, ДОБРОЖЕЛАТЕЛНЫИ ЧИТАТЕЛЮ, покажется «что я еще здѣсь въ своиство нашего природнаго языка не умѣтилъ, «то хотя могу толко похвалится, что все мое хотѣнїе имѣлъ, дабы то «учинить; а коли же не учинилъ, то безсилїе меня къ тому недопусти- «ло, и сего, видится мнѣ, доволно есть къ моему оправданїю *).

---

*) Изъ Предисловія къ книгѣ: *«Ѣзда въ островъ любви. Переведена съ Французскаго на Рускои. Чрезъ Студента Василья* Тредїаковскаго *и приписана Его Сїятельству Князю Александру Борисовичу Куракину. Напечатана 1730.»*

I.

НОВОЮ ДОСТОЙНО УКРАШЕННОМУ ЧЕСТІЮ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНѢЙШЕМУ ГОСПОДИНУ

ГОСПОДИНУ

ЮАННУ АЛБРЕХТУ БАРОНУ ФОНЪ КОРФФЪ

ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАМЕРЪ-ГЕРУ

нынѣ же

въ Санктпетербургской Імператорской Академіи Наукъ

главную имѣющему комманду

ПОКОРНѢЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНІЕ

отъ

Васілія Тредіаковскаго.

I.

GLÜCKWÜNSCHENDER ZURUFF

AN DEN HOCHWOHLGEBOHRNEN HERRN

HERRN JOHANN ALBRECHT VON KORFF

IHRO RUSSISCH-KAYSERLICHEN MAJESTÄT

würcklichen Cammer - Herrn

als Derselbe

VON IHRO KAYSERLICHEN MAJESTÄT

zum

CHEFF

DERO ACADEMIE DER WISSENSCHAFFTEN

WÜRDIGST ERNENNET WURDE

UNTERTHÄNIGST ABGESTATTET

von

BASILIO TREDIAKOFFSKY.

Здѣ сїя, ДОСТОИНЫЙ МУЖЪ, что ТИ поздравляетъ,
Вящшїя и день отъ дня чести толь желаетъ,
(Честь, велика ни моглабъ коль та быть собою,
Будетъ, дастся какъ ТЕБѢ, вящшая тобою)
Есть Россїйска муза, всѣмъ и млада и нова;
А по долгу ТИ служить съ прочими готова.
Многи ТЯ сестры ея славятъ АПОЛЛОНА;
Уха но не отврати и отъ Росска звона.
Слово красно произнесть та хоть не исправна;
Малыхъ но отцамъ дѣтей и нѣма рѣчь нравна.
Всѣ желанїя свои просто ТИ износитъ,
Тѣ сердечны прїими, се нижайша проситъ.
Щастлива и весела мудру ТИ служити:
Ибо можетъ чрезъ ТЕБЯ та достойна быти,
Славны воспѣвать дѣла, чрезъ стїхи избранны,
Толь великїя въ женахъ МОНАРХІНИ АННЫ.

Печатано при Санктпетербургской Імператорской Академїи Наукъ,
1734 года.

Ja die Ehre wächset immer, wird sie nur auf Dich gelegt,
Dich, der was Ihn zieren solte, allzeit selbst zu schmücken pflegt.
WÜRDIGSTER, die, so Dir hier ihren treuen Eifer zeiget,
Wünschend dass von Tag zu Tag Dein verdientes Glücke steiget,
Ist die RUSSIN, meine Muse, die in allem schwach und neu;
Doch glaub, dass sie, nebst den andern, Dich zu ehren wachsam sey.
Weil Dich ihre Schwestern nun als den Phöbus hocherheben,
Meynt sie, Du wirst ihren Thon auch geneigt Gehöre geben,
Und dass, da der Kinder Sprache Eltern allzeit wohlgefällt,
Ihre noch nicht reiffe Rede Deinen Beyfall mit erhält.
Dass Ihr Wünschen redlich sey, kanst Du an der Einfalt spüren.
Schau! sie bittet Dich gebeugt: lass Dich davon überführen!
Unter Deiner weisen Aufsicht lebt sie glücklich und erfreut
Und Dein immer reitzend Beyspiel bringt sie zu der Würdigkeit,
Sich zum Thron der Höchsten FRAU in Gedancken aufzuschwingen,
Und der grossen KAYSERIN Helden-Thaten zu besingen.

———

St. Petersburg, Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschafft. 1734.

СВѢДѢНІЯ

О ВРЕМЕНИ СОСТАВЛЕНІЯ

ОДЫ БАРОНУ І. А. КОРФУ.

Извѣстія о сдачѣ Данцига пришло въ С. Петербургъ 3 іюля 1734 года. Вслѣдъ за тѣмъ явилась «Торжественная Ода о здачѣ города Гданска» В. Тредіаковскаго, написанная силлабическими стихами; ея посвященіе подписано 8-мъ іюля. Къ русскому тексту приложенъ былъ нѣмецкій переводъ академика Юнкера. Объ отношеніи его къ подлиннику можно судить по образчику, помѣщенному въ Приложеніяхъ.

Юнкеръ не имѣлъ особеннаго поэтическаго дарованія. Но кто прочтетъ Оду на обоихъ языкахъ, тотъ вѣрно согласится съ Тредіаковскимъ, который въ концѣ сопровождающаго эту оду «Разсужденія о Одѣ во обще» говоритъ: *«я не сомнѣваюся, чтобъ переводъ Нѣмецкой по всему красніе, и осанковатѣе»*. Могло быть, что его знакомые еще сильнѣе отзывались ему объ этомъ, какъ въ-послѣдствіи Штелинъ, когда Тредіаковскій въ 1736 г. силлабическими-же стихами перевелъ его оду на взятіе перекопскихъ линій. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ достаточное основаніе (см. Приложенія) полагать что Тредіаковскій давно уже думалъ объ улучшеніи формы русской поэзіи. Случай предпринять это улучшеніе на дѣлѣ представился скоро, и первый, хотя еще слабый опытъ Тредіаковскаго навсегда проложилъ дорогу.

Указомъ 18 сентября 1734 г. баронъ І. А. Корфъ назначенъ былъ президентомъ Академіи Наукъ и увѣдомилъ о томъ Академію 28 сентября. По причинѣ болѣзни онъ могъ произнести свою вступительную рѣчь въ академической конференціи только 11 ноября. Тредіаковскому не было надобности ждать этой рѣчи, потому что литературное образованіе новаго президента, равно и его благосклонная обходительность, всѣмъ были извѣстны. Потому не удивительно, если остававшійся одинокимъ и мало понимаемый въ своемъ благонамѣренномъ стремленіи литераторъ безъ всякаго внѣшняго повода рѣшился выразить задушевныя желанія въ своемъ «покорнѣйшемъ поздравленіи», которое впрочемъ тѣсно связано съ «Рѣчью о чистотѣ Россійскаго языка».

II.

РѢЧЬ

КОТОРУЮ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ІМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ,

КЪ ЧЛЕНАМЪ РОССІЙСКАГО СОБРАНІЯ,

ВО ВРЕМЯ ПЕРВАГО ОНЫХЪ ЗАСѢДАНІЯ,

Марта 14 дня, 1735 года,

говорилъ

Васілій Тредіаковскій,

Санктпетербургскія Імператорскія Академіи Наукъ Секретарь.

Печатано при Імператорской Академіи Наукъ.
Въ Санктпетербургѣ MDCCXXXV.

При благословенной державѣ величайшія МОНАРХІНИ АННЫ, 3
сего дождались мы щастія, Мои Господа, что и о совершенствѣ
Россійскаго языка попеченіе воспріемлется. Сіе дѣло не меньше
полезное, коль трудное, главный въ сей Імператорской Академіи
Коммандиръ, остроумный, искусный, и мудрый мужъ, на васъ пола-
гаетъ, вамъ ввѣряетъ, и всего къ тому возможнаго прилѣжанія,
къ вящшему прославленію Россійскаго народа и его слóва, отъ
васъ ожидаетъ.

За толь нуждное, но донынѣ оставленное, сіе начинающееся
учрежденіе Его Превосходительству, высокоблагородному Госпо-
дину, Господину Іоанну Албрехту барону фонъ Корфу, Ея Імпе-
раторскаго Величества дѣйствительному Каммергеру, въ мудрыхъ
мудрому, въ ученыхъ ученому, въ славныхъ славному мужу, не 4
искусное мое перо, равно какъ и не обыкшій къ краснорѣчію языкъ,
довольно и достойно возблагодарить никогда въ состояніи быть
не можетъ; всѣ любители наукъ учинятъ ему за меня сію справед-
ливость, цѣлое оныхъ въ Россіи потомство благодаря не устанетъ
никогда въ похвалахъ его, самая, нынѣ еще чаемая, отъ сего
польза, совершенный дастъ способъ должно и прославить, и его
ублажить.

Я только могу предъ вами сіе, Мои Господа, выговорить, что
Его Превосходительства бодрое стараніе, мудрое управленіе, острое
такожде разсмотрѣніе, какъ въ прочихъ Академіческихъ поряд-
кахъ, такъ и въ семъ новомъ установленіи, прямую къ славѣ Рос-
сійской пользу, въ видѣ украшенномъ, прекрасномъ, и совершен-
номъ предъ мои представляютъ очи; и кажется мнѣ, что я вижу
уже ту любезну, прибыточну, честну, хотя единымъ симъ не стройну
и не достаточну, что и мнѣ съ вами, повелѣно совокупно присуть-
ствовать и трудиться.

Должность, которая на меня, но при васъ, Мои Господа, нала-
гается, и по которой отъ меня, но не безъ васъ, исполненіе тре-
боваться будетъ отнынѣ, мнѣ толь есть не обычна, толь силы мои
превосходяща, толь мало тупости моего ума прилична, и отъ кото-
рыя меня толь многія причины, въ разсужденіи моихъ къ ней
недостатковъ и неспособностей, долженствовали выключить, что
въ самое сіе время, въ которое вамъ сію рѣчь произношу, не знаю,
что долженъ я о себѣ помышлять. Возможноль сему статься, и
правда ли то, что и я удостоенъ дѣйствительно вашего сообщества,
котораго токмо таковый быть можетъ достоинъ, кто многаго есть
разума, довольныя науки, твердаго и зрѣлаго разсужденія, сло-
вомъ, подобный вамъ? Однако съ стороны разума, науки, разсуж-
денія и многотруднаго искусства, хотя я васъ, Мои Господа, весьма
нахожуся ни́же; но послушаніемъ, но почтеніемъ къ Его Превос-
ходительству, съ вами сравниться всячески потщуся. Не будетъ
во мнѣ, да и не надлежитъ, никаковаго повелѣніямъ его сопроти-
вленія, не будетъ никаковыя отговорки, не будетъ, не будетъ
никаковаго преслушанія; ко всему, чего моя должность требовать
отъ меня ни будетъ, увидитъ онъ меня готова, ко всему, и всегда
прилѣжна, ко всему радѣтельна, и толь, коль самая возможность
до того меня допуститъ, и такъ, что, наконецъ, и Его Пре-
6 восходительство достойнымъ меня нѣсколько быть вашего со-
общества найдетъ, и вы не будете сожалѣть, что искусныя
ваши наставленія, въ разсужденіи чистоты нашего языка, въ
прибытокъ мой, къ пользѣжъ общей, купно съ вами трудяся,
употреблю.

Однако сіе коль ни полезно есть Россійскому народу, то есть,
возможное дополненіе языка, чистота, красота, и желаемое, пото́мъ,
его совершенство; но мнѣ толь трудно быть кажется, что не не
страшитъ, уповаю, и васъ, Мои Господа, трудностію и тягостію
своею. Но о единомъ тутъ чистомъ переводѣ степенныхъ, ста-
рыхъ, и новыхъ ауторовъ дѣло идетъ, что и едино, и само собою
колико проливаетъ по́та, извѣстно есть тѣмъ, которые прежде
васъ трудилися въ томъ, и вамъ самимъ, которые нынѣ трудитеся;
но и о Грамматікѣ доброй и исправной, согласной мудрыхъ упо-
требленію, и основанной на ономъ, въ которой коль много есть
нужды, толь много есть и трудности; но и о дікціонаріѣ полномъ
и довольномъ, который въ имѣющихъ трудиться васъ еще больше
7 силы требуетъ, нежели въ баснословномъ Сізѵфѣ превеликій оный
камень, который онъ на высокую гору одинъ все хотя вскатить,
съ самаго почитай верьха внизъ его не хотя опускаетъ; но и о

Реторікѣ, и Стіхотворной Наукѣ, что все чрезъ мѣру утрудить васъ можетъ.

Чувствуя сіе толь тяжкое бремя, и видя въ Собраніи нашемъ толь малое насъ число, сомнѣваюсь, отпустите моему малодушію, чтобъ чрезъ насъ однихъ толикое дѣло могло совершиться Впредь, твердо уповаю, когда малый, ускій и мѣлкій нашъ источникъ, наполнився посторонними струями, возрастетъ въ превеликую, пространную, и глубокую рѣку, то есть, когда число наше искусными людьми умножится и прибавится, тогда можно будетъ благополучнаго сему ожидать совершенія, и вновь къ старому пріумноженія. Довольно съ насъ нынѣ и сея единыя славы, что мы начинаемъ, что начинаемъ подъ надзрѣніемъ нынѣшняго главнаго нашего Коммандира, что, наконецъ, начинаемъ въ государствованіе великія и не сравненныя САМОДЕРЖИЦЫ НАШЕЯ АННЫ, Матери отечества, и которая нынѣ есть чудо и удивленіе всему свѣту.

Поистиннѣ, Мои Господа, дѣйствія и добродѣтели увѣнчанныя сея Героіни толь велики, какъ всему земному кругу извѣстно, что 8 ни самый совершенно исполненный языкъ рѣчей въ себѣ равныхъ, дабы описать оныя, найти не можетъ. Что же нашъ? и нашъ, который не токмо не исполненъ, но еще до нынѣ и дополняемъ быть не начатъ? И сего то ради нынѣ должность сія вамъ вручается, чтобъ, по скольку возможно, въ совершенство приводить нашъ языкъ, и чрезъ тобъ имѣть, хотя малое, средство къ прославленію дѣлъ и добродѣтелей ГОСУДАРЫНИ нашея.

Не сомнѣваюсь, чтобъ, украшая нашъ языкъ, не потщались вы описать, въ извѣстіе будущимъ родамъ, коль есть премудра наша ІМПЕРАТРІЦА, коль храбра, щедра, и правосудна, коль любезна въ мирѣ, страшна въ пріуготовленіяхъ военныхъ, глубока въ разсужденіяхъ, не проницаема въ намѣреніяхъ, не утруждаема въ исполненіи своихъ предпріятій, не боязлива въ противныхъ случаяхъ, великодушна въ побѣдахъ, великолѣпна и преславна въ торжествахъ; но чтобъ и украшеннымъ могли мы описать, коль есть ОНА милостива, о томъ не токмо сомнѣваюсь, но еще и отчаяваюсь. Найдите мнѣ, прошу, таковаго Государя, которой бы во время самаго сраженія взятыхъ воиновъ содержалъ какъ Посланниковъ, которой бы непріятелей не добровольно покорившихся какъ друговъ, которой бы подданныхъ своихъ любилъ и жаловалъ, 9 какъ дѣтей? А наша ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ ІМПЕРАТРІЦА такъ поступила съ Французами, такъ поступаетъ съ Депутатами Гданскими, такъ жалуетъ и любитъ насъ своихъ подданныхъ, не спрашивая съ насъ за цѣлую половину года долж-

ныхъ себѣ податей, состоящихъ не въ нѣсколькихъ тысячахъ, но въ нѣсколькихъ міліонахъ. Ей! толико сіе потомкамъ будетъ не вѣроятно, колико есть истинно. Наивѣрнѣйшая сія правда такова быть вмѣнится, каковы преукрашенныя слогомъ басни древнихъ и новыхъ Піитъ намъ быть кажутся.

Что же до нынѣшнихъ временъ. Кто о семъ сомнѣвается? Кому сіе не достовѣрно изъ насъ быть мнится? Глухъ есть, кто не слышитъ громогласныхъ проповѣданій во всей Россіи, отъ всѣхъ чиновъ, на всякомъ мѣстѣ, о превеликой САМОДЕРЖИЦЫ нашея милости; слѣпъ есть, кто не видитъ повсюду текущаго, не удобопонятнаго потомкамъ, щедротъ ЕЯ источника; окаменѣнъ есть, кто не чувствуетъ сердцемъ матерняго ЕЯ ко всѣмъ милосердія; а продерзостенъ и безуменъ есть, кто высоко мысля о себѣ, описать милости, щедроты, и ЕЯ милосердія всю великость возна-
10 мѣрится. Всея бы развѣ вселенныя довольно къ тому было добровѣщаніе, а единаго человѣка всякое скудно, убого, и не достаточно есть краснословіе.

Того ради, Мои Господа, не льститесь, чтобъ и всѣ вы совокупно, повторяю, могли когда изъяснить по достоинству, хотя бы ваше и наисовершеннѣйшее было вітійство, милость правосудную, и правосудіе милостивое МОНАРХІНИ нашея АННЫ: безмѣрность ЕЯ щедротъ всѣ наиглубочайшіе умы въ свѣтѣ превосходитъ. И такъ оставимъ милосердіе ЕЯ, чтобъ продолжало свое теченіе; возблагодаримъ токмо всеблагому богу, что милостиво свое подобіе, ІМПЕРАТРІЦУ, то есть, АННУ, даровалъ намъ здѣсь, да здраво, благополучно и долговремянно ТА царствуетъ надъ нами.

Гдѣжъ я, и слово мое!... Извините меня, Мои Господа, что толь далеко отступилъ я въ сей моей рѣчи отъ намѣреннаго предложенія: истинно всегда въ живое прихожу чувство, сколько разъ ни размышляю о не измѣримой и никогда достойно могущей прославиться милости, которую ГОСУДАРЫНЯ наша имѣетъ; не знаю, благодарность ли моего сéрдца (ибо и я, Мои Господа, довольно
11 оною, кто бы повѣрилъ? насладился) къ тому меня приводитъ, или чудная ЕЯ великость умъ мой ужасаетъ и удивляетъ.

Но къ намѣренной возвращаюсь рѣчи. Не забылъ я, Мои Господа, что оставилъ васъ при великихъ трудностяхъ полагаемаго на насъ дѣла. Правда, что сія трудность есть превелика; однако онà не изъ таковыхъ, чтобъ не возмогла быть преодолѣнна. Всегдашнее тщаніе, не престанное размышленіе, не усыпный трудъ и на прежидкомъ морѣ строитъ городы, и на превысокія горы взводитъ рѣки, и въ преглубокихъ безднахъ находитъ перла. Знаю,

что трудно будетъ начало; но своя есть честь и начатію. Вѣдаю, что скучно будетъ продолженіе; но и съ тѣмъ громкая сопряжена слава. А изъ полезнаго окончанія коликая похвала, коликія благодаренія, коликія прославленія произойти могутъ, кто сего не чувствуетъ? кто сего уразумѣть не можетъ? Однобъ развѣ сіе токмо отвратить отъ предпріятія насъ могло, что не надѣемся мы быть щастливы въ окончаніи, и что другимъ сей преславный жребій готовится, а не намъ.

Но, Мои Господа, для себяль единыя пчела сладкій медъ собираетъ, а и не для насъ? для себяль единаго соболь драгоцѣнную 12 носитъ одежду, а и не для насъ? не для себя и прекрасные цвѣты благовонны, но для насъ. На что намъ завидовать щастію и славѣ другихъ въ окончаніи, когда довольно онаго и оныя съ насъ будетъ въ начатіи и въ продолженіи? Но хотя насъ и трудности устрашаютъ; однако начнемъ, а начавъ изъ того нѣчто быть имѣетъ, по крайнѣй мѣрѣ, поощреніе другимъ къ таковому дѣлу; не начиная же ничего, ничего и не будетъ.

Сверьхъ того, первые ли мы въ Эѵропѣ, которымъ сіе не токмо трудно, но почти и весьма неприступно быть кажется? были, были таковые, которые не бояся того, но смотря на будущую изъ сего пользу, начали, продолжали, и нѣкоторые съ похвалою окончали. Напримѣръ: не не трудно было, въ самомъ началѣ, Флорентінской Академіи стараніе возъимѣть о чистотѣ своего языка; возъимѣла. Не не страшно было, думаю, предпріять такъ же и Французской Академіи, чтобъ совершеннѣйшимъ учинить свойство ихъ діалекта; предпріяла. Не возможно, чаю, сперва казалось Леіпцігскому Сообществу подражать толь благоуспѣшно вышереченнымъ онымъ Академіямъ, коль тѣ начавши окончали щастливо; подражаетъ, и подражала благополучно.

Насъ, Мои Господа, что бы могло не допустить къ начатію 13 толь полезнаго, и толь надобнаго дѣла? Не думаете ли вы, что нашъ языкъ въ состояніи не находится быть украшаемъ? Нѣтъ, нѣтъ, Мои Господа; извольте отложить толь не основательное мнѣніе. Посмотрите, отъ ПЕТРА Великаго лѣтъ, обративишись на многіе прошедшіе годы, то разсудивъ увидите ясно, что совершеннѣйшій сталъ въ Петровы лѣта языкъ, нежели въ прежде его бывшія. А отъ Петровыхъ лѣтъ толь отчасу во многихъ писателяхъ пріятнѣйшимъ оной становится, что ни мало не сомнѣваюсь, чтобъ великія АННЫ въ лѣта, къ совершенной не пришелъ своей высотѣ, и красотѣ.

Украситъ оной въ насъ дворъ Ея Величества въ словѣ наиучтивѣйшій, и богатствомъ наивеликолѣпнѣйшій. Научатъ насъ искусно имъ говорить благоразумнѣйшіе ЕЯ Міністры, и премудрѣйшіе Священноначальники, изъ которыхъ многіе, вамъ и мнѣ извѣстные, у насъ таковы, что намъ за господствующее пра́вило можно бы ихъ взять было въ Грамматіку, и за наикраснѣйшій примѣръ въ Реторику. Научитъ насъ и знатнѣйшее и искуснѣйшее дворянство. Утвердитъ оной намъ и собственное о немъ разсужденіе, и воспріятое отъ всѣхъ разумныхъ употребленіе.

14 Сіе положивъ, не великой ли при́ступъ, не великая ли способность къ начатію Грамматіки? Чтожъ еще страшитъ насъ? Реторіка? Помогутъ намъ въ ней премногіе творцы Римскіе, а наипаче хитрый и сладкій въ словѣ Маркъ Туллій Ціцеро́нъ. Помогутъ Французскіе Балза́ки, Коста́рды, Патрю́, и прочіе безчисленные. Помогутъ многіе преславные писатели Нѣмецкіе, а особливо здѣсь Превосходительнѣйшій нашъ главный Коммандиръ, котораго въ семъ каково есть искусство, уже объявилось ученому свѣту чрезъ погребательное его слово, и чрезъ рѣчь, которую онъ имѣлъ въ здѣшней Імператорской Академіи наукъ къ Господамъ Професссорамъ. Изъ основательныя Грамматіки, и красныя Реторіки не трудно произойти восхищающему сердце и умъ слову піитіческому, развѣ только одно сложеніе стіховъ неправильностію своею утрудить васъ можетъ; но и то, мои Господа, преодолѣть возможно, и привесть въ порядокъ: способовъ не нѣтъ, нѣкоторые же и я имѣю. Вся трудность состоитъ въ дікціонаріѣ.

Я не противлюсь вамъ, Мои Господа; великое и трудное есть дѣло дікціонарій, и дікціонарій таковъ, какову ему быть надлежитъ, то есть полному и совершенному. Однако спрашиваю васъ: видали
15 ли вы когда дікціонарій на какомъ языкѣ?... Вижу, что никто изъ васъ не можетъ отрещися; знаю, что изъ оныхъ многіе вы видали, и на многихъ языкахъ. Сіе самое, Мои Господа, доказываетъ ясно, что и дікціонарій не выше человѣческихъ силъ; а сего съ меня и довольно. Напраснобъ говорилъ я о переводѣ: нѣкоторые и изъ васъ самихъ, и не безъ похвалы, пускаютъ и пустили въ свѣтъ свои переводы; того ради и переводъ хотя труденъ, но бываетъ; хотя скученъ, но къ окончанію приходитъ. Трудъ, Мои Господа, трудъ прилѣжный все побѣждаетъ.

Видите, Мои Господа, что и трудность въ нашей должности не толь есть трудна, чтобъ побѣждена быть не могла. Одно тщаніе, одна ревность, одна неусыпность отъ насъ требуется. Можножъ дать и способъ, чрезъ которой тщаніе, ревность, и неусы-

ность не преминуемо имѣть мы будемъ. Вѣрьте мнѣ, когда о трудѣ памятовать не станемъ, когда хвалы, славы, и общія пользы желать станемъ, когда не для того будемъ жить, чтобъ не трудиться, но для того станемъ трудиться, чтобъ и по смерти не умереть; тогда не чувствительно пристрастимся къ тщанію, ревности и неусыпности.

Напослѣдокъ, Мои Господа, хотя и кажется мнѣ, что я 16
нѣсколько доказалъ пользу, славу, и могущую побѣдиться трудность въ новой сей нашей должности; но весьма не знаю, приличнымъ и свойственнымъ ли словомъ оное я учинилъ. Того ради, для начатія вашея должности, самую сію рѣчь въ ваше отдаю разсмотрѣніе, прося, чтобъ вы въ ней не правильное исправили, не достаточное наполнили, не приличное приличнымъ и надлежащимъ украсили, лишнее вонъ выняли. КОНЕЦЪ.

ЗАМѢЧАНІЕ

О ВТОРОМЪ ИЗДАНІИ «РѢЧИ 1735 ГОДА».

Рѣчь, произнесенная В. Тредіаковскимъ 14 марта 1735, была напечатана отдѣльно въ малую 4-ю долю и продавалась въ академической книжной лавкѣ по 6 коп. Впослѣдствіи она самымъ авторомъ перепечатана (см. Сочиненія и Переводы какъ стіхами такъ и прозою Васілья Тредіаковскаго. Томъ второй. Въ Санктпетербургѣ при Імператорской Академіи Наукъ 1752 года, стр. 6—19) подъ заглавіемъ:

«Рѣчь, которую въ Санктпетербургской Імператорской Академіи Наукъ къ членамъ бывшаго Россійскаго собранія во время перваго ихъ засѣданія Марта 14 дня, 1735 года о чистотѣ Россійскаго Языка говорилъ В. Т.»

До сихъ поръ у насъ пользуются одной этой перепечаткой, которая не вполнѣ сходна съ текстомъ изданія 1735 года. Число варіантовъ втораго изданія довольно значительно, но они по большой части ограничиваются замѣной отдѣльныхъ словъ и короткихъ фразъ другими болѣе или менѣе удачными. Тамъ и сямъ авторъ исключалъ то или другое слово и только въ немногихъ мѣстахъ позволялъ себѣ вставлять новыя фразы для болѣе сильнаго или яснаго выраженія своей мысли. Словомъ, всѣ эти перемѣны касаются болѣе слога и правописанія, чѣмъ сущности дѣла.

Вторая редакція «Рѣчи 1735 года» перепечатана въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Тредіаковскаго.

III.

НОВЫЙ И КРАТКІЙ

СПОСОБЪ

КЪ СЛОЖЕНІЮ РОССІЙСКИХЪ СТІХОВЪ

СЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМИ

ДО СЕГО НАДЛЕЖАЩИХЪ ЗВАНІЙ.

ЧРЕЗЪ

Васілья Тредіаковскаго

С. Петербургскія Імператорскія Академіи Наукъ Секретаря.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Імператорской Академіи Наукъ.

MDCCXXXV.

4906

Est Deus in nobis, agitante calescimus illo,
Impetus hic sacrae semina mentis habet.

Ovidius Lib. 6. Fastorum.

То есть:

Стїхотворчеству насъ БОГЪ токмо научаетъ,
И Святый охоту въ насъ пламенну раждаетъ.

Овідій въ кн. 6. о Фастахъ.

ВСѢМЪ

ВЫСОКОПОЧТЕННѢЙШИМЪ ОСОБАМЪ

ТІТУЛАМИ СВОИМИ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНѢЙШИМЪ

ВЪ РОССІЙСКОМЪ СТІХОТВОРСТВѢ ИСКУСНѢЙШИМЪ

И

ВЪ ТОМЪ ОХОТНО УПРАЖНЯЮЩИМСЯ

МОИМЪ

Милостивѣйшимъ Господамъ.

Высокопочтеннѣйшіе Господа!

Не безъ основательныя причины, новый сей и краткій мой Способъ къ сложенію Россійскихъ Стїховъ, ВАМЪ покорнѣйше приписываю. Прáвилъ, которыя въ немъ я положилъ, и по силѣ которыхъ не прямыми называю Стїхами старые наши Стїхи, кому лучше, какъ ВАМЪ искуснѣйшимъ рассмотрѣть надлежитъ правость? А охотно въ томъ упражняющїеся нѣсколько Стїховъ здѣсь, до нынѣ въ Россіи не виданныхъ, въ примѣръ себѣ найти могутъ, и оные употребить, буде за благо рассудятъ имъ слѣдовать, къ своей пользѣ.

ВАСЪ искуснѣйшихъ, ежели прáвила мои не правы, или къ стїхотворству нашему не довольны, нижайше прошу, и купно исправить, и купно оныя дополнить; но въ томъ упражняющїеся чрезъ нихъ же пóводъ возимѣютъ тщательнѣе рассуждать, и Стїхи наши, чрезъ свое рассужденїе, отчасу въ бóльшемъ совершенствѣ въ Россїйскїй Свѣтъ издавать: Однимъ же и дру-

гимъ ВАМЪ не не полезенъ пра́вилами моими быть уповаю, что однихъ ВАСЪ и другихъ новостїю возбужду либо старые наши Стїхи освидѣтельствовать, и по правдѣ ли тѣ носили имя Стїховъ до нынѣ, розыскавъ увѣдать.

СІЕ есть мое намѣренїе, въ семъ новомъ и краткомъ Способѣ къ сложенїю Россїйскихъ Стїховъ, который, какъ достойнѣйшимъ ВАМЪ, въ честь ВАШУ посвящаю; какъ благоразумнѣйшимъ, въ исправленїе отдаю; но какъ во всемъ, такъ либо и въ семъ, правду любящимъ, въ покровъ и защиту вручаю; не больше, поистиннѣ, малую, и весьма не дѣйствительную искру моего ума показать хотѣвшїй, коль ВАМЪ и услужить, и ВАСЪ глубочайше тѣмъ почтить желающїй,

Высокопочтеннѣйшїе Господа

Вашъ покорнѣйшїй и нижайшїй слуга:

В. Тредїаковскїй.

Въ Поэзіи вообще, двѣ вещи надлежитъ примѣчать. Первое: матерію, или дѣло, каковое Піита предпріемлетъ писать. Второе: версіфікацію, то есть, способъ сложенія Стіховъ. Матерія всѣмъ языкамъ въ свѣтѣ общая есть вещь, такъ что ни который оную за собственную токмо одному себѣ почитать не можетъ: ибо пра́вила поэмы эпіческія, не больше служатъ Греческому языку въ Гомеровой Іліадѣ, и Латінскому въ Віргіліевой Энеїдѣ, какъ Французскому въ Волтеровой Ганріадѣ, Італіянскому въ избавленномъ Іерусалимѣ у Тасса, и Аглінскому въ Мілтоновой Поэмѣ о потерянїи Рая. Но способъ сложенія Стіховъ весьма есть различенъ по различїю языковъ. И такъ Аvторъ славенскія Грамматіки, которая обще называется *большáя* и *Максімовская*, желая наше сложенїе Стіховъ подобнымъ учинить греческому и латінскому, такъ свою просодію количественную смѣшно̀ написалъ, что, сколько разъ за оную не примешься, никогда не можешь удержаться, чтобъ не быть, смотря на оную, смѣющимся Демокрітомъ не престанно. Ежелибъ онъ тогда рассудилъ, что сво́йство нашего языка того не терпитъ, никогдабъ таковыя просодіи не положилъ въ своей Грамматікѣ. 1

Другїе въ сложенїи нашихъ Стіховъ до нынѣ пра́вильнѣе поступали, нѣкоторое извѣстное число слоговъ въ Стіхѣ полагая, пресѣкая оной на двѣ части, и приводя согласїе конечныхъ между собою слоговъ. Но и таковые Стіхи толь недостаточны быть видятся, что приличнѣе ихъ называть Прозою опредѣленнымъ числомъ идущею, а мѣры и паденія, чѣмъ Стіхъ поется, и разнится отъ Прозы, то есть, отъ того, что не Стіхъ, весьма не имѣющею. Того ради за благо рассудилось, много прежде положивъ труда̀ къ изобрѣтенїю прямыхъ нашихъ Стіховъ, сей новый и краткїй Способъ къ сложенїю Россі́йскихъ Стіховъ издать, кото- 2

рые и число слоговъ свойственное языку нашему имѣть будутъ, и мѣру стопъ съ паденіемъ пріятнымъ слуху, отъ чего Стіхъ Стіхомъ называется, содержать въ себѣ имѣютъ. Будежъ каковой недостатокъ и въ семъ найдется; то покорно просятся благоразумные и искусные Люди, чтобъ объявить то Россійскому Собранію, которое всячески потщится, или сомнѣнія ихъ, въ рассужденіи Стіховъ, разрѣшить, или недостатки находящіеся въ сихъ новыхъ исправить, съ возможнымъ за таковое ихъ пріятство благодареніемъ.

А понеже въ сложеніи Россійскихъ Стіховъ такъ же двѣ вещи должно знать, то есть, свойственное званіе при Стіхѣ употребляемое, и Способъ какъ слагать, или сочинять Стіхъ; того ради свойственныя при Стіхѣ званія Опредѣленіями объявятся, а на способъ къ сложенію Стіха кратчайшія и ясныя Пра́вила положатся.

И ТАКО:

3 **ОПРЕДѢЛЕНІЕ I.**

Чрезъ СТІХЪ, разумѣется всякая особливо стіховная строка, что у Латінъ называется Versus; а у Французовъ: Vers.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ II.

Чрезъ СЛОГЪ: двухъ, или многихъ согласныхъ писменъ, съ каковымъ ни будь гласнымъ, или двогласнымъ сложенныхъ; или одного гласнаго, или двогласнаго однимъ и тѣмъ же временемъ, безъ всякаго раздѣленія, устъ съ языкомъ движеніе. У Латінъ СЛОГЪ называется syllaba; а у Французовъ: syllabe. Полагается, что писмена, и оныхъ раздѣленіе, всякому вѣдомы изъ Грамматіки; однако, ПИСМЯ полатінски именуется Littera; а пофранцусски: Lettre.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ III.

Чрезъ СТО́ПУ: мѣра, или часть Стіха, состоящая изъ двухъ у насъ слоговъ; что у Латінъ называется Pes; а у Французовъ: Pied.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ IV.

Чрезъ ПОЛСТИШІЕ: половина только Стіха, въ Героіческомъ изъ седми слоговъ состоящая, и то первая; а вторая изъ шести. Сіе у Латінъ съ Греческаго называется Hemistichium; а у Французовъ: Hemistiche.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ V.

Чрезъ ПРЕСѢЧЕНІЕ: раздѣленїе Стїха на двѣ части, первое Полстїшїе всегда, чтобъ хорошимъ быть Стїху, долгимъ слогомъ 4
кончащее. Но чрезъ долгїй слогъ въ Россїйскомъ Стїхотворствѣ разумѣется тотъ, на которой просодїя, или, какъ говорятъ, сила ударяетъ. И тако въ реченїи семъ: СЛАГА́Ю, ГА есть долгїй слогъ; а СЛА и Ю, короткїя. Пресѣченїе Латїны называютъ Cesura; а Французы: Césure, или, Repos.

Королларій 1.

Отсюда слѣдуетъ, что всѣ реченїя единосложныя не могутъ быть, какъ токмо долгїя. Долгота и краткость слоговъ у Латїнъ называется Quantitas; а у Французовъ: Quantité, или Longueur et Brieveté des syllabes.

Королларій 2.

Того ради чрезъ сїе всякъ ясно выразумѣть можетъ, что долгота и краткость слоговъ, въ новомъ семъ Россїйскомъ Стїхосложенїи, не такая разумѣется, какова у Грековъ и у Латїнъ въ сложенїи Стїховъ употребляется; но токмо *то́нїческая*, то есть, въ единомъ ударенїи голоса состоящая, такъ что, сколь греческое и латїнское количество слоговъ съ великимъ трудомъ познавается, столь сїе наше всякому изъ Великороссїанъ лехко, способно, безъ всякїя трудности, и на конецъ, отъ единаго только общаго употребленїя знать можно; въ чемъ вся сила новаго сего Стїхосложенїя содержится.

Королларій 3.

И такъ сто́пы имѣющїя составлять новый нашъ Стїхъ, какъ то въ пра́вилахъ объявится, (изъ которыхъ прїемлется мною на то, называемая обыкновенно Спондей, которой состоитъ изъ двухъ 5
долгихъ слоговъ, и котораго есть знакъ сей: — —; такъ же и Пvррїхїй, которой состоитъ изъ двухъ короткихъ слоговъ, и котораго есть знакъ сей: ᴗ ᴗ; Хорей, или, Трохей, которой состоитъ изъ одного долгаго, и другаго короткаго слога, и котораго есть знакъ сей: — ᴗ; напослѣдокъ Іамбъ, которой состоитъ изъ одного короткаго, а другаго долгаго слога, и котораго есть знакъ сей: ᴗ —.) должно разумѣть по силѣ и разумѣнїю положенномъ во второмъ Королларїѣ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ VI.

Чрезъ РІѲМУ: не число; но согласное окончанїе двухъ Стїховъ между собою, состоящее или изъ тѣхъ же самыхъ писменъ, или изъ разныхъ, токмо подобнаго звона, чувствуемое всегда лучше

въ предкончаемомъ, или иногда въ кончаемомъ слогѣ Стїха. Сїе у Латїнъ никакова имени не имѣетъ: понеже ихъ Стїхи согласно между собою не кончатся; но во Французской Поэзїи, которая вся тажъ, что и наша, кромѣ нѣкоторыхъ не малыхъ околичностей, называется то: Rime.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ VII.

Чрезъ ПЕРЕНОСЪ: не окончившїйся разумъ въ одномъ цѣломъ Стїхѣ, и перенесенный въ часть токмо слѣдующаго Стїха, а не до самаго его конца продолжающїйся. Латїны часто такъ переносятъ: понеже ихъ Стїхи Рїѳмъ не имѣютъ, того ради имъ нѣтъ нужды, чтобъ послѣднїе слоги другаго Стїха полною мѣры равностїю, въ рассужденїи перваго Стїха, и тѣмъ же бы звономъ чувствуемы были. Но Французы сей порокъ Стїховъ называютъ: Enjambement, то есть: Перескокъ.

6 ОПРЕДѢЛЕНІЕ VIII.

Чрезъ ПАДЕНІЕ: гладкое и прїятное слуху чрезъ весь Стїхъ стопа́ми прехожденїе до самаго конца. Что чинится тѣмъ, когда первый слогъ всякїя стопы̀ долгїй есть, а по крайнѣй мѣрѣ, нѣсколькúхъ въ Стїхѣ стопъ, или когда одно писмя часто не повторяется, или когда стопа̀ за стóпу вяжется, что самое не дѣлаетъ Стїхъ прозаїчнымъ. Паденїе Латїны, въ рассужденїи ихъ Поэзїи, называютъ Cadentia; а Французы въ рассужденїи своея: Cadence.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ IX.

Чрезъ СЛИТІЕ: когда реченїе кончится на *и* краткое тако: *й*, а другое начинáется чрезъ тожъ писмя; тогда краткое *и* не выговаривается, и какъ бы съѣдается, и съ другимъ тѣмъ въ одно мѣсто сливается. Напримѣръ:

Каждый имѣетъ счинять кто стїховъ любитель.

Произносится тако:

Кажды имѣетъ счинять, и проч.

Латїны сїе называютъ Elisio; а Французы: Elision.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Россїйскїе Стїхи долженствуютъ имѣть или Рїѳму непрерывную, или Рїѳму смѣшенную. Рїѳма непрерывная называется тогда, когда окончанїю перваго Стїха, вторый имѣетъ подобное. Рїѳма смѣшенная бываетъ тогда, когда согласное окончанїе первому Стїху кладется чрезъ Стїхъ, или два, а въ случай и чрезъ три, буде Строфа

не чотку Стїховъ содержитъ. Рїому непрерывную Французы называютъ: Rime suivie; а смѣшенную: Rime melée. 7

Изъявивъ званїй знаменованїя, приступаю къ объявленїю того, каковъ Героїческїй Россїйскїй Стїхъ быть долженствуетъ, и все что до красоты сего Стїха касается, такъ же и чѣмъ оной пороченъ бываетъ.

ПРАВИЛО I.

Стїхъ Героїческїй Россїйскїй состоитъ въ тринатцати слогахъ, а въ шести стопа́хъ, въ первой стопѣ́ прїемлющїй СПОНДЕЯ — —, ПУРРІХІЯ ◡ ◡, ХОРЕЯ, или инако ТРОХЕЯ — ◡, ІАМБА ◡ —; во второй, третїей, (послѣ которыя слогу пресѣченїя долгому надлежитъ быть) четвертой, пятой, и шестой такожде. Однако тотъ Стїхъ всѣми числами совершенъ, и лучше, которой состоитъ токмо изъ Хореевъ, или изъ большой части оныхъ; а тотъ весьма худъ, которой весь Іамбы составляютъ, или бо́льша́я часть оныхъ. Состоящїй изъ Спондеевъ, Пуррїхїевъ, или изъ большой части оныхъ, есть среднїя доброты Стїхъ. Но что въ тринатцати состоитъ слогахъ, тому причина: употребленїе отъ всѣхъ нашихъ старыхъ Стїхотворцовъ принятое. Въ примѣръ тому будь Стїхъ первой изъ первыя Са́тиры Князя Антїоха Димитрїевича Кантемїра, безъ сомнѣнїя главнѣйшаго и искуснѣйшаго Пїиты Россїйскаго.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
умъ	толь	сла	бый	плодъ	тру	довъ	крат	кї	я	на	у	ки.

Королларїй.

Слѣдовательно новый нашъ Стїхъ составляется токмо изъ стопъ двосложныхъ, для того что оной имѣетъ въ себѣ опредѣленное нѣкоторое еще число слоговъ; а трисложныхъ дактулїческаго рода, (какъ то бываетъ въ греческомъ и латїнскомъ Стїхѣ, по тому что греческой и латїнской Стїхъ имѣя только опредѣленное число стопъ, не имѣетъ опредѣленныхъ въ себѣ слоговъ, такъ что иной ихъ Стїхъ больше, а иной меньше слоговъ, въ разсужденїи одного Стїха съ другимъ, содержитъ) принять никакъ не можетъ. 8

ПРАВИЛО II.

Стїхъ Героїческїй долженствуетъ раздѣленъ быть на два Полстїшїя, изъ которыхъ бы первое состояло изъ седми слоговъ, а другое изъ шести. Причина тому: понеже Стїхъ имѣетъ тринатцать слоговъ; то которому ни будь Полстїшїю надлежитъ имѣть седмь слоговъ. Но самый разумъ сказываетъ, что первому изъ седми состоять пристойнѣе, для того что въ началѣ у прочитаю-

щаго духъ бываетъ крѣпчайшій, и бо́льшій, а къ концу слабѣйшій. Въ примѣръ беру вышеобъявленный же Стіхъ.

1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6
умъ	толь	сла	бый	плодъ	тру	довъ	крат	кі	я	на	у	ки

ПРАВИЛО III.

Стіхъ Героіческій долженъ имѣть Пресѣченіе на седмомъ слогѣ такъ, чтобъ тотъ седмой слогъ кончилъ реченіе, и онъ же бы былъ долгій. Причина тому: понеже мѣра духа человѣческаго требуетъ того, для того что ежели бы однимъ духомъ читать, то бы не громокъ звонъ былъ Ріѳмы при концѣ, и такъ же, все бы однимъ звономъ го́лоса надлежало весь Стіхъ читать; а сіе бы
9 не пріятнымъ весь Стіхъ учинило, что искусствомъ всякому лехко можно познать. Но когда въ два пріема Стіхъ читается; то весьма онъ пріятенъ кажется, и духомъ всякой слогъ ясно выражается. Чегожъ бы ради оной седмой слогъ кончилъ реченіе, и для чего бы ему долгому надлежало быть, то причина есть сія: ибо что на седмомъ слогѣ нѣсколько надлежитъ отдохнуть, то явно, что на не оконченномъ худо бы было; но долгій долженствуетъ для того быть, по тому что на немъ го́лосъ нѣсколько возвышается, а слѣдующее Полстішіе нижайшимъ голосомъ начинается. Французы въ прочитаніи Стіховъ весьма искусны; но сказываютъ, что не уступятъ имъ въ томъ Персіане, Арапы, и Турки. О дабы между нами сіе въ обычай вошло! тогда то бы прямую мы узнали Стіховъ сладость. Въ показаніе пра́вильнаго Пресѣченія, все тотъ же Стіхъ предлагаю.

Умъ толь слабый плодъ трудо́въ / краткія науки.

И понеже отдохнуть надлежитъ на Пресѣченіи; того ради реченіе, въ которомъ находится Пресѣченіе, не долженствуетъ соединено быть разумомъ сочиненія грамматіческаго, съ реченіемъ, которое начинаетъ второе Полстішіе. Таковыхъ недостаточныхъ Пресѣченій, которыя соединяются съ реченіемъ слѣдующаго Полстішія, предлагаю я здѣсь примѣры, каковымъ весьма не надобно слѣдовать.

Предлогъ предъ своимъ падежемъ:

Не зовемъ Піиту чрезъ / Ріѳму доброгласну.

Именительный предъ личнымъ глаголомъ:

Стіхотворчеству насъ Богъ / научаетъ токмо.

Но хорошій бы сей Стїхъ былъ тако:

Стїхотворчеству насъ Богъ / токмо научаетъ.

Глаголъ личный предъ именительнымъ: 10

Стїхотворчествомъ нашли / многи славу въ людяхъ.

Но изряденъ бы Стїхъ былъ тако:

Стїхотворчествомъ нашли / въ людяхъ славу многи.

Глаголъ предъ своимъ правимымъ падежемъ:

Нынѣ ужъ я не люблю / Стїхотворства стара.

Но хорошій Стїхъ будетъ тако:

Стара ужъ я не люблю / нынѣ Стїхотворства.

Сїежъ разумѣется о наклоненіи неопредѣленномъ:

Невозможно и любить / Стїхотворства стара.

Стїхъ будетъ совершенъ тако:

Стїхотворства и любить / невозможно стара.

Прилагательное предъ существительнымъ:

Пресѣченїемъ худый / Стїхъ, быть можетъ худшій.

Но слѣдующимъ бы образомъ былъ изряденъ:

Пресѣченіемъ худый / быть Стїхъ можетъ худшій.

Существительное предъ прилагательнымъ:

О прїятенъ много Стїхъ / глаткій слуху нѣжну.

Но изряденъ бы Стїхъ былъ тако:

Слуху нѣжну много Стїхъ / о прїятенъ глаткій.

Здѣсь надлежитъ примѣчать, что въ семъ послѣднемъ случаѣ, существительное можетъ раздѣлено быть отъ своего прилагательнаго чрезъ Пресѣченїе, буде за тѣмъ прилагательнымъ слѣдуетъ другое, или третїе кончащее Стїхъ; такъ же и прилагательное изрядно раздѣлится отъ своего существительнаго, когда другое или третїе идетъ за тѣмъ существительнымъ окончевающее же Стїхъ. Обоему сему примѣръ полагаю.

Существительное отъ прилагательнаго: 11

Больше стóитъ словъ примѣръ / ясный и способный.

Прилагательное отъ существительнаго:

Выше мудрость, нежъ драгїй / Адамантъ и злато.

Сверьхъ сего; разумъ продолжающїйся послѣ Пресѣченїя, не долженствуетъ кончиться предъ концомъ Стїха: понеже бы сїе учинило видимо два Пресѣченїя, и слѣдовательно три Полстїшїя; что Стїхъ Героїческїй весьма обезображаетъ, и мерсскимъ чудовищемъ дѣлаетъ. Напримѣръ:

Доброй человѣкъ во всемъ / добрымъ есть все; а злой
тщится пребывати въ злѣ / всегда; бѣсъ есть такой.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Частица *что*, ни въ своемъ знаменованіи, ни за возносительныя, *который, которая, которое,* слогомъ Пресѣченія быть не можетъ. Напримѣръ:

Въ своемъ знаменованіи:

Можноль уповать намъ, что / ты всѣмъ будешь вѣренъ.

Стіхъ будетъ хорошій тако:

Можноль уповать, что ты / всѣмъ намъ будешь вѣренъ.

За возносительныя:

Я дворомъ владѣю, что / всѣхъ у насъ былъ общій.

Но изрядный Стіхъ будетъ тако:

Дворъ, что всѣмъ намъ общій былъ / тѣмъ одинъ владѣю.

ПРАВИЛО IV.

Стіхъ Героїческій не долженствуетъ не доконченный свой
12 разумъ переносить въ часть токмо слѣдующаго Стіха: понеже тогда Ріѳма, которая наибо́льшую красоту нашихъ Стіховъ дѣлаетъ, не столь ясно чувствуется, и Стіхи не равно падаютъ. Напримѣръ:

Суетная че́сти стѣнь! для тебя бываетъ
Многое здѣсь; но увы! все смерть отнимаетъ.

Однако, ежелибъ разумъ продолжился до конца слѣдующаго Стіха, и съ нимъ бы окончился; то переносъ не будетъ пороченъ. Напримѣръ:

Суетная че́сти стѣнь! для тебя бываетъ
Многое, что на землѣ смерть намъ отнимаетъ.

ПРАВИЛО V.

Стіхъ Героїческій для нужды больше двухъ слитій имѣть не долженъ: ибо сіе Стіхъ жестокимъ и не пріятнымъ чинитъ. Напримѣръ:

Преподобный и святый / избранный и вѣрный.

ПРАВИЛО VI.

Стіхъ Героїческій часто одно писмя, и одинъ слогъ не пріятнымъ и не слаткимъ звономъ повторяетъ. Того ради весьма сего опасаться надлежитъ. Напримѣръ:

Мнѣ всегда тогда туда / зрѣть бѣда, худа мзда.

ПРАВИЛО VII.

Стіхъ Героїческій слогомъ Пресѣченія соглашается дурно и не кстати съ слогомъ Ріѳмы: ибо то чинитъ не одинъ, но два Стіха. Напримѣръ:

Тварей богъ есть всѣхъ отецъ: / Тотъ бо всѣхъ есть творецъ.

ПРАВИЛО VIII. 13

Стїхъ Героїческїй весьма не пристойно непосредственными слогами предъ Рїѳмою, однимъ и тѣмъ же го́лоса звономъ съ нею падаетъ. Напримѣръ:

Мудрымъ человѣку быть / хоть не скоро, споро.

ПРАВИЛО IX.

Стїхъ Героїческїй не красенъ, и весьма прозаїченъ будетъ, ежели слаткаго, прїятнаго, и лехкаго паденїя не возъимѣетъ. Сїе паденїе въ томъ состоитъ, когда всякая Стопа̀, или, по крайнѣй мѣрѣ, бо́льша́я часть Стопъ, первый свой слогъ долгїй содержитъ; и когда одно писмя, и одинъ слогъ часто не повторяется, на конецъ, когда всякая Стопа̀, или бо́льша́я часть Стопъ, между собою связываются, чѣмъ Стїхъ отъ прозаїчности, какъ я въ Опредѣленїи осмомъ упомянулъ, избавляется. Въ примѣръ представляю многажды повторенный отъ меня Стїхъ Князя Антїоха Димитрїевича Кантемїра: ибо сей Стїхъ весьма прїятно всѣми падаетъ Стопа́ми:

— — — ⌣ — ⌣ —⌣⌣ ⌣ — ⌣
Умъ толь сла бый плодъ тру до́въ / краткї я на у ки.

Для сего то надлежитъ мѣрять Стїхъ Героїческїй Стопа́ми, а не слогами, какъ до нынѣ наши многїе Стїхотворцы не пра́вильно поступаютъ; а особливо веселые бандурїсты, и не стройный полкъ Пѣснописцовъ: понеже мѣряя слогами весьма Стїхъ прозаїчнымъ, и не по охотѣ, учинится, развѣ по слѣпому случаю, какъ оный хорошимъ будетъ. А мѣрять стопа́ми надлежитъ тако:

	1		2		3			4		5		6 14
—	—	—	⌣	—	⌣		—	⌣	⌣	⌣	—	⌣
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Умъ	толь	сла	бый	плодъ	тру	до́въ/	крат	кї	я	на	у	ки
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6
	1		2		3			4		5		6

Или какъ въ Обрасцѣ слѣдующаго моего Двостїшїя:

	1		2		3			4		5		6
—	⌣	—	⌣	⌣	⌣		—	⌣	⌣	⌣	—	⌣
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Вы	ше	зла	то	се	реб	ра̀/	зла	тажъ	доб	ро	дѣ	тель,
Доб	ро	дѣ	те	ли,	нич	то̀: /	выш	ша	самъ	со	дѣ	тель.
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6
⌣	⌣	—	⌣	⌣	⌣		—	⌣	—	⌣	—	⌣
	1		2		3			4		5		6

Чрезъ сїю схему выразумѣть, да и видѣть можно, что нашъ Героїческой Стїхъ есть Эксаметръ, то есть, шестимѣрный, не

щитая слогъ Пресѣченія долгій, для котораго онъ Гуперкаталектіческимъ, то есть, лишній слогъ внѣ числа̀ Стопъ имѣющимъ, назваться можетъ.

Что говорено о Героїческомъ нашемъ Стіхѣ; тожъ все разумѣть надобно и о томъ нашемъ Стіхѣ, которой одинатцать имѣетъ слоговъ, кромѣ того, что сей второй пресѣкаетъ пятый слогъ, и слѣдовательно второе Полстішіе изъ шестижъ слоговъ состоящее имѣетъ. Но для того, что онъ пятью Стопáми мѣрится; то Пентаметръ, или пятимѣрный назваться можетъ. А что Пресѣченія слогъ
15 долгій же и внѣ числа̀ Стопъ включаетъ; то Гуперкаталектіческимъ такъ же назваться долженъ.

Довольно сіе видѣть можно, въ ни́же предложенной одной моей Сапфіческой здѣсь строфѣ, изъ трехъ ея первыхъ Стіховъ, которые Пентаметры, и которые идутъ тако:

1	2	3	4	5
— ◡ 1 2 Си лы	◡ ◡ 3 4 въ се реб	— ◡ 5 6 7 рѣ/всякъ ску	— — 8 9 пой не	— ◡ 10 11 зна етъ,
— ◡ Срам но	— ◡ то ког	— ◡ да̀/въ зем лю	◡ ◡ за ры	— ◡ ва етъ;
— ◡ Тра тяцъ 1 2	— — глупъ и 3 4	— — мóтъ;/тѣмъ то 5 1 2	— ◡ въ нуж дѣ 3 4	— ◡ вѣр но, 5 6
1	2	3	4	5

1 2 3 4 5
кто въ немъ чивъ мѣр но.

Стіхи наши пра́вильные изъ девяти, седми, пяти, такъ же и не пра́вильные изъ осми, шести, и четырехъ слоговъ состоящіе, ничего въ себѣ стіховнаго, кромѣ слоговъ и Рїѳмы, не имѣютъ, какъ то выше видно изъ пятисложнаго нашего Стіха, въ Сапфіческой строфѣ обще Адоніческимъ называемаго; того ради о нихъ ничего здѣсь больше и не предлагается.

Совѣстно признаваюсь всему Россійскому Свѣту, что и я въ Эксаметрѣ и Пентаметрѣ нашемъ, много противъ предложенныхъ мною Пра́вилъ погрѣшалъ: понеже я такъ былъ наученъ. Но видя, что наши Стіхи всѣ прозаїчны, и на Стіхи не походятъ; того
16 ради не усыпнымъ моимъ прилѣжаніемъ, и всегдашнимъ о томъ разсужденіемъ старался я всячески, чтобъ нашимъ Стіхамъ не даромъ называться Стіхами, да ужѐ и льщу себя, что я нашолъ въ нихъ силу. И такъ дерзаю надѣяться, что благороднѣйшая, преславнѣйшая, величайшая, и цвѣтущая Россія удостоитъ меня, за прежніе мои, прощенія въ тотъ образъ, что и первой я, какъ

мнѣ кажется, привелъ въ порядокъ наши Стїхи, да и первой же обѣщаюсь переправить, понеже самая большáя часть Стїховъ моихъ на свѣтъ не вышла, всѣ мои Стїхи.

О ВОЛЬНОСТИ ВЪ СЛОЖЕНІИ СТІХА УПОТРЕБЛЯЕМОЙ.

Я разумѣю чрезъ Вольность въ Стїхѣ, которая у Латїнъ называется Licentia, а у Французовъ Licence, нѣкоторыя словà, которыя можно въ Стїхѣ токмо положить, а не въ Прозѣ. И хотя Россїйской Стїхъ мало таковыхъ Вольностей имѣетъ; однако надобно изъ нихъ нѣкоторыя главныя здѣсь объявить.

I.

Глаголы втораго лицà, числà единственнаго, могутъ кончиться на *щи*, вмѣсто на *шь*; такъ же и не опредѣленные на *ти*, вмѣсто на *шь*. Напримѣръ: *пишеши*, вмѣсто *пишешь*, и: *писати*, вмѣсто *писать*.

II.

Мѣстоимѣнїя *мя, тя,* вмѣсто *меня, тебя*; такъ же *ми, ти*, вмѣсто *мнѣ, тебѣ*, не не частожъ кладется *ти*, вмѣсто *твой*.

III.

Слова: *будь*, *большъ*, *иль*, *нежъ*, *межъ*, *однакъ*, *хоть*; вмѣсто: 17
буде, *больше*, *или*, *нежели*, *между*, *однако*, *хотя*.

IV.

Прилагательныя единственныя мужескаго рода, кончащїяся на *и* краткое тако: *й*, могутъ, по нуждѣ, оставлять краткое *и*. Такъ вмѣсто *довольный*, можетъ положится въ концѣ Стїха: *довольны*. Однако надлежитъ смотрѣть, чтобъ нѣкоторое реченїе напереди положенное опредѣляло разумъ такъ, чтобъ ясно было, что то прилагательное единственнаго есть числà. Къ томужъ стараться надобно весьма, чтобъ, какъ возможно, не часто сїю вольность употреблять: понеже онà гораздо великовата.

V.

Существительныя и прилагательныя имена, которыя кончатъ творительный единственный на *ю*, послѣ каковаго нибудь гласнаго, могутъ оной кончить въ Стїхѣ на *и* краткое. Такъ вмѣсто *совершенною правдою*, можно положить: *совершенной правдой*. Отъ именъ кончащихся на *їе*, сказательный можетъ въ Стїхѣ кончится на одно токмо *и*, безъ *ї*. Такъ вмѣсто *о восклицанїи*, можно написать: *о восклицани*.

VI.

Всѣ имена существительныя кончащїяся на *їе*, могутъ и пере-мѣнить въ Стїхѣ, смотря по нуждѣ мѣры, на *ь*. Такъ *щастїе*, можетъ написано быть: *щастье.*

VII.

18 Многїя реченїя, которыя сложены въ самомъ началѣ изъ частицъ *со*, *во*, *возъ*, *восъ;* такъ же отъ: *изъ*, и *объ* предъ *о*, могутъ, для нужды въ Стїхѣ, выкидывать писмя *о*. Такъ *сочиняю*, можетъ написано быть: *счиняю, водружаю: вдружаю; возобновилъ: взобновилъ; воспою: вспою; изожгу: изжгу; обошлю: обшлю.*

VIII.

Многїе звательные падежи, которые у насъ всѣ подобны именительнымъ, (кромѣ преблагословенныхъ и превысокихъ сихъ именъ: БОЖЕ, ГОСПОДИ, ИИСУСЕ, ХРІСТЕ, СЫНЕ, СЛОВЕ, то есть, воплощенное СЛОВО) могутъ иногда въ Стїхахъ образомъ славенскихъ кончится. Такъ вмѣсто *Фїлотъ*, можетъ положится: *Фїлоте*; что я и употребилъ въ одной моей Сатѵрѣ.

IX.

Словамъ: *рыцерь*, *ратоборецъ*, *рать*, *витязь*, *всадникъ*, *богатырь*, и прочимъ подобнымъ, нынѣ въ прозѣ не употробляемымъ, можно въ Стїхѣ остаться.

X.

Ежели матерїя будетъ не важная и шутошная; то не не красно положатся прилагательныя съ своими существительными, въ особливой поэзїи, (но весьма долготою и краткостїю слоговъ мѣрной), у нашего простаго народа употребляемыя, напримѣръ: *тугой лукъ, бѣлъ шатеръ*, и прочїя премногїя подобныя.

XI.

19 Сверьхъ сего; слова̀, которыя двойное, и часто сомнѣнное имѣютъ ударенїе просодїи, могутъ положиться въ Стїхѣ двояко; напримѣръ: *цвѣ́ты*, и *цвѣты́*. Однако, въ семъ случаѣ, больше надобно держаться общаго употребленїя. Впрочемъ, не для чего, кажется, упоминать о прилагательныхъ сокращенныхъ, которыя понеже и въ Прозѣ часто употребляются, то въ Стїхахъ могутъ употреблены быть, ежели надобно будетъ, и чаще.

XII.

Нѣкоторыя слова̀ могутъ мѣнять, буде того нужда требуетъ въ Стїхѣ, гласныя своя писмена на другїя, но такъ, чтобъ то было нѣсколько употребительно, и слово бы осталось въ томъ

же знаменованіи; такъ же когда будутъ два тѣже, или разныя согласныя писмена въ реченіи, то одно выкинуться можетъ, ежели потребно быть имѣетъ, такъ вмѣсто *камера, камора;* вмѣсто *міллїонъ*, *мілїонъ;* вмѣсто *прелестный*, *прелесный.* Однако сїе рѣтко надобно быть можетъ.

XIII.

Основательное пра́вило, которое утвердительныя рѣчи правимый глаголомъ винительный падежъ, всегда перемѣняетъ въ родительный въ фразїсѣ отрицательномъ, можетъ для крайнїя нужды въ Стїхѣ оный винительный и не перемѣнять. Такъ можно въ Стїхѣ написать:

Во́ды пламень не гасятъ ваши тѣмъ сердечный;

вмѣсто:

Во́ды пламеня не гасятъ ваши тѣмъ сердечнаго;

и:

Внутренній покой никакъ мнѣ сыскать не можно.

вмѣсто:

Внутренняго покоя никакъ мнѣ сыскать не можно.

Но сїя вольность очень велика; Того ради рѣтко, или, какъ можно, никогда ея не употреблять.

XIV.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Вольности во обще таковой надлежитъ быть, чтобъ реченїе по вольности положенное, весьма распознать было можно, что оно прямое Россійское, и еще такъ, чтобъ оно нѣсколько и употребительное было. Напримѣръ: *брегу́,* можно положить вмѣсто *берегу́; брежно,* вмѣсто *бережно*; *стрегу*, за, *стерегу*; но *острожно*, вмѣсто *осторожно*, не возможно положить. И такъ, кажется мнѣ, что тѣ Стїхотворцы, хотя съ другой стороны и достойны похвалы, весьма великую и нашему языку противную употребляютъ вольность, когда кладутъ вмѣсто, напримѣръ, *изъ глубины душй*, *зъ глубины душй;* вмѣсто *имѣю способъ, мѣю способъ.*

О томъ

КАКОВА̀ ДОЛЖНА БЫТЬ РІОМА, ТО ЕСТЬ, СОГЛАСІЕ КОНЕЧНЫХЪ МЕЖДУ СОБОЮ ВЪ СТИХѢ СЛОГОВЪ.

О согласїи здѣсь конечныхъ между собою слоговъ, ни чего не надлежалобъ упоминать: понеже извѣстно есть всѣмъ нашимъ Стїхотворцамъ, что сїе согласїе всегда лучше сходится на предкон-

чаемомъ слогѣ, то есть, на слогѣ, которой предъ самымъ послѣднимъ, хотя нѣкогда, и то въ комическомъ и сатvрическомъ Стіхѣ, (но что рѣже, то лучше) и накончаемомъ, то есть, на самомъ
21 послѣднемъ то бываетъ. Однако для опроверженія нѣкоторыхъ прáвила (которые нѣжно мудруя говорятъ, что согласіе конечныхъ въ Стіхахъ слоговъ худо сходится между прилагательными, причастіями, неопредѣленными, и прочая, дая тому причину, что таковыхъ согласіи довольно можно и скоро прибрать; но длячего еще сіе согласіе запрещаютъ сіи господà кончить глаголами страдательными на *ся*, то не только я, но, надѣюсь, и сами они не знаютъ) предлагаю, что вся сила сего согласія, какъ нашимъ слухамъ о томъ извѣстно, состоитъ только въ подобномъ гóлоса звонѣ, а не въ подобіи слоговъ, или писменъ; и того ради нѣтъ тутъ причины выбирать части слóва, но только надлежитъ прибирать не противный слуху, и согласный первому Стіха окончѣнію звонъ, каковыми бы онъ частями слóва ни кончился. Чтожъ въ нѣкоторыхъ частяхъ слóва довольно оныхъ согласіи попадается; то не только не порокъ брать, но еще бы надлежало, по моему, и радоваться, что таковыя подъ руками. Подлинно, что худо кончить на одно всегда реченіе, или гораздо часто на одинъ гóлоса звонъ; а впрочемъ напрасно симъ не надобную нѣжность наблюдающимъ въ Ріѳмѣ, тогда искать полдня, когда солнце садится. По сему видно, что сіи господà говорятъ только для того, чтобъ говорить, а не для того, чтобъ основательно говорить.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

О СОЧЕТАНІИ СТІХОВЪ.

Французская Поэзія, такъ же и нѣкоторыя Эvропскія, имѣя мужескаго и женскаго рода Стіхи, сочетаваютъ оные между собою.
22 Французы сочетаніе Стіховъ называютъ: Mariage des Vers. Ежели бы древнимъ Латінамъ надлежало сочетавать свои Стіхи; то бы не инако они могли лучше сіе назвать, какъ Connubium Versuum.

Мужескаго рода Стіхъ во Французской Поэзіи есть тотъ, которой въ Героіческомъ, или, какъ Французы обще называютъ, въ Александровскомъ, то есть, въ ихъ Стіхѣ Эксаметрѣ, состоитъ изъ 12 слоговъ, а въ Пентаметрѣ изъ 10 оныхъ, ударяя въ обоихъ Ріѳму на кончаемомъ, то есть, на послѣднемъ слогѣ. Женскаго рода называется у нихъ тотъ, которой имѣетъ въ Эксаметрѣ 13 слоговъ, а въ Пентаметрѣ, 11 оныхъ, приводя паденіе Ріѳмы въ обоихъ на предкончаемый слогъ, то есть, на слогъ, которой

предь самымъ послѣднимъ словомъ: мужескаго рода Стїхъ меньше слогомъ женскаго; а женскїй всегда больше слогомъ мужескаго.

Вся сила сочетанїя ихъ Стїховъ состоитъ въ томъ, что въ Стїхахъ непрерывныя Рїѳмы, по двухъ Стїхахъ мужескаго рода, полагаютъ они два Стїха женскаго рода; или: по двухъ прежде женскаго рода, кладутъ два Стїха мужескаго рода, и такъ все идутъ послѣдовательнымъ порядкомъ до самаго конца Поэмы. Въ Стїхахъ смѣшенныя Рїѳмы, которые почти всегда состоятъ изъ четверостїшїй, буде прежде положится мужескаго рода Стїхъ, то потóмъ кладется женскаго рода другїя Рїѳмы; а тамъ опять мужескаго рода соотвѣтствующїй первому, и по немъ женскїй согласный окончєнїемъ Рїѳмы своему подобному. Буде же прежде положится въ Строфѣ женскаго рода Стїхъ, то по немъ кладется мужескїй, и послѣдовательно по порятку. Часто бываетъ у нихъ и такъ, что положивъ прежде мужескаго рода Стїхъ, 23
полагаютъ они два Стїха женскихъ непрерывныя Рїѳмы, а потóмъ мужескїй отвѣтствующїй первому; или: ежели положится напередъ женскаго рода Стїхъ, то по немъ кладутся два Стїха мужескаго рода мужескїя Рїѳмы, а потóмъ женскїй подобный звономъ Рїѳмы, первому женскому.

Сїе сочетанїе Стїховъ, что не можетъ введено быть въ наше Стїхосложенїе, то, *первое*, для сего: Эксаметръ нашъ не можетъ имѣть ни больше, ни меньше тринатцати слоговъ. А ежелибъ сочетавать нашъ Эксаметръ; то илибъ мужескому у насъ Стїху надлежало имѣть тринатцать, а женскому четырнатцать слоговъ; илибъ женскому должно было состоять изъ тринатцати, а мужескому изъ двенатцати слоговъ. Равнымъ бы же образомъ принуждены мы поступать были и съ Пентаметромъ нашимъ по его пропорцїи. Что все древнему нашему, но весьма основательному, употребленїю такъ противно, какъ огонь водѣ, а ябеда правдѣ. *Второе* для сего: Свóйство нашихъ Стїховъ всегда требуетъ ударенїя Рїѳмы, то есть, приводитъ ладъ съ ладомъ, на предкончаемомъ слогѣ, въ чемъ почти главная сладость нашихъ состоитъ Стїховъ, а крайняя Рїѳмъ; хотя въ мало важныхъ, или шуточныхъ Стїхахъ, иногда кладется та на кончаемомъ, но и то по нуждѣ, да и весьма долженствуетъ быть рѣтко. А ежели бы сочетавать намъ Стїхи; то бы женской Стїхъ у насъ падалъ Рїѳмою на предкончаемомъ не обходимо слогѣ, а мужеской не премѣнно бы на кончаемомъ. Таковое сочетанїе Стїховъ такъ бы у насъ мерское и гнусное было, какъ бы оное, когда бы кто наипоклоняемую, наинѣжную, и самымъ цвѣтомъ младости своея сїяющую Эѵропскую

24 Красавицу, выдалъ за дряхлаго, чорнаго, и девяносто лѣтъ имѣющаго Арапа. Сїе ясно будетъ, совершенно къ Стїхамъ нашимъ примѣнившемуся. Слѣдовательно, сочетанїе Стїховъ, каково Французы имѣютъ, и всякое иное подобное, въ наше Стїхосложенїе введено быть не можетъ, и не долженствуетъ.

Нѣкоторые, но нѣсколько, или лучше, весьма не основательно, толькожъ съ хитрою насмѣшкою, предлагали мнѣ, что, буде, поднявъ брови и улыбаяся говорили, сочетанїе Стїховъ не будетъ введено въ новое твое Стїхосложенїе; то новое твое Стїхосложенїе не со всѣмъ будетъ походить на Французское. Сїи господа̀ знать конечно думали, что я сїе новое Стїхосложенїе взялъ съ Французскаго; но въ томъ они толь далеко отстоятъ отъ истинны, коль Французское Стїхотворенїе отстоитъ отъ сего моего новаго. Я, что сїе праведно говорю, въ томъ ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые Французское Стїхотворенїе знаютъ: оные могутъ всѣмъ засвидѣтельствовать, что Французское Стїхосложенїе ни чѣмъ, кромѣ Пресѣченїя и Рїѳмы, на сїе мое новое не походитъ.

Пусть отнынѣ перестанутъ противно думающїе думать противно: ибо, поистиннѣ, всю я силу взялъ сего новаго Стїхотворенїя изъ самыхъ внутренностей свóйства нашему Стїху приличнаго; и буде желается знать, но мнѣ надлежитъ объявить, то Поэзїя нашего простаго Народа къ сему меня довела. Даромъ, что слогъ ея весьма не красный, отъ неискусства слагающихъ; но слатчайшее, прїятнѣйшее, и прáвильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели иногда греческихъ и латїнскихъ, паденїе, подало
25 мнѣ не погрѣшительное руководство къ введенїю въ новый мой Эксаметръ и Пентаметръ, оныхъ выше объявленныхъ двусложныхъ тóнїческихъ стопъ.

Подлинно, почти всѣ званїя при Стїхѣ употребляемыя, занялъ я у Французской Версїфїкацїи; но самое дѣло у самой нашей природной, наидревнѣйшей оной простыхъ Людей Поэзїи. И такъ зсякъ рассудитъ, что не можетъ, въ семъ случаѣ, подобнѣе сказаться, какъ только, что я Французской Версїфїкацїи долженъ мѣшкомъ, а старинной Россїйской Поэзїи всѣми тысячью рублями. Однако Францїи я обязанъ и за слова̀; но искреннѣйше благодарю Россїанинъ Россїи за самую вещь.

Отъ вышереченнаго не можно заключить, что понеже въ Стїхосложенїи нашемъ нельзя быть сочетанїю Стїховъ; то слѣдовательно и смѣшенной Рїѳмѣ: Ибо Рїѳма въ Стїхѣ, какóвабъ Рода, и каковъ бы Стїхъ ни былъ, состоитъ токмо въ ладѣ звона, которой можетъ положиться подобенъ первому чрезъ Стїхъ, или чрезъ

два. Поляки, у которыхъ Стїхотворенїе во всемъ сродное нашему, кромѣ паденїя и стопъ, часто и красно употребляютъ смѣшенную Рїому въ своихъ Стїхахъ, которую уже и я употребилъ въ Одѣ моей о здачѣ го́рода Гданска, и въ другихъ многихъ Стїхахъ.

Въ пѣсняхъ иногда не льзя и у насъ миновать сочетанїя Стїховъ; но то только въ тѣхъ, которыя на Французской, или на Нѣмецкой голосъ сочиняются, для того что ихъ голосы такъ отъ Музыкантовъ кладутся, какъ идетъ Версїфїкацїя ихъ у Пїитъ. Предлагаю я здѣсь тому въ примѣръ изъ двухъ моихъ пѣсенъ, (которыя сочинены на Французскїя голосы, и въ которыхъ по то́ну употреблено сочетанїе Стїховъ) по одной первой строфѣ, которыя у Французовъ въ пѣсняхъ называются Couplets.

ПЕРВЫЯ ПѢСНИ СТРОФА: 26

Худо тому жити,
Кто хулитъ любовь:
Вѣкъ ему тужити
Утирая бровь.

* * *

ВТОРЫЯ ПѢСНИ СТРОФА:

Сколь долго, Клїмена,
Тебѣ не любить?
Временъ бо премѣна
Не знаетъ годить.
Нынѣ что есть можно,
Драгая моя,
Тожъ утрѣ есть ложно,
И власть не своя.

* * *

Но въ другихъ пѣсняхъ, и въ другихъ нашихъ Стїхахъ, которые для чтенїя токмо предлагаются, сочетанїя сего употреблять не надлежитъ.

Полно ужѐ мнѣ теперь о способѣ моемъ къ сложенїю новыхъ нашихъ Стїховъ, словомъ токмо предлагать: время оной самымъ дѣломъ и примѣрами объявить.

ТОГО РАДИ:

27 СТІХИ
НАУЧАЮЩІЕ ДОБРОНРАВІЮ ЧЕЛОВѢКА.

ПЕРЕВЕДЕНЫ СЪ ФРАНЦУССКИХЪ

ПОКОЙНАГО ФРАНЦІСКА ДЕ САЛІНЬНЯКА

ДЕЛА МОТТА ФЕНЕЛОНА,

УЧИТЕЛЯ ДѢТЕЙ КОРОЛЕВСКИХЪ,

СЛАВНАГО АУТОРА ТЕЛЕМАКА

ФРАНЦУССКАГО,

И БЫВШАГО ПОТО́МЪ

АРХІЕПІСКОПА, ДЮКА КАМБРЕЙСКАГО,

СВЯЩЕННЫЯ РИМСКІЯ ІМПЕРІИ ПРІНЦА.

НАРОЧНО СОЧИНЕНЫ РОССІЙСКИМЪ НОВЫМЪ

ЭКСАМЕТРОМЪ ДЛЯ ПРИМѢРУ.

* * *

Отдавай то все ТВОРЦУ, долгъ что отдавати;
Безъ рассутка жъ ничего ти бъ не начинати.
Токмо съ добрыми людьми въ жизни сей дружися;
А таланты чрезъ твои никогда не льстися.
Съ мнѣніемъ другихъ всегда будь согласенъ прямо;
Никогда въ твоемъ стоять не изволь упрямо.
28 Внятно слушай, что тебѣ люди предлагаютъ;
Больше умнымъ не кажись, нежели тя знаютъ.
Съ тѣмъ о томъ не говори, смыслитъ кто что мало;
Про́ста се́рдца быть тебя рѣчь и всебъ казало.
Слово данное держи, былобъ какъ ни трудно;
Ничегожъ не обѣщай вдругъ и не рассудно.
Будь услуженъ, будь и тихъ, ласковъ въ разговорѣ;
Всѣхъ пріятно принимай, былъ никтобъ въ презорѣ.
Дерзостно не будь знако́мъ, обходисяжъ смѣло;
Не размысливъ не вступай ни въ какое дѣло.
Безъ корысти всѣхъ люби, а прощай безъ ме́сти;
Низокъ будь большимъ, себяжъ подлымъ не бесчести.
Друженъ всѣмъ старайся быть, дружно поступая,
Тяжбы никогда ни съ кѣмъ самъ не зачиная.
Не провѣдывай ни какъ что чинятъ другіе;
Про́сто крой дѣла̀ твои, чтобъ не знали злые.

Рассмотря давай въ займы, толькожъ добровольно;
Если нада наградить, награждай довольно.
И какимъ бы ни хотѣлъ образомъ ты быти;
Быть безъ лишка, и себябъ въ томъ не позабыти.
Страждетъ кто твой другъ напасть? сожалѣй безмѣрно;
Въ другѣ всякъ порокъ сноси, все будь дру́гомъ вѣрно.
Побѣждай печаль, какъ духъ оной поддается;
Не вини въ той никого, та какъ и минется.
Учинить старайся миръ, ссоры гдѣ злодѣйство; 29
Инакъ и не отмщевай, какъ чрезъ благодѣйство.
Жарко не жури людей, и хвали не льстивно;
Мѣрно смѣйся надъ людьми; смѣхъ терпи взаимно.
Кажда въ ремеслѣ своемъ чти ты безъ упрямства;
Такъ же ничего не хуль одного для чванства.
Благодѣтельствомъ твоимъ худо попрекати;
Лучше оное всегда во́вся забывати.
Нуждну дру́гу помогай, тотъ хоть и не проситъ;
Кто даритъ не такъ, какъ мотъ, щедра имя носитъ.
Пылка гнѣва угашай жаръ и не насытность;
Гово́ри добро всегда въ чьюлибо небытность.
Благодарность бы была въ сердцѣ ти природно;
Для забавы хоть играй толькожъ благородно.
Мысля, мало говори, обмануть не тщися;
Чтобъ ти ни было дано, тѣмъ всегда хвалися.
Должника не мучь, какъ онъ къ платѣ не исправенъ;
Для себя, и для него, все будь добронравенъ.
Ближнихъ щастія твоихъ не завидуй цвѣту;
Ввѣренное такъ храни, чтобъ не вынесть свѣту.
Крой, не чваняся ничѣмъ, тайну ти искусно;
Презирай по семъ, какъ лгутъ про тебя что гнусно.

Здѣсь намѣрился я предложить такъ же въ примѣръ Героїческаго нашего Стїха нѣкоторой Соне́тъ, переведенный съ Французскаго покойнаго господина Барро̀. Оный Соне́тъ толь преизрядно на Французскомъ сочиненъ языкѣ, что на силу могутъ ли ему подобные найтися. Подлинно, что сей токмо можетъ тѣмъ Фенїксомъ назваться, каковаго господинъ Боало̀ Депро̀ въ наукѣ своей о Пїитїкѣ, говоря о Соне́тахъ, желаетъ. Въ немъ коль матерїя важная и благочестивая; толь и стїль есть красный и высокїй. 30

Нѣкоторые изъ Французовъ предлагая пра́вила о Реторі́кѣ, за наилучшую штуку, въ рассужденіи краснорѣчія, сей въ примѣръ кладутъ. Я хотя переводнымъ и не могу равняться съ подлиннымъ, ибо и не мнѣ трудно то учинить; однако Стїхомъ нашимъ Героїческимъ, какъ мнѣ возможно было, такъ хорошимъ написалъ.

Впрочемъ; Соне́тъ имѣетъ свое начало отъ Італїянцовъ, и есть нѣкоторой родъ Французскаго и Італїянскаго Мадрїга́ла, а Латїнскія Эпїгра́ммы. Состоитъ онъ всегда изъ четырнатцати Стїховъ, то есть, изъ двухъ чeверостїшій на двѣ, токмо смѣшенныя, Рїѳмы, и изъ одного шестеростїшія, имѣя всегда въ послѣднемъ Стїхѣ нѣкоторую мысль либо острую, либо важную, либо благородную; что у Латїнъ называется acumen, а у Французовъ chute. Порядокъ Стїховъ всегда въ немъ таковъ (кромѣ того, что въ шестеростїшіи иногда инако смѣшивается Рїома) каковъ здѣсь предложенъ.

---

31 СОНЕ́ТЪ

БОЖЕ МОЙ! твои судьбы правости суть полны!
Изволяешь ТЫ всегда къ намъ щедротенъ быти;
Но я тако предъ ТОБОЙ человѣкъ золъ дольны,
Что ужъ правдѣ мя ТВОЕЙ трудно есть простити.
Ей, МОЙ ГОСПОДИ! грѣхи что мои довольны,
То не могутъ и ТОБОЙ всяко мукъ избыти:
ТЫ въ моемъ блаженствѣ САМЪ будто бы не вольны,
Вся и милость мя ТВОЯ хочетъ погубити.

* * *

Буди же по ТВОЕМУ, то когда ТИ славно;
Слезы на мои гнѣвись, очи льютъ что явно;
Инъ греми; рази, пора, противна ПРОТИВНЫЙ.

* * *

Чту причину что ТЕБЯ такъ ожесточаетъ;
Но помѣсту поразишь каковому, ДИВНЫЙ?
Мя всего ХРІСТОВА КРОВЬ щедро покрываетъ.

Слѣдующее РОНДО̀, которое есть моего сочиненїя, и которое 32
такъ же предлагается въ примѣръ Героїческаго нашего Стїха, здѣлано во всеподданѣйшее поздравленїе, по прошенїю нѣкоторыя придворныя особы, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ НАШЕЙ ІМПЕРАТРІЦѢ АННѢ ІОАННОВНѢ Самодержицѣ Всероссїйской, на высокїй день ЕЯ рожденїя, которое было, и торжествуется повсягодно общею и великою радостїю Генваря 28 дня. Рондо̀ такъ же есть нѣкоторой родъ Эпїгра́ммы, и состоитъ всегда и не премѣнно изъ тринатцати Стїховъ, имѣя двѣ конечно только Рїѳмы то непрерывныя, то смѣшенныя. Первое въ немъ реченїе, или иногда два и три, только не больше, долженствуетъ дважды повторяться, однако такъ, чтобъ то было къ стати, и весьма въ особливомъ разумѣ одно повторенїе отъ другаго, какъ то увидится въ слѣдующемъ моемъ Рондѣ̀. Рондо̀ называется отъ круглости: ибо какъ въ кругѣ, или въ кольцѣ, конецъ съ концомъ сходится; такъ и въ Рондѣ̀ первое реченїе съ послѣднимъ. Щастливѣе Воатю́ра въ сочиненїи Ронда̀ не было на Французскомъ языкѣ.

РОНДО̀ 33

ПРО́СТО поздравлять ТЕБѢ, АННА несравненна,
Что была сего ТЫ дня въ свѣтъ произведенна,
Но отъ се́рдца и душѝ, лучше помышляю:
Ибо сладкословну рѣчь я сложить не знаю,
Не имѣя въ головѣ столь ума вложенна.

* * *

Умныхъ красно рѣчь хотя въ слогѣ расширенна,
Чтожъ тѣ больше говорятъ, ЗДРАВСТВУЙ, какъ, РОЖДЕННА?
Тѣмъ трудятъ лишъ только ТЯ, какъ ни рассуждаю
ПРО́СТО.

* * *

Милости отъ БОГА въ знакъ ТЫ намъ подаренна;
Вся моя рѣчь правдой сей много украшенна.
ЗДРАВСТВУЙ АННА въ долгїй вѣкъ! веселъ восклицаю,
Всѣхъ благъ, купно ТИ торжествъ я всегда желаю!
Съ сердцемъ тако мысль моя право соглашенна.
ПРО́СТО.

---

34 Думаю, что Эпїстолъ Россійскимъ Стїхомъ прежде меня, буде не обманываюсь, никто еще не писывалъ; того ради одну здѣсь, какъ въ примѣръ новагожъ Стїха Эксаметра, такъ и въ примѣръ самыя ея предлагаю.

ЭПИ́СТОЛА, слово есть Греческое, которое происходитъ отъ Ἐπιςολὴ, и значитъ: *посланїе*, *писанїе*, или про́сто, *письмо*, для того, что Греческїй глаголъ Ἐπιςέλλω значитъ: *посылаю*, *пишу*. ЭПИ́СТОЛА есть разговоръ отсутьствующаго съ отсутьствующимъ на писмѣ, каковъ бываетъ у присутьствующихъ между собою на словахъ. Въ Эпїстолѣ, длятого что она̀ разговоръ на писмѣ, надлежитъ прилѣжно наблюдать, чтобъ Стїль ея былъ кратокъ, силенъ, ни высокъ ни низокъ, прямо дѣло изъявляющїй, а постороннягo ничего не примѣшивающїй: Ибо все противное сему, читающаго приводитъ въ скуку, а пославшаго Эпїстолу въ похуленїе. Много родовъ есть Эпїстолъ, какъ напримѣръ: *Родъ совѣтный*, *поздравительный*, *сожалительный*, *купеческїй*, *любовническїй*, и прочая, длятого что не сего есть мѣ́ста о томъ говорить.

Рассуждать въ Эпїстолахъ надобно и о семъ: кто пишетъ, къ кому пишетъ, куда пишетъ, длячего, и о чемъ пишетъ: Ибо по разности сихъ обстоятельствъ, разно Эпїстола написана быть можетъ.

Въ дружескихъ Эпїстолахъ беречься должно, чтобъ съ утѣшнымъ не внесено было дерзновенное, и слуха недостойное; и буде таковое случится, то надлежитъ такими окружными, но честными словами описать, чтобъ только можно было о томъ догадаться, по тому что противное, подлаго воспитанїя быть человѣка пока-
35 зываетъ, и въ великое презрѣнїе пославшаго приводитъ. Въ Сатѵрїческихъ Эпїстолахъ такъ должно человѣка хулить, чтобъ только худыя его дѣла̀ порочить, и то не безъ закрышекъ и не безъ отверницъ, укрывая, какъ можно, имя, и все то, по чему можно догадаться, что то конечно и точно о семъ, а не о другомъ человѣкѣ пишется; но че́сти его ни мало не касаться, и все сїе такъ, чтобъ впредь не было причины о томъ къ раскаянїю, за тѣмъ, какъ говорится, *что написано перомъ, не вырубишь никогда топоромъ*. Въ Эпїстолахъ о важныхъ дѣлахъ, а особливо о наукахъ, должно умѣренну быть въ Аполлїнствованїи, для того что все высокое въ Эпїстолѣ не имѣетъ мѣ́ста; а тотъ, кто projicit ampullas, et sesquipedalia verba, какъ говоритъ Горацїй, то есть, *кидаетъ надутыя, и въ полтора фута слова̀*, всегда завирающимся называется. Слогъ Панегѵрїческихъ Эпїстолъ долженствуетъ быть гладокъ, сладокъ, способно текущїй, и искусный, а особливо въ Дедїкацїяхъ: ибо толь нѣжна и хитра Дедїкацїя въ Прозѣ, коль мудръ

и замысловатъ Сонетъ въ Поэзіи. Но чтобъ не далѣе вытьти изъ предѣловъ должности моея, предлагая о Эпістолахъ во обще, прихожу къ Піитіческимъ Эпістоламъ, о которыхъ только я имѣлъ намѣреніе предложить.

Піитіческая Эпістола есть почти тожъ, что и простая. Сіе всякому можно видѣть у Овідія въ Эпістолахъ отъ Героінь. У Горація многихъ родовъ Эпістолы Піитіческія читаются. Однако нынѣшніе Піиты наибольше сочиняютъ оныя Панегѵріческія, которымъ и мнѣ въ сей моей послѣдовать заблаго рассудилось, какъ то читатель самъ изволитъ увидѣть. На Французскомъ языкѣ господинъ Боалò Депрò толь превзрядныя писалъ Эпістолы Стіхами, что ужè лучше его, кажется, написать и не льзя. Піитіческая 36
Эпістола Стілемъ только разнится отъ простыя, для того что въ Піитіческой Эпістолѣ, и стіль долженствуетъ быть Піитіческій, Аполліноватый, и весьма съ Парнасскимъ не разглашающійся. Сей родъ Поэзіи, назвалъ я ЭПІ́СТОЛОЮ, а не ПОСЛАНІЕМЪ, ПИСАНІЕМЪ, и ПИСЬМОМЪ, для того, чтобъ различить Піитіческое Письмо отъ ПОСЛАНІЙ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАѴЛА, и отъ простыхъ Писемъ. Латіны такъ же называютъ Піитіческія и оныя духовныя: Epistolae; а простыя чаще: Litterae. Французы простыя зовутъ: Lettres; а Піитіческія и святаго Паѵла посланія: Epîtres.

Эпістолу мою пишетъ Стіхотворчество, или Поэзія Россійская къ Аполліну вымышленному Богу Стіхотворчества. Но чтобъ кому имя сіе не дало соблазна; того ради я объявляю, что чрезъ Аполліна должно здѣсь разумѣть желаніе сердечное, которое я имѣю, чтобъ и въ Россіи развелась наука Стіхотворная, чрезъ которую многіе народы пришли въ высокую славу. А въ прочемъ все въ ней какъ ни написано, то по Стіхотворчески написано, что искусные люди довольно знаютъ; и для того ревнующимъ намъ по благочестію Хрістіанамъ, нѣтъ тутъ никаковаго пóвода къ соблазну.

ЭПІ́СТОЛА 37

ОТЪ РОССІЙСКІЯ ПОЭЗІИ КЪ АПОЛЛІНУ.

Девяти Парна́сскихъ сестръ, купно Гелїко́на,
О Начальникъ АПОЛЛІНЪ, и Перме́сска звона!
О Родитель слаткихъ словъ сердце веселящихъ,
Простъ слогъ и не украшенъ всячески красящихъ!
Посылаю ти сїю Росска Поэзі́я,

Кланяяся до земли, должно что, самы́я.
Нову вещь тебѣ хочу сею объявити,
И съ Парна́сса тя сюда самого просити;
Что бы въ помощь ты мою былъ всегда скорѣйшій,
Что бы слогъ мой при тебѣ началъ быть острѣйшій.
Ужъ довольно чрезъ тебя пѣла наученна,
Греческа сестра моя въ вѣки не забвенна;
Славилъ много хитръ Гоме́ръ ею Ахілле́са,
Чрезъ Улѵссовъ же походъ ужъ знатна Цірце́са.
Многожъ и сестра тобой Римска свѣту пѣла,
Жаромъ, что вложилъ ты ей, дивно та кипѣла:
Ужъ Эне́й описанъ тамъ се́рдца добронравна,
Чрезъ Віргілія въ Стіхахъ Князя толь преславна;
38 И Гора́цїева всѣмъ есть люба ужъ Лѵра,
Съ Ювена́ловой при томъ ко́люща Сатѵра.
Гдѣ Овідій ужъ не чтенъ радостно пресладкій?
Галлъ, Пропе́рцій и Тібу́ллъ въ слогѣ своемъ гладкій?
И Тере́нцій, Ко́мїкъ Плаѵтъ въ Со́ккѣ поиграли,
Плескъ и похвалу себѣ въ Римлянахъ сыскали;
Тра́гїкъ Се́нека не столь ткалъ хоть Стіхъ изрядно,
Выходилъ въ Коту́рнѣ онъ иногдажъ нарядно;
Марціа́лъ краткъ, узловатъ, многажды Сатѵрїкъ,
Въ Эпігра́ммѣ умѣщалъ индѣ Панегѵрїкъ.
Всѣмъ моя симъ къ славѣ ихъ тамъ сестра служила,
И тебя довольно въ сихъ АПОЛЛІНА чтила.
Не презрѣнна и сестра отъ тебя та нѣжна,
Съ Те́ѵтомъ, І́беромъ живетъ что въ срединѣ смежна,
Съ мяхкимъ такъ же въ югъ близка что Італїянцомъ,
Съ острымъ въ сѣверъ чрезъ моря̀ купно и Брїтанцомъ;
Галлы ею въ свѣтъ ужѐ славны пронеслися,
Цесаремъ что, но давно, Варвары звалися.
Два Корне́лїя, Раці́нъ, Тра́гїки искусныя,
Реньиѐ въ нихъ, Боало̀, Сатѵрами вкусны;
Съ разумомъ и Молїе́ръ въ родѣ ихъ глумливый,
Былъ, Віргілія Скаро́нъ осмѣять, шутливый;
Молодый хоть въ нихъ Волте́ръ, по весьма чистъ въ слогѣ;
Щастливъ О дела Фонте́нъ басенъ былъ въ прилогѣ!
39 О́дами леталъ Малге́рбъ въ нихъ всегда достойно,
Экклогу поправилъ тамъ Фонтене́ль пристойно;
Воатю́ръ въ Рондѣ̀ игралъ веселъ и прїятенъ,
Больше чрезъ Псалмы̀ Русо̀, хоть чрезъ все онъ знатенъ.

Про другихъ упоминать, право нѣтъ имъ щоту:
Особливу всякъ въ Стїхѣ показалъ доброту.
Эпїгра́ммы тотъ писалъ, инъ же Фїлїппїки,
Славны О́перы другой сладкой для музы́ки;
Въ Элегїяхъ плакалъ инъ жалостно, умильно,
Тотъ Сонѐтъ, тотъ Мадрїга́лъ, тотъ бала́дъ клалъ сильно.
Пѣсенъ ихъ что можетъ быть лучше и складняе?
Ей! ни Грецїя, ни въ томъ могъ быть Римъ умняе.
Славны и еще они, но по правдѣ славны,
Что жены, тотъ красный полъ, были въ томъ исправны:
Са́пфобъ Греческа была въ зависти великой,
Смыслъ дѣвицы Скудерѝ есть въ Стїхѣ коликой;
Горько плачущей Стїхомъ нѣжной дела Сю́зы,
Сладостнѣе никогда быть не можетъ му́зы.
Токмо полно мнѣ и сихъ имянно счислятп,
Лучше самъ ты, АПОЛЛІНЪ, можешь про нихъ знати.
Галлїя имѣетъ въ томъ, ей, толику славу,
Что за среднюю дочь твою можно чтить по праву.
Въ сытость напился воды́ такъ же Касталїйски,
Что писалъ разумно Тассъ и по Італїйски.
Ты вознесъ въ Мїлто́нѣ толь и сестру Брїтанску,
Въ Ло́пѣ, такъ же и въ другихъ разгласилъ Гїшпанску.
Правильно Германска ужъ толь слухъ услаждаетъ,
Что остръ Ю́нкеръ славну мзду ею получаетъ:
Ю́нкеръ, котораго въ честь я здѣсь называю,
Ю́нкеръ, которому, ей, всякихъ добръ желаю.
Что же слаткїй тотъ Орфе́й, Пїндаръ тотъ избранный,
Въ благородномъ родѣ семъ Ке́нїгомъ что званный?
Въ немъ сестра моя всегда пѣла героїчно,
Амфїо́нской пѣть бы такъ было съ нимъ прилично.
Ка́пїца сердечный жаръ, Бе́ссера любовна,
А Нейме́йстера, при немъ Шмо́лка толь духовна,
Кто бы нынѣ лучше могъ на Стїхахъ играти?
Бро́кса, Трїллера, комубъ выше можно знати,
Что въ вещахъ природныхъ есть для Стїха изрядно?
О Стїхомъ весь идетъ коль Гїнтеръ лехкъ нарядно!
Щастливѣе въ комъ сестра тамъ моя трубила,
Какъ въ Нейкїрхѣ, Стїхъ кому важный подарила?
У чужихъ бралъ мысли сей; но чрезъ переводы,
Дивно полагалъ тѣ въ Стїхъ своея природы.
Нову въ О́пїцѣ мою всѣ сестру признали,

Обновителемъ тоя называть всѣ стали;
О́нїцу, придавъ Стїховъ имя отца, перву,
Что въ нихъ строенъ тотъ и хитръ вольну чрезъ Мїне́рву.
41 Научивши ты сестру толь мою нѣмецку,
Научить не позабылъ такъ же и турецку,
И Персїдску, и какой хвалится Індı́я,
И въ Арапской что землѣ мудра Поэзı́я.
Чрезъ тебя гласитъ Стїхомъ Польская спесиво,
Иногдажъ весьма умно, и весьма учтиво.
Словомъ нѣтъ ужѐ нигдѣ такова народа,
Чтобъ честна тамъ сестръ моихъ не была порода.
Только ли одну меня такъ ты оставляешь?
За родную мя себѣ иль не признаваешь?
Но приди и нашу здѣсь посѣтить Россı́ю,
Такъ же и распространи въ ней мя Поэзı́ю:
Встрѣтить должно я тебя всячески потщуся,
И въ приличный мнѣ уборъ свѣтло наряжуся;
Съ привѣтственнымъ предъ тебя и Стїхомъ предстану,
Новыхъ мѣръ въ стопахъ, не числъ, поздравлять тѣмъ стану.
Новыхъ! поистиннѣ такъ, хоть бы ты дивился,
И подобенъ такову, кто не вѣритъ, зрился:
Старый показался Стїхъ мнѣ весьма не годенъ,
Для того что слуху тотъ весь былъ не угоденъ;
Въ сей паденїе, въ сей звонъ сто́пу чрезъ прїятну,
И Цезу́ру * въ сей внесла долготою знатну.
Старымъ токмо я числомъ Стїхъ опредѣлила,
Сто́пы двосложны за тѣмъ въ новый сей вложила;
42 Сто́пы, обѣгая въ нихъ трудность всю Аѳи́нску,
И въ количествѣ Стїховъ также Латїнску;
То́нїческу долготу токмо давши слогу,
Такъ до Рїѳмы Стїхъ веду глатку чрезъ дорогу;
Выгнавъ мерсскїй переносъ, и все что порочно,
То оставила Стїху, что ему есть точно.
Таковымъ тебя Стїхомъ стану поздравляти,
Таковымъ тебя Стїхомъ буду умоляти,
Чтобъ оставивши Парна́ссъ все ты жилъ со мною,
Одарилъ бы всю меня сло́ва красотою.
Поспѣшай къ намъ, АПОЛЛІНЪ, поспѣшай какъ можно:
Будетъ любо самому жить у насъ, не ложно.

---

* Пресѣченїе.

Хотя нужденъ ты давно здѣсь въ Россіи славной,
Все въ великихъ что дѣлахъ щастится быть главной;
Больше но теперь въ тебѣ нужды я имѣю,
Тѣмъ и нудить больше тя, чтобъ спѣшить къ намъ, смѣю.
АННУ даровалъ намъ БОГЪ нынѣ коль велику,
Не льзя безъ твоей воспѣть Гарфы то мнѣ зыку:
Мудрыхъ всѣхъ во свѣтѣ главъ есть ЕЯ мудрѣйша,
Разумомъ разумныхъ всѣхъ ТА весьма острѣйша;
САМОДЕРЖИЦЫ СЕЯ ОКО прозорливо,
Полно СЕРДЦЕ всякихъ благъ, тѣмъ щедролюбиво;
Что ВЕЛИЧЕСТВА на ВСЕЙ блещетъ ЛУЧЪ небесный,
Всякъ народъ, весь міръ о томъ СЛАВОЮ извѣсный:
Храбрая РУКА ЕЯ полна благодати; 43
Щастіе, О при ТЕБѢ всѣмъ РОССІЙСКА МАТИ!
Милость, правда, и любовь къ подданнымъ безмѣрна,
Дѣло къ благочестію и въ НЕЙ мысль вся правовѣрна;
Бодростью не женъ, мужей АННА превышаетъ,
ТѢЛО БОГЪ ЕЙ и ЛИЦЕ тою украшаетъ;
Страшно то въ НЕЙ всѣмъ врагамъ, Россамъ что есть мило,
Великодушіе же зависть всю дивило.
Слава для НЕЯ трубы хоть бы не имѣла,
Совершенства всѣ ЕЯ хоть бы не гремѣла;
ТА САМА СОБОЙ хвала, ТА САМА ВСЯ слава.
О да будетъ АННА въ вѣкъ здѣсь и въ вѣки ЗДРАВА!
Добрымъ ТА любовь сердцамъ, вѣрнымъ всѣмъ и радость;
Всей Россіи красота, щитъ, надежда, сладость,
И прибѣжище, покой, здравіе, богатство,
И желаніе, и честь; словомъ: все изрядство.
Самый образъ на землѣ ВЫШНІЯ щедроты,
Силы, благости ко всѣмъ, сродныя доброты.
Всякъ престолъ бы чрезъ НЕЯ могъ быть высочайшій,
Будетъ на ГЛАВѢ драгій всякъ вѣнецъ дражайшій,
Въ сильнѣйшій РУКОЙ скиптръ сильнъ АННЫ премѣнится.
Ей! величествомъ на НЕЙ бо́льшимъ украсится,
Коль бы ни сіяла гдѣ онымъ вся порфира;
Ибо АННА нынѣ есть токмо чудо МІРА.
Мѣнится при СЛАВНОЙ все, что ни есть, въ преславно, 44
При ВЕЛИКОЙ все растетъ въ величайше явно;
Лучшій все пріемлетъ видъ. Худо, что и злобно,
Премѣняется въ добро, и въ любовь удобно.
Добродѣтель АННЫ то крайня заслужила,

БОЖІЯ ТУ благость тѣмъ такъ благословила.
Но какъ слабой мнѣ во всемъ ОНУ описати?
Объ АУГУСТѢ токовой лучше бы молчати
И Віргіліевой здѣсь быть всегда имѣло;
Самъ и ты бы, АПОЛЛІНЪ, былъ не скоръ на дѣло.
Толь то МОНАРХІНЯ всѣмъ АННА наша стройна,
Свѣта что всего Коронъ по всему ДОСТОЙНА.

---

45 Слѣдующія двѣ Элегіи, которыя сочинены Эксаметромъ нашимъ, предлагаются здѣсь такъ же въ примѣръ того нашего Стіха.

Слово, *Элегія*, происходитъ отъ Греческаго: Ελεγεία, и значитъ: Стіхъ плачевный и печальный, по свидѣтельству славнаго Піиты Римскаго Овідія, оплакивающаго въ одной изъ своихъ Элегіи скорую смерть друга своего, слаткаго Элегіяческаго Піиты латінскаго Албія Тібулла, тако:

Flebilis indignos Elegeia solue, capillos,
ah! nimis ex vero nunc tibi nomen erit,

то есть:

Плачевная Элегія! распусти не убраные свои волосы,
ахъ! излишно по правдѣ отъ плача ты нынѣ имя возъимѣешь.

Подлинно, хотя важное, хотя что любовное, пишется въ Элегіи; однако всегда плачевною и печальною рѣчью то чинится. Можно о семъ всякому Россійскому охотнику увѣриться отъ Греческихъ Элегіи Філетасовыхъ; Латінскихъ: Овідіевыхъ преизрядныхъ, и, не хуже оныхъ, Тібулловыхъ; такъ же Проперціевыхъ, и Корнеліевыхъ Галловыхъ; а отъ Французскихъ, весьма жалостныхъ и умилительныхъ, покойныя Графіни дела Сюзъ.

Я что пускаю въ свѣтъ двѣ мои Элегіи плачевныя, то весьма безопасно; но что пускаю ихъ любовныя, по примѣру многихъ древнихъ и нынѣшнихъ Стіхотворцовъ, въ томъ у добродѣтельнаго Россійскаго читателя прощенія прося, объявляю ему, что я записываю въ сихъ двухъ Элегіяхъ не зазорную любовь, но законную, то есть, таковую, какова̀ хвалится между благословенно любящимися супругами.

46 Въ первой плачетъ у меня вымышленный супругъ о томъ, что разлучился съ любезною своею супругою, такъ же мечтательною, Илідарою, и что ужъ ея не уповаетъ видѣть за дальностію; а во второй не утѣшно крушится о томъ, что увѣдомился онъ подлинно о смерти своея Илідары, а однако любить ея и по смерти перестать не можетъ. Слово, *Купідінъ*, которое употреблено во второй моей Элегіи, не долженствуетъ къ соблазну дать причины жестокія до-

бродѣтели хрїстїанїну: понеже оно тутъ не за поганскаго Венерїна выдуманаго сына прїемлется; но за пристрастїе сердечное, которое въ законной любви, и за великую свою гарячесть, хулимо быть никогда нигдѣ еще не заслужило.

Неповинная моя въ томъ совѣсть, хотя меня совершенно оправляетъ; однако не надѣюсь, чтобъ не нашолся кто угрюмый, и менябъ за сїе всячески не порочилъ, по тому что не мало у насъ таковыхъ, которые про ближняго своего, безъ всякїя иногда хрїстїянскїя любви, и часто безъ всякаго основанїя, только въ Февралѣ мѣсяцѣ меньше говорятъ, за тѣмъ что въ немъ и въ самый вїсекосный годъ меньше дней числится. Того ради симъ Господа́мъ я не могу другаго способа дать, къ не поврежденїю ихъ честныя добродѣтели, кромѣ сего, чтобъ только ихъ не читать, довольно надежденъ, что знающїе въ семъ силу, другую мнѣ, въ рассужденїи сего, учинятъ справедливость. Никогдабъ, поистиннѣ, сїе на меня искушенїе не могло притьти, чтобъ издать въ народъ оныя двѣ Элегїи, ежелибъ нѣкоторые мои прїятели не нашли въ нихъ, не знаю како́ва, духа Овїдїевыхъ Элегїй. Сїя ихъ ласкательная и излишняя ко мнѣ милость, даромъ что меня, по нѣсколькому во 47
всѣхъ насъ съ природы пребывающему самолюбїю, на сїе одобрила, токмо будучи свѣдомъ о подломъ разумѣ, маломъ искусствѣ, и слабыхъ моихъ силахъ въ Стїхотворствѣ, самъ признаваюсь, что еще больше я отстою отъ красоты слога, тонкости мыслей, и способно текущаго Стїха Овїдїева, нежели самъ Овїдїй отстоитъ отъ меня древностїю времени, въ которое онъ свои Элегїи писалъ.

Мои Элегїи не могутъ подобнѣе назваться, какъ токмо онымъ жестокимъ и темнымъ металломъ, которой во время превеликаго Корїнѳскаго пожара отъ чистыхъ, драгоцѣнныхъ и свѣтлыхъ металловъ, вмѣстѣ чрезъ огонь слившихся, новый тогда Корїнѳянамъ объявился. И хотя въ нихъ ничего не находится, котороебъ и малыя хвалы достойно было; однако за новость Стїха, и за новость свою самую, нѣсколькаго прїятства къ себѣ у читателей пускай покорно просятъ.

ЭЛЕГЇЯ I 48

Не возможно сердцу, ахъ! не имѣть печали;
Очи такожде еще плакать не престали:
Друга милаго весьма не могу забыти,
Безъ котораго теперь на́длежитъ мнѣ жити.

Вижу, ахъ! что надлежитъ, чрезъ судьбу жестоку,
Язву се́рдца внутрь всего толь питать глубоку:
Съ Илїдарою на вѣкъ я ужъ разлучился,
И въ послѣднїе тогда весь въ слезахъ простился;
Отнятъ сталъ быть отъ нея чрезъ страны далеки,
И не вѣрныя моря́, купно многи рѣ́ки;
Темны лѣсы видѣть ту се не допускаютъ,
Холмами же отъ меня го́ры закрываютъ;
Скоры вѣтры донести къ ней не могутъ рѣчи,
Слезны горько проливать нуждно мнѣ есть течи.
Щастїе прешедше! ужъ что не возвратимо!
Мучимою только мнѣ мыслїю что зримо!
Длячего тя потерявъ нынѣ въ Илїдарѣ,
Памяти не потерялъ о драгой я парѣ?
Лучшебъ оныя о той во́вся не имѣти,
Сердцемъ нежели всякъ день му́ку злу терпѣти:
49 Всѣ къ концу дѣла̀ мои нынѣ не приходятъ,
Съ Илїдары бо драгой мысли всѣ не сходятъ;
Илїдара иногда сѣдша подымаетъ,
А ходить когда начну, спать та полагаетъ;
Прикоснулся же бы лишъ тѣломъ до кравати,
Память Илїдары мя тотчасъ нудитъ встати.
Тѣмъ не зная что чинить, и себя не знаю,
Самого себя не самъ, токмо стѣнь бываю.
Тако дерзостный корабль морѣ на пространномъ,
Вихрями со всѣхъ сторонъ страшно взволнованномъ,
Порывается въ страну, а пото́мъ другую,
И теряючи свой путь страждетъ бѣду злую,
То на сѣверъ несучись, то и на востоки,
Ломящимся же волнамъ отворяетъ боки,
То къ полудню устремленъ, къ западу и темну,
Съ горъ ныряетъ водныхъ въ низъ въ пропасть какъ подземну,
Нѣтъ пристанища нигдѣ, нѣтъ нигдѣ предѣла;
Во́ды, про́пасть и шумя пѣна кипитъ бѣ́ла.
Отдается, на конецъ, вихрей тѣхъ на волю,
И въ извѣстнѣйшу корысть житкому весь по́лю.
О кто щастливый еще не бывалъ въ разлукѣ!
Непрерывно веселясь съ другомъ любви въ ту́кѣ!
О все время есть сему слатко и прїятно!
О благополученъ сей въ жизни многократно!
50 Сердце горести его никогда не знаетъ,

Въ красномъ цвѣтѣ веселъ духъ на лицѣ играетъ;
Въ слаткомъ и проходятъ снѣ тихи ему ночи,
Токи проливать и слезъ не умѣютъ очи;
Умъ всегда цѣлъ, такъ же здравъ, и въ прямомъ поряткѣ,
Сокрушенія себя быть не зритъ въ упаткѣ;
Ложны виды не страшатъ въ снѣ его покойномъ,
Часто видитъ госпожу въ образѣ все стройномъ;
Видитъ, будто иногда съ нею онъ смѣется,
Иногда будто друшкомъ отъ нея зовется;
Зритъ, гуляетъ что въ садахъ съ нею онъ веселыхъ,
Тамъ плодовъ себѣ веля много принесть спѣлыхъ.
Выбираетъ лучшей плодъ видомъ и ей вкусомъ,
По́ччиваетъ то своимъ та его, зритъ, кусомъ.
То ходя по цвѣтникамъ Розы рветъ, лїлѣи,
И связавъ въ пучки пестря складны чрезъ затѣи,
Украшаетъ ей главу, грудь и тѣми такъ же;
Лїнточку то на рукѣ вяжетъ туже, слабже;
Лучшему то въ ней всему, ахъ! дивясь цѣлуетъ,
То пылиночку съ грудей приклоняся дуетъ,
Сдувъ, великою чинитъ ей свою работу,
Поцѣлуевъ въ плату съ ней требуя безъ щоту.
Гонится то бѣгучи иногда за нею,
Спрятывается то самъ въ густую Алле́ю;
Хотятъ въ мѣстѣ иногда при водахъ текущихъ, 51
Индѣ слушаютъ пото́мъ гласы птицъ поющихъ;
То подъ сѣнїю сидя сами пѣть заводятъ,
Свищущихъ тѣмъ соловьевъ въ многъ задоръ приводятъ;
То приходятъ о рѣчахъ въ не большїе споры,
То скланяются они въ мирны разговоры;
Иногда, но ни за что, будто впрямь бранятся,
А спустивъ мїнуты съ двѣ, слезъ въ струяхъ випятся.
Сле́зы, о дражайши перлъ! веселѣйши смѣха!
О горящимъ отъ любви вы сердцамъ утѣха!
Во́ды пламень не гасятъ ваши тѣмъ сердечный,
Возбуждаютъ еще жаръ любящимся вѣчный.
Таковые видитъ сны, кто все не разлученъ
Отъ любимыя живетъ съ радости не скученъ.
Съ милою что на яву у него чинится,
Почива́ющу ему тотъ же видъ и снится.
Мнѣ же бѣдному теперь отъ сея разлуки,
Все не сносныя страдать нуждно стало му́ки;

Нуждно стало по драгой, ахъ мнѣ! Илїдарѣ:
Не згараю весь горя толь въ любовномъ жарѣ.
Въ вещи всякой ту найти я хочу напрасно:
Нѣтъ, чтобъ ею возмогло всѣхъ въ вещахъ быть власно;
Видѣть думаю ея, сердце льстя, повсюду,
Но не видя огорченъ прочь бѣгу̑ оттуду.
52 Все хочу, что окомъ зрю, было чтобы ею,
Вещь на всякую смотря изумленъ медлѣю.
Илїдары нѣтъ нигдѣ! нѣтъ нигдѣ драгїя!
Тѣни въ памяти живутъ только, ахъ! простыя.
Тѣ однажды мнѣ во снѣ ону показали,
Плачущую всю по мнѣ видѣть приказали;
Думавъ правдою то быть, съ ней хотѣлъ схватиться,
Крѣпко и прижать къ грудямъ, чтобъ не разлучиться,
Но движенїе всего толь мя устремленна,
Учинило, ахъ! отъ сна въ горесть пробужденна.
Отдаленїемъ моимъ потерялъ саму́ю,
Потерялъ отъ сна вспрянувъ тако стѣнь пустую.
Льяся токмо я тогда горькими слезами,
Убѣжавшу проводилъ, сїи крича словами:
Свѣтъ любимое лице! чья и стѣнь прїятна!
И рѣчь мнимая ко мнѣ въ самомъ снѣ есть внятна!
Чаще по ночамъ хотя спящему кажися,
И ходить къ лишенну чувствъ, мила, не стыдися.

53

ЭЛЕГÍЯ II

Кто толь бѣдному подастъ по́мощи мнѣ руку?
Кто и можетъ облехчить, ахъ! сердечну му́ку?
Мяхкосердыя на мя сынъ богини злится,
Жесточайшимъ отчасу̑ тотъ мнѣ становится:
Не исцѣльно поразивъ въ сердце мя стрѣлою,
Непрестанною любви мучитъ, ахъ! бѣдою.
Сердце равныя ни чье не имѣло страсти,
Не впадало тѣмъ ни чье въ равныя напасти:
Безъ надеждыбъ чье когда лютый жаръ страдало?
Ахъ! невинное мое въ лютость ту попало.
Прежестокая болѣзнь всякъ часъ то съѣдаетъ,
Не сравненная печаль какъ звѣрь лютъ терзаетъ;

Мысли, зря смущенный умъ, сами всѣ мятутся,
Не велишь хотя слезамъ, самовольно льются;
Вдругъ безмолствую, и вдругъ съ стономъ воздыхаю,
Самъ не вѣмъ чего желать, и чего желаю.
Безнадеждіе, мятежъ, горесть и печали,
И не сносная тоска въ вѣкъ на мя напали.
Въ семъ смятеніи моемъ, что чинить имѣю?
Сердце рвется, а цѣлить чѣмъ то, не умѣю.
Мысль тотчасъ одну съ ума гонитъ прочь другая,
Разумъ отъ меня бѣжитъ, страсть же мучитъ злая.
Внутренній покой никакъ мнѣ сыскать не можно, 54
Чтобъ я въ помощь ни взывалъ, все въ удачѣ ложно.
Никому принесть нельзя жалобу сердечну:
Купідінъ мя осудилъ къ молчанію вѣчну.
Не рассудный и слѣпый, Купідінъ пресильный,
И который толь ко мнѣ нынѣ не умильный!
Я какую тебѣ могъ дать къ сему причину,
Что ты вѣчну напустилъ на меня кручину?
Ты велишь мнѣ то любить, не льзя что любити,
Съ свѣта знатно ты сего хочешь мя згонити:
Илїдары нѣтъ ужъ, ахъ! нѣтъ ужъ предрагїя!
Больше Илїдары зрѣть не могу младыя!
Прежестока смерть ужѐ ссѣкла ту косою!
Ранить больше мя по ней чтожъ любви стрѣлою?
О изволь отъ страсти къ ней нынѣ мя избавить!
Ту изъ се́рдца вынять всю, въ мысляхъ же оставить!
Не повинну мнѣ за что кажешь ты немилость?
Въ преглубокую за что вводишь мя унылость?
Сердце ти мое когда было не покорно?
Оно ты къ себѣ видалъ быть когда упорно?
Быть готово то всегда, ей, въ любовномъ жарѣ,
Но къ другой бы красотѣ, а не къ Илїдарѣ.
О изволь отъ страсти къ ней нынѣ мя избавить!
Ту изъ се́рдца вынять всю, въ мысляхъ же оставить!
Что крушиться мнѣ о той, гдѣ надежды нѣту?
Какъ велишь мнѣ ты любить мертву, безъ отвѣту? 55
И молчу я, и горю̀, и стражду не вольно:
А не можетъ никогда сердце быть довольно:
Илїдара въ вѣкъ хладна̀ нынѣ пребываетъ!
Нагла жара моего та не ощущаетъ!
Обрати во мнѣ сей жаръ къ красотѣ приличной,

Къ Илїдарѣбъ не горѣлъ толь мой не обычной.
О изволь отъ страсти къ ней нынѣ мя избавить!
Ту изъ се́рдца вынять всю, въ мысляхъ же оставить!
О жаръ! язва! о и страсть! страсть толь нестерпима!
Наглость о моей любви толь не утолима!
Больше не могу терпѣть; ахъ! весь пропадаю.
Небо! въ жизни я пока чуть живъ пребываю?
Лучше во́вся умереть, нежели страдати,
И не умирая все, только обмирати.
Но скажи мнѣ, Купїдїнъ; ты начто питаешь
Толь сей жаръ всякъ часъ во мнѣ, и воспламеняешь?
Ты не мнишь ли, что любивъ ону я живую,
Могъ по смерти позабыть мнѣ всегда драгую?
О изволь отъ страсти къ ней нынѣ мя избавить!
Ту изъ се́рдца вынять всю, въ мысляхъ же оставить!
Правда, Илїдара какъ зрилася во свѣтѣ,
Младости своей была какъ въ прекрасномъ цвѣтѣ,
56 Я любилъ, могу сказать, ону не сравненно,
Въ мыслижъ нынѣ содержу право не забвенно.
Будь не вѣришь, Купїдїнъ, опишу ту живо,
Та коликое была въ жизни всѣмъ здѣсь диво.
О изволь отъ страсти къ ней нынѣ мя избавить!
Ту изъ се́рдца вынять всю въ мысляхъ же оставить!
Илїдара здѣсь жила вся бѣлѣйша снѣга,
А на тѣлѣ всемъ ея са́ма зрилась нѣга,
Долговатое лице и румянно было,
Бѣлизною же своей все превосходило.
Будь на бѣлость зришь лица̀, то лїлѣи зрятся;
На румянность буде зришь, Розы той красятся;
Обѣ превосходно въ ней краски тѣ играли,
Обѣ не сравненно ту въ жизни украшали.
Очи свѣтлы у нея, цвѣта же небесна,
Не было черты въ лицѣ, чтобъ та не прелесна;
Круглое чело, чтобъ могъ, въ оное вселиться
Разумъ данный съ небеси, и распространиться.
Алость на устахъ весьма мяхкость украшала,
А перловы зубы въ ней видѣть не мѣшала;
Черностью ея власы со́болю подобны,
Паче шолку тѣ рукамъ мяхкостью угодны.
Всебъ ея перстамъ имѣть съ златомъ адаманты,
Груди всебъ ея носить чистыс брїльянты.

Ни велика, ни мала, схожа на богиню, 57
Поступью же превзошла всякую княгиню;
Со всего, но и всегда, зрилась благородна,
И Богамъ, Богинямъ быть та казалась сродна;
Голосъ свой имѣла тихъ, правъ во всемъ учтивый,
Къ добрымъ добръ у ней прїемъ, къ злымъ же былъ спесивый;
Ласкова, и умна рѣчь, слатка и прїятна,
Рассудительна, остра, въ произносѣ внятна.
Чистъ и строенъ та хотя свой уборъ носила,
Больше же однакъ собой оный весь красила.
Всяка не могла тогда красота сравниться
Илїдарѣ, О моей! купно надивиться.
Умъ ея мнѣ описать не льзя есть никако;
Нада равный мнѣ ея возъимѣть умъ всяко.
Какъ мнѣ словомъ изъявить остроту велику,
И догатку, что была въ ней всегда, толику?
Рассужденїе и смыслъ здравъ и преглубокїй,
Разумъ зрѣлъ весьма и твердъ, мысльми же высокїй?
Словомъ токмо заключу, что та Илїдара
Многихъ лучше всѣмъ была, никому не пара.
Видишь, о ты Купїдїнъ! помню какъ я ону,
Что всю живо описалъ всяка безъ урону.
Будь доволенъ только симъ, что ту не забуду,
Въ гробѣ затворенъ пока червїямъ въ снѣдь буду.
О изволь отъ страсти къ ней нынѣ мя избавить!
Ту изъ се́рдца вынять всю въ мысляхъ же оставить!

—

Я за потребно рассудилъ приложить здѣсь двѣ Оды моего со- 58
чиненїя, одну въ примѣръ нашего пентаметра, а другую въ показанїе тѣхъ стїховъ, которые у насъ не стопа́ми, но слогами мѣряются, изъ девяти слоговъ во всякомъ стїхѣ состоящую; однако ничего я здѣсь не буду объявлять объ Одахъ, что они значатъ: ибо я довольное рассужденїе о нихъ положилъ во обще, послѣ Оды о здачѣ города Гданска, которая напечатана; Того ради желающихъ объ Одахъ вѣдать, туда отсылаю, здѣсь токмо про́сто для примѣра Стїховъ обѣ слѣдующїя полагая.

———

59 # ОДА

ВЪ ПОХВАЛУ ЦВѢТУ РОЗѢ.

СОЧИНЕНА

НАРОШНО НОВЫМЪ РОССІЙСКИМЪ ПЕНТАМЕТРОМЪ

ДЛЯ ПРИМѢРА.

* * *

Красота весны̀! РОЗА о прекрасна!
Всей о Госпожа румяности власна!
ТЯ во всѣхъ садахъ яхонтъ не сравненный,
ТЯ изъ всѣхъ цвѣтовъ цвѣтъ предрагоцѣнный,
О цвѣтовъ ТЯ всѣхъ славную Царицу,
Само цвѣтниковъ солнце, не зарницу!
Похвалить теперь я хотя и тщуся;
Но багряну зря и хвалить стыжуся.

* * *

Какъ Природа въ свѣтъ ТЯ производила,
Лучшему въ ТЕБѢ быть опредѣлила;
Краснъ бы ТЫ была цвѣтъ изъ всѣхъ краснѣйшихъ,
Честнъ бы ТЫ была цвѣтъ изъ всѣхъ честнѣйшихъ:
Цвѣты мало чѣмъ прочіе красятся;
А въ тебѣ добротъ совершенства зрятся.
Лілѣйбъ молчать съ бѣлостью не малой,
Къ бѣлизнѣ ТЕБѢ цвѣтъ дала желтъ, алой.

* * *

60 На землѣ Расти мяхкой ТИ велѣла,
Мяхкости бъ вредить груба не имѣла;
Зе́фѵръ токмо тихъ надъ ТОБОЙ летаетъ,
Благовонность всю въ воздухъ распущаетъ.
Вся старалась толь о ТЕБѢ Природа,
Что любиму ТЯ изъ цвѣтовъ всѣхъ рода,
Терніемъ кругóмъ оградила брежно,
Не касалось бы къ нѣжной, что не нѣжно.

* * *

Разлила по всей благовонность многу,
Духъ на всякъ листокъ слаткій безъ прилогу;
Чувство въ насъ одно зря на ТЯ дивится,
Чувство въ насъ одно духомъ тѣмъ сладится:
Красотою всѣхъ ТЫ увеселяешь,
Благовонствомъ же чудно услаждаешь.
Внѣшнее чрезъ все, кто, какъ ТЫ, богата?
Внутреннимъ же, ей! ТЫ дражайша злата.

* * *

Тщалась искусить чрезъ свои карміны,
И мѣшая къ нимъ многи краски и́ны,
Живопись всегда пе́стра разноцвѣтна,
Оку токмо въ видъ одному примѣтна,
Чтобъ цвѣтъ написать здѣсь тебѣ подобный;
А изобразивъ, зрила весь особный.
Кистїю бы какъ здѣлать то случилось,
Само НЕБО въ чемъ тщательно трудилось?

* * *

Адамантъ отъ перлъ есть въ цѣнѣ коль разный, 61
Съ чистымъ не сравненъ коль источникъ грязный,
Златъ желѣзна коль есть металлъ дражайшїй,
Отраслей своихъ кедръ коль высочайшїй;
Весь цвѣтущїй родъ толь ТЫ превосходишь,
Съ оныхъ нашъ и взоръ на СЕБЯ приводишь:
То, что солнце есть всѣми предъ звѣздами,
Разными между видимъ ТЯ цвѣтами.

* * *

Красоту ТВОЮ мы зримъ не насытно,
И желаемъ зрѣть всѣ ту любопытно;
Обоняемъ духъ съ неба ТВОЙ прїятный:
Равенъ ТВОЕМУ гдѣ есть ароматный?
Знаете и вы, мудрыя о Пчелы!
Коль сей райскїй ЦВѢТЪ въ дивны вамъ предѣлы
Щедро подаетъ, отъ богатства и́ста,
Многоцѣнный даръ меда нектаръ чи́ста.

---

62 # ОДА

ВЫМЫШЛЕНА ВЪ СЛАВУ ПРАВДЫ ПОБѢЖДАЮЩІЯ ЛОЖЬ, И ВСЕГДА ТОРЖЕСТВУЮЩІЯ НАДЪ НЕЮ

СОЧИНЕНА

ДЛЯ ПРИМѢРА ПРОСТАГО РОССІЙСКАГО СТІХА.

* * *

Что то за злость? и что за ярость?
Что за смрадна пороковъ старость?
Ахъ! коль адскимъ огнемъ та дышетъ!
Ищетъ кого то уязвити;
Кого то хочетъ умертвити?
Страшно, ахъ! грознымъ гнѣвомъ пышетъ.

* * *

Чудовище свирѣпо, мерсско,
Три го́ловы подъемлетъ дерсско;
Тремя сверкаетъ языка́ми!
Ядъ изблевать ужѐ готово:
Ибо наглостїю сурово,
Тремя же зѣваетъ устами!

* * *

63 Ложь то проклята, дерзновенна,
Вышла вся изъ ада безденна,
ПРАВДУ ищетъ вездѣ святую,
Бесстыдно, гонитъ ТУ всечасно,
И славится тѣмъ велегласно,
Растерзать смѣло хотя ТУЮ.

* * *

Укройся ТЫ ПРАВДА драгая:
Поднялась на ТЕБЯ ложь злая.

Та нагла, кротка ТЫ безмѣрно;
Свирѣпа та, но ТЫ вся сладость;
Та звѣрообразна, ТЫ благость;
Задавитъ ТЕБЯ, мышлю вѣрно.

* * *

Но ПРАВДА является мила,
И добротъ съ НЕЮ многа сила;
ЧЕСТЬ, купно хвально ПОСТОЯНСТВО,
КРАСОТА, и СВѢТЛОСТЬ безмрачна;
Слѣдуетъ КРОТОСТЬ доброзрачна,
И ДОБРОДѢТЕЛЕЙ убранство.

* * *

Тихо ко лжи приходитъ прямо; 64
Ложь смотритъ на ОНУ упрямо.
Прочь, ахъ! прочь, ПРАВДА вселюбезна:
Ложь ТЕБЯ злобно растерзаетъ,
Или ТЯ страхъ не обнимаетъ?
Послушай прошенія слезна.

* * *

Увы! брань ужѐ началася!
Однакъ ПРАВДА не поддалася.
Грозитъ ложь ТУ убити спѣшна,
Мыслитъ ложь, что ТОЯ сильняе;
Но ПРАВДА разитъ глубочае,
Такъ что никая сила здѣшна.

* * *

Та ругаетъ ложно словами;
Не молчитъ и ПРАВДА устами.
Та чуть было ужъ не пронзила.
Оружїемъ ПРАВДА острѣйшимъ,
И ударомъ много сильнѣйшимъ,
Смертно злую ложь уязвила.

* * *

О ра́за преблагополучна! 65
О побѣда! О слава звучна!
Пропала ужѐ ложь спесива!
ПРАВДА торжествуетъ извѣстно,
Торжество всюду стало вѣстно;
И торжествовать ТОЙ, нѣтъ дива.

* * *

Еще Торжества видны слѣды,
Послѣ преславной той побѣды;
Слѣдуютъ за ПРАВДОЮ многи,
А всѣ добры сердца̀ имѣютъ,
Восклицаніями спѣютъ,
Провождаю ПРАВДУ въ чертоги.

* * *

То весело видѣть всѣмъ было,
То всю радость, то имъ чинило.
Коль горько тогда ЕЙ терпѣти
Отъ лжи велику злость напрасно;
Толь торжество славно и красно,
Радостно нынѣ ПРАВДѢ пѣти.

---

66 ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

ЧТО

Стїхи наши изъ девяти, осми, седми, пяти, такъ же и четырехъ слоговъ состоящїе, долженствуютъ имѣть только одну Рїѳму, падать слогами, а не Стопаии, и быть безъ Пресѣченїя.

Объявивши въ моихъ Пра́вилахъ, что Стїхи наши пра́вильные изъ девяти, седми, пяти, такъ же и не пра́вильные изъ осми, шести, и четырехъ слоговъ состоящїе, ничего въ себѣ стїховнаго, то есть, ни Стопъ, ни Пресѣченїя, не имѣютъ, кромѣ Рїѳмы, хотя и ничего я тамъ о нихъ больше не захотѣлъ упоминать; однако нѣкоторые любопытствомъ своимъ, спрашивая для чего бы и имъ Стопъ и Пресѣченїя не должно было имѣть, къ тому меня принудили, что я воспрїялъ намѣренїе здѣсь о томъ обстоятельно доказать.

Но что сїе доказательство не въ своемъ мѣстѣ положено, въ томъ, любящимъ во всемъ порядокъ, и доброе матерїй расположенїе Читателямъ, извиняюся объявляя тому причину, что ужѐ тѣ листы, въ которыхъ надлежало быть сему, вышли тогда изъ тисненїя, когда меня къ сему любопытные возбудили. Однакожъ, по случаю выше предложенныя Оды въ славу Правдѣ, въ которой всякой Стїхъ только одну имѣетъ Рїѳму, падаетъ девятью слогами, а не Стопа́ми, и не пресѣкается, здѣсь сїе нѣсколько не не приличножъ я рассудилъ вложить.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Сїи Стїхи не долженствуютъ падать Стопáми, но только слогами, для того что они не долженствуютъ въ себѣ имѣть Пресѣченїя; всемужъ сему причиною есть краткость сихъ Стїховъ и наикратчайшїй духъ человѣческїй не весь исполняющая. Ибо,

Первое: 67

Пресѣченїе, есть раздѣленїе Стїха на двѣ части, первую часть Стїха однимъ слогомъ кончащее. Раздѣленїе сїе бываетъ того ради, чтобъ духъ человѣческїй не обессилить, ежелибъ однимъ прїемомъ весь Стїхъ читать, и чрезъ тобъ не быть принуждену слабымъ гóлоса звономъ Стїхъ доканчивать.

Но сїи Стїхи, о которыхъ теперь слово, и наикратчайшїй духъ человѣческїй не весь исполняютъ: Сїе всякому самымъ его искусствомъ ясно познать можно.

Слѣдовательно, нѣтъ нужды раздѣлять ихъ на двѣ части, и бояться, чтобъ какъ духъ человѣческїй не обессилить, и чрезъ тобъ не быть принуждену слабымъ гóлоса звономъ Стїхъ доканчивать.

Къ томужъ; Пресѣченїю состоять надлежитъ изъ одного слога, и числиться внѣ Стопъ. Но изъ сихъ нѣкоторые Стїхи чотку слоговъ имѣютъ; и такъ не можетъ въ нихъ найтися слогъ Пресѣченїя, которому бы внѣ числà Стопъ быть. Слѣдовательно изъ сихъ нѣкоторые Стїхи и для сего не могутъ имѣть Пресѣченїя. Того ради всѣ сїи Стїхи Пресѣченїя въ себѣ имѣть не долженствуютъ.

Второе:

Всѣмъ симъ нашимъ Стїхамъ не надлежитъ падать Стопами: но только слогами.

ибо:

Стопà наша, есть совокупленїе двухъ слоговъ (либо одного тó-
нїчески долгаго, а другаго короткаго, и та Стопà есть наилучшая;
либо одного короткаго, а другаго долгаго, и та Стопà есть наи-
хуждшая; либо, на конецъ, двухъ долгихъ, либо двухъ короткихъ,
и тѣ Стóпы въ нашемъ Стїхѣ среднїя доброты;) изобрѣтенное и 68
положенное въ нашъ Эксаметръ и Пентаметръ для того, чтобъ
Пресѣченїе однимъ слогомъ состоящее ясняе означить, и тѣмъ
первое отъ втораго Полстїшїя, отдохнувъ на немъ, раздѣлить. Но
чтобъ Пресѣченїе ясняе означить; то между Пресѣченїя слогомъ,

и другими Стїха слогами надобно разность положить. Сїя разность не могла быть иная, токмо какъ сїя, чтобъ всякой Стопѣ состоять изъ двухъ слоговъ, для того что ежелибъ трисложныя Стóпы введены были въ наши Стїхи; то, сверьхъ того, что не прилично ими скакать по Стїхамъ, но еще, для опредѣленнаго въ нихъ числà слоговъ, Эксаметръ нашъ не могъ бы имѣть шести, а Пентаметръ пяти мѣръ: сїе само собою есть явно. Слѣдовательно Стопà наша не можетъ состоять, какъ токмо изъ двухъ слоговъ. Пресѣченїе что однимъ слогомъ состоитъ, а Стóпы двумя падаютъ слогами; то слѣдовательно, что двосложныя наши Стóпы Пресѣченїе односложное ясно означаютъ, и тѣмъ первое Полстїшїе отъ втораго, отдохнувъ на немъ, раздѣляютъ.

Но понеже въ сихъ нашихъ Стїхахъ, о которыхъ слово, не должно быть, какъ доказано, Пресѣченїю. Слѣдовательно, чего въ нихъ нѣтъ, то нѣчего въ нихъ и означать; а что нѣчего въ нихъ означать, то не надобно и того, чѣмъ означается.

Того ради всѣмъ симъ нашимъ Стїхамъ не надлежитъ падать Стопáми, но только слогами.

Сверьхъ сего; Стóпы внесены въ Эксаметръ да только въ Пентаметръ, и для того еще, чтобъ сїи наидолжайшїе наши Стїхи отъ Прозаїчности избавить: ибо чрезъ Стóпы Стїхъ поется, что всякъ читающїй и не хотя признаетъ. А ежелибъ въ сихъ дол-
69 гихъ Стїхахъ не было тóнїческихъ Стопъ, какъ оныхъ нѣтъ въ старыхъ нашихъ; то оные бы со всѣмъ походили больше на Прозу опредѣленнымъ числомъ идущую, нежели на поющїйся Стїхъ. Но выше помянутые наши Стїхи, о которыхъ доказательное слово, и безъ Стопъ, *для краткости своея*, падаютъ по Стїховному, и довольно глатко и слатко поются: О семъ всякъ собственнымъ своимъ искусствомъ, ежели правильно сїи Стїхи будетъ читать, увѣренъ быть можетъ.

И какъ *sine necessitate Entia non sunt multiplicanda*, по не поколебимой Фїлософской Аксїомѣ, или правилу, то есть, *безъ нужды не надлежитъ умножать вещей*; то въ сїи Стїхи безъ всякїя бы нужды внесены были Стóпы, по тому что и слоги токмо одни должность ихъ въ сихъ Стїхахъ исправляютъ. Слѣдовательно и для сего въ сихъ Стїхахъ Стопáмъ быть не надлежитъ.

Того ради, обще заключая, сїи Стїхи не долженствуютъ падать Стопáми для того что не долженствуютъ въ себѣ имѣть Пресѣченїя; всемужъ сему причиною есть краткость сихъ Стїховъ и наикратчайшїй духъ человѣческїй не весь исполняющая. Что надлежало доказать.

Ежелижъ кто любопытной захочетъ вѣдать, для чего въ сихъ Стїхахъ и Рїѳма оставлена, понеже изъ нихъ все Стїховное выключено? Таковому я отвѣтствую, что сїи Стїхи, Россійскїе же Стїхи, хотя Стопъ и Пресѣченїя въ себѣ имѣть не долженствуютъ. А ежелибъ отнять у нихъ Рїѳму, то бы они не были Россїйскїе Стїхи, но нѣкакїе Італїянскїе, для того что у Італїянцовъ Стїхи иногда Рїѳмъ не имѣютъ.

Рїѳма въ нашихъ Стїхахъ, хотя не такое нѣчто главное, безъ чего Стїхъ не можетъ Стїхомъ назваться, и различиться отъ 70
Про́зы; однако такое нѣчто нуждное, что безъ нея Стїхъ наилучшаго своего украшенїя лишится. Нашъ народъ толь склоненъ къ Рїѳмамъ, что и въ простыхъ присловицахъ, не Стїхами сочиненныхъ, часто, не знаю по какой влекущей къ нимъ врожденной прїятности слухъ, любитъ ими услаждаться. Примѣромъ тому сїя пословица: *я человѣкъ простой, ѣмъ пряники не писаные: хоть бы глатки, только бы слатки*, и прочїя премногїя. Для сего то въ сихъ Стїхахъ Рїѳма только оставлена, дабы, выключивъ оную, не лишить Россїйскаго читателя въ Стїхахъ того, чѣмъ ему прїятно веселиться и въ простыхъ розговорахъ.

Изъ сихъ же Стїховъ, о которыхъ было доказательство, нѣкоторые пра́вильными я называю, а нѣкоторые не пра́вильными.

Пра́вильными называются у меня тѣ, которые изъ девяти, седми, и пяти состоятъ слоговъ, то есть, которые не чотку слоговъ имѣютъ. Называются пра́вильными для того, что они подобны Гѵперкаталектїчествомъ своимъ пра́вильнѣйшимъ и главнѣйшимъ нашимъ Стїхамъ, то есть, Эксаметру и Пентаметру, и то такъ, что ежелибъ долженствовали они падать Стопа́ми; то бы и Пресѣченїе въ нихъ однимъ слогомъ состоящее нашлося. Напримѣръ, въ девятисложномъ: пятый бы слогъ могъ быть Пресѣченїемъ, а изъ Полстїшїй бы каждое изъ двухъ Стопъ состояло. Въ седмисложномъ: третїй бы слогъ былъ Пресѣченїемъ, но изъ Полстїшїй бы первое состояло изъ одной Стопы̀, а второе изъ двухъ. Въ пятисложномъ: третїй же бы слогъ могъ быть Пресѣченїемъ, а изъ Полстїшїй бы каждое состояло изъ одной Стопы̀.

От сего слѣдуетъ, что по Гѵперкаталектїчеству, и трисложный бы Стїхъ могъ пра́вильнымъ назваться, ежелибъ онъ не столь излишно былъ коротокъ. Однако ребячьи забавы могутъ и симъ Стїхомъ писаться, приводя всегда лучше Рїѳму на самый послѣднїй слогъ; или присовокупляя оной къ большимъ, но Рїѳмѣ тогда надлежитъ быть на предкончаемомъ слогѣ. 71

Не пра́вильными называются тѣ, которые изъ осми, шести, и четырехъ состоятъ слоговъ, то есть, которые чотку слоговъ содержатъ. Называются не пра́вильными для того, что Гvперкаталектїчества не имѣютъ, и то такъ, что на два Полстїшїя могутъ Стопа́ми дѣлиться, а слогу Пресѣченїя нигдѣ въ нихъ сыскаться не можно. Ежели бы не краткость сїи Стїхи защищала; то бы весьма ихъ надлежало выключить изъ числа̀ Стїховъ.

По сему явно, что Стїхи, которые отъ не знающихъ въ Стїхахъ силы, слагаются на 12, и на 10 слоговъ, *для знатныя своея долготы, и для того, что не имѣютъ Гvперкаталектїчества*, не только не могутъ Стїхами назваться, но не льзя имъ дать имя и не пра́вильныхъ Стїховъ, по тому что они прегнусное нѣкакое чудовище въ Стїхахъ.

Въ пра́вилахъ моихъ я объявилъ, что первое Полстїшїе Героїческаго нашего Стїха для того состоитъ изъ седми слоговъ, что у читающаго Стїхъ, съ самаго начала, духу больше, нежели при концѣ Стїха. Сїе правда, въ рассужденїи Героїческаго Стїха, котораго у насъ долѣе нѣтъ. Но здѣсь тому даю другую причину, которая какъ Эксаметру, такъ и Пентаметру нашему равно служитъ.

72 Оба оные наши Стїхи состоятъ изъ не чотки слоговъ, для того что первый изъ 13, а другой изъ 11; слѣдовательно одному которому нибудь въ нихъ Полстїшїю больше слоговъ надлежитъ имѣть

Но понеже Пресѣченїя слогъ всегда долженствуетъ полагаться послѣ перваго, предъ вторымъ не посредственно Полстїшїемъ; то ясно, что въ Героїческомъ седмый слогъ, долженствуетъ быть слогъ Пресѣченїя, а Полстїшїя оба состоять изъ трехъ Стопъ каждое, по тому что сего пропорцїя требуетъ.

Въ Пентаметрѣ для того пятый слогъ, а не седмый, есть слогъ Пресѣченїя, и первое Полстїшїе состоитъ изъ двухъ Стопъ, второежъ изъ трехъ: ибо ежели бы въ Пентаметрѣ Пресѣченїя слогъ былъ седмый; то бы второе Полстїшїе состояло конечно изъ четырехъ слоговъ. Но сїе бы составленїе Стїха весьма не пропорцїональное быть имѣло, для того что бы первое Полстїшїе превосходило второе тремя слогами. И такъ весьма пропорцїонально, что второе Полстїшїе превосходитъ первое однимъ токмо слогомъ.

Можетъ быть, что кто въ противленїе сему предложить имѣетъ сїе:

Въ Героїческомъ Стїхѣ, для того седмый слогъ, есть слогъ Пресѣченїя, что у читающаго Стїхъ, съ самаго начала, духу есть больше; то, для сеяжъ са́мыя причины, надлежитъ, чтобъ и въ Пентаметрѣ, первое Полстїшїе больше слоговъ имѣло.

Сіе разрѣшаю слѣдующимъ образомъ:

Эксаметръ пресѣкаетъ седмый слогъ подлинно для сея причины, что духу у читающаго Стіхъ, съ самаго начала, больше; и
для того не надлежитъ ему пятымъ слогомъ пресѣкаться. Но пре-
сѣкаяся седмымъ слогомъ, оставляетъ оной и Полстішія равныя, 73
въ чемъ пропорція дѣленія его состоитъ.

Пентаметръ, что не можетъ пресѣкаться седмымъ слогомъ; то пропорція къ тому не допускаетъ, какъ выше показано. Но что о духѣ человѣческомъ ни какова тутъ нѣтъ сожалѣнія; того и не надлежало имѣть, по тому что Пентаметръ не столь дологъ, сколь Эксаметръ, и такъ духъ человѣческій въ прочитаніи его ослабѣть не можетъ, и на оба Полстішія равно его станетъ.

Того ради Эксаметру нашему надлежитъ пра́вильно пресѣкаться седмымъ, а Пентаметру пятымъ слогомъ.

Изъ выше положенныя Оды въ славу Правдѣ, можно было видѣть, какъ Стіхи наши на девять слоговъ сочиняются; а чрезъ слѣдующую Пѣснь всякъ лехко увидѣть можетъ, какъ всѣ такіе простые наши Стіхи, которые въ ме́ньшемъ числѣ состоятъ слоговъ, слагаются.

Но что таковая и подобная Пѣснь, каковы у Французовъ Ста́нсами называются, между Одами, и простыми пѣснями, въ разсужденіи Стіля, мѣсто имѣетъ, и что она̀ больше нѣчто отъ высокости у Оды, нежели отъ нискости у пѣсенъ, занимаетъ; о томъ ужѐ я объявилъ въ разсужденіи при Одѣ, которая сочинена о здачѣ города Гданска. Того ради сію ПѢСНЬ здѣсь я про́сто, то есть, безъ толкованія стіля ея, и токмо въ примѣръ краткихъ нашихъ простыхъ всѣхъ Стіховъ предлагаю.

---

74 # ПѢСНЬ

СОЧИНЕННАЯ НА ГОЛОСЪ, И ПѢТАЯ ПРЕДЪ ЕЯ ЇМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ

АННОЮ ІОАННОВНОЮ

САМОДЕРЖИЦЕЮ ВСЕРОССІЙСКОЮ.

* * *

НОВЫЙ ГОДЪ начинаемъ,
Радость всѣ ощущаемъ:
Благодать изобильна,
Отъ БОГА намъ всесильна.
Щастїемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Въ первыхъ здравїе цѣло,
Въ много лѣтъ ЕЙ приспѣло;
И желаемъ ЕЙ люди
Вопїя: О ТАКЪ БУДИ!
Здравїе БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

75 Пойдетъ вѣкъ долговѣченъ,
И многочеловѣченъ;
Поживемъ въ благостынѣ,
Мы всѣ вездѣ отъ нынѣ.
Щастїемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Зима внесетъ хладъ мѣренъ,
Весна не растлитъ зеренъ,
Лѣто оны согрѣетъ,
Въ осень многъ плодъ поспѣетъ.
Щастїемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Воздухъ чистъ, растворенный,
Влитїемъ удобренный;
Вѣять здравый вѣтръ станетъ,
Вредъ наносить престанетъ.
Щастїемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Всяка злость истребится, 76
Злый нравъ искоренится;
Добро само всѣмъ любо,
Худо явится грубо.
Щастїемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Любовь всѣ удостоятъ,
Сердца̀ къ оной пристроятъ;
Жить имѣетъ въ насъ тая,
Умретъ ненависть злая.
Щастїемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Къ Правдѣ склоненъ всякъ будетъ,
Лжи и слѣдъ весь забудетъ;
Тро́на зримъ одесную
Ужъ мы Правду святую:
На Тро́нѣ БОГОМЪ ДАННА
САМОДЕРЖИЦА АННА.

* * *

Трусилъ Марсъ и съ войною, 77
Предъ нашей тишиною;
А Россїйскую силу
Превознесетъ БОГЪ Милу.
Щастїемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Храбрость страшитъ рассудна,
Смыслу наша подсудна,
Всѣхъ враговъ дерзновенныхъ,

Всѣхъ враговъ ухищренныхъ,
Щастїемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Благочестїе право
Пребудетъ всегда здраво;
Тверда Церковь сїяетъ.
Расколъ въ адъ убѣгаетъ.
Щастїемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

И Мiнiстры совѣтны
78 Поживутъ безнавѣтны,
Зло усмотрятъ проклято,
Научатъ всѣхъ жить свято.
Щастїемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Процвѣтутъ здѣсь Науки,
И ремесленны рýки;
Мудрость бóльша, нежъ въ Аѳинахъ,
Дѣло чище, нежъ въ Хiнахъ.
Щастїемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Купля благословенна
Придетъ обогащенна,
Намъ содружитъ Народы,
Американскп Роды.
Щастїемъ БОГОМЪ ДАННЫ
САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ.

* * *

Щастїе будетъ вѣчно
79 Щастливѣй непресѣчно:
Пошлетъ всѣ благодати,
Дастъ во всемъ успѣвати.
ТВОИМЪ щастьемъ, ВѢНЧАННА!
САМОДЕРЖИЦА АННА!

* * *

Говоря выше о Сонéтѣ, сказалъ я, что онъ есть нѣкоторой родъ Італіянскаго и Французскаго Мадрїгáла, а Латїнскїя Эпїгрáммы; того ради обѣихъ здѣсь короткихъ сихъ Поэмъ разность объявляю. 80

Много, и долго я примѣчалъ разность у Эпїгрáммы съ Мадрїгáломъ; но никакой другой, кромѣ слѣдующїя, не примѣтилъ. Мадрїгáлъ такъ же есть короткая Поэма, какъ и Эпїгрáмма, такъ же на концѣ острую имѣетъ оной мысль, какъ и Эпїгрáмма; однако матерїя его всегда бываетъ благородная, важная, и высокая: слѣдовательно и конечная его острая мысль, долженствуетъ быть такъ же благородная, важная, и высокая. Къ тому жъ еще онъ и не равными Стїхами чаще пишется, нежели Эпїгрáмма, которая есть такъ же короткая Поэма, какъ и Мадрїгáлъ, такъ же на концѣ острую имѣетъ мысль, какъ и Мадрїгáлъ; но матерїя ея всегда бываетъ либо народная, либо лехкая, либо иская, либо насмѣшливая, либо, наконецъ, сатѵрїческая: слѣдовательно и конечная острая ея мысль должна быть или народная же, или лехкая, или иская, или насмѣшливая, или, наконецъ, сатѵрїческая. Въ примѣръ полагаю здѣсь одинъ Мадрїгáлъ, которой я сочинилъ въ похвалу богатой Аудїенцъ-Салѣ, построенной по указу Ея Імператорскаго Величества здѣсь въ Санктпетербургѣ, и нѣсколько такъ же Эпїгрáммъ на разныя матерїи: чрезъ все сїе можно будетъ лучше, нежели на словахъ, увидѣть разность, какова̀ между Мадрїгáломъ и Эпїгрáммами находится.

МАДРІГÁЛЪ 81

СЛАВА воспоетъ больше ужъ крылата,
Коль МОНАРША здѣсь САЛА есть богата;
1 . . . . . Пѵрамїды нежъ пѣла та Мемфїйски.
2 . . . . . Дивнаго труда стѣны Ассѵрїйски.
3 . . . . . Нежели Царя Томбъ высокъ Маѵзола.
От Эфесска честь такъ же богомола
4 . . . . . Дїанѣ, чей храмъ чудно былъ приправный.
Про Фаросъ свѣтящїй,
5 . . . . Нежъ вéрьхомъ горящїй.
6 . . . . . Делскъ, иль про Кумиръ, что Аммоновъ, славный.
Нежъ Огромность, сверьхъ, Родскаго ужасну
. . . Колосса, и красну.

Но что бы воспѣть, коль велика АННА,
Въ МОНАРХІНЮ намъ БОГОМЪ что избранна,
И пречудна коль вся ЕЯ держава:
Свѣта, но всего, развѣ можетъ СЛАВА.

---

82 ЭПІГРА́ММА.

На человѣка, которой вышедъ въ честь такъ началъ бы гордиться, что прежнихъ своихъ равныхъ друговъ пренебрегалъ бы.

О! сударь мой свѣтъ! какъ ужъ ТЫ спесивъ сталъ!
Сколь ни заходилъ, я не могъ ТЯ видѣть:
То спишь, то не льзя, я лишъ ходя усталъ.
ТЫ изволилъ симъ мя весьма обидѣть.
Нужды, будь вінъ жаль, нѣтъ мнѣ въ красовуляхъ;
Будежъ знаться ТЫ съ нискими пересталъ,
Какъ къ высокимъ все ужѐ лицамъ присталъ;
Инъ къ СЕБѢ притьти позволь на ходуляхъ.

ЭПІГРА́ММА.

На человѣка самохвала, которой бы угощевалъ призванныхъ къ себѣ бездѣльнымъ питьемъ, подносяя то за самое лучшее віно.

Вишневой морсъ сколько разъ ты мнѣ ни подносишь,
Рюмку досуха всегда випить меня просишь.
Эхъ! нудишь напрасно,
Пить все пойло красно:
Правда, что это віно! [межъ тѣмъ піва пошарь]
Цо́сно, да благослови выплюнуть то, сударь.

---

83 ЭПІГРА́ММА.

На человѣка, которой бы толь былъ золъ, что и всябъ фамілія его тѣмъ же злонравіемъ повредилась.

Золъ ты, Другъ! зла и жена, дѣты злы, зла сватья;
Правда, игуменъ каковъ, такова и братья.

ЭПІГРА́ММА.

На человѣка, которой бы такъ былъ въ среднемъ вѣкѣ своея жизни, что ни молодъ ни старъ не могъ бы назваться, и сверьхъ бы сего, со всѣмъ былъ никчему годной.

При младыхъ старъ, да шалунъ;
При старыхъ младъ, да все врунъ.
При обоихъ былъ бы что?
Иль не знаете? ничто.

Ежелибъ я здѣсь предлагалъ о цѣлой Піитіческой Наукѣ, а не 84
объ одномъ Сложеніи Стіховъ; то бы упомянулъ я и о Пра́вилахъ Эпіческія Поэзіи, которая есть наиблагороднѣйшая, и наибо́льшая изъ всѣхъ Поэмъ, о Лvріческой такъ же, Драмматіческой, Буколіческой, а пространѣе Элегіяческой, и Эпістоларной, такъ же о Сатvріческой, и на конецъ Эпіграмматіческой; однако любопытнымъ охотникамъ Россійскимъ объявляю здѣсь Авторовъ наиславнѣйшихъ, которымъ надлежитъ подражать во всѣхъ сихъ ро́дахъ выше помянутыхъ Поэзій.

ВЪ ЭПІЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

На Греческомъ языкѣ славенъ Гомеръ.
На Латінскомъ: Віргілій.
На Французскомъ: Волтеръ.
На Італіянскомъ: Тассъ
На Аглінскомъ: Мілтонъ.

Эпіческихъ остроумныхъ, удивительныхъ, а иногда Гомера и Віргілія превосходящихъ вымышленій Прозою написанныхъ, не надѣюсь, чтобъ больше было на другомъ какомъ языкѣ, нежели сколько ихъ есть на Французскомъ, которыя у нихъ Рома́нами называются. Однако всѣ таковые Рома́ны на силу могутъ ли перевѣсить хорошствомъ одну Барклаіеву Аргеніду, Латінскимъ языкомъ хитро написанную.

* * *

ВЪ ЛVРІЧЕСКОЙ. 85

На Греческомъ: Піндаръ, и Анакреонъ.
На Латінскомъ: Горацій,
На Французскомъ: Малгербъ, послѣдователь Анакреону господинъ дела Гранжъ.

* * *

ВЪ ДРАММАТІЧЕСКОЙ.

На Греческомъ: Эѵріпідъ, Софоклъ; Трагіки.
Арістофанъ, Менандръ; Комікъ.
На Латінскомъ: Сенека; Трагікъ.
Теренцій, Плавтъ, Коміки.
На Французскомъ: два Корнелія, Рацінъ, Волтеръ; Трагіки.
Моліеръ; Комікъ.

* * *

ВЪ БУКОЛІЧЕСКОЙ.

На Греческомъ: Ѳеокрітъ.
На Латінскомъ: Віргілій.
На Французскомъ: Фонтенель исправитель Эккloги.

* * *

86 ## ВЪ ЭЛЕГІЯЧЕСКОЙ.

На Греческомъ: Філетасъ.
На Латінскомъ: Овідій, Тібуллъ, Проперцій, Корнелій Галлъ.
На Французскомъ: Графіня дела Сюзъ.

* * *

ВЪ ЭПІСТОЛАРНОЙ.

На Латінскомъ: Горацій и Овідій.
На Французскомъ: Боало Депрò.

* * *

ВЪ САТѴРІЧЕСКОЙ.

На Латінскомъ: Ювеналъ, Персій, Горацій.
На Французскомъ: Боалò Депрò,Реньиѐ.
На Россійскомъ: Князь Антіохъ Дмитрієвичъ Кантемíръ, котораго первый Стíхъ, изъ первыя его Сатѵры, часто предлагаемъ былъ въ Прáвилахъ моихъ примѣромъ нашего Эксаметра. Однако оный Стíхъ нѣсколько я перемѣнилъ, не перемѣнивъ ни мало содержащагося въ немъ разума, и почти тѣми же самыми словами, изъ которыхъ оной прежде былъ составленъ, его сочинилъ, ибо и самой подлинной идетъ тако:

Уме слабый, плодъ трудовъ не долгой науки!

А ПЕРЕМѢНЕННЫЙ. 87

Умъ толь слабый, плодъ трудовъ краткія науки!

За сіе дерзновеніе у остроумнаго, и глубоко мною всегда почитаемаго Аvтора, покорно прошу прощенія. Причина, которая меня привела къ тому, есть сія: Намѣрился я полагать первый оный Стіхъ, сего первѣйшаго Нашего и высокаго Сатvрописца, изъ первыя его Сатvры къ УМУ СВОЕМУ надписанныя, въ примѣръ новаго моего Эксаметра. И ежелибъ я оной подлинной положилъ; то бы по моимъ Пра́виламъ имѣлъ онъ двѣ Вольности, да и по старому бы обычаю писанія двѣжъ, для того что по моимъ Пра́виламъ звательный падежъ *уме*, есть Вольность, и родительный *не долгія*, вмѣсто *не долгой* такъ же, а по старинному обычаю писанія, звательный падежъ *плодъ*, долженствовалъ быть написанъ, *плоде*, равно такъ же и родительный *не долгой*, *не долгія*.

Но понеже всякой примѣръ и образецъ долженствуетъ предлагаться совершенный, дабы прочимъ смотря на оной перенимать, и перенимая не достаткамъ бы не научиться; то для сего, дерзнулъ я изъ онаго какъ новыя двѣ, такъ и ста́рыя двѣжъ вольности вычеркнуть, и всѣми числами его нѣсколько совершеннѣйшій предложить.

При томъ же и сіе мнѣ къ тому дало по́водъ, то есть, дабы чрезъ сію перемѣну объявить оному благородному, и никогда между нашими, нынѣшними и будущими, Піитами въ памяти умереть не имѣющему Аvтору, что коль чрезъ малую перемѣну и лехкій способъ, можно изъ старыхъ нашихъ Стіховъ новые здѣлать, буде онъ благоволяетъ еще когда забаву имѣть; для препровожденія своего времени, въ сложеніи Стіховъ, и буде высокія, къ томужъ и важныя упражненія и дѣла̀ [которыя острой его прозорливости 88
и бодрому попеченію, при дворѣ Великобрітанскомъ въ характерѣ Полномочнаго Міністра нынѣ ввѣрены] къ тому его допускаютъ.

ВЪ ЭПІГРАММАТІЧЕСКОЙ.

На Греческомъ: Фі́летасъ.
На Латінскомъ: Марціалъ, Овенъ.
На Французскомъ: многіе, а особливо Русо̀ и Бурсо̀.

---

89 Напослѣдокъ, тѣмъ я за потребно рассудилъ окончить сей мой НОВЫЙ И КРАТКІЙ СПОСОБЪ КЪ СЛОЖЕНІЮ РОССІИСКИХЪ СТІХОВЪ, что господинъ Боалò Депрò, лучшій Стїхотворецъ, и славный Сатѵрїкъ Францусскій, написалъ сердяся на слагателей Стїховъ своего народа, которые не знали въ томъ ни склáду ни лáду, и которые думали, [буде въ концѣ одной строкѝ напишутъ напримѣръ, *лавку*, а въ концѣ другїя приведутъ щастливо *булавку*] что Стїхи слагали, въ оной Рѣчи, которую онъ Стїхами сочинилъ къ государю своему Лудовїку XIV, Королю Францусскому:

Mais je ne puis souffrir, qu'un esprit de travers,
qui pour rimer des mots, pense faire des Vers.

То есть:

Не могу сего терпѣть, кто, еще не къ стати,
въ Рїѳму стрóки приводя, мнитъ Стїхи слагати.

IV.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ

ТРЕДІАКОВСКИМЪ

ТОНИЧЕСКИМЪ РАЗМѢРОМЪ

ВЪ 1734—1737 ГОДАХЪ.

Еще прежде, нежели открыто было Россійское Собраніе, Тредіаковскому нѣсколько разъ представлялся случай употреблять изобрѣтенный имъ размѣръ. Въ 1734 году ему поручили перевести описаніе фейерверка, который предполагалось сжечь въ новый годъ (1735). За прозаическимъ описаніемъ этого празднества слѣдуютъ 4 стиха:

Da, Monarchin! Deine Groszmuth allzeit unveränderlich,
Hört der Himmel unser Wünschen, und die Welt bewundert Dich.
Zeit und Glück bleibt Dir geneigt, wie im Frieden, so im Kriege;
Beyde bringen Dir, zum Danck, neue Jahre, neue Siege.

* * *

О Монархіня! всегда благость въ Тебѣ зрится;
Тѣмъ Богъ слышитъ насъ мольбы, свѣтъ же Ти дивится;
Время съ щастіемъ Тебѣ въ мирѣ служитъ въ брани,
И приноситъ новый годъ новы торжествъ дани [1]).

Такимъ-же образомъ и въ описаніе иллюминаціи въ высокоторжественный день рожденія Императрицы (28 января 1735 г.) вставлено было нѣсколько вялыхъ стиховъ:

Dein Geist, O! Kayserin, ist wie das Licht der Welt,
Das, weil es allen nützt, auch allen wohlgefält.
Wohin er Blicke wirfft, da folgt ein solch Gedeyen,
Dasz gantze Völker sich bey seinem Aufgang freuen.
Was im verborgnen liegt bringt seine Krafft empor
Und in dem Helden-Lauf nur Wunder-Dinge vor.
Sein standhafft-weiser Sinn bewegt den Creysz der Erden;
Wie kann was grösseres, als Du, gebohren werden?

* * *

---

[1]) Kurtze Erklärung . . . . .

Краткое изъясненіе изображенія онаго Фейэрверка и Іллуминаціи, которые въ честь Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійскія, въ первый вечеръ 1735 года предъ Императорскими палатами въ Санктпетербургѣ зажжены были. Печатано при Императорской Академіи Наукъ. 4 стр. въ листъ. (*Orat. Vol.* I, № 31).

О МОНАРХІНЯ! твои духъ солнцу есть подобный,
И полезенъ что есть всѣмъ, тѣмъ есть всѣмъ угодный;
Гдѣ бы зримъ быть ни имѣлъ, тамъ есть всяка благость,
Такъ что въ всходѣ есть его всѣмъ народамъ радость;
Скрытобъ что быть ни могло, силои въ свѣтъ являетъ;
Чуднымъ ходомъ все своимъ чудно содѣваетъ;
Движетъ постоянствомъ кругъ жителей земленныхъ,
Возмогложъ бы что востать больше ТЯ въ рожденныхъ? [1]).

Ничѣмъ не лучше удался т. н. придворному піиту переводъ латинскаго привѣтствія, напечатаннаго къ 1-му января 1736 г.

AD

ANNAM AVGVSTAM.

Dum virtute tua coelestia Numina nobis
Concilias, Superumque meres pietate favorem,
Dum tua cura uni populorum intenta saluti
Russiacum placidis emendat legibus orbem
Atque hostile nefas a regni finibus arcet:
Felices nobis, Te dignos, efficis annos.

КЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

АННѢ ІОАННОВНѢ

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ.

Добродѣтель за ТВОЮ милость съ нами БОГА,
Благочестїемъ, съ ТОБОЙ та что есть премнога,
Что печешься ТЫ о всѣхъ, были чтобы здравы,
Чрезъ законы тихи здѣсь исправляешь нравы,
Отгоняешь отъ предѣлъ что враговъ ТЫ роды:
Щастливы, достойны ТЯ, намъ чинишь тѣмъ годы [2]).

---

[1]) Kurtze Erklärung . . . . .
Краткое изъясненіе - - - - - въ Высочайшіи день Ея рожденія 28 Генваря 1735 года - - - - 4 стр. въ листъ. (*Orat. Vol.* I, № 35).

[2]) Abrisz des Lust-Feuers, so zu Ehren . . . . .
Изображеніе Фейэрверка - - - - въ перьвый день новаго года 1736. - - - - 8 стр. въ листъ. (*Orat. Vol.* I, № 37).

При празднованіи 43-го дня своего рожденія (28 января 1736 г.) Императрица завалена была виршами. Сначала Академія въ длинной нѣмецкой одѣ въ 11 строфъ «повергла къ стопамъ Государыни всеподданнѣйшія и чистосердечныя пожеланія»; къ ней прибавленъ русскій переводъ, который очевидно сдѣланъ Тредіаковскимъ, но почти весь неудаченъ. Достаточно привести начало первой строфы [1]).

Ists doch als liesz die Lust der Zeiten
Gepriesne Selbstbeherrscherin,
Sich blosz von Deinen Wincken leiten,
In Deinem Ruszland einzuziehn . . . . .

Такъ поистиннѣ почти, всякихъ о достойна
Хвалъ МОНАРХІНЯ отъ насъ, на ТЕБѢ единой
Щастїемъ всѣ времена здѣсь зависятъ стройна,
Мнится воля что ТВОЯ токмо въ томъ причиной . . .

Въ тотъ-же день Императрица воспѣта была въ двухъ итальянскихъ сонетахъ, авторъ которыхъ называетъ себя Gioseppe Avolio. Къ нимъ припечатанъ русскій и нѣмецкій переводъ. Предоставляемъ другимъ рѣшить вопросъ о томъ, сдѣланъ ли русскій переводъ, по итальянскому оригиналу или по другому тексту, и сообщаемъ здѣсь начало обоихъ сонетовъ.

Что за гласы слышу я восклицаній многи?
И людей Дворъ весь полкй что сей окружаютъ?
Съ торжествомъ не тотъ ли День идетъ свѣтлъ въ чертоги,
Добры Россовъ что сердцȧ въ радость посвящаютъ?

* * *

Здравствуй ГЕРОІНЯ въ вѣкъ! здравствуй о Преславна!
Се къ ТВОИМЪ Азі́я вся ногамъ припадаетъ,
Что нравъ сталъ быть твердъ ТОБОЙ бывшій въ ней изда́вна;
Отдая же честь ТЕБѢ, себя почитаетъ [2]).

---

[1]) Zu dem allerhöchsten und erfreulichsten Geburts-Feste . . . . die Kayserl. A. d. W.

Торжественный день рожденія . . . . Імператрїцы Анны Іоанновны . . . . оною всеподданнѣйше прославляетъ Академія Наукъ. Въ С. Петербургѣ Генваря 28 дня, 1736 года. 6 стр. въ листъ. (*Orat. Vol.* I. № 42).

[2]) Sollenizandosi il felice giorno natalitio della sempre Augusta Anna Giovannide - - - per segno d'umilissimo divotissimo ossequio di Gioseppe Avolio. S. Pietroburgo - - - въ листъ.

Въ день коронаціи Императрицы (28 апрѣля 1736 г.) Академія опять поднесла ей длиннѣйшую оду, нѣмецкій оригиналъ которой вѣроятно написанъ Штелиномъ. Русскій переводъ, авторъ котораго очевидно Тредіаковскій, вообще такъ неуклюжъ, что публика, хотя въ то время, конечно, еще очень невзыскательная и неизбалованая, могла находить удовольствіе развѣ только въ намекахъ на современныя событія. Помѣщаемъ начало оригинала и перевода.

Beglücktes Ruszland, auf! wirff heute deinen Blick
Auf deiner Wohlfahrt Quell, den Krönungs-Tag, zurück! . . . .

Паки, о Россія виждь радостна не мало
Коронованія День, щастія начáло;
САМОДЕРЖИЦА Престолъ въ сей твой просвѣтила,
Щастіи много принесла, бѣды отгонила.
О День! Вѣчность назоветъ вся тебя достойнымъ,
Что Полсвѣта одарилъ щастіемъ покойнымъ;
День! Преславную Главу Вѣнцемъ уяснившій,
Государствожъ всякихъ добръ стѣной оградившій! [1]).

По случаю побѣды, одержанной 20 маія 1736 при Перекопѣ Штелинъ опять сочинилъ предлинную оду, которую утомленный Тредіаковскій просто переложилъ виршами [2]).

Schon widerum ein neuer Sieg!
Fort Musen, fort! Zieht mit in Krieg!
Eilt nach des Schwartzen Meeres Gräntzen . . . .

Прославляя высокій день рожденія - - - Анны Іоанновны - - - въ знакъ всенижайшаго и всепокорнѣйшаго поздравленія приноситъ Іосифъ Аволіо - - -

Zum hohen Geburts-Feste überreichet dieses - - - Joseph Avolio - - - въ листъ (*Orat. Vol.* I. № 44).

Кто этотъ Giosеppo Avolio? Врядъ-ли это природный итальянецъ. Такъ какъ вопросъ этотъ не имѣетъ особеннаго интереса, то считаю лишнимъ объяснять здѣсь, почему я почти готовъ принять его за одно и тоже лицо съ академикомъ Штелиномъ.

[1]) An dem hohen Krönungs-Feste . . . . leget ihre allerunterthänigste Wünsche in einer Ode nieder die Academie der Wissenschafften. (въ листъ).

Торжественный День коронаванія . . . . ОДОЮ всеподданнѣйше прославляетъ Академія Наукъ. Въ С. Петербургѣ Апрѣля 28 дня, 1736 года 8 стр. въ листъ. (*Orat. Vol.* I № 54. *Vol.* II, № 11).

[2]) Ode auf den grossen Sieg . . . . St. Petersburg . . . . den 6. Jun. 1736, (8 стр. въ листъ).

Ода, которою преславную побѣду . . . . при Перекопѣ . . . . прославила С. Петербургская Академія Наукъ. 8 стр. въ листъ (*Orat. Vol.* I, № 50).

Паки Радость! Паки Побѣда!
Музы! и вы на брань спѣшите,
Къ брегамъ Понта въ скорости слѣда!
Всѣхъ Россовъ къ гласамъ приложите . . . .

Штелинъ же далъ «замѣтить Тредіаковскому, что знатоки» находятъ въ нѣмецкомъ оригиналѣ болѣе гармоніи, чѣмъ въ русскомъ переводѣ. Вслѣдствіе того Тредіаковскій 11 октября 1736 г. написалъ къ Штелину любопытное письмо о русской версификаціи. Очень можетъ быть, что замѣчаніе Штелина или неизвѣстныхъ «знатоковъ» русскаго слова и побудило Тредіаковскаго къ новымъ попыткамъ въ версификаціи.

Русскій переводъ оды, которую Академія поднесла Императрицѣ 28 января 1737 года, безъ сомнѣнія также принадлежитъ Тредіаковскому. Вотъ начало оригинала и перевода:

Ja schrieb man am Parnasz, o grosse Käyserin,
Dein höchst verdientes Lob so leicht und kräfftig hin,
Als deine Macht den Feind aus Feld und Mauren schläget;
So würd' auch unsre Pflicht auf einmahl abgeleget; . . . .

Хоть и невозможно есть, МОНАРХІНЯ славна,
Приносить ТЕБѢ хвалу, толь лехко и скоро,
Сила коль враговъ ТВОЯ всѣхъ збиваетъ съ по́ля;
Но покорность и любовь то повелѣваетъ,
Сей дабы день чрезъ сїе, въ красоту что Свѣту,
А Россїи въ славу, честь, произвелъ ТЯ красну,
По достойнству отъ всѣхъ, и по долгу чтимъ былъ,
Веселящеся его которы встрѣчаютъ [1]).

Описаніе иллюминаціи 28 января 1737 года начиналось нѣмецкимъ стихотвореніемъ и оканчивалось также нѣсколькими стихами. Въ русскомъ ихъ переводѣ, сдѣланномъ Адодуровымъ, не видно послѣдовательно соблюденнаго размѣра [2]).

[1]) An der höchsterfreulichen Geburts-Feyer . . . . legt zu Ihro Kayserlichen Majestät Füszen ihren allerunterthänigsten Glückwunsch nieder die Academie der Wissenschafften.

Въ торжественнѣйшій день рожденія . . . . Імператріцы . . . . при Ея Величества стопа́хъ всеподданнѣйшее свое поздравленіе полагаетъ Академія Наукъ Генваря 28 дня, 1737 года. . . . 4 стр. въ листъ (*Orat. Vol.* II, № 16).

[2]) Kurze Erklärung des Lust Feuers . . . .

Краткое изъясненіе онаго Фейэрверка и Іллуминаціи, которые 28 Генваря 1737 года . . . предъ Імператорскими палатами въ С. Петербургѣ представлены были. (*Orat. Vol.* I. № 62).

Послѣднимъ стихотвореніемъ, переведеннымъ въ то время Тредіаковскимъ, была ода на день коронаціи 28 апрѣля 1737 года. Она начинается слѣдующимъ образомъ:

Was blendt mich vor ein heller Strahl,
Der Aug und Sinnen auf einmal
Durch seinen Schimmer an sich reisset?
Wer sagt mir, was disz gläntzen heisset?
Legt Peru seinen Schatz an Tag?
Zeigt Plutus was sein Reich vermag,
Um durch so viel verschiedne Strahlen
Den Glantz des Himmels abzumahlen?

Что за свѣтлость мя почти нынѣ ослѣпляетъ?
Свѣтлость, что духъ и къ себѣ очи восхищаетъ
Толь блистаніемъ своимъ скоро несравненнымъ?
Кто мнѣ объявитъ о сей съ тóлкомъ совершеннымъ?
Всѣ сокровища свои не Перỳ ль приноситъ?
Не свое ль богатство все Плутусъ вамъ износитъ?
Иль различныхъ толь цвѣтовъ съ многими лучами
Въ нову небо красоту пишется предъ нами? [1]).

Съ этого времени муза Тредіаковскаго по разнымъ причинамъ (см. Введеніе) замолкла, кажется, на нѣсколько лѣтъ. Но прощаясь съ своими первыми опытами, онъ еще при переводѣ одного изъ сочиненій Фенелона, отличающемся отъ прежнихъ его произведеній уже нѣсколько болѣе чистымъ языкомъ, снова отпечаталъ въ концѣ книги [2]) то самое стихотвореніе, которое онъ уже въ 1735

---

[1]) Der herrliche Glantz der Russischen Kayser-Krone am hohen Krönungs-Feste . . . in einer Glückwünschungs-Ode demüthigst erwogen von der Kayserlichen Academie der Wissenschafften . . . . 6 стр. въ листъ.

Августѣйшее Россійскія Императорскія Короны сіаніе въ торжественный Коронованія День . . . поздравительною Одою . . прославляетъ Академія Наукъ. Печатано при I. . . . Ак. . . . Н. . . . 28 Апрѣля 1737 года. 6 стр. въ листъ. (*Orat. Vol.* III, № 28).

Замѣтимъ еще, что стихи, приведенные выше на стр. 77 (см. прим. 1) и 78 (см. прим. 1 и 2), были перепечатаны въ Примѣчаніяхъ къ СПб. Вѣдом. 1735 (на стр. 8 и 35) и 1736 г. (на стр. 8).

[2]) Истинная Політика знатныхъ и благородныхъ особъ, переведена съ Французскаго чрезъ Васїлья Тредїаковскаго, Санктпетербургскїя Імператорскїя Академїи Наукъ Секретаря. Въ СПб. MDCCXXXVII in — 8°. (Перѐводъ стихотвор. на стр. 223. и 224). Къ 2-му и слѣдующимъ изданіямъ Политики прибавлены другіе поэтическіе переводы.

году издалъ въ своемъ Способѣ (см. выше стр. 38). Это новое изданіе стихотворенія отличается отъ прежняго лишь нѣкоторыми, совершенно незначительными измѣненіями (напр. строк. 24: должно вмѣсто надо; стр. 43: сердце вмѣсто серце; стр. 44: токможъ вмѣсто толькожъ).

Къ одѣ Штелина на взятіе Очакова, поднесенной 28 августа 1737 года, въ Сборникѣ Академіи [1]) не прибавлено русскаго перевода. Переводъ академической оды на 1-е января 1738 года и стихотворенія, припечатаннаго къ описанію фейерверка, сожженнаго 28 января, состоитъ изъ нѣсколькихъ, отдѣленныхъ между собою пустымъ пространствомъ строкъ, которыя слѣдовательно не заслуживаютъ даже названія виршей. Подъ одой имя русскаго переводчика обозначено въ «Примѣчаніяхъ (стр. 23) буквою *Т*, а подъ описаніемъ фейерверка (стр. 44) буквами Тред. [2]). Къ академической одѣ, поднесенной Императрицѣ въ день коронаціи (28 апрѣля 1738 года), и воспѣвающей вкратцѣ военныя событія и реформы въ правленіе Императрицы Анны Іоанновны, прибавленъ только переводъ въ прозѣ, подъ которымъ въ «Примѣчаніяхъ па Вѣдомости» (стр. 139) поставлена буква *А*, т. е. Адодуровъ [3]). Этою-же буквою помѣчены прозаическіе переводы Штелинова поздравленія читателей Примѣчаній къ Вѣдом. (стр. 2) съ новымъ (1739) годомъ, краткаго латинскаго привѣтствія по случаю фейерверка, сожженнаго 4-го янв. 1739 года (Прим. стр. 8), и наконецъ оды, вышедшей также отдѣльно на день рожденія Императрицы 28-го янв. (Подобіе Минервы). Одною лишь прозою написаны также переводы краткаго поздравленія читателей съ новымъ (1740) годомъ (Примѣч. стр. 2), оды на торжество 14—17 февраля 1740 года, оды на день коронаціи 28 апрѣля 1740 года и стихотворенія по случаю поднесенія въ тотъ-же день большаго гравированнаго на мѣди портрета Императрицы.

Выше пропущены нами четыре стиха какого-то нѣмецкаго поэта, приведенные на концѣ статьи, которая была напечатана въ «Примѣчаніяхъ на Вѣдомости» 1735 года (стр. 136) подъ заглавіемъ: «О молніи и громѣ, при случаѣ здѣшнихъ Вѣдомостей № 33 Апрѣля 24 дня:»

---

[1]) *Orat. Vol.* II.

[2]) Впрочемъ болѣе, чѣмъ вѣроятно, что подъ буквами *Т.* и *Тр.* въ Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ на 1738 (см. стр. 96, 103, 107), 1739 и 1740 годы должно разумѣть студента Григор. Теплова и адъюнкта Тауберта.

[3]) Это подтверждается и канцелярскими бумагами.

Es zittert, blitzt und rauscht, doch Gott zu Ehren,
Er lässet seine Stimm im Donner gleichsam hören.
Er zeiget seine Krafft, und seine Lieb, es bricht,
Selbst durch den lichten Blitz, des Schöpfers Weiszheits-Licht.

Гласъ дымится, гласъ гремитъ, купно гласъ блистаетъ,
Въ славу слышимъ Бога той и чрезъ громъ бываетъ,
Кажетъ силу и любовь тѣмъ Творецъ преславенъ,
И чрезъ молнїю его мудрости свѣтъ явенъ.

Въ заключеніе этой статьи мы сообщаемъ письма харьковскаго профессора Витынскаго и епископа Петра (Бѣлгородскаго) къ Тредіаковскому, свидѣтельствующія о томъ, какъ на него смотрѣли современники.

Nobili ac doctissimo viro D. Basilio Cyrillidi Trediakowski
Caesareae Academiae Metropolitanae secretario emeritissimo
suo Domino et Patrono colendissimo

Stephanus Witynski

P. S. D.

Victoria, quam Deus clementissimus nuper Augustissimae Imperatrici nostrae, ejusque invictissimae militiae super Turcam, gloriosissimam donavit, singulariter in nostro Illustrissimo Domino Petro Archiepiscopo Byalogrodensi tantum excitavit animum, ut statim injunxerit mihi provinciam faciundi carminis epinicij. Parui meo Domino, et quod feci, etiam tibi meo, ut ingenuè fatear, hac in re Magistro, debita cum reverentia communico. Accipe id in signum profundae in Te propensionis meae, simulque, si usquedum inviolatum in me amorem foveas, clementer emenda, emendatum ad praelum da, jubeasque ad sexcenta exemplaria excudi. Quod peto non ego solus, sed vel maxime Illustrissimus noster, qui etiam pro impressione suum aes pollicitur. Quantum autem me spectat, ego ita peto, ut me singularis tua in me benevolentia sperare jubet. Non est cur te pluribus sollicitem, fac id, quod me in perpetuum tuum esse obligaret. Vale. Dabam Byalogrodiae 16[i] Septembris anno 1739.

Приписка архіепископа Петра:

«Прошу, Господинъ Тредяковскій, ежели оніе стихи покажутся достоиніи напечатать, изволте по любви своеи возимѣть дружеское стараніе о томъ и напечатавъ хотя столко сколко показалъ Господинъ Витинскій или поменше сіе ввергая подъ Ваше разсужденіе на мои концъ оное зачать и окончить. А сіе толко для того дѣлается что Харковское колегіумъ имѣетъ нѣкоторія спомоществованія отъ Его Сіятелства Фелдъ-Маршала фонъ Миниха и по болше обѣщанія впредь показуетъ».

Присланное архіеп. Петромъ стихотвореніе проф. Витынскаго на побѣду 18 авг. и на взятіе Хотина 19 авг. по опредѣлѣнію академической канцеляріи отъ 23 ноября было отпечатано въ 450 экземплярахъ. Въ Академіи Н. сохранился только одинъ экземпляръ послѣдняго корректурнаго листа, на которомъ Тредіаковскимъ помѣщено еще нѣсколько поправокъ, вѣроятно сверхъ исправленій, сдѣланныхъ имъ въ рукописи или на прежнихъ корректурахъ [1]). Витынскый очевидно взялъ себѣ за образецъ Тредіаковскаго. Все стихотвореніе впрочемъ по формѣ своей неуклюжее, а по содержанію очень вялое произведеніе, какъ объ этомъ уже можно судить по началу:

Чрезвычайная летитъ [что то за премѣна!]
СЛАВА носящая вѣтвь финїка зелена;
Невянущій лавръ главу у Ней окружаетъ,
Знакъ побѣду таковый токмо украшаетъ;
Порфирою блещетъ вся, блещетъ вся отъ злата,
Отъ конца міра въ конецъ мечется крылата;
Ново златою гремитъ трубой не обычно,
Гремитъ, повторяя гласъ, коль громко толь слично.
Востокъ, Западъ, Сѣверъ, Югъ, бреги съ Океаномъ,
Новую слушайте вѣсть, что надъ мусулманомъ
Полную Россійскій мечъ, коль храбрый толь славный,
Вікторію получилъ, и авантажъ главный:
Высокимъ щастьемъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА АННЫ,
Которымъ враги ужѐ толики попранны:

---

[1]) Эпиникіонъ, то есть Пѣснь побѣдительная въ честьи славу оружію Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійскія, сочиненная въ Харьковской Славенолатінской Коллегіи чрезъ Профессора Філософіи Стефана Витынскаго Сентября 7 дня, 1739 года. Печатано при Імператорской Академіи Наукъ 1739 года. 8 стр. въ листъ (*Orat. Vol.* II, № 26).

Храбростїюжъ и умомъ Фелдмаршала славна,
Сперва который вступилъ въ брань, что толь исправна:
Богъ бо милостиво толь хранилъ вѣрныхъ части,
Что едва кому отъ рукъ далъ поганскихъ па́сти.
По побѣдѣ и Хотинъ городъ взятъ толь сла̄вный,
Коль стѣнами огражденъ крѣпкими, коль давный . . .

По 28-й строкѣ ясно видно, какъ Тредіаковскій подправлялъ стихи своего неискуснаго послѣдователя. Напечатано:

Амерїка даетъ дань во всемъ изобильна.

Тредіаковскій же еще въ послѣдней корректурѣ переставилъ первыя три слова такимъ образомъ:

Дань Амерїка даетъ во всемъ изобильна.

V.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

М. В. ЛОМОНОСОВА,

СЪ 1736 ПО 1741 ГОДЪ.

№ 1. Письмо горнаго совѣтника Генкеля къ бар. Корфу, изъ Фрейберга отъ 1 февр. (21 янв.) 1736.

An des Herrn Cammerherrn von Korff in Petersburg Hochwohlgebohren, die Vorschlagung eines im Bergwerck erfahrnen Chymici betreffend.

Im Nahmen Ihro Ruszisch-Keyserlichen Majestät verlangen Ew. Hochwohlgebohren von mir, zu einigen Dienst dero allerdurchlauchtigsten Principalin einen geschickten und *in Bergwerck erfahrnen Chymicum* vorzuschlagen. Da nun mein allergnädigster Landesherr allen dero getreuen Unterthanen stillschweigend anbefohlen haben, Ihro Ruszisch-Keyserliche Majestät, vor dero demselben wieder die Feinde des Vaterlandes geleistete und fortdaurende groszmächtigste Assistenz in allem erfoderten Fall und bey aller Gelegenheit allen ersinnlichen unterthänigsten respect zu machen, so habe nicht ermangeln sollen, Ew. Hochwohlgebohren hierauf nicht allein schuldigste Antwort, sondern auch mein weniges unvorgreifliches Gutachten darüber zu ertheilen.

Ich habe, sobald ich Ew. Hochwohlgebohren höchst geehrtestes Schreiben sub dato 3 Dec. erhalten, welches zwar nur vor 8 Tagen geschehen, deszwegen alle nur mögliche Überlegung bey mir gepflogen, musz aber bekennen, dasz ich ein subjectum von angegebenen reqvisitis weder hier noch anderweit weisz, womit Ihro Ruszisch-Keyserliche Majestät satisfaciret werden könten.

Es sind ohne disz 2 starcke Postulata in allerhöchst deroselben hegenden Absicht enthalten, welche man in einem Menschen zugleich und beysammen schwerlich finden wird, da nemlich derselbe ein Chymicus vors erste, und ein Kenner von Erzen, Berg Arten, Klüfften und Gängen vors andere, zugleich seyn soll. Denn erstlich sind selten Chymici so instruiret und geübet, dass sie in allen Mineralien und Berg Arten, auszer denen vulgairen, und diesen den allerwenigsten, auch dieses nur nach einigen vorgeschriebenen gewöhnlichen Arbeiten und Formeln,

zu dererselben gründlicher, vielfältiger und hinlänglicher Examination umzugehen wiszen, kurz: Chymici metallurgici seyn sollten, dahero ich auch gleich dieser speciellen determination nach nicht davor halten kan, dasz der in Berlin hierzu vorgeschlagene Mensch, allwo Chymia mineralis zulänglich nicht tractiret und erlernet werden kan, hier nach Erfodernüsz gewesen seyn würde. Vors andere, so auch endlich einer oder der andere seine Chymie zum Mineral-Reich besonders und hauptsächlich extendiret haben sollte, wiewohl ich doch auch nur in soweit niemand kenne, so wird es doch zum schwersten fallen, einen solchen anzutreffen, welcher zugleich auf die gehörige genaue Kentnüsz derer Erze und Berg Arten nach ihrer euserlichen Historie, Herkommen, Grund und Boden, Kennzeichen, Verschiedenheit, Gleichgültigkeit, Anverwandschafft, Vorzug und Anhangenden und diesem sowohl beständigen alsz zufälligen, ferner auf Klüffte und Gänge, und was dazu gehörig, sich verstünde, und also ein ziemlicher Bergmann wäre.

Die Ursachen hiervon sind, dasz auf Universitäten die Mineralien hinreichend nicht bey der Hand, noch bekandt sind, und zu lebendiger Anführung auf die Erkentnüsz derer Klüffte und Gänge, Flezze, Geschiebe, Seiffen und was dem anhängig, kein Ort noch Gelegenheit ist, bey Bergstädten hingegen nur die gemeine Probir Kunst nach dem Schlendrian getrieben wird, welche doch auf solche Art nur einen kleinen Theil der metallurgie ausmacht, worbey es denn immer an jemand gefehlet, welcher die Bergwercks-Scholaren nur bey dieser genannten Kunst auf Grund und raison gewiesen, geschweige denn zu einem ganzen vollkommenen systemate mineralogico-docimastico angeführet hätte.

Dieser Mangel hat unter andern guten Theils die falsche Meynung, die man sich bey dem Wort Chymie insgemein vorgefaszet hat, verursachet, gleich alz wenn es damit nur auf process Arbeiten und Goldmacherey, oder einige Experimentyen und präparationem medicamentorum ankähme, da sie doch das ganze studium metallurgicum oder physicam mineralem veram et realem in sich hält. Sie untersuchet nemlich und ersiehet die Essenz und Natur derer Metallen, Erze, Steine, Erden, Wasser und Salze nach ihrem Ganzen, nach ihren Theilen, nach derer Theile Anzahl und Vorwichtigkeit, nach ihren Verhältnüszen unter einander, eines ganzen gegen das andere ganze, ihrer Theile Umsetzungen, in verschiedenen proportionen, Wegen und Feuerie, nach eines jeden Gebrauch und hierzu gehörigen Zubereitung; hinfolglich nicht nur blosz nach der euserlichen Schale, Zirckel und Winckel, longo, lato et profundo, figura particularum,

gravitate specifica, und dergleichen zur Erkentnüsz des Wesens derer Cörper theils ganz nichtswürdigen, theils doch präjudicirlichen verführerischen Regeln, sondern nach der Hand-Arbeit, unter fleiszig hieraus gesamleten Observationen und hierauf sich gründenden Folgerungen zur nuzbahren Anwendung derer rohen Sachen und productorum und zu Formirung gewiszer practischer Sätze, bisz auf die euserste naturgemäsze reelle analysin und synthesin, soweit es die physic mit ocularer handgreiflicher demonstration und Darstellung ihrer objectorum zu bringen, capabel und schuldig ist.

Da nun über dieses die allerdurchlauchtigste Russische Monarchin und weyland des glorwürdigsten Petri Magni Keyserliche Majestät auf Verschreibung und Versendung fremder hierzu erfoderter Leuthe ein groszes, und vielleicht nicht nach allerhöchsten Wunsch ausgerichteter Sachen, zu Auf- und Untersuchung dero unterirrdischen Schätze angewendet, und hierüber viel Zeit verlohren haben, gleichwohl das fast unermeszliche Ruszische Reich, an Grund und Boden und Gebürge von so mancherley Gattung seyn musz, dasz man in demselben noch vielmehr alsz die allbereit bekannten mineralien, wo nicht alle und jede, an metallen, Edelgesteinen, marmora, Schleif-, Polir-, Farben-, Füller-, Schreibe- und medicinal-Erden, Solen und dergleichen, zum Besten des Landes, commercio und landesherrlichen interesse, verborgen zu seyn und finden zu können, nicht präsumiren sollte,

So wäre mein unvorgreifliches Erachten dieses, dasz Ew. Hochwohlgebohren nicht übel thun würden, wenn dieselben dero allerhöchsten Principalin in Vorschlag bringen wollten, dasz sich Ihro Ruszisch-Keyserliche Majestät gefallen laszen möchten, etwas Hinreichendes auszusetzen, um von dero Landes Kindern ein oder den andern auf Bergwercks Reisen zu schicken, und denenselben ihren Aufenthalt vornehmlich an einem solchen Orte anzubefehlen, wo allerhöchstdieselben davor halten, dasz solche nebst der gewöhnlichen Probir Kunst, Geometria subterranea, Bergbaues- und Schmelzwiszenschafften, die vollkommene Metallurgie, oder Chymiam mineralem practicam et rationalem aus dem Grunde erlerneten.

Sollte Freyberg die allerhöchste Gnade haben, vor einen solchen Platz angesehen zu seyn, so offerire ich hiermit Ihro Ruszisch-Keyserlichen Majestät meine unterthänigsten Dienste und Redlichkeit.

Und möchten solche subjecta hierzu in Vorschlag kommen, welche von studiis sind, oder wenigstens die lateinische Sprache nebst etwas teutsch verstehen, übrigens vom Verstande so gesezt und vom Geiste so aufgeweckt sind, dasz sie sich selbst gouverniren und das die cur

hic in acht zu nehmen wiszen, rechte Lust und capacität haben, so könten solche Leuthe, wenn sie sonsten nicht zu anderweitigen grosen Bergwercks Reisen eilen müszten (wozu man sonsten wohl noch ein paar andere Personen ausschicken könte) binnen 1 bisz 1½ Jahren nicht nur dazu qualificiret werden, wozu sie vor itzo in ihrem Vaterlande desideriret werden, sondern auch die Geschicklichkeit erlangen, wiederum andere zu lehren, und zu Ihro Majestät Dienst heranzuziehen.

Uebrigens bin ich bereit hierinnen auf Erfoderung mit mehrerer Explication allezeit schuldigst aufzuwarten.

Freyberg den 1 Febr. 1736.

Johann Friedrich Henckel.

№ 2. Докладъ бар. Корфа въ Кабинетъ Ея Величества, отъ 5 марта 1736.

Solte nun auf mein den 23-ten Febr. h. a. eingegebenes Doklad allergnädigst resolviret werden, einige junge Leuthe nach Freyberg an den Berg-Physicum Henckel zu erlernung der Metallurgie zu schicken, so würden unter denen hier specificirten discipulen

1. Ulrich Christoph Raiser, eines Berg-Raths Sohn in Moscau gebohren, 17 jahr alt,
2. Demitrius Winogradow, eines Priesters Sohn in Susdal gebohren, 16 jahr alt,
3. Michael Lomonossow, eines Bauren Sohn in Archangelischen Gouvernement in Dwinischen district in Kurostoffskoi Wollost gebohren, 22 jahr alt,

dazu können ernennet werden, maszen dieselbe diejenige qualitaeten und requisita besitzen, wie sie gedachter Berg-Physicus verlanget, dergestalten dasz man von ihnen die Hoffnung haben kann, dasz sie mit der Zeit verständige und erfahrne Berg-Physici werden.

Demitrius Winogradow und Michael Lomonossoff verstehen zwar die deutsche Sprache nicht, sie können aber die drey Monath über, welche sie noch hier bleiben, soviel davon lernen, als sie nöthig haben.

Solche drey Personen nun jährlich zu unterhalten, wird eine Summa von 1200 Rub. erfordert, nemlich 400 Rub. vor jede Persohn als

250 R. vor Kost, Kleidung, Bücher und instrumenten und 150 zu hin und her reyszen und recompensirung der Lehrmeister. Ob sie gleich in Freyberg an dieser Summa etwas ersparen können, so wird ihnen doch dieszes auf ihrer reysze nach Holland, Engelland und Frankreich, allwo sie die berühmteste Laboratoria Chymica nothwendig besuchen müssen, wohl zustatten kommen. Derohalben musz man ihnen die Sparsamkeit auf alle art und weise auf's beste recommendiren, indem sie weiter keinen Zuschub zu hoffen haben.

Erwehnte Summa aber musz auch sicher und gewisz sein und alle jahr voraus bezahlt werden, um selbige zu rechter Zeit remittiren zu können. Würde man der Siberischen Pricase eine Generalordre vor ein und állemahl ertheilen, dasz sie an die Academie auf ihre assignation jährlich gedachte 1200 R. solle abfolgen laszen, würde dieselbe wegen denen remissen sorge tragen. Damit sie zum Fleisz desto mehr aufgemuntert werden, so könnte man ihnen die Versicherung geben, dasz wann sie sich in erwehnten scibili perfectioniert, Specimina von ihrer Geschicklichkeit abgeleget und darüber die gehörige Attestata erlangt, sie nach ihrer Zurückkunft zu Professores Extraordinarios mit einer Pension von 460 R. sollen gemacht und nach ihren meriten nach und nach befördert werden. Und dieses darum, weilen man angemerket, dasz auch die geschickteste subjecta dadurch verlohren gehen, weilen sie sehen, dasz sie ohngeachtet aller angewendeten Mühe, Fleiszes und Unkosten, dennoch in der Beförderung übergangen, ja gar ihr Lebtag an dem Hungertuch nagen müssen.

№ 3. Письмо горнаго совѣтника Райзера къ бар. Корфу, отъ 28 марта 1736.

Hoch-Wohlgebohrner Herr

Hochgeneigter Herr Cammer-Herr.

Wie ich mir etwas ungemeines daraus mache, durch Ew. Hoch-Wohlgebohren Befehl mich beehret zu sehen; so habe zum wenigsten durch ungesäumten Gehorsam ersetzen wollen, was der Wichtigkeit des beygefügten Raisonnements abgehen mögte. Es leuchtet ohne dem aus dem Schreiben des Herrn Doctor Henckels eine Aufrichtigkeit hervor, dasz es scheinet, man könne sich auf seine gute intention völ-

lig verlassen, und von seiner dexterité in der Metallurgischen Chymie bin sonsten schon überzeuget. Solten also meine Gedanken etwas überflüssiges seyn, so bitte dennoch selbige als Merckmahle meiner tiefsten Ergebenheit gelten zu lassen.

Ew. Hochwohlgebohren

Gehorsamst-ergebenster Diener

V. Raiser.

St. Peterb. d. 28 Mart. 1736.

Da der Endzweck bei Absendung dreyer jungen Studenten nach Freiberg, dahin gehet, dasz sie sich in der systematischen Chymie festsetzen sollen, so wird solcher nicht erreichet werden, wenn sie sich nicht zuvor auf die physicam legen. Denn da ein Chymicus mit vielen natürlichen Cörpern zu thun hat; als musz er die Kräffte der Natur kennen, und die eygenschafften der Cörper, so in seine Sphaeram lauffen, wissen, wie eines in das andere würcket, was für phaenomena dabey vorkommen, die Ursachen davon, ihre affectiones, ihre motiones und dergleichen. Wann diese Naturlehre, soweit sie haubtsächlich die Metallurgie betrifft, entweder nach Boerhavens erstem Theil seiner Chemie, oder eines andern gelehrten Mannes Anführung philosophice durchgegangen; so leget die Chymia Hand an, und zeiget vor Augen, was die theorie sich nur höchstens als wahrscheinlich hat einbilden können. Und bey solcher Ordnung wird ein Studiosus leicht sehen, dasz die ordinairen Arbeiten der Berg- und Müntz-probirer mehr einem Handwercke, als einer gelehrten Wissenschafft, gleich kommen, und gar leicht nachzumachen.

Die andere Absicht ist, dasz gelehrte Berg-Officiers zum Dienste des Reichsz sollen erzogen werden. Dazu gehöret die Geographia physica, insoferne sie von Bergen, Thälern, Wassern u. s. w. handelt. Diese Wissenschafft bietet der Historiae Mineralium die Hand, und lehret alle Arten der Erden, der Steine, der Mineralien, der Metallen etc. auch wo möglich mit blossen Augen zu unterscheiden, wozu eine öfftere aufmercksame inspection eines guten Mineral-Cabinets die beste Anleitung geben kan. Wenn man nun gleich die Ertze wohl kennete, würde doch der Nutzen davon nichts seyn, im Fall man nicht dazu zu gelangen, und selbige aus der tieffe heraus zu kriegen wüste. Hiezu dienet die Mechanica, soferne sie, Lasten zu heben, dienliche Rüst-zeuge angiebet. Die Wasser werden gemeyniglich durch Räder,

Pumpen und Druckwerke gehoben; und also darf die hydraulica nicht vergessen werden. Die Räder, so entweder die pumpen, die Puchstempel, die Hammer, oder die Bälge in den Schmeltzhütten treiben, werden durch aufgedämmtes Wasser und Schleusen in Bewegung gebracht; also musz die Wasser-Bau-Kunst nicht versäumet werden. Was ein Studiosus im Chymischen Laboratorio und in der Probir-Cammer im Kleinen untersuchet, solches musz er auch im grossen dirigiren lernen, daher die Schmeltz-hütten, und was dazu gehöret, fleissig besucht werden sollen. Bei allen Berg-Arbeiten, sowohl oben, als unter der Erden, fält immer etwas abzumessen vor, und in deutliche Risse zu bringen, und also vindiciret die Arithmetica, Geometria und Trigonometria ihren platz.

Aus diesem kleinen Vorbericht erhellet, worauf die Studiosi, welche die Gnade haben, hinaus gesand zu werden, sich zu befleiszigen. Als:

(1) auf die Physic, soferne sie zur Metallurgischen Chymie nötig;

(2) auf die enchireses der Chymie selber;

(3) auf die Geographiam physicam, so weit sie ad studium mineralogicum gehöret;

(4) auf die historiam fossilium, mineralium und anderer in der Chymie und beym Berg-Wesen vorkommenden Materien.

Bei diesen vier Wissenschafften wird die Anleitung des Herrn D. Henckels das Beste thun müssen, auszer dasz man noch bey einem Bergprobirer alle gewöhnliche Ertz- und Metallproben ansehen und mitmachen kan.

(5) auf die Mechanic;

(6) auf die hydraulic;

(7) auf die hydrotechnic;

(8) auf die Schmeltzkunst ins Grosse und was sonst zum Hütten-Wesen gehöret.

Weil in diesen vier letzten Wissenschafften vielleicht keine ordentliche information in Freyberg mögte anzutreffen seyn; als müssen die Studiosi aus fleisziger Betrachtung aller ihnen in diesen Studiis vorkommenden Gebäuden und Arbeiten, nebst zurahtziehung guter Bücher und Risse, sich selbst zu helffen suchen.

(9) auf die Geometriam Subterraneam, worin der Herr Marckscheider Beyer, wo er noch lebet, ein geübter Mann ist.

(10) das Zeichnen wird bey vielen theilen dieses Studii sehr nötig sein, Und endlich

(11) sind einige Sprachen nicht zu entbehren, worunter fürnehmlich die Russische, Teutsche, Französische, Lateinische und Englische vorstehe.

Für diesen Catalogum scheint die vom H. Dr. Henckel determinirte Zeit gar zu sehr eingeschrenckt zu seyn. Doch weil man von jungen Leuten nur vors erste gute fundamenta verlangt, worauf sie mit zunehmenden Jahren ferner fortbauen können, so kan sonderlich derjenige, welcher etwas vom Zeichnen, von Sprachen und von der Mathesi mit sich hinaus bringt, in anderthalb Jahren ein Vieles thun. Absonderlich, wenn sie angehalten werden, ihre Zeiten wohl einzutheilen, und genau in acht zu nehmen, welches unmaaszgeblich geschehen könte, wenn man von denen 24 stunden des tages ihnen 8 stunden zum schlaff erlaubte, 8 stunden zum studiren, 2 stunden zum essen, und die übrige 6 stunden nach Gefallen zu honêten recreationen, Bewegung und exercitien, wozu keine grosze Meditation und Kopfarbeit erfordert wird, doch dass die Pflichten der Religion niemahlen dabey vergessen werden. Daher auch nötig, dass jeder sein besonderes Quartier habe, um den andern nicht hinderlich zu seyn.

Wegen Unterhaltung der jungen Studenten, welche ihnen hinlänglich und allergnädigst accordiret worden, bin der Meynung, dasz das erste Jahr nichts daran werde zu ersparen seyn.

Meine Ursachen sind diese:

1. Müszen sie sich zur Reise equipiren und dorten eine reinliche entrée machen.
2. Müszen einige zu obigen Wissenschafften dienliche Bücher und die Marckscheider instrumenta gleich anfangs angeschaffet werden.
3. Die informationes müszen bezahlt werden, welches man auf künfftigen Reysen nicht sonderlich mehr wird bedürffen.
4. Ohne Zweifel werden die dortige informatores diese Gelegenheit in acht nehmen, sich wohl bezahlen zu lassen, je seltener ihnen solche aufzustossen pfleget.
5. Die Materialien, so zu denen chymischen operationibus gehören, müszen angeschafft werden, worunter einige nicht wohlfeil.
6. Weil in Sachsen fast allerley arten von Bergarbeiten in einem district von ungefehr 12 Meilen beysammen, welche anderwerts weiter auseinander zerstreuet anzutreffen, so müszen solche, Zeit ihres Daseyns, besichtiget werden, welches Unkosten erfodert.

Ich zweifle nicht, dass H. Dr. Henckel die Ordnung und Methode der Information bestermassen besorgen wird, und also ergiebet sich von selbsten, dasz die Contracten mit denen Informatoribus nicht auf einerley Art, sondern nach dem Unterschied der Fähigkeit eines jeden Studenten müssen eingerichtet werden. Zum exempel will ich nur die Marckscheider-Kunst vornehmen. Der Marckscheider wird ungleich mehr practendiren von einem, der kein teutsch kan, und mit welchem er die ersten Anfangs-Gründe der Rechen-Kunst, der Geometrie und Trigonometrie durchgehen musz, weil er mehrere Mühe und Zeit dabey brauchet. Wenn aber ein anderer dieses alles schon kan, und nur bloss lernen will, seine mathesin auf die Berg-Wissenschafft zu appliciren, der würde seine Zeit und Geldt, welches auf Bücher und andere Wissenschaften könte verwendet werden, verschwenden, im fall er auf die andern warten müste.

Regeln der äusserlichen Conduite zu geben, würde vergebens seyn, weil ein gut naturel und gesunder Verstand allein sage machet. Nur könte man denen jungen Leuten einschärfen, sich so aufzuführen, dasz die dortigen Einwohner sehen mögen, dasz wilde Sitten schon lange in Russland nicht mehr mode gewesen.

Was das künftige Reysen betrifft, so wird, nachdem ihre profectus und die dermahlige Umbstände es an die Hand geben, leichte seyn, ihnen eine neue instruction nachzusenden.

№ 4. Письмо Генкеля къ бар. Корфу, отъ 7 маія (26 апр.) 1736.

Hochwohlgebohrner Herr

Hochgeehrtester Herr Cammerherr.

Auf Ew. Hochwohlgebohren unter dem 1. Febr. a. c. mir hochgeneigt ertheilten und den 5 hujus mir eingereichten Antwort habe die grosze Gnade, zu ersehen, dasz Ihre Ruszische Keyserliche Majestät allergnädigst resolviret haben, 3 tüchtige subjecta aus Dero Landes Kindern hieher zu schicken und mir in Metallurgia fundamentali et practica zur Unterweisung zu übergeben, Nun sind zwar Ew. Hochwohlgebohren gemeynet, mit mir hierüber inclusive des Aufwands, so bey dem Gvardein und Marckscheider zu Erlernung der gewöhnlich Probir- und Marckscheidekunst, wie auch der Silberbrenn- und Sai-

ger-Wiszenschafften, ferner zu einigen Lectionibus in humanioribus et philosophicis und endlich zu Quartier und Kost, erfoderlich seyn möchte, überhaupt zu tractiren, ich würde mich auch nicht entbrechen mich hierinnen Ihro Ruszisch-Keyserlichen mit allertiefsten Respect zu unterwerffen: Es wollen aber Ew. Hochwohlgeboren mir groszgünstig erlauben, über alle und jede Erfodernüsze separatim meine Meynung zu entdecken und die Kosten zu berechnen.

I) Was dasjenige vor meine hierzu hauptsächlich gehörige Information und Mühewaltung betrifft, so sollte ichs zwar Ihro Keyserlichen Majestät weltberühmten Gnade lediglich anheimstellen, nachdem aber allerhöchst dieselben mir anbefehlen laszen, mich hierüber zu erklähren, und ob ich gleich das eigentliche meiner dazu erfoderten Mühe, die Weitläufftigkeit und Wichtigkeit der Wiszenschafft qvaestionis und das sich hiernach proportionirende meines Verdienstes à priori nicht dociren kan, sondern man es auff meinen fidem und reputation ankommen laszen musz, so kan ich doch die theure Versicherung geben, dasz zwölfhundert Rubel nicht zuviel seyn würden, wenn Ihro Ruszisch-Keyserliche Majestät solche summam mir davor und vor 3 Scholaren überhaupt, und zwar, wie ichs allezeit damit zu halten pflege, die helffte des accordirten Geldes voraus, die andere binnen 1 bisz $1\frac{1}{2}$ Jahren zu reichen allergnädigst sich entschlieszen sollten. Ich würde alszdenn und will mich eventualiter hierdurch anheischig machen, dasz ich die hierzu ausersehenen 3 Personen 1) in der euserlichen Historie und Erkentnüsz derer Metallen, Erze, Steine, Erden, Salze, bituminum und Waszer, summa, aller mineralien nach ihren euserlichen Kennzeichen, Arten, Unterschieden, Muttern und Lagerstätten, an verwandten und zufälligen Dingen, aus meinen vielen Anmerckungen, durch fleiszige lebendige Vorzeigung und theils mir nur mögliche Verschaffung und Dargebung allerley Sorten, 2) in der Erkentnüsz ihres innerlichen Wesens, nach eines jeden Gantzen Beschaffenheit und deszen Theilen, ihren Verhältnüszen unter sich und gegen andere, durch gründliche, vorsichtige Zerlegung und, wo es nur angehen will, durch Wiederzusammensetzung, auf allerhand Art und Wegen, naturgemäsz, accurat und redlich unterweisen, mithin, und unter Zuziehung derer hierbey noch hierzu von bestellten Meistern zu erlernenden gewöhnlichen Probir- und Marckscheide Kunst, wie auch der Silberbrenn- und Saiger-Wiszenschafft bey gehörigen Besuch des Gebürges und der Schmelzhütten, nöthigen Anfahren in den Gruben, Umgang mit Berg- und schmelz-verständigen, und meinen ihnen auch nach dem etwan absolvirten $1\frac{1}{2}$ jährigen cursu die ganze Zeit ihres Aufenthalts noch

immer vorzugebenden Arbeiten, Exercitiis und Wiederholungen, zu Hause fleiszig anzustellender repetition derer Lectionen, und unermüdeter application, unter Vermeydung zeitverderbender, zumahl böser Gesellschafft, Selbstbewahrung ihrer Gesundheit, durch göttlichen Beystand solche leuthe aus denselben machen werde, welche sich auf die Situation des Gebürges verstehen, aus der Art der Damm-Erde und derer dadurch setzenden Klüffte von der Natur der Erz Gänge möglichst judiciren, das vorgezeigte Stufwerck und allerley Berg Art nach den characteren beurtheilen, wie auch aus genauer Beaugenscheinigung der structer und des bey- drunter- drüber- oder mit inliegenden sich distinguirenden Wesens der probablesten Meynung von der Generation der Erze und Gesteine am nächsten beykommen, jedes mineral geschickt und naturgemäsz untersuchen, das gehörige Tractament derer Erze finden, einrichten und verbeszern, die Ursachen miszgerathener Feuer Arbeiten treffen, vergebliche Vorschläge zu dergleichen vorher einsehen, den Gebrauch und Nutzen von mineralien angeben werden können, und worüber ich ihnen die rechte methode besonders zeigen will, wie die gesammleten observationes und gemachten Experimenta über disz oder jens mineral in einen ordentlichen Bericht zu bringen, auch ein bündiges Gutachten darüber abzustatten, summa: Ihro Ruszisch-Keyserlichen Majestät nach Dero hirunter erleuchtest abgesehenen Endzweck so wohl beym Berg- und Schmelz-wesen alsz bey anderen Fabriquen, wo man mineralien nöthig hat, ersprieszliche Dienste zu leisten, wohlgegründet und geübet seyn sollen.

II) Die gewöhnlichen Kosten zu Erlernung der hier bey noch nöthigen allgemeinen Probir Kunst betragen vor der Person 50 Rthl., der Marckscheiderey 50 Rthl., vom Silberbrennen 20 Rthl., vom Saigern 20 Rthl.

III) Was den Unterricht in humanioribus und philosophicis anlanget, ich verstehe z. e. in der lateinischen oder griechischen Sprache wenigstens eine Uebung, in der Vernunfftlehre etwan so weit, wie Köpfe aufgeräumt werden, ordentlich dencken und schlüszen, auch sich deutlich und bündig exprimiren sollen, deszgleichen in der Geometrie, worauf sich die Marckscheidekunst gründen musz, so ist hier die schönste Gelegenheit, bey dem Conrectore des hiesigen Gymnasii, Herrn M. Luther, einen gelehrten, geschickten und aufrichtigen Mann, darüber eine privat Information zu nehmen, es möchte nun eins und das andere erwehnter disciplinen nicht oder eine andere mehr, wie denn die Geographie der Mineral-Historie nicht wenig zu statten kömmt, beliebet werden, so würde es mit der Bezahlung darauf nicht,

sondern auf die Zeit und Stunden ankommen, wie denn bemeldter Lehrer vor eine Stunde des Tags, keinen alsz den Sontag gefeyert, monatlich vor 3 Personen in Privat-Information 3 Rthl. und also vor 2 Stunden des Tages solches gedoppelt verlanget, auch nach meinem Erachten wohl verdienen kan, dabey die Herrn Scholaren in der Schulbibliothek manchmahl angeführet zu werden, auch zur Uebung in der lateinischen Sprache öffentliche orationes mit anzuhören Gelegenheit finden werden.

IV) In Quartier und Kost wollte ich dieselben selbst gern zu mir nehmen, musz es aber, weil ich kein eigenes Hausz noch Gelasz genug habe, bescheidentlich depreciren. Hingegen habe ich eventualiter in der einen Apothecke verlasz genommen, wo Stuben, inclusive derer Betten vor 3 Personen mit einer Cammer zu 40 Rthl., 30 Rthl., auch 25 Rthl. jährlich offen stehen, vor Holz, nachdem das Zimmer ist, jährlich 16, 18 bisz 20 Rthl. aufgehen dürffte, welches man sich auch nach Belieben selbst anschaffen könte. Sollte es nun an diesem Orte nicht anständig fallen, wiewohl mir die leuthe allda am nächsten wären, auch in Apothecken von handgriffen in Feuer Arbeiten manches zu sehen vorfällt, überdiesz in diesem Hause nicht so leicht fures temporis zu befürchten, so wüste ich noch einen andern acceptablen Vorschlag, deren keiner aber eher vollzogen werden kan, alsz bisz ich vernommen habe, ob es mehr alsz eine Stube und eine Kammer, wie ich vermuthe, seyn solle, dabey zu verhoffen, dasz bey Zusammennehmung etlicher Zimmer von den separirt gesezten Preisz, summatim ein ziemliches zu rabattiren seyn werde.

Was die Speisung betrifft, so will noch niemand, der mir anständig wäre, diese Fremdlinge an seinen Tisch zu nehmen, sich einlaszen, noch fodern, indem man noch nicht wüste, was vor Tractament verlanget würde, Inzwischen wäre mein unvorgreiflicher Rath selbst, dasz man es damit erst auf der Stube vom Tracteur versuchete, wo sich feine leuthe holen laszen, und man die Mahlzeit vor 6, 4, auch 3 gr., ausgenommen Bier und Brodt, auf eine Person zulänglich haben kan, bisz sich erwünschte Gelegenheit fände, dieselben entweder beym Apothecker oder sonst bey honetten leuthen an Tisch zu bringen, alsz welcher auch endlich hierbey anfraget, ob die Herrn Ruszen sich zur Bedienung selbst einen Jungen halten würden, wie er denn solches wohl wünschete, maszen er seine Bedienten zur Nothdurfft zwar gern hergeben wollte, sonsten aber nicht viel entrathen könte.

Wie nun dieses alles samt und sonders vorzunehmen und zu rangiren sey, wollte zwar wohl zu seiner Zeit nach Befinden derer Subjectorum, in der natürlichen Ordnung derer Sachen, theils nach und

nach, theils zugleich, mit meinen Lectionen aber gleich ohne Zeitverlust, anzustellen finden, würde aber mich nach Ew. Hochwohlgebohren vorgeschriebenen guten disposition zu richten nicht ermangeln, auch, wie weit die Herrn Scholaren an mich gewiesen seyn sollten, und was Ihro Ruszisch-Keyserliche Majestät mir hier bey sonsten aufzutragen allergnädigsten Gefallens seyn dürften, darüber erwarte allerhöchst Deroselben gemeszene Befehle, alsz welche ich mit allem unterthänigsten Respect annehmen und in die bestmöglichste Erfüllung zu setzen, eusersten und redlichsten Fleisze trachten werde. Und dieses alles um so viel desto mehr, weil ich erkenne, dasz mein liebes Vaterland nächst Gott und seinem allergnädigsten Landesherrn, dieser glorwürdigsten Fürstin, Ihro Ruszisch-Keyserlichen Majestät zu unendlichen Danck verbunden ist, wo keine nahmhafftesten Geldschätze nur zu einiger Erkentlichkeit vor Dero dem feindlich hart bedroheten Sachsenlande geleisteten groszmächtigsten Schutz hinreichlich sind, sondern eine ungemeszene devotion vor allerhöchst Dieselben, alsz unsere andere Landes-Mutter, immer und ewig, und in allen Vorfallenheiten allen rechtschaffenen Sachsen obliegend bleiben musz.

Zulezt nehme mir die Freyheit, Ew. Hochwohlgehohren nochmals gehorsamst zu ersuchen, mir bey dieser Gelegenheit, wenn die Personen noch hieher kommen sollten mit Zusendung einiger Ruszischen, Siberischen und Kamschatkischen allbereit ausgebetenen Stuffen und Berg Arten, wie auch nur des geringsten Blatts von der Ruszisch-Keyserlichen Academie Schrifften das mir längst erwünschte Vergnügen zu machen, verhoffe, dasz meine wenigen Papire durch den Herrn Ober Berghauptmann von Schönberg eingegangen seyn werden, und verharre mit unverbrüchlicher Hochachtung

Ew. Hochwohlgeboren

Meines hochgeehrtesten Herrn Cammerherrns

gehorsamster Diener

Johann Friedrich Henckel.

Freyberg in Meiszen,
den 7 May. 1736.

№ 5. Приблизительная смѣта расходамъ на трехъ студентовъ, посылаемыхъ за границу, 1736 г.

Ohngefehrer Ueberschlag

wie viel ein von hier herauszuschickender Stud. ohnumgänglich zu seiner Subsistence nöthig habe, und wie viel demselben zu seinen Studiis noch übrig bliebe, auff ein Jahr gere anet.

Vor den Tisch à 5 Rthlr. monatlich	60 Rthlr.
Vor Stube, Holz, Licht, Auffwahrtung, Bette und Wäscher Lohn	50
Zur Kleydung und Reparatur derselben	30
Vor Schuh und Strümpfe	8
Vor Huth und Paruquen	8
Vor die Wäsche	16
Zu kleinen wie auch extraordinairen Ausgaben, als Puder, Pomade, Handschuh, Band, Ermel-Knöpffe, Schuhwachsz, Bergmanns-Kleyder etc.	28
	200 Rthlr.

oder à 80 Cop. pro Rthlr. gerechnet facit in Rubeln	160 Rub.
Bliebe einem Jeden nach Proportion derer ihm vermachten 400 Rubl. jährlich zu seinen Studiis annoch übrig	240
	400 Rub.

Da aber der Bergphysicus in Freyberg Hr. Henckel jährlich vor einen Jeden prätendiret, vor seine Inspection und speciale Unterweisung vor 3 Personen in $1\frac{1}{2}$ jahren 1200 Rubl., facit in einem Jahr 800 Rubl. und also auff eine Persohn. . . . 266 Rbl. $66\frac{2}{3}$ Cop.

vor Erlernung der Probir-Kunst auff ein Jahr	33 Rthlr. 30 gr.
vors Marckscheiden	33 — 30 —
vors Silberbrennen	13 — 30 —
vors Seigern	13 — 30 —
vor 2 Stunden des Tages im Latein, Griechisch, Vernunfft-Lehre, Geographie, Mineral-historie und Geometrie	24 —
	117 — 30 —

oder à 80 Cop. pro Rthlr. in Rubeln. . . . $93.86\frac{2}{3}$

	Transport:	
	160 Rub.	
	. . . . 360 — $53\frac{1}{3}$ Cop.	
	Summa 520 — $53\frac{1}{3}$ —	
so würde zu denen ihnen vermachten	400	
auszer denen Reyse-Kosten das erste Jahr annoch zugeleget werden müszen . . . . , ...	120 Rub. $53\frac{1}{3}$ Cop.	

№ 6. Опредѣленіе объ отправкѣ трехъ студентовъ въ марбургскій университетъ, 1736 г.

Auf hohen Befehl etc. ist resolviret:

Nachdem Ihro Kayserliche Majestät auf allerunterthänigst geschehener Unterlegung mittelst Ukase aus dem H. Cabinet sub dato d. 13 Martij h. a. allergnädigst verordnet, dasz die 3 vorgeschlagene Studiosi Rayser, Winogradoff und Lomonossoff zu Erlernung und Metallurgie und andern physicalischen Wissenschafften nach Freyberg zu dem Berg-Physico Henckel verschicket, und zu deren Reise-Kosten und Unterhaltung jährlich 1200 Rubel, wovon ihnen jedoch nur soviel als hinlänglich, zu reichen, das Uebrige aber in Cassa zu behalten und zu berechnen, bezahlet werden sollen: Dermahlen aber gedachter Berg-Physicus Henckel in seinem eingesandten Vorschlag de dato d. 7-ten Maji h. a. et praesent. den 17. ejusd., was zu Fortsetzung derer studiosorum Studien und ihre Sustentation von ihm gefordert wird, die von Ihro Kayserlichen Majestät allergnädigst accordirte Summa bey weiten übersteiget, Als sollen oben gemeldte 3 Disciples vorerst nach Marpurg in Hessen, um daselbst in der Metallurgie, Chymie und übrigen dahin gehörige Wissenschaften, wozu man alhier keine Gelegenheit hat*), den Grund zu legen, ihre Reise dahin antreten, ihre Studia unter der Direction des Prof. Wolfs, als an welchem dieserhalb insbesondere zu schreiben, fortsetzen, und dieselbe nebst ihrer Lebens-Arth, nach der ihnen zu ertheilenden Instruction dergestalt einrichten, dasz sie nach Verlauf zweier Jahre zu Erreichung des allergnädigsten intendirten Endzwecks auch weiter

*) Приписка (президента?) къ копіи съ черновой Шумахера: *wozu man anjetzo alhier keine Gelegenheit hat.* — Ich mache diese remarque, weil man sonst fragen mögte, warum man den Grund in denen übrigen Wissenschaften nicht alhier lege.

noch in Freyberg, und an andern Berg-Oertern, Holland, Engelland, Frankreich sich in praxi zu habilitiren im Stande seyn mögen. Zu ihrem Bedarff wird ihnen jährlich einem jeden 300 Rubel accordiret, wovon sie nebst ihren Unterhalt zugleich auch die Kosten auf der Hinreyse, und was sonsten erfordert wird, zu bestreiten haben. Die übrige 300 Rubel bleiben in Cassa, damit auf erheischenden Fall, die etwan vorkommenden extraordinäre Ausgaben und Reise-Kosten, wenn sie weiter nach Holland, Engelland und Frankreich gehen sollen, hieraus bezahlet werden können.

№ 7. Письмо горнаго совѣтника Райзера къ Шумахеру, отъ 19 іюня 1736.

Monsieur

tres-honoré ami.

Ich goutire sehr den Vorschlag, die jungen Leute vorher nach Marpurg zu senden. Denn weil sie nicht allein Probirer und Berg-Leute, sondern gelehrte Chymici und Metallurgi werden sollen; so ist es fast unumgänglich, sich vorher in Philosophicis, Mathematicis und politen Wiszenschafften etwas feste zu setzen. Und auf diese Art ist es gar möglich, was Herr Henckel vorgeschlagen, solche Studenten, was die Berg-Wiszenschaft anbelangt, in $1\frac{1}{2}$ Jahren auszulehren, welches sonst nicht thunlich scheinet, wenn solches Studium ohne praeparation mit ungewaschenen Händen, und theils unter ungelehrten und handwerksmäszigen Informatoribus angegriffen wird. Ich geschweige, dasz jetzo die Zeit ist, sich in den angefangenen Sprachen und Exercitiis mehr und mehr zu üben, und zu perfectioniren, wozu auf einer Université völlige Gelegenheit, zu Freyberg aber gar keine, und es hat ein unnatürliches Ansehen, wenn ein Schüler mit einem schwartzem starken Bart beym Sprach- Fecht- und Zeichen-Meister in die Schule kömmt. Marpurg ist ohne dem ein Ort, welchen der Herr Wolff berühmt gemacht, und ist kein Zweiffel, dasz durch deszen Veranstaltnng nicht in allen nützlichen Wiszenschafften, auszer denen daselbst schon längst etablirten Refugiés, sich geschickte Männer befinden solten. Heszen hat Berg-Wercke, und obgleich Freyberg ins künfftige zu besuchen nöthig; so werden doch unsere Studenten nicht

so rohe, sondern gesetzter dahin kommen, und vielmehr egard verdienen können. Ich kenne Feyberg gar wohl. Wie es in kleinstädtschen Oertern zugehet, jederman suchet von Fremden zu kriegen, was er kriegen kan, wenn man aber mit ihnen raisonniren kan; so nehmen sie gerne verlieb mit dem, was man geben will. Ich bin sicher, wenn unsere junge Leute auf einer Université ein paar Jahr lang fleiszig gewesen und sich formiret, und als denn als lernbegierige passagiers nach Frey-Berg kommen werden, der Herr Henckel wohl beszer Kauff geben wird, und vielleicht sein 1200 Rubel-Collegium für 300 eröffnen wird, denn so viel mögte es höchstens werth seyn. Doch, wenn es auch mehr kosten müszte, so haben doch die Studenten den Vortheil, dasz sie in den ersten Jahren von ihrer Pension so viel erübern können, dasz ihnen die Bezahlung eines so theuren Collegii erträglicher fällt, und solches nicht an nöthiger Nahrung und Kleidung abbrechen dürffen.

Mon cher ami wird an gehörigem Orte, Dero Einsicht nach, alles beszer vorzustellen wissen. Solte ich über etliche Kleinigkeiten noch einige eclaircissemens zu geben fähig seyn, so erwarte Dero Befehl als

Monsieur

tres-honoré ami

Votre tres-humble et tres-obligé serviteur

Raiser.

le 19 de juin 1736.

№ 8. Рапортъ чиновника Линдорфа о полученіи суммы на обученіе трехъ студентовъ, отъ 26 іюня 1736.

Unterthäniger Rapport an die Canzeley der Kayserlichen Academie der Wissenschafften.

Ao. 1736
d. 19 Junii

L. O. № 375 d. d. 11 Junii a. c. habe vor die heraus zuschickende junge Leute nach Frey-Berg aus der Renterey empfangen . . . . 1200 Rbl.

Lindorph.

St. Peterburg, den 26 Junii 1736.

№ 9. Инструкція, данная каждому изъ трехъ студентовъ при ихъ отъѣздѣ въ Марбургъ, 17 авг. 1736.

Nachdem auf Ihro Kayserlichen Mayestät Allergnädigsten Befehl de dato den 7-ten Martij 1736 bey der Academie der Wiszenschaften resolviret worden, die 3 Studiosos, Gustav Ulrich Rayser, Dmitri Winogradoff, Michaila Lomonossoff, damit mann ans ihnen dem Reiche und Vaterland zum Nutzen und Dienst gutte Chymicos und Bergverständige erziehen möge, in frembde Länder und zwahr vor erst nach Marpurg und die Heszische Bergörter zu verschicken, Als wird denenselben Folgendes pro Instructione ertheilet:

1) Wie man das gutte Zutrauen zu Ihm hat, er werde an allen Oertern, Zeit seines Auffenthalts jederzeit sich ein anständigen Conduite befleiszigen, so wird ihme daneben bey seinem Studio alle Application bestens recommendiret, daher er zu Erreichung des abgezielten Endzwecks

2) nichts zu versäumen habe, was zum Studio chimico und metallurgico gehöret, und zwahr hatt er sich insbesondere bekandt zu machen: die Historiam naturalem, die Physicam und aus der Mathesi die Geometriam, die Trigonometrie, die Mechanicam, die Hydraulicam und Hydrotechnicam. In diesen Wiszenschafften solle er sich

3) des Raths und der Information des dortigen Herrn Regierungs-Raths Wolffs bedienen, an welchen denn auch schon dieserhalb geschrieben und ferner mit ihm correspondiret werden solle.

4) Nach gelegtem Grunde und festgesetzten Theorie solle er bey Besuchung der Berg- und Hütten-Wercken, sich die verschiedene Beschaffenheit der Gebürge und der Erze, die dabey vorfallende Arbeiten und dazu nöthigen Machinen, und Gebäuden wohl bekant machen, bey der Feuer-Arbeit in den Laboratoriis selbst Hand anlegen, und überall in der Praxi nicht versäumen, wodurch seine Studia chimica und metallurgica zur Perfection können gebracht werden.

5) Die Ruszische, Lateinische, Teutsche und Frantzösische Sprache soll er daneben dergestalt cultiviren, dasz er selselbige fertig reden und schreiben könne, auch daneben im Zeichnen sich informiren laszen und fleiszig darinnen üben.

6) Ist er gehalten, alle halbe Jahr eine Nachricht an die Academie der Wiszenschafften einzusenden, was er für Studia und Sprachen tractire, auch ein Specimen zum Zeugnisz seines Fleiszes beyzulegen, wie man denn auch hiebey eine attestirte Rechnung von seinen in der Zeit gehabten Auszgaben ohnfehlbar einwahrten wird, darauff ihm
7) nach denen befindlichen Umständen und wenn er weiter nach Sachsen, Holland, Engeland und Franckreich verschicket wird, zugleich eine anderweitige Instruction ertheilet werden solle.
8) Wornach sie sich zu achten.

Gegeben in der Kayserlichen Academie der Wiszenschafften. St. Petersburg den 17. Aug. 1736.

Ihro Kayserlichen Mayestät würcklicher Cammerherr,
und Chef der Academie der Wiszenschafften.

№ 10. Письмо бар. Корфа къ проф. Вольфу, отъ 18 авг. 1736.

HochEdelgebohrner,

Insonders HochzuEhrender Herr Regierungs-Rath.

Ew. HochEdelgeb. recommendire die Abgeber dieses Schreibens zum besten. Es sind die Studiosi Rayser, Lomanosoff und Wynogradoff, welche Ihro Kayserl. Majestät in der Metallurgie und übrigen Wissenschafften so zum Bergwesen gehören, ausswertig perfectioniren zu lassen allergnädigst resolviret. Dererselben Instruction wird zeigen was ihnen oblieget, und ich werde die Ehre haben, alles das übrige Ew. HochEdelgeb. mit nächsten selbst zu melden. Ich bin Ew. HochEdelgeb.

. . .

St. Petersburg den 18 Aug. 1736.

№ 11. Изъ письма академика Крафта къ проф. Вольфу, отъ 30 авг. 1736.

Viro Celeberrimo

Christiano Wolffio,...

Georgius Wolffg. Krafft,
Prof. Physices.

Dimissi hinc sunt in exteras regiones, studiorum excolendorum gratia, tres Juvenes egregii, Augustissimae nostrae Imperatricis stipendio clementissime adiuti, inter quos Raiserus est, qui hucusque auditor etiam meus fuit, et quem ad Te venire, sine tessera aliqua meae in Te observantiae, pati non potui. Prima hujus Raiseri commendatio proficiscitur ab ipsius modestia et probitate, quas singularis in studia, praesertim Mathematica, ardor et assiduitas admodum exornant. Geometriam Elementarem, adjunctis quoque sublimioris quibusdam capitibus, Algebram ordinariam, et studii naturalis potissima Experimenta ita hausit, ut superficiaria horum cognitione minime contentus, in causas semper inquisiverit, et sic ad interiora multum penetraverit. Quodsi igitur haec Tua, Vir celeberrime, institutione adhuc augere ipsi licebit: de praeclaris quos inde reportaturus est fructibus minime dubitare possum . . .

№ 12. Письмо студента Райзера къ бар. Корфу, изъ Любека отъ 20 окт. 1736.

Hochwohlgebohrner Herr Baron

Gnädiger Herr Cammer-Herr.

Nachdem von Ew. Excellence wir unsere unterthänige Beurlaubung genommen, und uns den 8-ten September aufs Schiff gesetzt, zwey tage aber drauf wegen eines starcken Sturms wieder zurück gekommen, so sind wir erst den 19-ten nach Cronstatt und von dort den 23. unter Seegel gegangen. Den 29. passirten wir hierauf Reval, den 4. October kamen wir an Gohtland, und den 16. erreichten wir endlich Travemünde. Mit Ew. Excellence gnädiger Erlaubnisz gedencken wir alhier in Lübec noch etliche tage wegen benöhtigter Ausruhung zu verbleiben und darnach unsere Reise ungesäumt fortzusetzen. Indeszen lebe der zuversichtlichen Hoffnung, dasz Ew. Excellence mich der

durch so viele Wohlthaten in Petersburg versicherten Gnade noch ferner genieszen zu laszen gütigst geruhen wollen, und verbleibe Zeit meines Lebens in tieffster Ehrfurcht und devotion

Ew. Hochwohlgebornen Excellence,

Meines gnädigen Herrn Cammer-Herrn

unterthänig gehorsamster Diener

G. U. Raiser.

Lübec den 20 Octobr. st. v. 1736.

№ 13. Письмо студента Райзера къ бар. Корфу изъ Марбурга, отъ 7 ноября 1736.

Hochwohlgebohrner Herr Baron

Gnädiger Herr Cammer-Herr.

Als Ew. Excellence unsere Ankunfft in Lübec zu vermelden, die hohe Ehre hatte, so sind wir drey Tage drauf mit der Post nach Hamburg gegangen, und von dort durch Nienburg, Minden, Rinteln und Caszel in Marpurg den 3. Nov. st. v. glücklich angekommen. Der Herr Regierungs-Raht Wolff will sich die Mühe geben, selbst unsere Studia der von Ew. Excellence uns ertheilten Instruction gemäsz zu dirigiren, wovon denn meinen unterthänigen Rapport ins Künftige abstatten werde. Jetzo aber bitte gehorsamst Ew. Excellence meine theure Versicherung anzunehmen, dasz ich je länger je mehr mit der grösten Erkentlichkeit Dero mir erwiesene Gnade ansehe, und aus allem meinen Vermögen dahin trachten werde, dasz ich mich derselben zum wenigsten durch einen stetigen Fleisz würdig machen möge. Solten aber meine Kräffte dazu nicht hinlänglich seyn, so ersuche Ew. Excellence inständigst, die grace zu haben, und zu glauben, dasz auch unwürdig mir nichts eiffriger angelegen seyn lasse, als die gnädige Erlaubnisz zu haben zu beharren mit wahrhafftiger Hochachtung und tieffstem respect

Ew. Hochwohlgebohrnen Excellence

Meines gnädigen Herrn Cammer-Herrn

unterthänig gehorsamster Diener

G. U. Raiser.

Marburg den 7. November st. v. 1736.

№ 14. Изъ письма бар. Корфа къ проф. Вольфу, отъ 3 марта 1737.

HochEdelgebohrner

Hochgeehrter Herr Hoffrath.

Aus Ew. HochEdelgebohrnen Schreiben vom 25 Nov. 1736, welches mir unlängst nach meiner Zurückkunfft aus Curland allhie eingehändiget worden, habe ich diejenigen Anordnungen, so Ew. HochEdelg. zum besten der in Marburg angekommenen 3 Russischen Studiosorum zu machen die Mühe nehmen wollen, mit vielem Vergnügen ersehen, und wie ich die biszherige Einrichtung der Collegiorum, welche sie frequentiren sollen, völlig approbire, so überlasse die Direction dieser jungen Leute, so lange sie sich in Marburg aufhalten werden, Dero fernerem Gutfinden...

№ 15. Письмо бар. Корфа къ проф. Вольфу, отъ 8 авг. 1737.

HochEdelgeborner

Insonders Höchstgeehrter Herr Regierungs-Rath.

Da ich in geraumer Zeit von denen nach Marburg geschickten Studiosis, welche ich zu Ew. HochEdelgebornen Direction recommendiret, keine Nachricht erhalten, selbige indessen laut der ihnen ertheilten Instruction verbunden, alle halbe Jahr einen umständlichen Rapport von ihren Studiis nebst denen beygelegten Speciminibus einzuschicken, Als habe Ew. Hoched. hiemit ergebenst ersuchen wollen, selbige dazu anzuhalten, mir auch von sich selbst einige Nachricht von ihren Umständen und wie sie in ihren Studiis avanciren, zukommen zu laszen. Ich bin Ew. Hoched.

d. 8. Aug. 1737.

№ 16. Письмо президента академіи къ тремъ марбургскимъ студентамъ, отъ 8 авг. 1737.

Messieurs.

Nach der ihnen ertheilten Instruction ist denenselben im 6-ten Articul aufgegeben worden, alle halbe Jahr einen umständlichen Rapport von ihren Studiis nebst den beygelegten Speciminibus, wie auch eine genaue Rechnung über die erhaltenen Gelder einzuschicken. Wenn nun dieses bis Dato noch nicht erhalten, als haben sie damit nicht ferner anzustehen, sondern aufs fordersahmste zu melden, wie sie ihre Studia tractiret und die ihnen mitgegebenen Gelder angewandt. Aus denen beygelegten Speciminibus werde ich ersehen, was sie vor Progressus darin gemachet.

№ 17. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 12 (1) іюня 1737.

...Es ist nun ein halbes Jahr vorbey, da die hier sich aufhaltende Studiosi aus Ruszland vermöge der Instruction von dem, was sie gethan, specimina einschicken sollen. Nun haben sie sich zwar in den ersten Gründen der Arithmetick und Geometrie geübet, auch auf Erlernung der deutschen Sprache Fleisz gewendet, fangen auch an deutsch zu sprechen: allein ich weisz nicht, was sie hiervon für specimina einsenden könnten. Ich habe sie auch wegen der Rechnung erinnert: sie haben aber vorgewendet, dasz sie nicht wüsten, mit was für Gelegenheit sie Pacquete nach Ruszland bestellen könnten, weil es mit der Post zu weitläufftig fallen dörfte. Euer Excellenz haben also zu befehlen, wie es sol gehalten werden. Für den Tisch haben sie noch nichts bezahlt. Sie wollten sich auch gerne in der Historia naturali umsehen. Ich wollte aber lieber, dasz Euer Excellenz die Kays. Academie der Wiszenschafften vorschreiben lieszen, wie sie es in diesem Stücke am besten anzufangen hätten, als die beszer, als ich solches wird zu determiniren wiszen. In Übung der deutschen Sprache werden sie nun wohl continuiren, und dabey die principia der mechanischen Wiszenschaften sich bekannt machen, damit sie auf

den Winter zur Physick schreiten können Jedoch erwarte in allem Befehle, der ich mit der grösten Devotion verharre

Euer Excellenz

unterthänigster und gehorsamster Diener

Ch. Wolff.

Marburg, den 12. Jun. 1737.

№ 18. Изъ письма проф. Вольфа къ академику Крафту, отъ 13 (2) іюня 1737.

Hiems instabat, cum litterae tuae mihi longe gratissimae redderentur, quibus mihi studiosos ex Russia ad nos missos commendabas, et, ut experimentum qvoddam hydraulicum repeterem, efflagitabas. Puto me omnia pro virili facere, ut commendationi tuae satisfaciam, et plura ea de re scripsi ad Illustrissimum Virum D^{um} de Korff, a cujus jussu totum me ea in re pendere probe novi . . .

№ 19. Общій Рапортъ марбургскихъ студентовъ, отъ (іюня) 1737 г.

Rapport.

Nachdemahlen auf Ihro Kayserlichen Maytt. hohen Befehl von der Kayserlichen Academie der Wiszenschafften wir nach Marburg geschickt worden, um die Chymie nebst andern dazu gehörigen Wiszenschafften und Sprachen zu erlernen, um zur Metallurgie zu präpariren, und zu dem Ende eine Instruction bekommen, worinnen nebst specificirung der zu erlernenden Wiszenschafften und Sprachen uns auch anbefohlen worden, alle halbe Jahr von unsern studiis und angewandten Geldern genauen Bericht abzustatten, wie auch specimina von unsern progressen bey zu legen: Als rapportiren wir hiemit unterthänigst, dasz, nach dem wir hier in Marburg den 15ten Nov. n. St. 1736 angekommen, wir sogleich bey einem hiesigen Doctore Medicinae Conradi ein Collegium Chymiae theoretico-practicum für 120 thaler bedungen, worinnen er uns Stahlii fundamenta Chymiae lateinisch erklären, und

die darin vorkommende Experimenta in praxin bringen solte. Weil er aber praestanda weder praestirte, noch praestiren konte; so haben wir daszelbige Collegium mit Gutbefinden des Herrn Regierungs-Rahts Wolffs nach 3 Wochen aufgegeben, und sind im Januario dieses 1737sten Jahres in ein Collegium Chymiae publicum, welches der hiesige professor Duysing über Teichmeyers Institutiones Chymiae hält, und noch fortfähret, gegangen. Über die Mechanic lieszt der H. Regierungs-Raht selbsten in seinem Cursu mathematico und wird auch die Hydraulic und Hydrostatic immediate drauf erklären. Was sonsten einen jeden ins besondere anbelanget, so habe ich G. U. Raiser die Architectur beym H. Regierungs-Raht mitangehöret, einen Frantzösischen Sprach-Meister vom November vorigen Jahres, wie auch einen Zeichen-Meister vom April erstlich 2, nun mehro aber 4 stunden in der Woche gehalten. Ich Michael Lomonosoff und ich Demetrius Winogradoff haben bis auf den April in der deutschen Sprache, Arithmetic, Geometrie und Trigonometrie Unterricht genoszen, und vom May-Monaht die Frantzösische Sprache und das Zeichnen angefangen.

№ 20. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 15 (4) сент. 1737.

Aus Euer Excellenz mit voriger Post erhaltenem Schreiben habe mit Bestürtzung ersehn, dasz weder der Herren Ruszen, noch meine beyde Schreiben ankommen: wiewohl ich es gleichfals besorget und deswegen mit dem hiesigen Postmeister expostuliret, dasz er die Brieffe über Breszlau schickt, da sie vorhin über Duderstadt gegangen, welchen letzteren Weg auch die aus Petersburg noch ankommen. Ich habe darinnen berichtet, dasz, nachdem sie sich in der Arithmetick, Geometrie und Trigonometrie geübet, sie jetzund bey mir die Mechanik hören: wobey ich sonderlich auf das jenige gehe, was zur Erkäntnis der Maschinen nöthig ist, weil ich vermeine, dasz nicht so wohl subtile Theorien, dazu sie wohl nicht Zeit gnung haben möchten, als was zur Erkäntnis der Bergwergs-Maschinen ihnen künfftig nützlich seyn wird, ihrem Zwecke gemäsz. Und so sol auch denn der Unterricht in der Hydrostatick, Aerometrie und Hydraulick erfolgen: ich wil ihnen auch wohl einige Einleitung zu dem Marckscheiden geben, damit sie sich künfftig auf den Bergwercken daszelbe in praxi mit weniger Auffenthalt können zeigen laszen. Herr Winogradoff

und Lomonosoff fangen doch an deutsch zu sprechen, und verstehen ziemlich, was geredet wird: es wil aber freylich Zeit haben, bisz sich ein Rusze, der gar nichts von der deutschen Sprache kan, darinnen perfectioniret. Das Zeichnen haben sie nun auch angefangen, als welches ihnen so wohl in mechanicis, als der Historia naturali wird dienen können. Diesen Winter sollen sie die physicam experimentalem hören, wobey zugleich hin und wieder jederzeit beybringen wil, was man im experimentiren zu observiren hat. Sie nehmen auch zu in der Conduite, welches ihnen künfftig auf Reisen dienlich seyn wird. Dabey aber habe zugleich angefragt, was die Kays. Academie der Wiszenschafften wegen des studii historiae naturalis für gut befinden, weil sie daszelbe wohl meistens vor sich werden treiben müszen, als eine Sache, die auf das blosze Gedächtnis ankommet, ob ich ihnen wohl gerne mit Rath und That nach der Kays. Academie ertheilten Instruction wil an die Hand gehen. Ich habe ferner wegen der abzustattenden Rechnung angefragt, denn ich vermeinet, sie müste specifice und nicht summarisch, wie sie von ihnen eingerichtet, abgeleget werden, auch müsten an gehörigen Orten die Qvittungen beygeleget, oder wenigstens mir gezeiget werden, dasz ich sie gesehen zu haben attestiren könnte, wenn das Pacquet auf die Post nicht zu grosz werden sollte. Endlich weisz ich nicht, worinnen die abzustattenden specimina bestehen sollen, und habe mir deswegen genauere information ausgebeten. Und dieses wird das jenige gewesen seyn, was ich wegen der hier studirenden Ruszen geschrieben.

...Ich wil noch nicht gantz zweiffeln, dasz diese Bücher ankommen werden, und da ich den einen Brief von Halle aus auf die Post geben laszen, wird vielleicht derselbe mitterweile auch eingelauffen seyn: wie denn auch durch diesen Weg das Pacquet der Herren Ruszen an die Kays. Academie befördert, weil mir der Weg über Breszlau nun um so viel mehr verdächtig. Euer Excellenz werden hieraus ersehen, dasz ich von Seiten meiner nichts unterlaszen, was zu thun schuldig, der ich mit aller Devotion verharre......

№ 21. Письмо студента Райзера къ бар. Корфу, изъ Марбурга отъ 13 (1) сент. 1737.

Monseigneur

Le Respect, que nous devons à Votre Excellence, mes camarades et moi, est infiniment trop grand, pour n'obeir pas ponctuellement à

Vos ordres. Mais le facheux accident, que les lettres de Monsieur le Conseiller de Regence ne soyent pas arrivées, est-ce qui nous a fait encourir l'indignation de votre Excellence, en ayant retardé le rapport du Cours de nos Etudes. Monsieur le Conseiller voulût en auparavant prendre des eclaircissemens là dessus, et nous attendimes qu'il les recevroit. Si c'étoit donc une faute, je vous supplie, Monseigneur, de la pardonner à un homme, qui ne pouvant avoir d'autre reconnoissance pour votre gracieuse bonté, va s'appliquer aux Etudes avec plus d'empressement que jamais, et qui reste toute sa vie d'un profond respect

Monseigneur

de Votre Excellence

le plus humble et le plus obeïssant serviteur

G. U. Raiser.

Marbourg le 13 Septembr. 1737.

№. 22. Письмо Ломоносова къ бар. Корфу, изъ Марбурга отъ 15 (4) сент. 1737 г.

Hechwohlgebohrner Herr

Gnädiger Herr Cammerherr!

Ew. Excellentz hohe Gnaden Bezeugungen, deren ich mich in der zeit in tieffer Unterthänigkeit erinnere, haben mich schon längst aufgefodert Denenselben schrifftlich den respect zu bezeugen. Weil aber bisz dato der teutschen Schprache nicht mächtig bin gewesen, und jetzo etwas darin gethan, so habe mich in tieffer demuth erkühnen wollen Denenselben nicht nur meine unterthänigste Pflicht abzustatten, sondern auch die Erstlinge der teutschen Schprache auf zu opfern. Denn Ew. Excellentz hohe Gnade ist diejenige, der ich einzig und allen meine Wohlfart zuschreiben musz, indem Dieselben durch hohe Verteidigung bey Ihro Majesteten es dahin vermittelt haben, dasz mir, obschon aller dieser hohen Wohlthaten unwürdig, in Gnaden zu gestanden, meine studia auf ausländische Academien zu excoliren. Da vor diese hohe Gnaden Bezeugungen nicht genugsamen Danck abzustatten vermag, so widme Denenselben auf ewig mein danckbahres

Hertz, welches zeit lebens diese unschätzbahre Gunst in Ehrerbittungs vollen Andenken verehren wird. Uebrigens ergehet an Ew. Ex(ce)ellentz mein demütiges Bitten, Dieselben wollen gütigst denjenigen mit Dero fernere hohe Gnade erfreuen, der dafür mit geziemender Hochachtung und schuldigster Ehrerbittung bisz in Todt verharret.

Ew. Hochgebohrnen Excellentz

unterthänigster Diener

Michael Lomonosoff.

Marburg d. 15 Sept. Anno 1737.

№ 23. Первый счетъ, представленный Ломоносовымъ изъ Марбурга, отъ сент. 1737.

Michael Lomonosoff.

In Petersburg und auf der Reise bisz Lübeck aufgegangen	100 Rub.
Von Lübeck bisz Marburg.	32 Thlr.
Ein Kleid hat gekost.	50 Thlr.
Holtz für den gantzen Winter	8 Thlr.
Der Fechtmeister für den ersten Monat.	5 Thlr.
Der Zeichenmeister.	4 Thlr.
Der Frantzösische Schprachmeister	9 Thlr.
Perruque, Wäsche, Schuh, Strümpfe	28 Thlr.
Tantzmeister für 5 Monat.	8
Bücher.	60
	Summa 100 Rub. und 209 Thlr

№ 24. Изъ письма бар. Корфа къ проф. Вольфу, отъ 23 сент. 1737.

. . . P. *) Sogleich empfange Dero Brieff vom 15 Sept. nebst denen von den dortigen Russischen Studenten, welche ich so balde als möglich zu beandtworten mir werde angelegen seyn laszen.

*) Postscriptum.

№ 25. Письмо президента Академіи къ проф. Вольфу, . . . окт. 1737.

HochEdelgebohrner

Hochzuverehrender Herr Regierungs Rath.

Ew. HochEdelg. von dem 15 Sept. eingelauffenes sehr angenehmes Schreiben hätte eher beantworttet, wann ich nicht die intention gehabt hätte, denselben mit der Antwort auch zugleich die Pension vor das verfloszene Jahr in einem Wechsel à 250 R. (zu Last der HH. François et Josua v. Ouderkerk in Amsterdam) zuzuschicken. Ew. HochE. belieben selbigen nebst einem andern von 600 R. vor die HH. Studiosos Raiser, Lomanosoff und Winogradoff jenen HHn. zu präsentiren und den Werth dafür eincassiren zu laszen. Jedem kommen also vor 2 Tertial 200 R. zu. Ew. H-en stelle es gäntzlich anheim, ob Sie ihnen die Summa auf einmahl oder aber nach und nach bezahlen wollen. Nur dasz alles wohl angewandt werde.

Weilen Ew. H. in Dero Geehrtem vom 12 Juni gemeldet dasz erwehnte Studiosi sich auch in der Historia naturali umsehen wollen, dabey auch gewünschet, dasz ihnen vorgeschrieben würde, wie sie darin verfahren sollen, so habe durch Hrn. Prof. Krafft und D^{r}. Amman eine Anleitung aufsetzen laszen, welche hiebey folget. Der Entzweck, warum sie hauptsächlich hienaus geschickt worden, ist ihnen bekandt. Darnach müszen sie sich richten. Indeszen danke Ew. H. auf das Verbindlichste vor die gute Vorsorge und den Fleisz, welche Dieselbe an sie angewandt und ersuche inständigst damit zu continuiren. Der ich übrigens etc.

№ 26. Письмо президента Академіи къ марбургскимъ студентамъ, отъ 7 окт. 1737.

An die Studiosos in Marpurg.

Messieurs.

Ich habe Ihre Rechnung ohne Datum und den Rapport ohne Unterschrift erhalten. Sie werden künftig hin sich der Accuratesse befleiszigen und bemühen I. K. Maj. hohe Intention zu erfüllen und der Ihnen mit gegebenen Instruction nachzukommen. Wie Sie sich in dem Studio histor. naturalis zu verhalten haben, wird der H. Regierungs-Rath Ihnen communciren. Ein jeder hat von demselben 2 Tertial, nehmlich 200 R., entweder auf einmahl oder nach und nach, so wie es der H. Regierungs-Rath vor gut befinden wird, zu empfangen. Ich bin etc.

№ 27. Наставленіе академиковъ Крафта и Аммана марбургскимъ студентамъ, отъ 30 авг. 1737.

In dem Studio Historiae Naturalis, welches die drey nach Teutschland geschickte herrn Studiosi zu erlernen willens sind, ist zufolge der ihnen ertheilten Instruction, von aller Theilen keiner vor sie nöthiger und nützlicher alsz derienige, welcher von denen Mineralien handelt, oder das so genannte Regnum Minerale. Dann in diesem wird gewiesen, wie man alle Gattungen von Steinen, Ertzen etc. und alles was nur von natürlichen Cörpern in der Erde gefunden wird, erkennen, und von einander unterscheiden solle. Dieses kann am besten auf folgende Art erlernet werden: Nehmlich

Dasz sie zuerst einen guten Authorem fleissig nachlesen, in welchem alle diese Materien nach einer guten Methode in gewisse Classen, Genera, und Species, samt deren Notis Characteristicis, eingetheilet zu finden sind. Eman. Königs Regnum Minerale, und herrn Woodwards verschiedene Schrifften, werden hiezu recommendirt.

Wann sie die verschiedene Nahmen und Characteres erlernet, können sie auf dem Lande, in denen Bergwercken, oder, wann es möglich, in einem mit solchen Cörpern wohl versehenen Cabinet, die Sachen selbst in Augenschein nehmen, und durch Betrachtung derselben sich einen deutlichen Begriff davon machen, damit wann dieselben ihnen anderwerts wiederum vorkommen, sie selbige so gleich erkennen können.

Es wäre auch gut, wann sie von denen vornehmsten Stücken, und welche am schwehrsten von andern zu unterscheiden sind, eine kleine Collection sammelten, damit sie durch derselben öfftere Betrachtung nicht vergessen, was sie einmal erlernet.

Es giebt auch hin und wider eine fast unzählbare Menge von allerhand Figurirten Steinen, welche öfters Vitriolisch, oder Martialisch sind; diese können sie kennen lernen ausz herrn Langen Historia Lapidum Figuratorum; ausz herrn Scheuchzers und Woodwards Schrifften.

Eine Erkänntnüsz der pretieusen Steine hat auch ihren Nutzen. Die beste Anleitung hierzu wird ihnen des A. Böetii de Boot Historia Gemmarum geben; ein deutlicher Begriff aber von denselben musz in einem wohl eingerichteten Cabinet gesuchet werden.

In der Botanic, so sie dazu Lust und Zeit haben, ist keine bessere und leichtere Methode alsz des herrn Tournefort, welche sie in kurtzer Zeit dahin bringen kann, dasz sie eine jede Pflantze, nach betrachtung derselben Blumen und Früchten, erkennen, und in ihre gehörige Classe und Genus rangiren können.

Vor allen Dingen müssen sie erst die unterschiedlichen Gattungen der Blumen, und derselben Structur ausz dieses Authoris Isagoge in Rem Herbariam erlernen, und sich wohl einprägen was ein Flos Apetalos oder Petalodes, was ein Flos Simplex oder Compositus, ein Flos Monopetalus oder Polypetalus, und was ein Flos Labiatus, Campaniformis, Rosaceus, Papilionaceus, Flosculosus, oder Radiatus etc. sey; dann auf diese Principia gründet sich die gantze Methode.

Finden sie in einem Garten, im Walde, oder im Felde eine Pflantze, deren Blume und Frucht sie genau examinirt, und ausz derselben Structur gefunden, dasz sie zu dieser oder iener Classe gehöre, so schlagen sie die Genera derselben nach, bisz sie gefunden, zu welchem ihre noch unbekannte Pflantze müsse referirt werden. So bald sie hievon gewisz sind, sehen sie die Species derselben durch, ob von einer die Epitheta von der Wurtzel, von denen Blättern, oder von der Farbe, mit ihrer Pflantze übereinkomme. Haben sie dieses gefunden, so schlagen sie die daselbst citirte Authores nach, bey welchen entweder eine auszführliche Beschreibung, oder eine gute Figur zu finden. Kommt die Beschreibung und die Figur mit ihrer Pflantze überein, so haben sie keinen Zweifel mehr übrig, dasz sie die rechte Speciem getroffen, und dasz ihre Pflantze eben dieselbe sey, von welcher die nachgeschlagene Authores geschrieben. Es kann die Erkänntnüsz der Kräutern ihnen auf ihren Reiszen, welche sie etwann nach ihrer Zurückkunft durch Ruszland und Siberien nach denen Bergwercken thun möchten, Nutzen und Vergnügen, der Academie aber Anlasz zu neuen Entdeckungen geben.

Damit sie auch in Regno Animali, welches zwar wenig relation mit ihrem Haupt-Studio hat, doch nicht gantz unerfahren bleiben: so können sie von denen

Quadrupedibus, des Raii Synopsin methodicam animalium quadrupedum fleissig durchlesen; von denen

Vögeln, die synopsin Avium von eben demselben; und die Wercke von Gesner, Aldrovandi, und Willoughby Ornithologie, wegen deren in diesen Büchern befindlichen Beschreibungen und Figuren, öffters nachschlagen. Von denen

Fischen, Raii Synopsin Piscium, und Willoughby Ichtyologie, wegen der Figuren. Von denen

Insecten, eiusdem Historiam Insectorum. Von denen

Muscheln, und anderen See-Insecten, können sie Bonani, Listeri, und Rumpfeus hievon geschriebene Wercke, nachsehen.

So offt aber alsz sie Gelegenheit haben eine Kunstkammer oder ein Cabinet zu besehen, worinnen dergleichen Naturalien auffbehalten

werden, müssen sie es niemahlen versäumen, weil sie durch Betrachtung der Sachen selbsten eine viel deutlichere Idée, alsz von der besten Figur, oder accuratesten Beschreibung, bekommen werden.

Allezeit, wo sie was besonderes observirt, müssen sie es annotiren, und eine kleine Beschreibung von der Sache machen, damit es ihnen nach der Hand desto leichter werde sich der gesehenen Dinge zu erinnern.

Bey allem diesem aber wird vorausz gesetzet, dasz die besagte herrn Studiosi auf dieses sehr weitläufftige Studium Historiae Naturalis sich nicht mehr appliciren, alsz ohne Nachtheil der ihnen Vorgeschrienenen Haupt-Absicht, nehmlich sich in dem Berg-Wesen, und der Systematischen Chymie zu üben, füglich wird geschehen können.

Georg Wolffgang Krafft Prof. Phys.

Joannes Amman Prof. Bot. et Hist. Naturl.

St. Petersburg den 30 August 1737.

№ 28. Письмо Шумахера къ амстердамскому банкиру Аудеркерку, отъ 8 (19) окт. 1737.

Messieurs.

Voicy une lettre de change de fl. 1442. 98 d., monnoye d'Hollande, de Bardewieck et Felthusen à la charge des Messieurs Muilman et fils, marchans à Amsterdam, qui fait justement, la somme que nous vous devons; Et une autre de R[s] 250 à 52¾ sols Monnoye d'Hollande, que je vous prie, de vouloir Vous les faire payer à son temps, selon l'usage dont les marchans sont convenûs entre eux. Vous honorez Messieurs mes lettres de change que j'ai passé sur Vous en faveur de Mr Wolff, Conseiller de la Regence de Sa Maj. Le Roy de Suede et premier Professeur dans l'Université de Marbourg, lorsqu'il Vous les presentera. L'une est de 250 R. à 52¾ et l'autre de 600 R. au meme prix. Vous Vous servirez de la lettre de Change de 250 R., que je viens de Vous remettre et de celle que j'ay eu l'honneur de Vous envoyer le 16 sept., en mettant les frais et votre provision de deux dernieres lettres sur le Compte du dit Sr Wolff. Au reste je suis tres parfaitement . . .

le $^{8}/_{19}$ oct.

A M[s]. Ouderkerk à Amsterdam.

№ 29. Письмо Ломоносова къ бар. Корфу, изъ Марбурга отъ 20 (9) ноября 1737.

Hochwohlgebohrner Herr

Gnädiger Herr Cammerherr!

Ew. Excellentz mir erwiesene hohe Gnaden-Bezeigungen haben sich in meinem Ehrerbittungs-vollen Andencken vermehret, und damit meine unterthänigste Danckbarkeit, indem Dieselben in Gnaden zu gestanden, zweyhundert Rubel zur meinen sustentation überzusenden. Wiewohl ich nun diese hoch erwiesene Gnade nicht abzustatten vermag, sondern noch schuldig bleibe, und verheisse mich zu befleissigen der uns mit gegebenen und neulich empfangenen Instruction nachzukommen, und Ihro Kayserl. Maytt. hohe Intention zu erfüllen. Ew. Excellentz ersuche ich demnach unterthänig, nach Dero hohen Gütigkeit, mir diejenige Gnade ins künftige zugönnen, welche mich biszhero so sehr erfreuet hat, und die mich verpflichtet mit aller ersinnlichen submission zu verharren

Ew. Hochwohlgebohrnen Excellentz

Unterthänigster Diener

Michael Lomonosoff.

Marburg d. 20 Nov. Anno 1737.

№ 30. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 24 (13) ноября 1737.

Hochwohlgebohrner FreyHerr

Gnädiger Herr und Hoher Patron.

Die von Euer Excellenz überschickten Wechselbrieffe habe zu Recht erhalten. Gleichwie ich nun für den einen, der vor mich war, meinen gehorsamsten Danck abstatte, und mich davor zu allen Dero Befehlen verbunden zu seyn erachte; so habe auch gleich Anstalt gemacht, dasz ich sie in Franckfurt an Kaufleute, die in Holland Geld auszuzahlen haben, verhandelt, und einem jeden von denen Ruszischen Herren Studiosis den dritten Theil zugestellet, weil sie einige Schulden gemacht, damit sie bezahlen könnten. Das Tischgeld für ein

Jahr hat auch ein jeder mit 52 Rthl. abgetragen. Ich hatte neulich vergeszen, dasz es nicht schaden könnte, wenn sie wären erinnert worden wohl Haus zu halten, damit nicht, wenn sie avociret würden, Schulden da wären, die ihrer Abreise einen Auffenthalt machen könnten. Ich habe nun ihnen zu gefallen die Physick angefangen, als welche ihnen zu ihrem Vorhaben am nöthigsten seyn wird, und wil so dann auf den Sommer die experimenta dazu machen. Die Instruction wegen des studii Historiae naturalis habe ihnen zugestellet und wil mit sorgen helffen, dasz derselben ein Gnügen geschehe . . .

№ 31. Рапортъ студентовъ Ломоносова, Райзера и Виноградова, изъ Марбурга отъ 25 (14) марта 1738.

Rapport.

Nachdemalhen auf Ihro Kayserl. Maytt. hohen befehl von der Kayserlichen Academie der Wissenschafften wir nach Marburg geschickt worden, um die Chymie nebst andern dazu gehörigen Wissenschafften und Sprachen zu erlernen und zu der Metallurgie zu präpariren, und zu dem Ende eine Instruction bekommen worinnen nebst speciminibus der zu erlernenden Wissenschafften und Sprachen uns auch anbefohlen worden, alle Halbjahr von unsern studiis und angewandeten Geldern genauen Bericht abzuschtatten, wie auch specimina von unsern progressen beyzulegen. Als rapportiren wir hiemit allerunterthänigst, dasz nach abfertigung unsers vorigen rapports wir bey dem H. Regierungs-Rath Wolf die Mechanic, Hydrostatic, Aërometrie und Hydraulic, und beym H. Doctor Duysing das Collegium Chymie theoreticum absolviret. Nunmehro aber Collegia über die dogmatische Physic und Logic bey ebendem H. Regierungs-Rath Wolf hören. Es hat auch ein jeder von uns den Frantzösischen Sprachmeister und Zeichen-Meister bishero gehalten. Was sonsten die uns überschickte Instruction über die Historiam naturalem anbelanget, so haben wir darinnen noch nichts thun können, weil die uns vorgeschlagene Bücher vor der Oster-Messe nicht zu bekommen siend.

Die Rechnungen von unsern angewandten Geldern sind folgende:

. . . .

G. U. Raiser. D. Winogradow. M. Lomonosoff.

Marburg d. 25. Mart, A. 1738.

№ 32. Письмо Ломоносова къ барону Корфу, изъ Марбурга отъ 26 (15) март. 1738.

Hochwohlgebohrner Herr

Gnädiger Herr Cammerherr!

Ew. Excellentz werden nicht ungnädig deuten, dasz ich Denselbigen die mit so viel grossen affairen beschäfftiget, mit meinem schlechten Schreiben beschwehrlich falle. Es verpflichtet mich meine Schuldigkeit, dasz ich Denselbigen für Dero grossen Wohlthaten meine Dankbarkeit alle Augenblick bezeuge; vielmehr nun als ich von meinen Studiis und allem was mir allergnädigst befohlen rapportire. Ew. Excellentz geruhen in letzt übersandter Instruction uns zu befehlen, dasz einjeder von uns die der Historiae naturali und Metallurgie gehörige Bücher, nebst etlichen Ertzen sich anschaffen sollte. Weil aber diejenige Bücher vor der Oster-Messe nicht zu bekommen sind, und die Winter-Zeit nicht bequem gewesen die Berg-Werke zu besehen, wo wir die Ertzen zur besseren Erkänntnisz des mineralischen Reichs anschaffen könnten, so haben wir dieses auf Anrathen des Herrn Regierungs-Rath Wolff auf folgende Sommer ausgesetzt. Dessenthalben unterstehe ich mich aus festen Vertrauen zu Dero mir vormahls bekannten Gewogenheit eine unterthänigste Bitte bey Denselbigen ein zulegen: Dieselbige geruhen diese hohe Gnade zu erweisen, dasjenige, was wir auf die obgemeldete Sachen, wie auch zu unserer subsistance anwenden sollen, zu überschicken. Ich vertraue mich auf Dero Gewogenheit; Ew. Excellentz werden diese Kühnheit demjenigen pardoniren, der lebenslang mit schuldigster Dankbarkeit, und tieffester Ehrerbitigkeit verharren wird

Ew. Hochwohlgebohrnen Excellentz

Unterthänigster Knecht

Michael Lomonosoff.

Marburg d. 26. Mart. A. 1738.

№ 33. Изъ письма проф. Вольфа къ Шумахеру, отъ 30 (19) марта 1738.

...Wenn an die Ruszischen Herren Studiosos eine Ermahnung erfolgte, dasz sie wohl haushalten möchten, damit nicht bey ihrem

Abzuge sich Schulden findeten, die denselben aufhielten, könnte es wohl nicht schaden. Jedoch würde wohl am besten seyn, wenn es quasi proprio motu geschähe. . . .

№ 34. Письмо бар. Корфа къ проф. Вольфу, ...маія 1738.

Wohlgebohrner

Insonders Höchstgeehrter Herr Regierungs-Rath.

So wie ich Ew. Wohlgb. vor die mir ertheilte Nachricht von der Oeconomie der Hern. Studiosorum vielfältig verbunden bin, so habe ich in der beygelegten Ordre so wohl die vorige Instruction zu wiederholen, als auch gedachte Studiosos zu ihren Pflichten anzuweisen vor nöthig erachtet. Ew. Wohlgb. communicire ich hiemit die Copie davon, und ersuche zugleich ergebenst hierauff mit Nachdruck zu halten.

Beygehende Assignation auf 250 Rubl. ist das honorarium vor Ew. Wohlgb. pro 1737 und die andere 300 Rubl. bitte den Hrn. Stud. zu ihrem apointement auszahlen zu laszen.

№ 35. Вторичная инструкція марбургскимъ студентамъ, отъ 29 маія 1738.

Auf I. K. M. hohen Befehl wird denen Studiosis Rayser, Wynogradoff und Lomanosoff hiemit ernstlich anbefohlen:

1) Dasz sie ihre Rapporten deutlicher, ordentlicher und specieller, alsz biszhero geschehen, einrichten. Wenn sie von Scientificis rapportiren, so sollen sie melden, wie weit sie in der oder jener Disciplin gekommen, und die Stunden angeben, in welchen sie bey dem oder jenem Professore oder Maitre frequentiren, auch von Zeit zu Zeit Specimina, welche sie in des Hrn. Regierungs-Raths Wolff Gegenwart ausgearbeitet haben, einschicken.

2) In Oeconomicis sollen sie alle Ausgaben nahmhaft machen,
als z. E. vor ein Kleid,
was das Laacken kostet . . .
das Zubehör . . .
Macherlohn . . .
was für Bücher . . .
von was Materie . . .
Binderlohn . . .
Von denen während ihres Aufenthaltes in Teutschland gekauften Büchern sollen sie mit dem Preisz ein Verzeichnisz einschicken.

3) Den Tantz- und Fecht-Meister sollen sie von dato ab abschaffen, und sich überhaupt nicht in Kleidern oder unnützem Putzen vergehen, sondern dasjenige mit Fleisz und Sorgfalt thun, was ihnen in denen mitgegebenen und nachgeschickten Instructionen anbefohlen worden.

4) Sollen sie sich vor Schulden hüten, und sich mit denen drey hundert Rubeln, welche ihnen jährlich zugestanden sind, vergnügen, und alles, was sie zu ihren Entzweck nöthig haben, daraus anschaffen, maaszen man nicht nur allein sondern Seiten der Academie nichtes darüber bezahlen, von sie noch mit gehöriger Straffe wegen solchen Verbrechen ansehen wird.

Gegeben den 29. May 1738.

I. K. M. würklicher Cammerherr und Chef der
Academie der Wissenschafften.

№ 36. Письмо проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 17 (6) авг. 1738.

Hochwohlgebohrner Frey-Herr,

Gnädiger Herr und Hoher Patron.

Euer Excellenz Schreiben nebst der von neuem geschärfften Instruction für die Ruszischen Studiosos und die beyden Wechselbrieffe habe richtig erhalten. Gleichwie nun für den an mich überschickten unterthänigsten Danck abstatte; so habe auch gleich dafür Sorge getragen, dasz die gedachte Studiosi ihr Geld gleich erhalten, als

welches sie höchst benöthiget gewesen, in dem sie schon lange Zeit keinen heller Geld in Händen gehabt und ich ihnen auch nicht viel vorstrecken wollen, um sie desto mehr von unnöthigen Ausgaben abzuhalten. Es ist davon der Tisch und das wenige, was ich ihnen vorgeschoszen hatte, bezahlet worden: das übrige haben sie vor sich behalten, und haben vor dieses mahl von ihren Schulden nichts abtragen können, weil sie sonst wieder gantz leere Hände behalten hätten; die neue geschärffte Instruction kan zwar zu künfftiger mehrerer Vorsicht dienen: allein dem, was bereits geschehen, kan wohl dadurch nicht abgeholffen werden. Das gantze Versehen kommet von dem Anfange her. Das Geld, was sie mit gebracht, haben sie verthan, ohne etwas zu bezahlen, und, nachdem sie sich einigen Credit gemacht, sind sie in Schulden gerathen, und würde vielleicht mit dem Tischgelde eben so ergangen seyn, wenn sie nicht bey mir gespeiset. Ich mag mich des qvantum ihrer Schulden nicht erkundigen, weil ich sonst zu vielen Anlauf haben würde, und ich doch nicht weisz, wie weit ich mich dieser Sache anzunehmen habe. Es scheinet, dasz sie in ihren vorigen Rechnungen angegeben, was sie noch nicht bezahlet. Ich erwarte also von Euer Excellenz Befehl, wie ich mich zu verhalten habe, dem in allem auf das äuszerste nachkommen wil. Es scheinet, dasz sie noch nicht wiszen, wie man mit Gelde umgehen und ordentlich Haushalten sol, auch nicht bedencken, wie es zuletzt ablauffen wil, wenn sie avociret werden. H^r^ Lomanosoff scheinet den aufgewecktesten Kopff unter ihnen zu haben, und sollte er schon was rechtes lernen, wenn gehöriger Fleisz dazu kommet, wie er denn auch dazu grosze Lust und Begierde bezeiget. H^r^ Winogradoff aber kommet mir in allem am schlechtesten vor. Ich weisz selbst nicht, worinnen eigentlich die specimina profectuum bestehen sollen, die sie in meiner Gegenwart aufsetzen sollen. Da nun die Zeit herbey nahet, dasz sie ihren Rapport abstatten sollen, so bitte mir gehorsamst einige nähere Information aus, ingleichen ob ich mich wegen ihrer Schulden genau erkundigen sol, damit sich überlegen läszet, wie denenselben zu remediren sey: denn wenn sie das Geld in die Hände bekommen, möchten sie auf deren Abtrag eben nicht viel dencken. Vielleicht wäre es nicht undienlich, wenn sie ihre Schulden bey künfftigem Raport mit specificiren müsten, und ich Befehl hätte darauf zu sehen, dasz sie richtig specificiret würden. Ich möchte gerne sehen, dasz ihnen auf eine beqveme Weise gerathen würde, damit sie nicht Ursache hätten gegen mich einigen Wiederwillen zu schöpffen und ihr Vertrauen zu mir fahren zu laszen. Euer Excellenz war zwar noch zu melden Vorhabens, wie ich das Werck des H^n^ Euler von der

Mechanic befunden: allein da es für dieses mahl zu weitläufftig fallen würde, wil ich es bin künfftig verschieben, wenn die Studiosi ihren Rapport abstatten werden. Unterdeszen verharre mit aller Devotion

Euer Excellenz

unterthänigster und gehorsamster Diener

Ch. Wolff.

Marburg, den 17. Aug. 1738

№ 37. Письмо презид. Академіи къ проф. Вольфу, отъ окт. 1738.

HochEdelgeborner

Hochgeerhrtester Herr Regierungs-Rath.

Ew. HochEdelgeb. unterm 17 Aug. abgelassenes Schreiben, habe den 28. ejusd. wohl erhalten. Wie ich nun daraus die unordentliche Aufführung der Studenten Raiser, Wynogradoff und Lomanosoff ungerne vernehmen müssen, also habe ich zwar, um deren Geld-Mangel vorerst abzuhelffen, die Anstalt gemacht, dasz auf Rechnung deren jährlichen Gehalts durch die Kauff-Leute in Amsterdam Franz und Josua von Ouderkerch 300 Rubl. an die Ordre von Ew. Hoch-Edelgeb. bezahlt werden sollen, als worzu ein Wechszel nebst dem Advis-Brief zu Lasten erst erwehnter Kauff-Leute hiebey folget. Ich kann aber nicht umhin, Ew. HochEdelgeboren hiemit geflissenst zu ersuchen, dasz Dieselbe von der Güte seyn mögen, eingangs genannten Studenten die hiebey folgende Ordre kund zu machen, auf ihre Lebens-Art sowohl, als bisz hero auf deren Studien von Ew. Hoch-Edelgeb. gar rühmlich geschehen, eine genaue Aufsicht zu tragen, von denen jezo übermachten 300 Rbl. ihnen nichts in die Hände zu lassen, sondern solche zu deren nothwendigen Unterhalt anzuwenden, übrigens sie alles Ernstes dahin anzuhalten, dasz sie alle Ausschweiffungen und unnöthige Ausgaben unterlassen, und sowohl der ihnen mitgegebenen als auch der in diesem Jahr nachgesandten Instruction und dieser beygelegten Ordre durchaus nachkommen, auch dasz solches geschehen, mit Ew. HochEdelgeb. Zeugnüsz und unverzüglicher Übersendung der Speciminum in ihren Scibili und biszhero erlernten Künsten und Sprachen beweisen, ingleichen auch eine genaue Specification ihrer Schulden von Ew. HochEdelgeb. untersucht und attestirt, einschicken und künftighin ohne Deroselben Vorwissen und Beifall keine Schulden machen.

Gedachte specimina könnten meines Erachtens in einer Dissertation, Schediasmate oder überhaupts in Elaboration eines von Ew. HochEdelgeb. ihnen vorgelegten Thematis, doch nicht gedruckt, bestehen, und von halb Jahr zu halb Jahr eingesendet, damit aber jezo der Anfang gemacht werden. Sobald alles dieses erfolget ist, wird die Academie zu Bezahlung desjenigen, so gedachten Studenten an ihrem Stipendio auf dieses jetzt laufende dritte Jahr zukommt, gehörige Anstalt machen, und insonderheit auch Ew. HochEdelgeb. vor die Ihnen des falls verursachte Bemühungen besonders verbunden sein. Indessen empfehle ich diese Leute Deroselben wachsamen Direction auf das allerbeste und verharre mit besondern Vergnügen

Ew. HochEdelgeb.

№ 38. Приказъ, данный президентомъ Академіи марбургскимъ студентамъ, въ окт. 1738.

Auf hohen Befehl Ihro Kayserl. Mayst. wird denen in Marpurg sich dermalen aufhaltenden Studiosis, Ulrich Christoph Raiser, Dmitrei Wynogradoff und Michaila Lomanosoff hiemit befohlen.

Demnach dieselbe der ihnen mitgegebenen wie auch der letzthin nachgesandten Instruction in allen Stücken noch nicht nachgekommen, indem Sie weder die Berechnung des biszhero empfangenen Gelts, nach der Art und Weise, wie solches in der letztern Instruction erfordert wird, noch die specimina ihrer Profectuum in denen biszhero erlernten Wissenschafften, Künsten und Sprachen eingesendet, hingegen eine ausschweifende Lebens-Art angefangen und Schulden gemachet: Als wird Ihnen dieses üble Begehen hiemit verwiesen, und ernstlich anbefohlen, dasz Sie obgedachten Instructionen durchaus auf's genaueste nachkommen, insbesondere mit Uebersendung der Rapporten, Rechnungen und Speciminum denenselben unverzüglich die Erfüllung geben, zugleich auch dem H. Regierungs-Rath Wolff eine richtige Specification der gemachten Schulden zur weitern Untersuchung und Beförderung überreichen, künfftighin ohne Vorwissen und Beyfall gedachten Herrn Regierungs-Raths keine Schulden mehr machen, dessen Vermahnungen und Anweisungen in allen Stücken treulich folgen und sich in Ansehen ihrer Studien und Lebensart so aufführen, wie Sie es vor Ihro Kayserl. Mayst. und Dero Academie der

der Wissenschafften zu verantworten sich getrauen: Widrigenfalls dieselbe der Strafe, die Ihro Kayszerl. Mayst. Rechte und Ukasen an Hand geben, nicht entgehen werden.

Da inzwischen zu dererselben Unterhalt 300 Rubel übermachet sind, worvon erwähnter Herr Regierungs-Rath die nöthigen Ausgaben besorgen wird.

Wann nun obgenannte Studiosi denen Ihnen mitgetheilten Instructionen und Befehlen vorerwähnter massen, in allen Stücken geziemend nachgekommen sind, so wird wegen des vor dieses jezt laufende Jahr Ihnen noch rückstehenden Stipendii weitere Verordnung ergehen.

Gegeben in der K. A. d. W. zu St. P. d. 1738.

№ 39. Письмо проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 26 (15) окт. 1738.

Hochwohlgebohrner Herr,

Gnädiger Herr und Hoher Patron.

Euer Excellenz werden nicht ungnädig aufnehmen, dasz wegen eines starcken Fluszes an dem Auge nicht weitläufftig schreiben kan, da gleichwohl das jenige, was die Ruszischen Herren Studiosi mir einzusenden überreichet, nicht wolte liegen laszen. Ich kan davor nicht gut seyn, dasz alles bezahlet, was sie in ihrer Rechnung anführen, denn der Fechtmeister praetendiret allein noch 66 fl. von Ihnen, und bey dem Buchführer stehet auch noch ein groszes Conto. Sie wollen ihre Schulden nicht gerne laszen kund werden. Ich sehe doch aber nicht, wie es am Ende ablauffen wil. Erwarte demnach, wie mich dieser wegen zu verhalten habe. Der mit aller Veneration verharre Euer Excellenz

unterthänigster und gehorsamster Diener

Marburg, d. 26. Oct. 1738. Ch. Wolff.

№ 40. Рапортъ, присланный Ломоносовымъ изъ Марбурга, отъ 15 (4) окт. 1738.

Rapport

an die Kayserliche Academie der Wiszenschafften zu St. Petersburch.

Nachdem ich den letzten Rapport alleruntertänigst abgefertiget, habe bey dem Herrn Regierungs-Rath und Professor Wolf das Col-

legium physicum theoreticum von 11 bisz 12 des Morgens, und Collegium Logicum von 4 bisz 5 des Nachmittags gehöret. Nunmehro aber das Collegium Physicum experimentale von 9 bisz 10 des Morgens, wie auch das Collegium Metaphysicum von 3 bisz 4 Nachmittags bey ebendem Herrn Regierungs-Rath Wolf frequentire. Die Chimie aber in den Börhaavens, Stahls und Stabels Schrifften repetire. Ich habe mich auch bisz dato in dem Zeichnen von 10 bisz 11 des Morgens exerciret.

Die Rechnung von meinen angewandeten Geldern ist folgende.

Ich habe den 10 Augusti 128 Reichsthaler empfangen, von welchen aufgegangen.

	Rr.	Alb.
Für das Mittagsessen für 38 Wochen.	38	
Für das Abendessen für 28 Wochen.	14	
Der Stubenlohn für ein Halbjahr.	10	
Für $1\frac{1}{4}$ Klaffter Holtz.	3	30
— 4 Paar Schuhe und Pantoufles	4	35
Der Wäscherin für ein halbjahr	3	15
Dem Zeichen-Meister für 6 Monate	6	
Für eine Perruque mit Haarbeutel	2	30
Für zwey Paar seidene Sch(n)upftücher.	2	
— Ein Degen	10	
— Ein Degen-Gehenck.	1	
— 8 Bücher Papier.		24
— ein Buch Postpapier.		12
Dem Perruquier für ein Halbjahr	1	24
Dem Balbier für rasiren und Aderlassen	1	15
Summa	98	41

Register über die bisz Dato angeschaffene Bücher.

In folio.	Materia. Flor.	Krt.	Band. Flor.	Krt.
Atlas scholasticus bestehend in 12 Carten	3	30	1	
Fabri lexicon Latinum in duobus tomis. Lipsiae 1735.	11		3	
Ruetschii Archetypus totius medicinae Francofurti 1737.		30		20
In Quarto.				
Becheri Physica subterranea Lipsiae 1738.	1	40		25
Boerhaavii Elementa Chemiae in duobus tomis Lugd. Bat. 1732.	4	20	1	40

	Materia. Flor.	Materia. Krt.	Band. Flor.	Band. Krt.
Der Chymische Schatz Cammer Franckf. am M. 1736.	2			25
Fateri institutiones Medicinae, Wittenbergae. 1722. .		25		14
Stahlii Chymia Norimbergae 1723.	1			25
Teichmeieri Chymia Jenae 1729.	1			25
Weidleri tractatus de machinis Hydraulicis Witembergae 1733.		30		20
Wolfii Elementa Matheseos 3 tomi Genevae 1732. 33. 35.	13		3	
— tomus quartus Halae Magdeburgicae 1738. . .	3	12		50
— Logica Francofurti et Lipsiae 1732.	2	30		45
— Ontologia ibidem 1736.	2	20		40
— Cosmologia, ibidem 1731.	1	30		35

In octavo.

	Materia. Flor.	Materia. Krt.	Band. Flor.	Band. Krt.
Avanture de Telemaque 1723.	1			20
Becheri Opuscula Chymica rariora. Norimb. 1719. .		45		22
Boerhavii Institutiones Medicinae Lugd. Bat. 1730. .		40		20
Collectanea Chymica Leidensia Jenae 1726. . . .		45		22
Compendium universae latinitatis Jenae 1734. . . .		30		15
Die redende Thiere über menschliche Laster. Franckf. 1738. . . . . . . , ...		12		8
Erasmi Colloquia cum Encomio Stultitiae Ulmae 1712.	1	15		25
Freindii praelectiones Chymicae Amstel. 1718. . . .		20		8
Glücklich gewordene Bauer Leipzig 1736.		20		14
Gullivers Reise Berlin 1731.		25		14
Hoffmanni opuscula physico-medica Ulmae 1725. . .	1			20
Günters Gedichte Breszlau 1735.	3			40
Hübners Poëtisches Hand-Buch. Halle 1734. . . .		40		18
Les Poësies d'Anacreon et de Sapho Amst. 1716 . .	1			22
Martialis Epigrammata ad usum Delphini cum Imaginibus numismatum Antiquorum. Amst. 1701. .	2	30		30
Menantes Briefe. Halae 1728.		50		20
Neukirchs galantes Brife Hamburg 1730.		48		
Nouvelle Grammaire Roiale Berlin 1736.	1			
Nouveaux dictionaire de Passagers Leipzig 1737. . .	3	30		55
Pantheum Mythicum Francof. 1732.		50		20
Plats dialogues domestique(s) François - Allemands Nürnb. 724.		20		9
Selectae Ciceronis orationes Amsterd. 1735. . . .	1			20
Screiberi Elementa Medicinae Francof. et Lipsiae 1731		30		16

	Materia. Flor.	Materia. Krt.	Band. Flor.	Band. Krt.
Stabelii Chymia Halae 1728.		30		18
Stah(l)ii 300 Experimenta et observationes Berl. 1732.		30		18
Steinbachs Deutsches Worterbuch 2 tomi Breszlau 1734.	6			
Tabulae sinuum, tangentium etc. Francofurti 1728. .	1			15
Thümmigii Institutiones Philosophiae Wolfianae Franc. 1729.	1	50		25
Veneroni Italienische Grammatica Franc. 1699. . .		35		
Verheyen Anatomia duo tomi Amsterd. 1718. . . .	5		1	20
Wolfii Physica dogmatica Halae 1734.	3	15	1	20
— Physica Experimentalis Halae 1727.	3	30	1	40
— Ratio praelectionum Halae Magd. 1735. . . .		24		8
— Deutsche Metaphysica Francofurti 1736. . . .		56		20
— Moralis philosophia Halae.	1			22
— Politica Halae 1732.		56		20
In 12º				
Cellarii Geographia Jenae 1731.		45		25
Erasmi Adagia Lipsiae 1696.		50		15
— Copia verborum Gottingae.		20		12
Letres choisies des meilleurs Auteurs François par Men. Ha. 1731.		40		16
Ovidii opera omnia Amst. 1735.	1	25		40
Plinii Epist. et Panegyricus Lipsiae 1721.		50		18
Senecae tragoediae Amst. 1645.		20		
Virgilii Opera omnia Amst. 1677.		50		

Summa 133 Guld. und 17 Kreutzer.

Rapportiret allerunterthänigst

Marburg d. 15. Octobris Anno 1738.

Michael Lomonosoff.

№ 41. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 13 (2) янв. 1739.

...Die beyden Wechselbrieffe nebst dem Advis-Schreiben habe wohl erhalten. Da aber der Werth eines Rubels darinnen nicht benennet worden, habe bey Verhandlung des Wechsels in Franckfurt Weitläufftigkeit gefunden. Die Kaufleute, welche ihn handeln wollen, ha-

ben für das beqvemste befunden, dasz sie den Prima-Wechsel nebst dem Advis-Schreiben an ihren Correspondenten in Amsterdam zur Acceptation überschickten, und daselbst den Werth reguliren lieszen, wo er hoffentlich bekandt seyn wird. Nachdem wollen sie ihn bezahlen.

Weil die Studiosi schon eine lange Zeit kein Geld gehabt, so habe ihnen wöchentlich einen Thaler jedem zum Voraus gezahlet, damit sie sich vor weiteren Schulden hütten sollen. Den Belauff ihrer Schulden haben sie specificiret und die Conto übergeben. Ich wil hoffen, dasz weiter keine Schulden sind. Denn für den Tisch habe ich jederzeit abgezogen, was sie schuldig gewesen, bis auf das, was von neuem angewachsen und von diesen Wechsel zu decontiren. Für Collegia habe ihnen nichts abgefordert. Die Summa der Schulden belaufft sich angegebener maszen zusammen auf 1371 Rthl. Ich weisz nicht, wo sie das Geld hingethan, da sie von dem Wechsel nichts als den Tisch wöchentl. à 1 Rthl. auszer dem H[r] Lomanosoff, der zuletzt auch des abends gespeiset, à $1\frac{1}{2}$ Rthl. bezahlet, und was etwan für das Logement, Holtz und Lichte mag abgetragen worden seyn nebst andern Kleinigkeiten.

Die Collegia, welche sie bey mir halten sollen, sind nun zu Ende, doch besuchen H[r] Lomanosoff und Raiser noch den Cursum mathematicum mit, den ich angefangen. Sie thun jetzt weiter nichts, als was sie vor sich studiren und sind jetzt über der elaboration der Dissertationum beschäfftiget. H[r] Winogradoff ist jederzeit der unfleiszigste gewesen und seine Aufführung sol nicht die beste seyn: es ist aber nicht viel zu machen, denn er wil gleich wiszen, wer etwas wiedriges von ihm gesagt, und nach diesem sich an ihm revengiren. Ich habe verwichenes Jahr ihm aus verschiedenen Händeln durch den damahligen Pro-Rectorem durchgeholffen: da aber dieses Jahr das Pro-Rectorat mir auszerordentl. aufgetragen worden, würde ich es nicht thun können, weil es andere Studiosi für Partheyligkeit auslegen würden. Es wäre freylich am besten, wenn sie von der Universität wegkämen und zu dem Chymico, da sie dergl. Freyheit nicht hätten, die man ihnen auf Universitäten nicht benehmen kan. Sie sind nun in der Deutschen Sprache so weit, dasz sie alles verstehen, was geredet wird, sich auch selbst ziemlich exprimiren können. Im Frantzösischen aber werden sie wohl wenig gethan haben, weil der Sprachmeister ohne Zahlung sie nicht informiren wollen, und sie auch selbst das Geld zu spaaren es unterlaszen. Zu des H[n] Lomanosoff profectibus habe noch das beste Vertrauen: er bezeiget auch wegen der gemachten Schulden eine Reue. Die Specimina wil nun, so viel möglich, zu beschleunigen suchen. . .

Bey nächster Uebersendung der Speciminum schreibe eîn mehreres . . .

. . .

Ch. Wolff.

Marburg, den 13. Jan. 1739 st. n.

№ 42. Изъ письма Вольфа къ Шумахеру, отъ 13 (2) янв. 1739.

. . . Dem Hⁿ Prof. Krafft wil mit nächstem antworten, wenn die dissertationes der Ruszischen Studiosorum, die sie jetzt elaboriren, einsenden werde. Sie haben ziemliche Schulden gemacht, ob sie gleich vorgegeben, dasz sie alles ordentl. bezahlten. Ihre summarischen specificationes belauffen sich auf 1371 Rthl. Es wäre wohl am besten, wenn sie bald avociret würden, weil sie die academische Freyheit nicht zu gebrauchen wiszen, und ohnedem das jenige absolviret, was sie hier thun sollen. . .

№ 43. Счетъ долгамъ Ломоносова, присланный имъ изъ Марбурга 10 янв. 1739. (30 дек. 1738).

Rechnung der Schulder.	R.				
Dem Riemenschneider	199	44	2	* 199.	22
Dem Wierach.	141 fl.	11		94.	5 gr.
Dem Michälis-Apothcker	61	24		61.	12
Dem Frantzösischen Schprach-Meister Ramet	22			22.	
Dem Buch-Führer Müller.	10	12		14 Thr. 5 gr.	
Dem Schneider	10	5		10.	$2\frac{1}{2}$
Dem Tantz-Meister	5	15		5 Thr. $7\frac{1}{2}$ gr.	
Dem Mamfort.	6			6.	
Dem Schuster.	15			15.	$17\frac{1}{2}$ gr.
Dem Fechtmeister	8			8.	
Summa.	484	15	6	437.	1 gr.

M. Lomonossoff.

d. 10 Januarii Anno 1739.

* *Specification der angegebenen Schulden Herrn Lomanossoff.*

---

* IVая и Vая графы, равно и послѣдняя строка приписаны рукой проф. Вольфа.

№ 44. Резолюція академической канцеляріи по поводу письма проф. Вольфа, 9 февр. 1739.

Resolution

auf das von dem Regierungs-Rath Wolff aus Marpurg d. 13ten Jan. st. n. 1739 eingeschickte Schreiben.

Es söll aus denen Rechnungen ein extract auffs fordersahmste gemachet werden, wie viel der Academie vor die Stud. aus dem Hohen Senat assigniret worden, was davon denen Studiosis remittiret und wie viel von Geldern noch in cassa zurückgeblieben. Wenn solches geschehen, so solle der Ueberschusz zu Bezahlung derer Schulden remittiret, denen Stud. aber zugleich angedeutet werden, dasz sie nach Bezahlung ihrer angegebenen Rechnungen, vor weitere Schulden sowohl jetzo als ins künfftige sich hütten und zur Abreyse nach Freyberg ad ediscendam praxin metallurgicam auf die erstere ihnen zuzuschickende Ordre sich parat halten möchten. Hiebey ist auch in antecessum an den Bergrath Henckel nach Freyberg zu schreiben und von ihm zu vernehmen, ob er nach seiner vorhin gethan Erklährung die inspection und Unterweisung der Studiosorum noch über sich nehmen wolle, man werde die nöthige und billig angesetzte Unkosten hiezu jederzeit remittiren.

den 9. Febr. 1739.

№ 45. Выговоръ академической Канцеляріи марбургскимъ студентамъ, отъ 20 марта 1739.

Auf Ihro Kayszerliche Mayst. hohen Befehl ertheilet die Academie der Wissenschafften auf geschehenen Vortrag desjenigen, so von wegen der in Marpurg sich aufhaltenden Studiosorum, Raiser, Winogradoff und Lomanosoff eingekommen, nachfolgende

Resolution.

Aus denen eingeschickten, von dem Herrn Regierungs-Rath Wolff attestirten Specificationen ist zu ersehen, dasz der Studiosus Raiser 358 Rthlr. der Studiosus Winogradoff 576 Rthlr. der Studiosus Lomanosoff 437 Rthlr, alle 3 zusammen eine Summa von 1371 Rthlr. Schulden contrahiret, worentgegen einem jeden dererselben zum jähr-

lichen Unterhalt und Fortsetzung der Studien in Marpurg, jährlich 300 Rubl. ausgesezet, solche auch theils vorausgegeben, theils pro rata temporis remittiret und in allen vom 15 Jul. 1736 bisz jezo laut des in der Canzley gemachten Extracts 2100 R. bezahlt worden, dasz Ihnen dahero bisz den künftigen 15. Jul. h. a. nur 600 Rubel übrig bleibet, die gemachten Schulden aber schon am 13. Jan. h. a. diese Summa um das Duplum übersteigen, da Sie doch durch die Praenumeration und zeitige Remessen in den Stand gesezet worden, dasz Sie vor baares Gelt eine ordentliche und ihren Studien convenable Lebens-Art führen können, folglich einige Schulden zu machen nicht nöthig gehabt hätten, wie denn auch die eingeschickten Schulden-Specificationes so viel ausweisen, dasz das wenigste zu einer nöthigen Subsistence und der Studien wegen angewendet, vieles aber üppiger Weise verthan und verschleudert worden, da dann hieraus die schlechte Disposition des Ihnen vorhero in die Hände gegebenen Gelts leichtlich abzunehmen ist.

Wenn Ihnen nun überhaupts nicht geziemen wollen, mit denen von Ihro Kays. Mayst. zu ihren Studien und einer darzu erforderllichen Lebens-Art gewidmeten Mitteln so unrechtmäszig verschwenderisch und höchst Deroselben allergnädigstem Entzweck grad zuwieder umzugehen, insonderheit noch ein merckliches mehr Schulden zu machen, als das Ihnen zugelegte Stipendium ausmacht, da doch keiner derselben im Stande ist, sothane Schulden zu bezahlen: Als kann die Academie der Wissenschafften einen so unverantwortlichen Excess so schlechterdings nicht übersehen, vielmehr wird Ihnen dieserwegen die wohlverdiente Strafe vorbehalten, welche unausbleiblich erfolgen wird.

Immittelst sollen zu Bezahlung der gemachten Schulden 1400 Rthlr. über Holland an den H[n] Regierungs-Rath Wolff remittiret und denen Studiosis anbefohlen werden dasz Sie sich zu der Abreyse von Marpurg fertig machen und um Pfingsten dieses Jahres nach Freyberg in Sachszen zur Erlernung der Metallurgie abreisen sollen, worzu das benöthigte Reise-Gelt an gedachten H. Regierungs-Rath übermacht und Ihnen ausgezahlet werden wird, massen Sie inzwischen 300 Rbl. zu ihrem Unterhalt empfangen und auch sonsten, nachdem die Schulden obgedachter massen getilget werden, in Marpurg nichts weiters nöthig haben. Damit Sie aber den Nuzen und Effect einer guten oder schlechten Aufführung sehen und erfahren, zugleich auch mit wenig hauszhalten lernen, so soll Ihnen zu ihrer Subsistence in Freyberg vors künfftige jährlich nicht mehr als Einhundert und fünffzig Rubel bestanden, sothanes Gelt auch Ihnen nicht in die Hände, sondern dem H. Berg-Physicus Henckel zugeschickt werden, um Kost, Quartier,

Holz, Licht und andere benöthigte Ausgaben darvon zu bestreiten; doch wird die Academie der Wissenschafften das Honorarium vor die Informationes à part bezahlen. Und haben sich die Studiosi Raiser, Winogradoff und Lomanossoff nach diesem Ihro Kayszerl. Mayst. Befehl stricte zu richten.

Korff.

Gegeben in der K. A. d. W. zu St. P., den (20.) Mart. 1739.

№ 46. Письмо бар. Корфа къ проф. Вольфу, отъ 20 марта 1739.

Wohlgebohrner Herr Regierungs-Rath

Hochgeehrtester Herr.

Ew. W. beliebtes Schreiben vom 13. Jan. h. a. ist alhier nebst den Schulden-Specificationen der dort befindlichen 3 Studenten, Rayser, Winogradoff und Lomanosoff wohl eingegangen, woraus zu ersehen gewesen, dasz diese junge Leute eine Schulden-Last von 1371 Thlr. contrahiret, das wenigste aber darvon zu ihrem Besten angewendet haben. Sie hätten verdienet, dasz man sie unvorzüglich hieher bringen liesze und zur verdienten Strafe zöge. In Ansehen aber, dasz sie von Ew. W. noch ein gutes Attestat ihrer Studien halber vor sich haben, hat man es verschoben, ob sie es wohl ins künfftige schwer zu verantworten haben werden. Solchemnach ist gegenwärtig bey der Academie der Wissenschafften resolviret, sie nach Freyberg an H. Henckel zu Erlernung der Metallurgie zu schicken, von welchen man dann nach ihrer Ankunft daselbst die Nachricht erwarten wird, ob sie sich zu diesem Studio alle gut schicken und anlassen, im widrigen fall man die untüchtige zurücke rufen und andere Subjecta an ihre Stelle dahin schicken wird.

Weilen nach Ausfertigung der Schulden-Specificationen die 300 Rbl., worvon Ew. W. in Dero obenerwähntem Schreiben Meldung gethan, nunmehro wohl eingezogen und nach Abzug desjenigen, so Ew. W. vorgeschossen, zum Unterhalt gedachter Studiosen bisz Pfingsten zu hinreichlich seyn werde, so hat man auch in Rücksicht dessen dermalen ein mehrers nicht als 1400 Rthlr. zu Bezahlung der Schulden remittiren, und Ew. W. geflissenst ersuchen wollen, sothanes Gelt auf beygehenden Prima-Wechsel-Brief einzuziehen, und die Schulden zu

bezahlen, die 3 Studiosos nach Möglichkeit zum Sparen anzuhalten, und dahin zu sehen, dasz sie weiters in Marpurg keine Schulden machen, ihnen auch die beygelegte Ordre zu publiciren und sie zu deren Befolgung und in beständigem Fleisz anzustrengen, damit, weil ihre Collegia zu Ende sind, Zeit und Kosten nicht vergeblich hingehen. Sollten aber wieder alle Vermuthungen die letzten 300 Rbl. zu derselben Subsistence bisz Pfingsten zu nicht hinlänglich seyn, so ersuche Ew. W. nur mit ersten Post wissend zu machen, wie viel etwa noch nöthig seyn möchte, damit man die Remesse bey Zeiten besorgen, folglich diese Leute ohne weitern Aufenthalt und gröszere Unkosten nach Freyberg befördern, zugleich auch das erforderliche Reise-Gelt übermachen kan, welches vor jede Person mit 15 Rbl. wohl zu bestreiten ist.

Nebst der Summa der 1400 Rthr. belieben auch Ew. - Dero wohl verdientes Honorarium von der Academie der Wissenschafften vor das verflossene 1738-te Jahr auf den beygelegten àpart Wechszel zu empfangen.

Vor die wohlgemeinte Gratulation zum letzthin angetretenen neuen Jahr dancke ich ganz ergebenst, und wünsche Ew. W. dargegen alles fortwährende Wohlseyn und Vergnügen, mir aber die Gelegenheit, in der That ferner zeigen zu können, dasz ich mit Hochachtung bin

Ew. W...

d. 20. Mart. 1739.

P. S. Weil man bey Ausfertigung dieses einen Wechszel-Brief auf Rthlr. nicht hat bekommen können, so hat man den Werth von 1400 Rthlr. durch den beygelegten Wechszel-Brief an Rubel übermachen müssen. Ew. Wohlgebohren werden, wenn etwa bey der Einziehung des Wechszels eine Difference sich finden sollte, die Güte haben, es mit chesten zu melden, damit weitere Anstalt getroffen werden kann.

№ 47. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 4 апр. (24 март.) 1739.

Euer Excellenz werden aus meinem Letztern ersehen haben, wie es mit den Schulden der hiesigen Ruszischen Studiosorum stehet. Der Wechsel ist in Holland à $47\frac{1}{2}$ Stüber pro 1 Rubel in Holland accep-

tiret worden, und habe ich bisher einem jeden nur 1 Rthl. zu wöchentlicher Ausgabe, und was einige unumgängliche Ausgaben sonst erfordert, gereichet. Es wäre nun wohl am rathsamsten, wenn ihre Sachen könnten in Ordnung gebracht werden und sie weiter zu ihrem Haupt-Propos schreiten. Die beiden Studiosi H[n] Reiser und Lomanosoff laszen sich in allem wohl weisen, sind auch mit einander einig, und habe ich gute Hoffnung, es werde kein Geld an sie vergebens angewandt werden. H[r] Lomanosoff beqvemet sich auch zu milderen Sitten. Allein was mit dem H[n] Winogradoff anzufangen, weisz ich nicht. Der beyden ersten Specimina haben schon einige Zeit dagelegen: Winogradoff verspricht zwar immer das seinige auch zu bringen, allein es wird nichts daraus. Ich glaube auch nicht, dasz er im stande ist vor sich etwas zu machen. Er ist ein Liebhaber vom Müsziggehen und unordentlichen Leben. Es gehet nichts vor, da er nicht mit dabey ist. Und hat man nur Noth ihn zu wahren, dasz er nicht in Unglück kommt oder in Academische Straffen verfället. Er läszt sich auch von andern nichts einreden, und glaube ich nicht, dasz er mit den andern weiter fort kommen wird. Zwar schreibe es ungerne, allein die obligation, die ich gegen Ihro Kays. Majestät habe, wil doch nicht zulaszen, dasz ich es verschweigen kann. Vielleicht wäre ihm am besten gerathen, wenn er avociret würde. Doch überlasze alles Euer Excellenz besseren Einsicht...

№ 48. Письмо бар. Корфа къ бергфизику Генкелю, отъ 20 марта 1739.

HochEdelgeborner

Hochgeehrtester Herr Berg-Physicus.

Nach Anleitung Ew. HochEdelgeb. mir zugesandten Projectes vom 1-ten Febr. 1736 und Dero beliebten Schreibens vom 7-ten May c. a. hat man bey der Academie der Wissenschafften vor gut befunden, die zur Erlernung der Metallurgie ausersehene 3 Personen vorerst auf die Universität nach Marpurg zu schicken, damit sie in humanioribus, philosophicis und den benöthigten Sprachen profitiren und zu dem studio metallurgico praeparirt werden möchten.

Indem sie nun sich schon in das dritte Jahr daselbst aufgehalten, und nach Inhalt der von Zeit zu Zeit eingekommenen Berichte,

wiewohl Einer mehr als der andere, gute Profectus gemacht, so will es nunmehro Zeit seyn, Ihro Kayserl. Majest. allerhöchsten Intention gemäsz, zum Werck selbst zu schreiten und sie in der Metallurgie anzuführen. Ich bekenne, dasz sothane hohe Intention nicht besser und sicherer erreichet werden kan, als wann Ew. H. die Anführung dieser 3 Subjectorum nach dem Inhalt Dero Eingangs erwehnten Projects und Schreibens nunmehro übernehmen, folglich wird es nur auf die Conditiones, worüber man sich vereiniget, vorjezo ankommen.

Ew. H. versichern, dasz 3 tüchtige Subjecta unter Dero Information die vollkommene Metallurgie oder Chymiam mineralem practicam et rationalem in Zeit von 1½ Jahr aus dem Grund erlernen, und nicht nur darzu qualificirt werden können, worzu sie allhier desiderirt werden, sondern auch andere zu lehren und zu Ihro Kayserl. Majest. Dienst heranzuziehen. Pro honorario fordern Ew. H. 1200 Rbl. überhaupts wegen sothaner Information 3-er Subjectorum, welche aber ausserdem

2) zu Erlernung der allgemeinen Probir-Kunst 50 Rthlr., der Marckscheiderey 50 Rthlr., des Silber-Brennens 20 und des Saigerns auch 20 Rthlr. singulatim aufwenden,

3) den Unterricht in humanioribus und Philosophicis à part bezahlen, auch

4) mit Quartier, Kost, Holz, Licht und Bedienung sich versorgen müszten, zumalen Ew. H. keine Gelegenheit in Dero Wohnung darzu hätten.

Was nun Ew. H. Honorarium anlanget, so ist die Academie der Wissenschafften entschlossen, obwohlen der Fond, der zu dergleichen Impensen ausgemachet ist, sich nicht hoch belauft, Ew. H. jedennoch in Betracht Dero sonderbaren Meriten und anerbottenen, so aufrichtigen Information *Eintausend Rubel* zu praesentiren, auch die Helffte davon bey dem Anfang der Information nach dem Cours durch Wechsel nach Holland oder Leipzig zu remittiren, doch mit der Bitte, dasz Dero Information auf ½ Jahr verlängert werden, und also 2 Jahre währen möge, damit man sich auf die Capacité und Profectus derer 3 Studiosen desto sicherer verlassen und sie hernachmals um soviel besser zu Ihro Kayserl. Majest. allerhöchsten Ew. H. genugsam bekannten Intention gebrauchen kan.

Und wie die 3 Subjecta ihrer Studien und Capacité halber nicht alle gleiches Zeugnisz vor sich haben; so reserviret sich die Academie der Wissenschafften andere ohne weitere Bezahlung an deren Stelle zu schicken, wann Ew. H. in progressu finden würden, dasz ein oder das andere derselben zu vollkommener Erlernung und Ausübung des

Studii metallurgici nicht tüchtig genug seyn sollte. Dahingegen hat es wegen des 2ten Puncts weiters keine Schwürigkeit, sondern die Academie der Wissenschafften wird das vor eine jegliche Person à part erforderliche Lehr-Gelt, zusammen à 140 Rthlr., bezahlen; was aber

3) den Unterricht in humanioribus und Philosophicis angehet, so wird solcher wohl weiters nicht nöthig seyn, nachdem die 3 Subjecta selbigen Studiis geraume Zeit her in Marpurg incumbiret und aller Hoffnung nach soviel, als zur Metallurgie erforderlich ist, werden erlernet haben, wiewohl man es desfalls lediglich auf Ew. H. Gutbefinden ankommen lassen wird.

Ratione des 4. Puncts hätte ich zwar gerne gesehen, dasz die Studiosi in Ew. H. Behausung und Kost hätten seyn können, damit sie Dero Aufsicht desto näher gewesen wären. Weilen es aber nach Anzeige Dero Schreibens nicht thunlich ist, so werden Ew. H. mich und die Academie der Wissenschafften Ihnen höchstens verbinden, wann Sie desfalls solche Anstalten vorzukehren belieben, dasz diese junge Leute denenselben so nahe als möglich wohnen, und durch die Kost sich keine verderbliche Gesellschaft zuziehen, dahingegen Dero ihnen so nöthigen und schätzbaren Umgang desto vielfältiger genieszen können. Zu ihrer Subsistence wird man jährlich vor jegliche Person 150 Rubl. und zwar an Ew. H. remittiren, dieselbe auch zugleich bitten, ihnen nicht viel Gelt unter die Hände zu lassen, sondern darvon Kost, Quartier, Holz, Licht und was ihnen sonst unentbehrlich nöthig ist, zu bezahlen, dahingegen in der Stadt durchaus bekannt zu machen, dasz ihnen Niemand ohne Ew. H. Gutbefinden und Consens creditiret, massen sie in Marpurg viel Gelt unnöthig verthan und Schulden gemacht haben.

Es dependiret nun von Ew. H., ob Sie mit der Offerte der 1000 Rbl. zufrieden seyn, das übrige also aggreiren und mit dem ehesten mir Dero Resolution hierüber wissend machen, zugleich auch mir dardurch die Gelegenheit zu einer weiteren Correspondence und die Ehre gönnen zu wollen, ferner bezeigen zu können, dasz ich bin

Ew.

den 20 Mart. 1739.

№ 49. Письмо Генкеля къ бар. Корфу, отъ 26 (15) апр. 1739.

Hochwohlgebohrner Herr

Hochgeehrtester Herr Cammer-Herr.

Der hochlöblichen Ruszischen Keyserlichen Academie derer Wiszenschafften habe ich viel Obligation, dasz dieselbe gegen mich so viel Vertrauen heget und 3 Ruszische Studiosos meiner Information in der Metallurgie, auch anderweitiger Aufsicht anzuvertrauen entschlossen ist. Ich acceptire die durch Ew. Hochwohlgebohren mir deszwegen an *Ein Tausend Rubel* gethane offerte und mache mich hierdurch davor anheischig, besagte 3 Studiosos in sothane Information zu nehmen, treulich anzuführen, und so viel, alsz an mir ist, in cognitione mineralium theoretica et practica so weit zu bringen, dasz dieselben Ihro Ruszisch-Keyserlichen Majestät allergnädigsten intention gemäsz, ein jedes vorstellendes oder aufgegebenes minerale gründlich zu examiniren, deszelben Gebrauch und Tractament anzugeben, auch davon einen ordentlichen bündigen Bericht nebst practischen Gutachten absustatten und endlich die erlangte Wiszenschafft per experimenta zu zeigen und zu dociren geschickt werden sollen. Auch lasze ich mir es gar wohlgefallen, dasz diese Herrn Commilitones denen vorgeschlagenen 1½ Jahren, womit der Cursus zu Ende und also auch der Termin zur Bezahlung der andern Helffte des accordirten seyn wird, noch ein halbes Jahr mit ihrem Auffenthalt allhier zuzugeben beordert werden sollen, wie es denn nöthig seyn wird, zu repetiren, auch sie selbst disz u. jens experimentiren zu laszen. Ich würde auch nicht ermangeln, fallsz sich einer oder der andere nicht applicable genug erweisen sollte, solches schleunig zu berichten, und (an) deszen Stelle ein anderes subjectum zu erwarten, welches aber eventualiter schon auszuersehen wäre, damit wir in cursu nicht zu lange stille halten dürfften, dazumahl, indem ich alszdann wieder von forn anfangen müszte, Zeit und Mühe verderbet würde. Was die anderweitige Aufsicht anlangt, so will selbiger aus besonderer Consideration mich zwar nicht entbrechen, aber Ew. Hochwohlgebohren gehorsamst gebeten haben, mir eine so gemeszene Instruction und denen Herrn Studiosis solche ordre zu ertheilen, damit ich in der Sache weder zu viel noch zu wenig thue, noch mir dieselben disz oder jens alsz etwas eigenmächtiges imputiren mögen, zu welchem Ende ich mir die Freyheit genommen, wie beygehet, eins und das andere wohlmeynend anzufragen. Könte es endlich seyn, dasz dieselben so bald möglich

sich hier einfänden, so könten wir noch von einigen angenehmen Monaten profitiren, und in allen die Einrichtung desto beszer gemacht werden.

Ew. Hochwohlgebohren empfehle mich hiernächst zu Dero ferneren hochgeneigten Andencken und contestire, dasz ich keine Gelegenheit vorbey gehen laszen werde, Ihnen zu erweisen, mit welcher Hochachtung ich sey

Ew. Hochwohlgebohren

Meines Hochgeehrtesten Herrn Cammerherrns

gehorsamster Diener

Johann Friedrich Henckel.

Freyberg, den 26 Apr. 1739.

Qvaeritur?

1. Ob die Herrn Ruszen alle in einem Hausz, oder auch alle in einer Stube und Kammer logiren sollen? In meiner Nähe ist kein Hausz, wo 2 Stuben zu haben. Ich habe in 3 verschiedenen Häusern 3 Stuben nebst Cammern, ohnweit von mir besehen, so jährlich nebst einem einmännischen Bette und was in die Stube gehöret à 20, 25 bisz 30 Rthl. zu stehen kommen.
2. Wenn dieselben hier seyn sollen, damit ich mich mit bestellung derer Qvartire darnach richten kan?
3. Da mir gemeldet worden, dasz ich ihnen nicht viel Geld in die Hände geben solle, sondern, wie ichs verstehe, Kost, qvartir, holz, licht, Wäscherlohn, und was sonsten unentbehrlich, selbst bezahlen, wohin vermuthlich auch das, was zur Kleydung gehörig, zu ziehen, so möchte ich wiszen, wasz ihnen zu eigener disposition und extra von Zeit zu Zeit in die Hände gegeben werden solle.

   Insgemein laszen sich hier dergleichen Leuthe vor 4 gr. aus dem Gasthoff holen, davor ist eine Suppe, zweyerley gekochtes und Fisch oder Braten, aber ohne Bier, Brodt, Butter und Käse. Dieses läszt man sich in einem darzu aptirten zinnernen Service, welches sich übereinander schickt und an einem Riemen beqvemlich getragen wird, durch seine Bedienung oder Magd im Hause bringen, welches nachdem es grosz ist, 3, 4, bisz 5 Rthl. kömmt. Man kan sich auch vor

3 oder 2 gr. geben laszen und fodern, was man will u. vorhanden ist. Des Abends Butterbrodt, kalten Braten, und was man verlangt.

3. Wer soll aufwarten? vermuthlich die Magd im Hause? oder ein eigener Diener. Hier kähme es auf ein Lohn, dort auf ein Trinckgeld an.
4. Es wollen Marckscheider Instrumente seyn, laut Specification, ferner
5. Ein und ander Buch, so zum Berg Werck, Schmelz Wesen, Marckscheider Kunst und zur Metallurgie insgemein gehöret, welche zum Theil rar sind und erlauret werden müszen, deszgleichen
6. ist manchmahl eine gute Stuffe vorfallend, so guten Preiszes und rar ist, also nicht aus den Händen zu laszen.
7. Wie auch nach und nach ein und ander Model von Machinen, Oefen u. d. g., wo auch die Gelegenheit in acht genommen werden will.
8. Zuweilen Pferde Miethlohn auf entlegene Zechen oder in die Schmelzhütten. Auf dergleichen Puncte dann die Frage entsteht, wie man sich mit Ausgaben zu verhalten habe?

Marckscheide Zeug.

	Thlr.	Gr.
Hang und Zuleg Compasz auf Beyden Seiten des Lachter in $\frac{1}{4}$ getheilet, und 40 Lachter lang	7	6
Eine Waszer Wage mit halben Grad	1	18
Einen 6 Lachter langen Meszingen Drat, jedes Glied von 5 Zoll lang	2	12
Drey Stück Tisch Schrauben von Meszing, die Abrisz damit zu befestigen		18
Sechs Stück Holzschrauben in der Grube die Schnur damit zu befestigen		12
Transpourteur	1	8
Ein Parallel Linial	1	12
Ein Winckel Hacken.		16
Zwei Meszinge Scheuben auf die neueste Arth, damit man den auf Eisen Bergwerg gethanen Zug mit dem Compass zu Papier bringen kann und keine Eisen Scheuben Transpourteur nöthig habe	4	
Ein Winckel Weiszer	1	12
Eine Marckscheider Tasche.	1	
Ein Schreibe Taffel in dieselbe		8

	Rthlr.	Gr.
Einen Meszingen Perpendiccel		6
Einen Einsez Zirckel	2	
Einen kleinen Einfachen Zirckel		16
Eine von Garn 30 Lachter lang gezwirnde Schnur mit der Rolle, darauf solche gewickelt ist		16
Eine gedoppelte Reisz Feder		12

Summa 27 Rhlr. 4 gr.

№ 50. Письмо проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 3 маія (22 апр.) 1739.

So bald Euer Excellenz Schreiben erhalten, habe die Kays. Ordre denen Ruszischen Studiosis publiciret und sie ermahnet sich zur Reise fertig zu machen. Allein es hat sich gleich ein groszes Hinderdernis in den Weg geleget. Denn da die Englischen Wechsel an den Herrn Ouderkirk in Amsterdam zu zahlen sind, und meiner darinnen nicht gedacht worden; so habe nicht gesehen, wie ich mich dazu legitimiren und die Zahlung erhalten sol. Jedoch habe bald Copiam nach Franckfurt geschickt, um zu vernehmen, ob dortige Kaufleute ein Mittel wüsten. Es ist aber vergeblich gewesen, wie aus beyliegendem Zettel zu ersehen, der in der Antwort beygelegt worden. Ich habe also an die Herren van Ouderkirk nach Amsterdam geschrieben, und den Vorschlag gethan, ob sie an ihren Correspondenten in Franckfurt Ordre stellen wollten gegen deren Extradition mir das Geld zu zahlen, oder aber ein andres Mittel wüsten, wie ich zu der Zahlung gelangen sollte: worauf noch Antwort erwarte, und also nicht weisz, ob ich die Wechsel werde wieder zurücke schicken müszen.

Ueber dieses haben nun gedachte Studiosi eine weit höhere Specification der Schulden, als zuerst angegeben, unerachtet ich sie ernstlich ermahnet hatte nichts zu verschweigen, und zwar specificiret

Hr Reiser	411	Rthl.	66	Cr.
Lomanossoff	593	»	7	»
Winogradoff	614	»	46	»
Summa	1619	»	29	»

welches die durch Wechsel angewiesene 1400 Rthl. um 220 Rthl. bis auf wenige Creutzer überschreitet. Und doch bin noch nicht gesichert, dasz, wenn es zum Treffen kommen wird, sich nicht noch

viele kleine Posten finden dörfften, absonderlich bey dem H[n] Winogradoff, der gar nicht zu bändigen und was zu lernen keine Lust hat, wie es der H[r] D. Henckel zur Gnüge finden wird. Denn es sind mir schon einige Conto, die sich bis 13 Rthl. belauffen, überbracht worden, deren er nicht gedencket. So ist mir auch bekant, dasz er bey dem Buchführer noch ein starckes Conto haben musz, davon ich doch nichts in seiner specification finde, da ich sie durchgehe. Er mag selber nicht wiszen, wem er schuldig ist, weil er überall Schulden macht, wer ihm nur borgen wil, und seine Creditores, wenn sie ihn erinnern, mit dem Degen überlaufft, dasz dieser wegen schon öffters bey mir als zeitigen Pro-Rectore Klagen eingelauffen.

Ich weisz also nicht, wie sie aus diesem Labyrinth, darein sie sich muthwillig gestürtzet, zu retten sind. Hätten sie das Geld in die Hände bekommen, so würden sie es, wie das erste verthan, und nicht einmahl den Tisch bezahlet haben. Sie wiszen zu ihrer Entschuldigung nichts als ihre Unbedachtsamkeit vorzuschützen, und dasz sie das erste mahl nicht alles angegeben, blosz vorzuwenden, sie würden den Wechsel, der zu Ende des vorigen Jahres ankommen, und was ihnen noch bis in den Julium restiret, auf einmahl in die Hände bekommen, da sie denn davon hätten bezahlen wollen. Allein es würde so wenig geschehen seyn, als sie von dem vorhergehenden Gelde jemanden bezahlet. Ich kann nicht sagen, wie sehr mich dieses beunruhiget, ob gleich sie gutes Muthes dabey sind, als wenn sie gantz wohl gethan hätten.

Der letzte Wechsel wird zu ihrer Subsistence wohl bis Pfingsten nach dem alten stylo zureichen, weil ich auszer dem Tische ihnen nur wöchentlich 1 Rthl. gegeben, neml. einem jeden, und was etwa sonst unumgänglich nöthig gewesen. Da es aber allem Ansehen nach sich noch etwas weiter verzögern dörffte; so wird es auch etwas schwerer zugehen.

Wenn sie es sparsam angreiffen, kann einer mit 15 Rubeln wohl die Reise nach Freyberg bestreiten. Ich weisz aber nicht, ob es rathsamer ist, dasz sie nicht einige Rubel mehr bekämen, weil sie so wenig Ueberschlag machen, wie weit sie sich in Ausgabe einlaszen können.

So bald Nachricht aus Amsterdam erhalte, werde dieselbe communiciren.....

№ 51. Резолюція Канцеляріи отъ 21 маія 1739 на письмо Вольфа.

Resolution
auf den Brief des H. Reg.-Raths Wolff d. d. 3-ten May 1739.

Es soll hierauf an gedachten Herrn Regierungs-Rath Wolff geantwortet werden, dasz der ihme überschickte Wechsel-Brief zur Einziehung des wegen der 3 Studiosorum Winogradoff, Raiser und Lomanossoff remittirten Gelts noch nicht hinlänglich gewesen sein sollte, auf solchen Fall noch ein anderer zu Lasten der Hn. v. Ouderkerk in Holland zahlbar an seine, des H. Regierungs-Raths Ordre ausgefertigt hiebey folge. Dasz erwehnte Studiosi über die schon angegebenen Schulden noch mehrere haben, gleichwohl aber dieses ihres so unverantwortlichen Excesses wegen wenig Reue bezeigen, und endlich der Studiosus Winogradoff ganz keine Hoffnung zu einer gehörigen Aufführung, erforderlichen Fleisz und Erlernung der benöthigten Wissenschafften von sich übrig lasse, das vernehme die Academie mit so viel gröszeren Widerwillen, als diese Leute den von Ihro Kays. Majestät allermildest angewiesenen Fond durch ihre Verschwendung nicht nur exhauriret, sondern auch der leztere so viel Gelt ganz und gar umsonst durchgebracht. Weil aber deren längerer Aufenthalt in Marpurg, wo sie sich die Wege und Gelegenheit zu ihren Ausschweifungen schon gar zu sehr bekannt gemacht, täglich gefährlicher und der Academie kostbarer sein würde, hiernächst aber selbst aus des H. Regierungs-Raths leztern Schreiben das Quantum aller Schulden noch nicht abzunehmen, folglich die Anstalten zu einer Remesse des etwa zu Bezahlung der Schulden noch nöthigen Gelts noch nicht gemacht werden können: Als werde der Herr Regierungs-Rath ersucht, die sich noch hervorthuenden Schulden gedachter 3 Studiosorum nach geschehener genauen Nachfrage und Untersuchung, ob solche contrahirt sind und würcklich noch existiren, in soweit die darzu übermachte 1400 R. nicht hinreichend sein mögten, auf sich zu nehmen, damit solche durch längern Aufenthalt der Studiosorum in Marpurg nicht unnöthiger und unnüzer Weise vergröszert würden, die 3 Studiosos aber ohne weitern Verzug zur Reise nach Freyberg zu obligiren, und einem jeden derselben in procinctu der Abreise 20 Rbl. zu Reise- und Zehrungs-Kosten bisz Freyberg, von der schon an ihn übermachten Summa auszuzahlen, von deren Abreyse aber, und wann solche geschehen, der Academie sowohl als dem H. Berg-Physicus Henckel in Freyberg beliebige Nachricht zu ertheilen, zugleich auch die Consignation aller vorhandenen Schulden

und wie viel noch Gelt zu Bezahlung derselben nöthig sein wird, der Academie zu übersenden, da dann dieselbe nicht ermangeln wird, das Residuum dem H. Regierungs-Rath durch gute Wechszel-Briefe sofort zu übermachen. Wann nun dieses alles geschehen, so soll nach Befinden der Sache, sowohl wegen der übermäszigen Schulden der Studiosorum, als auch wegen der bösen Conduite des Winogradoffs an Ihro K. M. Cabinet eine Unterlegung ergehen.

An den H. Berg-Physicus Henckel soll vorjetzt auch geschrieben, dessen Brief beantwortet, ihme die baldige Ankunft der Studiosorum gemeldet und 400 R. auf Rechnung zu ihrer Subsistence remittiret, ihme zugleich eine genaue Aufsicht auf diese Leute, insonderheit noch einmal dieses recommandiret werden, dasz er ihnen kein Gelt in die Hände, und überall kund machen lasse, dasz ihnen Niemand ohne sein Vorwissen creditire, maszen die Academie solches niemals bezahlen würde, ihre Depenses auch so, wie in dem vorigen Schreiben der Academie gemeldet ist, und en conformité der ihnen bestandenen Summa einrichte. An die Studiosos ist ihrer Abreise halber eine Ordre auszufertigen. Den 21ten May 1739.

№ 52. Особое мнѣніе члена правленія и академика Гольдбаха объ уплатѣ долговъ марбургскихъ студентовъ, отъ 29 маія 1739.

Weil die Academie der Wissenschafften nicht befugt ist, ihre eigene Gelder zu Auszahlung der unbilligen Schulden, welche die nach Marpurg verreiseten Studenten gemachet haben, anzuwenden, so halte ich dafür, dasz es nöthig sey, den Bericht an Ihr. Kayserl. Majestät von dem Zustande selbiger Studenten und ihrer Schulden nicht weiter auszusetzen, sondern unverzüglich abzustatten und dadurch fernere inconvenientien zu vermeiden; welche meine Erinnerung ich hiemit ad Protocollum übergebe.

St. Petersburg den 29 Maii A. 1739.

Christian Goldbach.

№ 53. Опредѣленіе Канцеляріи по поводу особаго мнѣнія академика Гольдбаха.

Als das Protokoll vom 29. pass. aufgelesen und vernommen wurde, dasz der Hr Justice-Rath Goldbach wegen der mit den 3 Marpurger

Studiosis getroffenen Verfügung seinen Dissensum das Inhalts verschreiben lassen, dasz die Sache vorhero Ihro Kaiserl. Maj. Geheimen Cabinet unterleget werden müsse, ehe denn man weiteres etwas darinnen veranstalte, wurde solches in Deliberation gezogen und von (Tit.) dem Herrn Cammerherrn dargegen gesagt:

Weilen von dem Hrn. Regierungs-Rath Wolff aus Marpurg die accurate Nachricht noch nicht einmal eingegangen, wie viel besagte Studiosi schuldig seyen, vielmehr derselbe in seinem lezten Schreiben die Ungewiszheit derselben zu erkennen gebe, im übrigen aus denen biszhero eingegangenen Nachrichten nicht zu ersehen, dasz die Studiosi mehr verzehret, als die zu dieser Expedition bestandene Summa ausmache: So könne man auch noch zur Zeit nicht sagen, dasz die Academie diese Studiosos aus ihrem eigenen Gelt unterhalte, und noch minder könne man dieses in Ihro K. M. Cabinet wider die Wahrheit der Sache berichten. Hingegen seye höchst nothwendig und unwiedersprechlich, dasz diese 3 Leute vor allen Dingen aus Marpurg weggeschaffet würden, 1) weil sie dort ihre Studia absolviret und daselbst nur vergeblich zehren, 2) weil sie daselbst schon die Gelegenheit haben, in den angefangenen Ausschweifungen fortzufahren und immer mehr Schulden zu machen, dahingegen ihnen 3) durch die in Freyberg schon zum Voraus gemachten Anstalten diese Licentz benommen, und alles so angeordnet seye, dasz sie das ihnen obliegende Studium anfangen und ihre Zeit nüzlich und ohne grosze Kosten zubringen müszen, da dann auf solche Weise Zeit und Gelt ersparet, im Gegentheil aber beydes unnüzer Weise verschwendet werde.

Wo man nun sich an Ihro K. M. Cabinet wenden solle, so cessire das erstere und das letztere werde nothwendig erfolgen, weil alsdann die Academie erst den Befehl des Kayserl. Cabinets abwarten, indessen alles in statu quo zu nicht geringem Prejudice Ihro K. M. hohen Interesse lassen müszte.

Wannenhero denn nöthig und nüzlich seye, bey der unterm 21. Mai h. a. verfaszten Resolution zu verbleiben, um so mehr, als gemäsz derselben die Anstalten schon gemacht und die Verfügungen nach Marpurg und Freyberg ergangen wären.

Der H^r Rath Schumacher stimmte diesem in allen Dingen bey, und wurde also ex majoribus resolvirt:

Dasz es bey der unterm 21. May h. a. verfaszten Resolution verbleiben, der Brief an den Hrn. Berg-Physicus Henckel expedirt, und vorerst 400 R. an ihme auf Rechnung der zur Subsistence der Studiosen und andern nöthigen Ausgaben an erwähnten Hrn. Henckel übermacht, im übrigen die pertinente Nachricht von dem H. R.-R. Wolff erwar-

tet werden solle, wieviel erwehnte Studiosi in Marpurg annoch schuldig verblieben, da alsdann nach Befinden der Umstände an Ihro K. M. Cabinet allenfalls die Unterlegung geschehen soll.

Der 400 R. wegen soll an H. Petri in Dreszden geschrieben und er ersucht werden, solche an den H. Henckel in Freyberg oder dessen Ordre zu zahlen und die Erszung derselben von denen HH. Franz et Josua Ouderkerck in Amsterdam zu gewärtigen, als auf welche er trassiren könne. Und ist solches erwehnten Ouderkerck zugleich zu notificiren.

№ 54. Изъ письма проф. Вольфа къ бар. Корфу, отъ 13 (2) мая 1739.

Euer Excellenz werden aus meinem Vorhergehenden ersehen haben, was es für Unordnung wegen der an mich überschickten Wechsel giebet. Und weil ich die schedulam der Franckfurter Kaufleute neulich vergeszen in den Brief zu legen, so habe es noch thun wollen. Was aber die Herren van Ouderkirk aus Amsterdam geschrieben, wird ihr eigenhändiges Schreiben am mich, so hiermit übersende, mit mehrerem zeigen. Dem zufolge habe die Englischen Wechsel an sie mit der ersten Post überschickt und erwarte theils von ihnen wegen richtigen Empffangs eine Antwort, theils von Euer Excell. den Wechsel an mich und meine Ordre dem H[n] van Ouderkirk zur Last, damit ich ihn an Kauffleute in Franckfurt verhandeln kan.

Ich kan nicht sagen, wie mich die Schuld-Sachen der Ruszischen Studiosorum kräncken, da sie nicht allein noch weit mehrere Schulden, wie schon neulich gemeldet, specificiren; sondern auch von Seiten des Winogradoffs noch nach diesem wieder mehrere sich finden, der alles Singen und Sagen ungeachtet in den Tag hinein lebet, und von dem vor das künfftige wohl nicht die geringste Hoffnung zu haben, wie der H[r] D. Henckel gar bald wird berichten können, indem ich ihn hinreichend instruiren wil, worauf er acht zu geben hat, wenn sie erst dorthin abreisen. Sie sind dabey gegen ihre Creditores sehr importun und zeigen ihnen gleich den bloszen Degen, ja nöthigen sie zum credit, und am allermeisten ist beständige Klage wieder den Winogradoff. Ich weisz nicht, wie es anzugreiffen, dasz sie ordentlich haushalten lernen, und dem Winogradoff Lust was zu thun gemacht werde. Im Versprechen ist alles gut. Sie haben auch ihre Schulden vor mir beständig verborgen und geleuguet, bis es endlich hat ausbrechen müszen. In Erwartung fernerer Befehle verharre. . .

№ 55. Письмо бар. Корфа къ проф. Вольфу, отъ 5 іюня 1739.

Wohlgebohrner Herr Regierungs-Rath

Hochgeehrtester Herr.

Ew. W. beliebtes vom 4. Apr. und 3 h habe wohl erhalten, und daraus sowohl die Difficultäten, die sich wegen des übersandten Wechszel-Briefs ereignen, als auch die nun sich hervorthuende gröszere Schulden-Last der 3 Studiosorum des mehreren ersehen.

Woferne nun erwehnter Wechszel-Brief zur Einziehung des Gelts noch zur Zeit nicht hinlänglich gnug gewesen seyn sollte, so folget auf solchen Fall noch ein anderer hiebey zu Lasten der Hrn. van Ouderkirch in Amsterdam, zahlbar an die Ordre von Ew. W.

Es belieben demnach Ew. W. den zuerst übersandten Wechszel-Brief, woferne es noch nicht geschehen, nur sogleich an die Hrn. v. Ouderkirch zu schicken, des hiebey folgenden aber sich weiters zur Einziehung des Gelts zu bedienen.

Dasz erwehnte Studiosi über die schon angegebenen excessive Schulden noch mehrere haben, gleichwohl aber dieses ihres unverantwortlichen Excesses wegen wenig Reue bezeigen, und endlich der Studiosus Winogradoff ins besondere ganz keine Hoffnung zu einer gehörigen Aufführung, erforderlichen Fleisz und Erlernung der benöthigten Wissenschafften von sich übrig läszt, das vernimmt die Academie mit so viel gröszern Widerwillen, als diese Leute den von Ihro Kayserl. Mayst. allermildest angewiesenen Fond nicht nur exhauriret, sondern auch, welches das schlimmste ist, so viel Gelt ganz und gar, dem Ansehen und Ew. W. Bericht nach, umsonst durchgebracht. Weil aber derselben längerer Aufenthalt daselbst, wo sie sich die Wege und Gelegenheiten zu ihren Ausschweifungen schon gar zu sehr bekannt gemacht, täglich gefährlicher und der Academie kostbarer seyn wird, hiernächst aber selbst aus Ew. W. eingangs erwehnten Schreiben das Quantum aller ihrer Schulden noch nicht abzunehmen, folglich die Anstalten zu einer fernern Remesse noch nicht gemacht werden können: Als ersuche Ew. W. von wegen der Academie der Wissenschafften dienstgeflissenst, die sich noch hervorthuenden Schulden gedachter 3 Studiosen nach geschehener genauen Nachfrage und Untersuchung, ob solche contrahirt sind und würcklich noch existiren, insoweit die darzu übermachte Summa nicht hinreichend seyn mögte, auf sich zu nehmen, damit solche durch längern Aufenthalt der Stu-

diesen nicht unnöthiger und unnüzer Weise vergröszert werden, ihnen selbst aber beygehende Ordre zu publiciren, und sie ohne Verzug zur Reise nach Freyberg zu obligiren und einem jeden derselben in procinctu der Abreise, und nicht eher, 20 R. zu Reise-und Zehrungs-Kosten bisz Freyberg, von der schon übermachten Summa auszuzahlen, von deren Abreise aber und wann solche geschehen, mir sowohl als dem Hn-Berg-Physicus Henckel in Freyberg beliebige Nachricht zu ertheilen, zugleich auch die Consignation aller vorhandenen Schulden, und wie viel noch Gelt zu remittiren nöthig seyn mögte, an mich zu übersenden, da dann die Academie der Wissenschafften nicht ermangeln wird, Ew. W. das Residuum durch gute Wechszel-Briefe sofort zu übermachen. Ich beklage von Herzen, dasz Ew. W. durch die unartige Aufführung dieser Leute mit so vieler Mühe beschweret werden, die Academie wird es aber jederzeit mit besondern Danck erkennen, und ich meinestheils jederzeit mich befleiszigen zu sein

Ew......

K.

St. Petersburg. d. 5. Jun. 1739.

P. S. Bey der Expedition dieses Briefes erhalte Ew. W. beliebtes vom 13. h. nebst der Einlage. Da aber in dem vorhergehenden Ew. W. Desideratis schon abgeholffen ist, so habe darauf vorjezo weiters nichts anders zu erwiedern, als dasz Ew. W. sich die Mühe geben wolten, die Studiosos nicht allein mit einem besonderen Schreiben an den Herrn Henckel zu versehen, sondern denenselben auch den Tag und die Stunde expresse zu benennen, wann sie abreysen sollen, indem solche Ordre haben darauff zu attendiren.

№ 56. Ордеръ академической Канцеляріи марбургскимъ студентамъ, отъ 5 іюня 1739.

Ordre

An die Studiosos in Marpurg — Rayser — Winogradoff und Lomanosoff.

Oben genannten Studiosis wird hiemit befohlen, sich Angesichts dieser Ordre sogleich reisefertig zu machen und mit der allerersten Gelegenheit, sobald der Herr Regierungs-Raht Wolff den Tag zur ab-

reyse Ihnen bestimmen wird, von Marpurg nach Freyberg in Sachszen abzureisen, sich unterweges nirgendswo aufzuhalten, und, wann Sie in Freyberg angekommen sind, sich bey dem Hrn. Berg-Physicus Henckel daselbst anzugeben, welcher Ihnen weitere Eröffnung von der Kayzserl. Academie der Wissenschafften Willen und Befehl thun wird.

Gegeben in der K. A. d. W. zu S. Petersburg d. 5. Juni 1739.

№ 57. Свидѣтельство, выданное Ломоносову марб. проф. Дуйзингомъ, отъ 18 (7) іюля 1739.

Quod Nobilissimus atque Ornatissimus Juvenis Michael Lomonossow, Philosophiae Cultor, Sacrae Caesareae Majestatis Russicae Alumnus Egregius, Collegio Chymico Anno cIↃIↃCCXXXVII. a me habito indefessa diligentia interfuerit, exindeque haud exiguum fructuum coeperit, persuasus, ejusque voto satisfacturus, hisce attestari volui. Marburgi Cattorum die XVIII. Iulii cIↃIↃCCXXXIX.

(L. S.)

Justinus Gerhardus Duising
Dr et Med. P. P. ordin.
p. t. Facultatis Medicae Decanus.

№ 58. Свидѣтельство, выданное Ломоносову проф. Вольфомъ, въ Марбургѣ 20(9) іюля 1739.

Vir juvenis praestantis ingenii Michaël Lomonossow, ex quo studiorum gratia Marburgum accessit, frequenter Lectionibus meis mathematicis et philosophicis, physicis praesertim interfuit ac solidiori doctrina mirifice delectatus. Quodsi igitur eadem industria pergat, nullus dubito fore, ut aliquando in patriam redux utilem Reip. operam praestet: id quod maxime in votis habeo. Dabam Marburgi Cattorum d. 20. Iul. anno 1739.

(L. S.)

Christianus Wolfius
Acad. Marburg.
p. t. Pro-Rector.

№ 59. Письмо проф. Вольфа къ бар. Корфу объ отъѣздѣ студентовъ изъ Марбурга, отъ 1 авг. (21) іюля 1739.

Nachdem den letzten Wechsel erhalten, habe denselben sogleich in Franckfurt an Kaufleute, die nach Holland handeln, verhandelt, und davon den Werth der 250 Rubeln vor mich abgezogen, wovor meinen unterthänigen Danck gehorsamst abstatte. Ich habe demnach nach Abzug des porto das Geld von Franckfurt herüber zu bekommen, für die Herren Ruszischen Studiosos zu Bezahlung ihrer Schulden erhalten 1477 Rthl. 28 Cr. nach Rheinischer Wehrung. Die Schulden haben sich befunden des

Hrn Winogradoffs . . .	899 Rthl.	7 Cr.	2 hl.
Lomanossoffs . . .	613 »	10 »	3 »
Reisers.	414 »	31 »	2 »
Summa	1936 »	49 »	3 »

Diese Schulden habe bezahlt nach Rheinischer Wehrung, ob gleich sonst hier der Leipziger-Fusz eingeführet ist, indem dadurch an einem Thaler 1½ Cr. profitiret worden. Wo es möglich gewesen, habe einen Abzug gemacht in Gegenwart derer Herren Ruszischen Studiosorum, damit sie selbst gesehen, was sich abdingen laszen, was gezahlet und qvittiret worden, und also die gantze Summe bezahlt mit 1795 Rthl. 22 Cr., dasz also abgezogen worden 141 Rthl. 27 Cr. 3 hl. auszer denen 30 Rthl., die nach dem Leipziger-Fusz, oder der Heszischen Wehrung mehr die bezahlte Summe getragen hätte. Weil es sich aber mit der Reise wegen der Unordnungen, die mit dem ersten Wechsel vorgegangen, verweilet, auch weil der Tisch allemahl erst von dem kommenden Wechsel bezahlet werden müszen, indem sie das mitgebrachte Geld verthan, ohne jemanden zu bezahlen, und daher beynahe ein gantzes Jahr Tischgeld von den letzten 300 Rubeln haben müszen abgerechnet werden, über dieses auch einem jeden noch einige Thaler wegen des Trinckgeldes im Hause und an dem Tische für das Gesinde und anderen Kleinigkeiten haben müszen gegeben werden, so habe laut ihrer an mich ausgestellten Qvittung noch zugesetzt 37 Rthl. Heszischer Wehrung, welches nach Rheinischer 63 Cr. l'agio träget. Einem jeden habe auf die Reise gegeben 4 Louis d'or, weil das andere Geld im Sächsischen nicht gielt, à 5 Rthl. Sächsischer oder Heszischer Wehrung gerechnet, wie ich sie aus Sachsen erhalten, ob gleich hier und in Franckfurt sie etwas mehr gelten. Und in eben dieser Wehrung habe 6 Rthl. für die Extra-Post bis Alsfeld gezahlet, weil sie sonst von hier über Caszel mit mehreren Kosten 10 Meilen

hätten umreisen müszen, auch leicht ohne Noth sich in Caszel dörfften aufgehalten haben, wo verschiedenes merckwürdiges zu sehen: welche 66 Rthl. nach Rheinischer Wehrung 67 Rthl. betragen. Weil aber die 6 Rthl. für die Extra-Post ohne das l'agio schon mit unter der Summa der 1795 Rthl. begriffen, bleibet für die Reise-Kosten noch 61 Rthl. Habe demnach an Rheinischer Wehrung insgesammt ausgezahlet:

An Schulden für alle drey inclusive die Extra-Post	1795 Rthl.	22 Cr.	
Für ihre Sustentation über den Wechsel à 300 Rubeln	37 »	63 »	
Reise-Kosten.	61 »	— »	
Summa	1893 »	85 »	
Hierzu habe bekommen durch den letzten Wechsel.	1477 »	28 »	
Also vorgeschoszen.	416 »	57 »	

welches nach dem letzten Werthe der Wechseln angesetzten eines Rubels etwas über 327½ R. macht in Rheinischer Wehrung. Sie sind den 20. Julii des Morgens nach 5 Uhr von hier abgereiset, und bey meinem Hause aufgeseszen, da denn die Reise-Kosten einem jeden gegeben worden, wie er in den Wagen gestiegen. Ich habe wegen des H[n] Winogradoffs noch viele Mühe gehabt, um Weitläufftigkeiten mit verschiedenen Studiosis zu verhütten, wodurch sie hätten können aufgehalten werden, und H[r] Lomanossoff machte auch noch einen Streich, der nicht viel nutzte, und Auffenthalt hätte verursachen können, wenn ich, da ich jetzt das Pro-Rectorat habe, nicht solches verhüttet hätte. Nun musz nur noch dieses erinnern, dasz sie ihre Zeit hier nicht gantz vergeblich zugebracht. Denn ob zwar Winogradoff auszer der Deutschen Sprache nicht viel wird profitiret haben, und am meisten zu schaffen gemacht, dasz er nicht in Unglück und Academische Straffen verfallen; so kann ich doch nicht anders sagen, als dasz insonderheit Lomanossoff auch in studiis profitiret, weil ich mit ihm zu reden mehr Gelegenheit gehabt als mit H[n] Reiser, und seine Art zu raisoniren mir mehr bekannt worden. Die Ursache der Schulden leget sich erst nach ihrer Abreise an den Tag. Denn sie sind der Wollust zu sehr ergeben gewesen, und haben sich an Weibs-Personen gehangen. Weil sie hier gewesen, hat sich jedermann gefürchtet etwas zu sagen, weil sie durch ihre Drohungen die Leute in Furcht gehalten. Ich bin durch ihre Abreise vieler Sorgen befreyet. Da sie aber der H[r] Berg Rath bey sich im Hause hat, und sie auf keiner Universität leben; so wird er eher ihr Thun und Laszen

erfahren können. Wie sie das viele Geld auszahlen gesehen, und doch angehöret, was ihnen für Difficultäten gemacht worden, wenn man wegen eines Abzuges accordiret; so sind sie erst in sich gegangen, und haben nicht allein bei mir depreciret, dasz sie mir so viele Mühe gemacht, sondern auch versichert, dasz sie sich nun gantz anders aufführen wollten, ich auch sie gantz anders finden sollte, wenn sie erst jetzt nach Marburg kämen. Ich habe sie ermahnet, dasz Sie darauf bedacht seyn sollten, wie Sie bey Ihro Excellentz und der Kays. Academie der Wiszenschaften die Scharte wieder auszuwetzen bedacht seyn sollten, wegen meiner wäre es nicht nöthig sich die geringste Sorge zu machen, ob gleich insonderheit Lomanossoff für Thränen und Wehmuth kein Wort aufbringen konnte. Die Rechnungen mit den Belegen habē auf der Post nicht überschicken wollen; sondern weil ohne dem den andern Theil von der Philosophia practica Universali für die Academie und den andern Theil von der Theologia naturali edit. Veron. für Euer Excellenz parat liegen habe und nur auf Gelegenheit warte diese Bücher zu überschicken, können als denn diese Briefschafften mit beygeleget werden. Mir sol nichts erfreulicheres seyn, als wenn ich vernehme, dasz Sie mein Verfahren in Bezahlung der Schulden billigen. Sollte aber wieder Vermuthen etwas dabey versehen seyn, so bitte solches hochgeneigt zu pardoniren. Verharre. . . .

№ 60. Письмо студента Райзера къ бар. Корфу, изъ Фрейберга отъ 27 (16) іюля 1739.

Hochwohlgebohrner Herr Baron

Gnädiger Herr Cammerherr

Auf gnädigsten Befehl der Kayserlichen Academie der Wiszenschafften sind wir, nachdem unsere Schulden sind bezahlet worden, den 20. dieses von Marburg abgereiset, und durch Hirschfeld, Eisenach, Gotha, Naumburg, Weiszenfeld und Leipzig ungesäumt hier in Freyberg den 25ten Morgens frühe angekommen. Wir haben uns sogleich bey dem Herrn Berg-Rath Henckel gemeldet, der schon Quartiere für uns eventualiter bestellet hatte. Denn, da Derselbe keine Antwort auf sein letztes Schreiben erhalten, so hat Er gemuht-

maszet, es würde bey der vormahligen Resolution der Kayserlichen Academie nunmehro verbleiben. Indeszen aber, da der Herr Berg-Rath keinen Wechsel bekommen, bey uns aber von den 20 Thalern Reise-Geld wenig können übrig bleiben; so will der Herr Berg-Raht bey dem Koch, wo wir unsre Speise auf die Stube werden hohlen laszen, und sonsten, wo es die Nothwendigkeit erfodert, credit verschaffen. Ew. Exellence werden also gütigst erlauben, dasz ich Dieselbe in Unterthänigkeit ersuche, bey solchen Umständen uns nicht zu verlaszen. Ich werde mich unterdeszen auffs eiffrigste bemühen, dasjenige zu ersetzen, was in Marburg in meinen Lehrjahren zu viel gethan. Im übrigen verlasze mich auf Ew. Excellence hohe Gnade und verbleibe in tieffster Ehrfurcht und veneration Ew. Excellence

Meines gnädigen Herrn Cammer-Herrn

unterthänigster Diener

Freyberg d. 27 July st. n. 1739.

G. U. Raiser.

№ 61. Письмо бар. Корфа къ Генкелю, отъ 7 іюля 1739.

HochEdelgebohrner

Hochgeehrtester Herr Berg-Physicus.

Ew. H. beliebtes vom 26. April ist allhier wohl eingegangen und darauf mittlerweile bey der hiesigen Kayserl. A. d. W. die Anstalt gemacht worden, dasz die 3 Russischen Studiosi aus Marpurg nach Freyberg abreisen, welche sich denn nun schon eingefunden und bey Ew. H. angegeben haben werden.

Die K. A. d. W. ist ungemein wohl zufrieden, dasz Ew. H. diese Leute in Dero sorgfältige Aufsicht und information in dem studio metallurgico gegen die offerirte 1000 Rbl. über sich zu nehmen sich entschlossen haben, und wird die Helffte sothaner Summa auf erhaltene Nachricht von deren Ankunfft und Anfang der Information an Ew. H. sogleich übermacht werden, wiewohl es Denenselben auch freystehet, nach Gutbefinden von dorten aus darauf zu assigniren, wann Dieselbe wegen des hiesigen niedrigen Wechszel-Cours sich es gerathen finden sollten, welchenfalls die K. A. d. W. Dero Assignationes oder Wechsel-Briefe prompt honoriren wird.

Und da auch Ew. H. darinnen mit der Academie einig sind, dasz die Information 2 Jahre währen und eines oder des andern untüchtigen Studiosi Stelle mit einem bessern Subjecto, welches auf erfordernden Fall von hier gleich abgefertigt werden kan, ersezet werden könne, so hat es denn in allen seine Richtigkeit. Es kommt demnach vorjezo hauptsächlich auf die Lebens-Art und Instruction, wornach sich erwähnte Studiosi verhalten sollen, noch an.

Zum voraus musz ich Ew. H. vermelden, dasz diese 3 Personen, dem letzt eingekommenen Bericht des H. Regierungs-Raths Wolff gemäsz, im Fleisz und Studien einander sehr ungleich sind, in der Verschwendung aber einer dem andern es gleichsam zuvorthut, maszen sie in Marpurg über ihr jährliches Pensum ein ansehnliches unnüzer Weise verthan, und grosze Schulden gemacht, dardurch aber den von Ihro K. M. zu dergl. Ausgaben allergnädigst angewiesenen fond dergestalt erschöpft haben, dasz man nun auf eine genaue Menage bedacht seyn musz, um das angefangene auszuführen und die zu dem Studio metallurgico nunmehro erforderlichen Ausgaben bestreiten zu können.

Aus diesen Ursachen hat sich die Academie der W. genöthigt gesehen, die Pension der 3 Studiosorum von nun an zu verringern und jedem derselben statt der vorhero zugestandenen jährlichen 300 Rbl. nur die Helffte, einfolglich 150 Rbl. zu ihrer Subsistence zu bestehen.

Diese Nachricht dienet nun zu Einrichtung der Hauszhaltung und Lebens-Art der 3 Studiosen. Denn so müszte

1. ein jeder derselben seine àparte Kammer haben, damit der Fleiszige von dem Faulen um so minder verleitet werden kan.
2. Kan keinem ein besonderer Bedienter bestanden werden, sondern die benöthigte wenige Aufwartung müszte von der Magd im Hausze gegen ein mäsziges Trinck-Gelt geschehen.
3. Das Essen, die Mittags-Mahlzeit zu 4 gr. gerechnet, wäre gut und hinlänglich genug vor diese Leute, weilen sie darvon satt werden können, und ihnen durchaus kein Ueberflusz zu bestehen ist. Die Abend-Mahlzeit kann um die Helffte geringer seyn, und in einer Suppe nebst Butter, Käsz Brod und einer Kanne Bier bestehen.
4. Mit Kleidern müszen sie sich behelffen und diejenige, welche sie haben, in den bevorstehenden 2 Jahren brauchen.

Wann nun jeglicher Person vor Essen und Trincken des Mittags 5 gr. und des Abends 2 gr. und also täglich 7 gr. und überhaupts des Monats 9 Thlr., folglich des Jahrs 108 Thlr., vor eine Kammer

20 Thlr., vor Holz, Licht und Aufwartung 16 Thlr., vor Wäsche 6 Thlr., vor kleine Montour als Schuhe, Strümpfe etc. 8 Thlr., zu Schreib-Materialien, Handgelt und andern Kleinigkeiten als Puder, Seife etc., monatl. 1 Thlr. und also des Jahrs 12 Thlr. gerechnet wird, so beträgt sich die ganze Summa des Jahrs auf 170 Thlr. und sind von den 150 Rbl. noch 30 Thlr. übrig, worvon die nothwendigen Bücher, Modelle von Machinen etc., wie auch Pferde-Miethlohn, angeschaffet und bezahlet werden können. Wo aber an obigen festgesezten Ausgaben etwas ersparet werden kan, so mag solches zu anderweiten Kleidungen angewendet werden.

Ew. H. ersuche ich demnach von wegen der K. A. d. W. auf das inständigste, darauf zu sehen, dasz diesem allen also nachgelebet werde, dannenhero alles obgenannte und was vor die Studiosos ausgegeben werden soll, an diejenige, denen es gehöret, selbst zu bezahlen, den Studiosis aber ganz und gar kein Gelt, auszer den einen zu Hand-Gelt und Kleinigkeiten oberwehnten Maszen monatlich bestandenen Thaler in die Hände zu geben, im übrigen aber aller Orten in der Stadt bekannt zu machen, dasz ihnen von Niemand etwas creditiret werden mag, angesehen im entstehenden Fall die Academie der W. niemals darvon das geringste bezahlen wird.

Zu Bestreitung der oberwehnter maszen erforderlichen Ausgaben, wie auch wenn an dem Honorario vor Erlernung der Probir-Kunst, Marckscheiderey etc. etwas vorausbezahlet werden müszte, und zu Erkauffung der Marckscheider-Instrumente, welche den Studiosis etwa noch fehlen mögten, werden Ew. H. durch die Anstalten des Kaufmanns Herrn Petri in Dreszden vorerst 400 R. zu empfangen haben.

Die Academie der W. recommandiret übrigens Ew. H. Obsicht und klugen Sorgfalt diese jungen Leute auf das allerangelentlichste, und verlässet sich gänzlich und mit der sichern Hoffnung darauf, dasz Ew. H. sie in ihrem Studio sowohl als moribus dergestalt führen werden, dasz sie dermaleinst in ihrem Beruff tüchtig, in ihrem Wandel rechtschaffen und zum Dienst Ihro Kayszerlichen Mayestät von ganz Ruszland fähig erfunden, mithin so grosze Kosten nicht unnüze verwendet werden, noch die Academie der W. darüber in Verantwortung kommen könne. Um diesen Zweck so leichter zu erreichen, ist eine Ordre an die 3 Studiosos ausgefertiget, welche Ew. H. hiebey zu empfangen und denenselben zu publiciren belieben werden. Der ich übrigens mit Hochachtung verharre Ew...

St. Petersburg den 7. July 1739.

№ 62. Письмо Генкеля къ бар. Корфу, отъ 10 авг. (30 іюля) 1739.

Hochwohlgebohrener Herr

Höchstzuehrender Herr Cammerherr.

Ew. Excellenz habe die grosze Ehre, auf Deroselben, unter dem 7 Jul. an mich abgelaszenes und vorgestern eingegangenes gnädiges Schreiben, in schuldigster Antwort zu melden, dasz die Ruszischen Herrn Studiosi, Reyser, Lomanosoff und Winogradoff vor etlichen Tagen hier angelanget sind und ich auch allbereit die operationes und lectiones metallurgicas mit denenselben angefangen habe. Ob nun wohl diejenige Instruction, welche eine hochlöbliche Academie derer Wiszenschafften mit beygesendet haben will, dabey sich nicht gefunden, so habe ich doch indeszen den Inhalt hochgedachten Briefes ohne einige Zurückhaltung denenselben ganz frey eröffnet und nachdrückliche Vorstellung gethan, damit sie dem allergnädigsten Befehl Ihro Russisch-Keyserlichen Majestät und der gemessensten Verordnung ihrer hohen Hrn. Vorgesetzten in allen vollkommen und gehorsamst sich submittiren, ohne mich nichts vornehmen und mich hierbey nicht allein alsz ihren Lehrer, sondern auch alsz einen wahrhafftigen guten Freund ansehen möchten. Hier kan nun Ew. Excellenz ohne alle Schmeicheley versichern, dasz dieselben sothane Eröfnung und Vermahnung mit allen schuldigen Respect angenommen und hierunter nicht ohne Erröthung bekennet, welcher gestalt sie die Marpurgische Wirthschafft allerdings nicht wohlüberlegt geführet und sichs zur besonderen Gnade rechnen, dasz Ew. Excellenz ihnen Dero unverdiente Vorsorge auch durch die mir über dieselben aufgetragene Aufsicht angedeyen zu laszen, sich so gnädig erklähret haben. Ich meines Orts zweiffele auch an ihrer hierunter bezeigten Aufrichtigkeit eben so wenig, alsz ich die zu diesem Studio behörige capacität, wie auch Lust und application, nebst confidence und egard gegen mich, von ihnen allbereit verspühre, dergestalt, dasz ich der guten Hoffnung lebe, durch Gottes Beystand das jenige an ihnen auszurichten, was Ihro Ruszisch-Keyserliche Majestät und Ew. Excellenz von mir erfodern, und ich nicht nur nach meiner eingegangenen Verbindung, sondern auch nach den Pflichten der humanität schuldig bin. Nachdem aber Ew. Excellenz mir dadurch so etwas wichtiges anzuvertrauen sich haben entschlieszen können, so hoffe ich bey Denenselben Erlaubnüsz und Credit zu finden, wenn ich mir die Freyheit nehme, meine Gedancken zu eröffnen, dasz ich bey dem vor

diese meine lieben Herrn Commilitones bisz zur Helffte eingeschrenkten jährlichen Gehalt, vor die Erreichung des erwünschten Zwecks etwas besorget bin. Denn nicht zu gedencken, dasz ich dieselben neuer Kleyder allhier höchst benöthiget sehe, wozu auch allbereit, nach mit des Herrn Hoff-Cammer Rath Junckers HochEdelgebohren gepflogener Communication, mit Erkauffung Tuches nebst Zubehör, Anstalt getroffen ist; auch zu geschweigen, dasz eins und das andere, z. e. ein Gruben Habit, auch zu deszen Gebrauch im laboratorio, welcher in die 5 Rthl. leicht zu stehen kommt, ein zinnernes Tischservice zu ein paar Thal., neue Wäsche und anderes, welches sich nicht sogleich benähmen läszt und ein ziemliches austragen wird, so ist der Umgang mit Berg- u. Hüttenbedienten, wie auch Schüttmeistern, alsz ein nicht geringes Hülffsmittel, in Berg- u. schmelzwesen desto mehr zu profitiren, dann und wann zu Erzstuffen zu gelangen, auch Steiger u. Bergleuthe sich gefällig zu machen, gewisz mit anzusehen, wobey sich denn die jungen Leuthe, jenen eine Ehre mit einem Glasz Wein oder einer Schale Caffée bey sich zu erweisen und diesen ein Trinckgeld zu geben, sich nicht allemahl werden entbrechen können. Wenn nun hohen Orts nach der zum abgesehenen Zweck erheischenden Nothdurfft zu denen allbereit gnädig geordneten 150 Rubel annoch 50 Rubel jährlich ihnen zuzulegen beliebet werden sollte, Ew. Excellenz aber gleichwohl, wiewohl ich bey meiner mir vorgesezten vigilanz kein Besorgnüsz habe, ein Miszbrauch der vermehrten Gnade befahren möchten, so dürffte doch wohl dieses, demselben vorzubeugen, ein Mittel seyn, wenn ich ihnen von dergleichen Zulage gar nichts offenbahrete, sondern sie dabey liesze, dasz ihnen und mir ein mehreres nicht alsz 150 Rubel jährlich in Rechnung passiret werden sollten, da ich aber unter der Hand, alsz Vorschusz-weise und gleichsam auf mein risico, die andern 50 Rubel zu ihrem soulagement nach und nach dennoch reichen würde. Was das denenselben zu ihrer eigenen disposition in die Hände baar zu gebende betrifft, so sollte unmaszgeblich wohl davor halten, dasz anstatt monatlich ihnen wöchentlich 1 Rthl. zu reichen wäre, angesehen auf die zufälligen Ausgaben an Puder, Seiffe etc. und an obengezeigter maaszen erfoderlichen Ehrenbezeugungen und Trinckgeldern alle Heller und Pfennige sich nicht anschreiben laszen, noch also überal Belege-Zeddel darüber zu schaffen sind, und wenn auch dieses wäre und seyn müszte, ihnen doch unmöglich nachgerechnet werden kan, über dieses ich das Vertrauen zu ihnen geschöpfet habe, dasz sie sich über bagatellen, welches sie doch gleichwohl zu besorgen hätten, nicht attrapiren laszen werden; da ich hingegen alles dasjenige, was auf zeddel bezahlet

werden kan, nachdem es Empfängere unterschrieben und agnosciret haben, selbst zu bezahlen nicht ermangeln werde. Weil auch auf wohlüberlegte Anregung und Erinnerung des H. Hof-Cammer Rath Junckers fast unentbehrlich seyn will, dasz unsere jungen Herrn Studiosi sich in Zeichnen üben und die Gruben-Gebäude, Schmelz-Oefen, Werckzeuge, machinen und Stuffen in Risz und Vorbildung zu bringen capable werden, solches aber mein Werck nicht ist, alsz haben wir beyde einen sehr geschickten Mann, den hiesigen Edelstein Inspectoren Hern. Kern dahin vermogt, dasz er sie hierinnen alle dreye um 100 Rthl. jährlich in Information zu nehmen entschloszen, alsz für welchen Zuschusz, wir zu genauerer wohlgemeynter Erfüllung Ew. Excellenz habenden patriotischen Intention, hiermit unterthänigst anzuhalten, verhoffen auch um so viel eher Ew. Excellenz gnädige approbation zu erlangen, da bey dieser Gelegenheit unsere angehenden Bergleuthe von gedachten Herrn Kern auch in anderen Stücken unseres Wesens gar ein vieles profitiren können, und ihnen dadurch alle Zeit und Anlasz auf etwas anderes zu dencken benommen wird. Zulezt soll ich auf Ew. Excellenz gnädige Erlaubnüsz mich noch zu erklähren die Ehre haben, dasz ich den Werth eines Rubels bey dem mit mir getroffenen accord sowohl, alsz nach meinem ersten Vorschlag, wenigstens auf den Fusz eines Specie Thalers oder 32 guter Groschen genommen und anbey nochmals versichere, dasz ich bey einer so wichtigen und mühsahmen Sache, durch getreue fleiszige Unterweisung auch anderweitige Besorgung der Wohlfarth dieser lieben Jugend, nicht allein Gelegenheit genug habe, mich um das dermaszen accordirte honorarium wohlverdient zu machen, sondern auch es meines Orts nach meinem besten Wiszen und Vermögen allenthalben in acht zu nehmen nicht unterlaszen werde. Ich ersuche demnach Ew. Excellenz ganz gehorsamst, die Gnade vor mich (zu) haben, und die für mich zum Anfange zurück gelegten, 500 Rubel, alsz die Helffte des allergnädigst accordirten honorarii, an den Herrn Legations-Secretaire Pezold auszahlen zu laszen, welcher denn auf meine mit heutiger Post an ihn gethane Bitte solche in Empfang zu nehmen und mir solche bey guten Wechsel Cours zu übermachen die Güte haben wird. Ich versehe mich hierbey Ew. Excellenz gnädigen propension und verharre mit allen respect Ew. Excellenz

Meines höchstzuehrenden Herrn Cammerherrns

gehorsamster Diener

Freyberg, den 10 Aug. 1739. Johann Friedrich Henckel.

Die Assignation auf 520 Rthlr. ist richtig eingegangen.

№ 63. Письмо бывшаго академика Юнкера къ бар. Корфу, изъ Фрейберга, отъ 11 авг. (31 іюля) 1739.

Hochwohlgebohrner Herr,

Insonders Hochzuehrender Herr Cammer-Herr und Chef der Academie der Wissenschafften,

Gnädiger Herr!

Indem dasz ich allhier zu Freyberg die letzte Hand an die mir allergnädigst aufgetragene Comission lege und mit Ausarbeitung meiner allerunterthänigsten Relation beschäfftiget bin, so habe das unschätzbare Vergnügen Gelegenheit zu bekommen, um Ew. Excell. so grosz- als edelgesinnete Intentionen meines geringen Antheils einigermaaszen befördern zu können. Es sind nehmlich auf hohe Ordre Ew. Excellenz vor kurtzem die 3 zum Berg-Wesen destinirte Studiosi von Marpurg hier angelanget; weswegen meiner Pflicht zu seyn erachtet, nicht nur selbige ihrer Studien und Conduite halber möglichst auszukundigen, als auch ihres künfftigen Verhaltens und Versorgens wegen mit dem H. Berg-Rath Henckel in Deliberation zu treten. Hierauf habe die Ehre, Ew. Excell. in tiefster Unterthänigkeit und mit aufrichtigster Feder zn berichten, wie dasz gedachte Studiosi, ihrer Kleidung nach, zwar nicht zum ordentlichsten erschienen, gleichwohl aber, so wohl von dem Herrn Berg-Rath, als mir, befunden worden, dasz sie in denen ihnen angewiesenen Wissenschafften einen trefflichen Grund geleget, der uns von ihrem zu Marpurg angewendetem Fleisze ein überreichendes Zeugnisz gegeben; wie ich denn nicht weniger bey denen ersten Lectionen im Laboratorio, welchen ich aus obengeführter Ursache mit beygewohnet, auch ausserdem ihre löbliche Curiosität und Begierde auf den Grund der Sachen zu kommen, nicht unangemerckt lassen können. Wir schmeigeln uns daher um so zuversichtlicher mit der Hoffnung, dasz unsere unterthänigste Vorbitte in Ew. Excell. mildestes Gemüthe Eingang finden, selbiges die auf gedachte Studiosos, wegen jugendlich geführter Hauszhaltung gerechtest geworffene Ungenade schwinden lassen und Ew. Excell. der von uns wohlmeynend getroffenen Verfügung die gnädige Approbation nicht entziehen werden.

Darff ich mich erkühnen, Ew. Excell. bey dieser Gelegenheit noch einen unvorschreiblichen Gedancken zu unterlegen, so finde unmaaszgeblich für rathsam und Ew. Excell. hohen Verabzielung sehr beytretend, dasz ausser der Acquisition der generalen Begriffe vom dem

Berg-Wesen, sich jeder von denen Studiosis auf ein Haupt-Departement desselben besonders lege und einer die Kenntnisz der Ertzte und anderer Mineralien, der andere den Gruben-Bau und das Machinen-Wesen, und der dritte das Hütten- und Schmeltz-Werk vor andern treibe. So viel ich nun aus dem Umgange und Discours vorgängig urtheilen können, möchte zu dem ersten Reisser, bey dem andern Lomonossoff und bey dem dritten Winogradoff am besten einschlagen. Zu Erreichung dieser Absicht und damit sie sonst hinter die wahren Beschaffenheiten und Vortheile in ihrem Vorhaben kommen mögen, mache ich ihnen hier alle profitabele Addresse, die ihnen anderen Falles etwan entstehen könnte; wozu ich ausser dem Absehen auf das gemeine Beste, durch nichts anders angereget werde, als den Eifer der mich unausgesetzet erinnert, bey allem Anlasz zu bezeigen, mit welcher devotesten Veneration ich sey

Hochwohlgeborner Herr

Insonders Hochzuehrender Herr Cammer-Herr und Chef der Academie der Wissenschafften,

Gnädiger Herr!

Ew. Excell.

unterthänigst-gehorsamster Diener

Freyberg, den 11. Augusti St. n. 1739.

Gottlob Friedrich Wilhelm Juncker.

№ 64. Письмо президента Академіи къ Генкелю, отъ 13 іюля 1739.

HochEdelgeborner

Hochgeehrtester Herr Berg-Physicus.

In der Hoffnung, dasz Ew. H. mein unterm 7ten h. an Dieselbe abgelassenes Schreiben nebst der Einlage wohl erhalten haben werden, übersende hierbey die an die 3 Studiosos bey der Academie der Wissenschafften ausgefertigte Ordre, deren in demselben Erwehnung geschehen, und in Erwartung baldiger beliebiger Antwort verharre unausgesezt

Ew. HochEdelgebohren

den 13. Juli 1739.

. . .

№ 65. Приказъ академической Канцеляріи фрейбергскимъ студентамъ, отъ 13 іюля 1739.

Ordre

an die 3 Studiosos, Raiser, Lomanossoff und Winogradoff.

Demnach rubricirte Studiosi in Marpurg denen eingegangenen Nachrichten zufolge Zeithero in vielen Stücken eine unordentliche Lebens-Art geführet, insonderheit sehr verschwenderisch gelebt und grosze Schulden gemacht haben, wesfalls Ihnen die wohlverdiente Strafe vorbehalten worden: Als ist immittelst zu Vorbeugung fernerer Unordnungen und Ausschweifungen bey der Academie der Wissenschafften resolvirt, dasz jeglichem gedachter 3 Studiosorum in Freyberg jährlich nicht mehr, als 150 Rubel statt der vorhero genossenen Pension bestanden, sothanes Gelt auch Ihnen keineswegs in die Hände gegeben, sondern an den Herrn Berg-Physicus Henckel remittiret und von demselben zu gedachter Studiosorum Subsistence nach der Art und Weise, wie solche von der Academie der Wissenschafften vorgeschrieben, und erwehntem H. Berg-Physico communiciret worden, jederzeit disponiret, Ihnen aber den Studiosis selbst, jeglichem zu Hand-Gelt und kleinen Ausgaben, als zu Schreib-Materialien, Puder, Seife etc., mehr nicht als 1 Rthlr. des Monats gereichet werden soll. Es wird dannenhero denen Studiosis Raiser, Lomanossoff und Winogradoff hiemit alles Ernstes befohlen, den H. Berg-Physicus Henckel, als ihren Vorgesezten, geziemenden Respect zu erweisen, seinen Anordnungen, betreffend ihre Studia, Lebens-Art und Aufführung fleiszig nachzukommen, mit demjenigen Tisch und Logis, so Er Ihnen anweisen wird, zufrieden zu seyn und überhaupts alles das, was Er wegen ihrer Subsistence in Freyberg reguliren wird, gehorsamlich anzunehmen, im übrigen keine Schulden zu machen, noch andere Excesse zu begehen, sondern sich vielmehr einer anständigen Aufführung zu befleiszigen, ihren Studiis gehörig obzuliegen und also die in Marpurg begangene Excesse zu redressiren.

Und haben sich erwähnte Studiosi hiernach zu richten und vor unausbleiblicher Strafe, so wie solche Ihro Kayszerl. Majest. Ukasen dictiren, sorgfältig zu hüten.

Gegeben in der K. A. d. W. zu St. Petersburg.

Den 13. July 1739.

№ 66. Письмо Генкеля къ бар. Корфу, отъ 24 (13) дек. 1739.

Hochwohlgebohrner Herr

Hochgeehrtester Herr Cammerherr.

Ew. Excellenz soll hierdurch gehorsamst ersuchen, es nun bald dahin gnädig zu verordnen, damit ich zu der Helffte des, wegen derer allhier in meiner Institution sich befindenden Hrn. Ruszen, gleich beym access zu zahlen ausgebetenen, auch also accordirten honorarii des chesten zu gelangen das Glück haben möge, wie auch um das vor dieselben selbst jährlich ausgesezte Geld fernerweit avanciren zu laszen, und da die hierzu allbereit eingegangenen 520 Reichsthaler, zu dererselben Bedürffnüsz, inclusive der Helffte des dem Probirer und Marckscheider accordirten und gewöhnlichen, mit Schlusz des Monats Januarii a. seq. a ufgehen, ja ich alszdann 76 Reichsth. annoch vorgeschoszen haben werde, alsz welches die Jahres Rechnung seiner Zeit besagen soll, so wollen Ew. Excellenz die disposition zu treffen gnädig geruhen, damit ich zu gedachter Studiosorum fernerweiten Bedürfnüsz, bald wieder etwas auf eine Zeit lang in Händen habe, innmaszen mich im Stande vorzuschieszen nicht befinde, auch mit baaren Gelde beszer gewirthschafftet werden kan, worbey endlich auf mein unvorgreifliches Vorstellen, dasz diese meine lieben H. Commilitones mit 200 Rthl. jährlich allhier nicht auskommen können oder man es an einem und dem andern zu ihrem eigenen Nachtheil würde fehlen laszen müszen, gnädige Resolution zu ertheilen mir gehorsamst auszubitten nicht Umgang nehmen kan, ob es bey besagten 200 Rthl. jährlich sein Bewenden haben, oder ihnen eine Zulage angedeyen soll. Im übrigen kan ich sagen, dasz das mit denenselben angestellte studium metallurgicum wohl von statten gehet, wobey zwar Anfangs Mons. Vinogradoff ungeziemender Gesellschafft nachzugehen sich gelüsten laszen wollen, aber sich doch auf mein glimpfliches und ernstliches Vorstellen geändert hat, ob ich schon, sonder alle Maszgebung, bey seiner Jugend es dennoch vor rathsam hielte, dasz er von der hochlöblichen Ruszisch-Keyserlichen Academie durch eine besondere Verordnung annoch admoniret würde, verharre mit allem schuldigen respect

Ew. Hochwohlgebohren

Meines höchstgeehrtesten Herrn Cammerherrens

gehorsamster Diener

Freyberg, den 24. Dec. 1739.

Johann Friedrich Henckel.

№ 67. Письмо Ломоносова къ Генкелю, въ Фрейбергѣ, (отъ янв.?) 1740 г.

Viro nobilissimo atque doctissimo Henkelio
Rei metallicae consiliario,

Michaël Lomonosoff

S. D.

Aetas, Nomen atque merita Tua persvadent, ut ea, quae objurgantibus verbis, ac me militum ordini annumeratum iri minantibus, expressus dolor protulerit, non malitiosae mentis, sed laesae innocentiae argumentum fuisse indicem. Non enim tam inutilem, ut praeter terenda venena nil praestare possem, Vir supra mortalium sortem positus, illustris Wolfius me judicavit. Neque ii, quorum patrocinio serenissimae Nostrae Dominae IMPERATRICI commendatus sum, improvidi atque imprudentes sunt. Novi profecto, quid Augustissimae Authocratris nomine mandatum est. Mihi praescripta, quam severissimè, Te ipso teste, observo. At illa, quae praesente excellentissimo Comite caeterisque commilitonibus pronunciasti, patienter ferre jussus non sum. Caeterum, quoniam me ex officina Tua chymica exire debere obliquis verbis significasti; diebus duobus abfui. Verum mandato MONARCHAE Clementissimae obtemperans laboribus adesse teneor. Quam ob rem cognitum habere vellem, an in aeternum societatem et amorem abnuisti, atque alta menta reposta sedet levi de causa exorta ira. Quod me attinet; omnia oblivioni tradere non recuso, atque naturali meo genio obtempero. Haec sunt, quae sentio, Tibique animi mei sensa aperio; atque benevolentiae pristinae memor, haec aut infecta aut nunquam memoranda esse cupio. Confido enim, quod discipulos Tuos amicos potius quam inimicos futuros esse velis. Quod si igitur Haec Tibi in votis sunt, peto, ut me certiorem facias.

Dabam hodie.

№ 68. Приказъ академической Канцеляріи фрейбергскимъ студентамъ, отъ (14 марта) 1740 года.

Ordre

an die Studenten, Raiser, Winogradoff und Lomonossoff.

Es hat die Kayszerl. Academie der Wissenschafften nicht ohne groszen Unwillen vernommen, welchergestalt bey der aus Marpurg geschehenen Abreise rubricirter Studenten sich nicht allein noch mehrere Schulden hervorgethan, als dieselbe vorhero angegeben hatten, sondern auch dasz sothane Schulden-Last aus einer üppigen Conduite und schändlichen Conversation hauptsächlich entsprungen und also eine so ansehnliche Summa Gelts der Kayszerl. Cassa entwendet worden. Ob nun wohl erwehnte Studiosi wegen dieses Vergehens und anderer vielen Excesse mehr, empfindlich zu bestrafen wären, so hat sich doch die Kayszerl. Academie der Wissenschafften durch derselben bezeugte Reue und die Vorstellung des Herrn Berg-Physici Henckels endlich bewegen lassen, mit der wohlverdienten Strafe vor diesmal noch einzuhalten, dahingegen aber den lezten Versuch zu thun, ob rubricirte Studiosi nach nunmehro erfolgter Erkänntnüsz ihres Vergehens bey dem bezeugten Vorsatz zu einer vernünfftigern, tugendhafftern und bessern Lebens-Art beharren, solche würklich ausüben und also die Menge ihrer begangenen so groben Fehler redressiren werden.

In solcher Zuversicht hat die Kayszerl. Academie der Wissenschafften beschlossen das einem jeden genannter 3 Studiosen bestandene Gehalt der 150 Rbl. nunmehro an den H. Berg-Physicum Henckel übermachen zu lassen, welcher damit nach denen Ihme schon vorhero an Hand gegebenen Reguln und Ihnen, Studiosis, bereits bekannt gemachten Ordres verfahren wird.

Wie nun rubricirte Studiosi von selbst vernünfftiger Weise bedenken werden, dasz die zu ihren Studien auf Universitäten gewidmete Jahre fast vorflossen, Sie aber in denselben dasjenige nicht erlernet noch profitiret, was Sie der Kayszerl. allerhöchsten Intention gemäsz bisz dato hätten erlernen sollen und können, dahingegen gleichwohl eine so ansehnliche Summa Gelts verthan haben, woraus denn der Schlusz von selbst fället, dasz Sie die noch übrige wenige Zeit aufs beste anwenden und während derselben eifrigst arbeiten müssen, um das versäumte einzubringen, und der lezten Gelegenheit, die Sie nun haben, sich vortheilhafft zu bedienen: Also werden Sie hiemit nicht

allein obrigkeitlich, sondern auch vätterlich erinnert und vermahnet, allen unnüzen Zeit-Vertreib an die Seite zu sezen, den Müsziggang zu meiden, sich vor liederlichen Gesellschafften zu hüten, hingegen den Weg der Tugend standhafft zu wandeln, ihrem Beruf getreulich obzuliegen, insonderheit das nun angefangene Studium metallurgicum mit höchsten Fleisz zu treiben, ihren Umgang mit ehrlichen und geschickten Leuten einzurichten, denen wohlgemeinten Vermahnungen ihres Vorgezezten, des H. Berg-Physici Henckels, ein gehorsames Gehör zu geben, und überhaupts so zu wandeln, zu leben und zu lernen, wie es die Pflicht eines vernünfftigen Menschen, ihre besondere Schuldigkeit und die allerhöchste Ihnen gnugsam bekannte Intention Ihro Kayszerl. Majest. haben will und erheischet. Werden Sie diesem nachkommen, so wird die Kayszerl. Academie der Wissenschafften des vorigen sich nicht nur nicht mehr erinnern, sondern auch Ihnen fernere Vorsorge und alles gute angedeyhen zu lassen geneigt seyn. Woferne Sie aber sich aufs neue vergehen und diesem allen in einem oder dem anderen Stück zuwieder handeln werden, so sollen Sie als Uebertretter und Verächter der Kayszerl. Befehle angesehen, und ohne Verschonen nach den Gesezen Ihro Kayszerl. Majest. auf das schärffste gestraft werden. Dieses ist der Kayszerl. Academie der Wissenschafften allendlicher, ernstlicher Wille und Befehl, wornach Sie sich zu richten, und vor Schaden und Unglück zu hüten haben.

Gegeben in der K. A. d. W. (d. 14. Mart.) 1740.

№ 69. Изъ письма проф. Вольфа къ членамъ Академіи Наукъ, изъ Марбурга, отъ 15 (4) іюня 1740.

Viri Amplissimi atque Celeberrimi.

Accepi ante aliquot menses duas literas cambiales a Perillustri D. N. de Korff, quarum prioribus extingui debebat debitum Studiosorum Russorum anno praeterito hinc abeuntium, posterioribus vero mihi offerebatur pensio pro anno praeterito. Cum consueto more illas Judaeo Francofurtensi praesentari curassem, eas acceptare nolebat, ut adeo vi Juris cambialis protestatio per Notarium interponenda esset, ne valor illarum destitueretur, et expectandum, quid termino solutionis sit facturus. Hic cum comparuisset, nullas amplius difficultates movit, sed summam utramque solvit. Hoc igitur vobis significare debui...

№ 70. Письмо Генкеля въ Академію Наукъ, отъ 20 (9) іюня 1740.

Hochwohlgebohrner Herr

Höchstgeehrtester Herr President.

Ew. Excellenz habe hierdurch die Gnade eine Relation, Mons. Lomonosoffs allhier geführten Conduite wegen, einzureichen, der ich mit aller Consideration verharre

Ew. Excellenz

Meines höchstgeehrtesten Herrn Presidentens

gehorsamster Diener

Freyberg, den 20. Jun. 1740.

Johann Friedrich Henckel.

Relation

an die hochlöbliche Ruszisch-Keyserliche Academie zu Petersburg

von Mons. Michael Lomonosoffs in Freyberg bezeigten Conduite.

Ich habe denselben anpfänglich fast distinguiret, zwar bald gemercket, dasz er die besten mores nicht besitze und den Trunck liebe, auch ihn deszwegen mehr alsz einmahl vergeblich vermahnet, aber doch, da er ein gutes ingenium und profectus in dem studio metallurgico bewiesz, seine Beszerung gehoffet: Er hat aber die Verstellungskunst nach und nach mercklich selbst bloszgegeben, und an Tag geleget, dasz er sich weder gouverniren kan, noch gouverniren laszen will. Ja endlich hat dereslbe auch den respect gegen seine hohen Vorgesezten an meiner von Denenselben autorisirten Person gänzlich bey Seite zu setzen sich nicht entblödet, ja sich an mir und denen Meinigen gröblich zu vergehen keinen Scheu getragen; welches denn gleich wenige Tage darauf, alsz ich an des Herrn Praesidenten von Korff Excellenz das lezte mahl zu schreiben mir die Ehre genommen, den völligen Ausbruch gewonnen, sonsten ich solches an die hochlöbliche Academie gleich zu berichten, in keine Wege unterlaszen haben würde. Ich hiesz unter andern denselben zu einer gewiszen und solchen Feuer Arbeit, so ich

selbst, gleichwie allezeit mit angriff, deszen auch sonsten niemand sich weigerte, zugleich mit Hand anlegen, er refusirte mir aber dieses nicht allein zum ersten und andern mahl mit den ausdrücklichen Worten: das will ich nicht, sondern auch, da ich, um ihn, weil er die Arbeit zu subterfugiren und den Herrn zu spielen, mir allbereit scheinen wollen, auf die Probe der Parition zu setzen, der rechten Gelegenheit zu seyn ersahe, um so viel desto mehr darauf bestund und ihm vorstellete, dasz er auf diese Art nichts rechts lernen würde, noch hier was nütze wäre, und ein Soldate Pulver riechen müsse, so ging er, ohne dasz ich ihm weiter ein Wort sagte, mit Ungestüm und ungewöhnlichen Geberden davon, nach Hause und auf seine Stube, welche von meinem museo nur mit einer einfachen Ziegelwand unterschieden ist, dasz man bey starcken Reden, rüber und nüber die Worte leicht vernehmen konte. Da hat er nun denen meinigen zum Angehör entsezlich getobet, mit der grösten Heftigkeit an diese Scheidewand angeschlagen, zum Fenster hinaus geschrien, geschimpfet, ja so gar Hunng fuit auf die gröbste deutsche Art auf die Gasze mit vollem Halse ausgestoszen, da doch ein Obristlieutenant ihm gegen über lag, auch ein Officier gleich vorüber gegangen. Hierauf ist er in der Stadt, und zwar nicht gleich besoffen, von einem Ort zum andern gegangen, endlich voll geworden, hat wieder mich allerhand unanständige Reden evomiret, und, um sich schöne zu machen, meine guten Freunde und den Wirth selbst, alsz wenn ich übels von ihnen geredet, gefährlicher Weise wieder mich aufzuhetzen gesucht, sich gegen die meinigen beym vorübergehen nicht wenig impertinent erwiesen, und was das allerärgste war, so schrie er Abends um 10 Uhr, alsz er nach Hause kahm, mit vollem Halse, dasz ich s. v. . ., anderes unerhörten Bezeigens nicht zu gedencken. Den Tag hierauf kahm er nicht wieder ins laboratorium und schickte mir am Abend diesen hier beygelegten Brieff, worinnen zwar einige Art einer deprecation enthalten seyn soll, aber mehr Trotz und Unbescheidenheit hervorsticht, unter allerhand falschen imputationen und erzwungenen Beschönigungen, dasz ich ihm eine Antwort darauf zu geben, noch ihm nachzugehen, meiner convenienz zu seyn nicht erachten konte. Den 4ten Tag endlich, nachdem seine H. Commilitones lange genug an ihm gearbeitet hatten, und er mitlerweile noch allerhand insolentien verübet, kahm er auf meine Stube, bezeigte dem Ansehen nach über sein ungewöhnliches Vergehen eine Reue, ich unterliesz auch nicht, nachdem ich ihm den Kopf nach Verdienst wohl gewaschen hatte, mit ihm so gütig zu handeln, alsz wenn disz alles nicht geschehen wäre. Allein es hat weder Ernst noch Güte an ihm etwas verfangen

wollen, und sich je mehr und mehr veroffenbahret, dasz eine wahre resipiscenz nicht zu hoffen, nehmliches mit ihm in keine Wege an einer Schwachheit, sondern an einer vorsetzlichen Boszheit liegen müsze. Dennoch wollte ich denselben ad saniorem mentem zu bringen noch nicht gar verzweiffeln und stund darum mit diesem Bericht annoch an, welchen ich an eine hochlöbliche Academie hiervon zu erstatten mir vorgenommen: Aber vor 6 Wochen ohngefähr verging er sich abermahls dergestalt an mir, und zwar ganz nüchterner Weise, dasz ich die Feder zu ergreiffen, länger mich nicht entbrechen konte. Er wollte nemlich Geld haben und ich hatte die höchste Ursache, solches ihm zu versagen; da fuhr er ganz trotzig gegen mich heraus: Ja so sollte ich das Geld gar behalten, lief erbittert mit frechen Hutaufsetzen und vergallten ausspucken von mir und liesz mich wieder seine Gewonheit ohne Abschied nehmen, alleine nach Hause gehen. Wenige Tage hierauf, alsz sie alle dreye über ein Anfahren sich mit mir beredeten und ich dieselben zur Erspahrung des Geldes anmahnete, vornehmlich aber den H. Lomonosoff bedeutete, dasz ich ihm das von der hochlöblichen Academie zu Speisz und Tranck täglich ohngefähr nachgelaszene nicht mehr pasziren laszen könte, sondern weil er allbereit hier zu viel verthan, ich daher etwas inne behalten müszte, — so sagte er mir kecklich ins Gesichte, dasz ichs ihm zu geben schuldig wäre, wo anders, er nach Petersburg schreiben und sich über mich beschwehren würde, wobey er nur etwas betruncken zu seyn mir vorkahm. Bey dieser abermahligen Effronterie und in Erinnerung meiner allezeit gegen ihm gebrauchten Bescheidenheit, ja erwiesenen besonderen Höflichkeit, auch habenden mühsahmen Sorgfalt, anbey in Dargegenhaltung so vieler ganz und gar unverschuldet von diesem Menschen erlittenen Impertinentien, vornemlich derer in der Stadt wieder mich nachtheilig ausgestoszenen Reden, alsz wenn ich mich durch das Ruszische Geld nur zu bereichern suchte, kan ich nun nicht läugnen, dasz ich meine Gedult so schändlich miszbrauchen zu laszen, im Stande länger mich nicht befand, sondern denselben beym Arme ergriff und (freylich nicht mit liebreichen Complimenten, sondern in hefftiger alteration) von mir und zur Stube hinaus stiesz, worüber ich bisz dato ein mehreres Leid nicht empfinde, alsz dasz mir dadurch an meiner Gesundheit und Gemüths-Ruhe nicht wenig Schaden zugefüget worden. Hierauf habe ich ihn weiter nicht gesehen, aber so viel gewisz gehöret, dasz er denselben Tag entsezlich besoffen auf denen Gaszen herumgetaumelt und sich gegen die Meinigen beym Vorübergehen sehr frech und unhöflich bezeiget. Endlich bin ich denn darhinter gekommen, wie er schon

hiebevor hier und dar ungebührlich sich verhalten, in seinem Qvartir übel gehauset, Leuthe geschlagen, bey unfertigen Händeln in einem Weinhause sich finden laszen, mit hiesigen jungen Schulpurschen Brüderschafft gemacht, den Trunck vom Anfange zu viel geliebet, mit einer Weibsperson in Marpurg verdächtigen Briefwechsel gepflogen, kurz, sich nicht wohl aufgeführet. Nachdem ich nun deszen Wiederkunfft und ferneres Betragen noch abwarten wollte, immittelst darüber so viel Zeit verstrichen, so referirete mir endlich Mons. Raiser vor etlichen Tagen, welcher gestalt Mons. Lomonosoff von Leipzig an ihm geschrieben, dasz er allda ganz vergnügt lebe und man sein Qvartir aufgeben sollte, welches denn auch geschehen. Und da man seine Stube geöffnet, auch seine Sachen durchsuchet, so hat sichs befunden, dasz er meine Probir Waage, nebst dem völligen Probir Gewichte, so ich ihm gelehnet gehabt, am Werth 10 Rthlr., mitgenommen. Hierzu soll ich noch hinzufügen, dasz der Cursus metallurgicus bisz auf ein und anderes Experiment und Lection vor seiner Abreise allbereit vollendet war, und die repetition, weil die Sommerszeit zum Gruben- und Hütten Wesen angewendet werden musz, bisz auf nächstkommenden Winter ausgesetzet worden.

Freyberg den 20. Jun. 1740.

Johann Friedrich Henckel.

Inserat.

Vor Abgang dieses referiret mir annoch der letzte Wirth, ein Advocat, wo Mons. Lomonosoff logiret hat und kaum warm geworden war, dasz dieser auf vorerzehlte Begebenheit in der Wuth die Bücher, so ich ediret habe, obgleich ihm gehörig gewesen, in kleine Stückgen zerhackt und zerriszen, auf denen Straszen, mich zu überfallen und eins zu versetzen, mir hämischer Weise nachgegangen und sich dabey vermeszen, die Rache, es währe auch so lange es wolle, mir nachzutragen, ferner, dasz, alsz besagter Wirth schon eine Zeit, nemlich 2 bisz 3 Wochen vorher, diesem Menschen, über sein auf seiner Stube verübtes entsetzliches Wüten und Toben, darüber das Hausz erschüttert worden, zugeredet, dasz er ihn doch in seinem Eigenthum nicht verunruhigen, noch daszelbe solcher gestalt, deszgl. mit Feuer und Licht, verwahrlosen möchte, er, Lomonosoff ihn bey der Kehle ergriffen, alsz wenn er ihn hätte erwürgen wollen.

Datum d. 22 Jun. a. c.

J. F. Henckel.

№ 71. Письмо академической Канцеляріи къ русскому посланнику въ Дрезденѣ, отъ 31 іюля 1740.

Hochwohlgebohrner Herr

Insonders Höchstgeehrter Herr Geheimter Rath und Ritter.

Es hat die Kayserl. Academie der Wissenschafften auf gethane Vorstellung des Hrn. Berg-Rath Henckels in Freyberg vor nöthig befunden, den Stud. Michael Lomonossoff, welcher auf hohen Befehl Ihro Kayserl. Mayst. vor 4 Jahren nebst 2-en anderen Stud. zu Erlernung der Metallurgie herausgeschicket worden, auch dieserhalb sowohl in Marpurg bey dem H. Regierungs-Rath Wolff die collegia fraequentiret, als auch nachhero in Freyberg von gedachten H. Berg-Rath Henckel in praxi metallurgica profitiret, wiederum zurückzurufen, und ihn nach seiner capacitaet anderwerts zu employiren. Wenn nun derselbe sich jetzo noch in Leipzig befindet: Als haben wir Ew. Hochwohlgebohren hiemit in aller Ergebenheit ersuchen wollen, diesen Stud. Lomonossoff zu sich zu beorderen, die hiebey gelegte Ordre ihm abgeben, und nachhero selbigen zu Wasser oder zu Lande, so wie es Ew. Hochwohlgebohren vor gut befinden werden, wiederum hieher respediren zu lassen. Alle hierauf zu verwendende Spesen wird die Academie der Wissenschaften nicht nur nicht ermangelen, auf die erste dieserhalb erhaltene Nachricht mit aller Erkenntlichkeit sogleich zu refundiren, sondern wir werden auch ins besondere davor mit vollkommenster Hochschätzung beharren

Ew. Hochwohlgebohrnen . . .

№ 72. Ордеръ Канцеляріи Ломоносову, отъ іюля 1740 г.

Ordre

an den Studiosus Lomonosoff.

Nachdem die Kayserl. Academie der Wissenschafften vor gutt befunden, denselben zurückzurufen, und ihn allhier zu employiren: Als wird demselben hiemit befohlen, auf die erste Ordre des Hrn. Geheimdten Rath und Envoyé v. Kayserling Hochwohlgebohren, sich auf den Weg zu machen, und seine Reyse dergestalt zu beschleunigen, dasz er ohne eintzigen Aufenthalt unterwegens, hier eintreffen möge.

Gegeben . . .

№ 73. Письмо Канцеляріи къ Генкелю, 1740 года.

HochEdelgebohrner

Hochgeehrter Herr Berg Rath.

Es hat die Kayserl. Academie der Wiszenschafften Ew. HochEdelg. Zuschrift, de dato Freyberg den 20. Juny 1740, richtig erhalten, und daraus die unanständige Aufführung des Stud. Lomonosoff mit besonderem Miszvergnügen ersehen. Wenn es nun fast das Ansehen gewinnen will, dasz man durch diesen Menschen den mit ihm intendirten Endzweck schwerlich drauszen erreichen werde: So hat man darauff vor gutt befunden, denselben wieder zurück zu rufen und auf eine oder die andere Art nach seiner capacitaet alhier zu employiren, wie denn auch der Kayserl. Russische Minister an dem Sächszischen Hofe, der Hr. GehtRath v. Kayserlingk Hochwohllgebohren um deszen Abschickung schon schriftlich ersuchet worden. Ew. HochEdelg. werden sich hiervon nichts merken zu laszen belieben, damit der Mensch dadurch nicht etwan zu latitiren Gelegenheit bekomme.

Die beyde übrige Subjecta recommandiren wir zu Ew. HochEdelg. Vorsorge und getreuen Unterrichtung und leben dabey der Hoffnung, sie werden davon zu profitiren und also dadurch in den Stand zu kommen sich bemühen, damit Ihro Kayserl. Mayst. allergnädigster Wille hievon ins Werck gerichtet werden könne. Wir beharren

Ew. HochEdelgebohrnen . . .

№ 74. Счетъ за чтеніе газетъ и журналовъ, уплаченный Генкелемъ, лѣтомъ 1740 г.

Herr Lomonosoff restiret

pro communicatione der Hall. Zeitungen von Johannis 1739 bis Ostern 1740 auf 3 Quartale.	18 gr.
— der gel. Zeitungen auf $\frac{1}{2}$ Jahr von Michaelis 1739 bis Ostern	8 gr.
der Journeaux auf die Monate Jan. Febr. und Mart. 1740.	6 gr.
Summa	1 Rth. 8 gr.

Ist zu Dank richtig bezahlt.

M. Joh. Andr. Luther.

№ 75. Письмо Генкеля въ Академію Наукъ, отъ 23 (12) сент. 1740.

Hochwohlgebohrner Herr,

HochEdelgebohrner Herr,

Höchst- und Hochgeehrtester Herrn.

Auf Ew. Excellenz und HochEdelgebohren abgelaszenes diene in schuldigster Antwort, dasz ich von Mons. Lomonosoffs Aufenthalt nichts weisz, noch davon etwas erachten kan, wofern er nicht etwan sein refugium zum Hrn Hofrath Wolff genommen haben sollte, auch wollen deszen Herrn Landsleuthe davon nichts wiszen. Hierbey kan ohnmaszgeblich zu gedencken nicht Umgang nehmen, dasz derselbe, da er in der Chymia, in specie metallurgica, wie auch in der Probir Kunst insonderheit, ferner in der Geometria subterranea und in Erkentnüsz derer Erze, Erzgänge, auch Erden, Steine, Salze und Waszer die fundamenta und Praxin ziemlicher maaszen erlanget, die Geschicklichkeit besitzet die Mechanique, worinnen er von Kennern vor starck gehalten wird, gründlich zu dociren, auf welchen Fusz derselbe auch, da ihm zumahl das Gruben befahren nie recht schmecken wollen, diese tour zu spielen scheinen will. Bey denen übrigen 2 subjectis lasze es an meinem Fleisz und Redlichkeit auch nicht fehlen, wiewohl zwar Mons. Winogradoff immer angetrieben seyn will, Mons. Rayser hingegen mir desto mehr Vergnügen macht. Ew. Excellence und HochEdelgebohren ersuche anbey gehorsamst ergebenst, mir die Gnade und Gunst zu erweisen und derer mir accordirten 1000 Rubel wegen es dahin zu richten, damit ich mit der ersten Helffte, so gleich bey derer Hrn. Commilitonum Access und nun bald vor 15 Monaten hätte erhalten sollen, welcher Verzug mir an interessen einen empfindlichen Verlust macht, nicht länger aufgehalten, und zur andern Helffte, welche in 5 bisz 6 Monaten auch gefällig wird, die fördersamste Veranstaltung getroffen werde; wie ingleichen, damit ich am Rubel allemahl 32 gr., auf welchem Fusz ich den accord entriret, empfangen möge. Ich versichere, dasz ich dieses wohl verdiene und sonsten unbemühet nicht seyn werde, bey aller gegebenen Gelegenheit zu zeigen, wie ich sowohl vor die Ruszisch Keyserliche Academie allen geziemenden respect habe, alsz auch in der That und Warheit sey

Ew. Excellenz und HochEdelgebohren

Meiner höchst- und hochgeehrtesten Herrn

gehorsamst-ergebenster Diener

Johann Friedrich Henckel.

Freyberg, den 23. Sept. 1740.

№ 76. Письмо Генкеля изъ Фрейберга, къ членамъ Академіи, отъ 31 (20) окт. 1740.

Hochwohl- und Wohlgebohrne Herrn,

Höchst- und Hochgeehrteste Herrn,

Ew. Excellenz und Wohlgebohren soll unberichtet nicht laszen, dasz Mons. Lomanosoff sich in Marpurg befinde und Mons. Raiser von demselben vor 3 Tagen einen Brief bekommen habe. Er schreibt, wie er von einer Reise aus Holand wieder zurück gekommen sey und begehret durch diesen, dasz ich ihm 50 Rthl. von seinem Tractament schicken möchte, hierauf wolle er sich auf den Weg machen und hieher kommen, ohne aber seine hierunter führende intention eigentlich an Tag zu geben. Ich habe ihm aber zur Antwort wiszen laszen, dasz es in meiner Macht nicht stünde, ihm solches Geld zu zahlen, wofern er nicht von seinen hohen Herren Vorgesezten mir hierzu Vollmacht verschaffen würde. Dieses habe ich zugleich auch S[r] des würcklichen Geheimden Raths Baron von Keyserling Excellenz notificiret. Es ist von denen vor ihm jährlich ausgesezten 200 Rubeln etwas mehreres, nemlich auf $^3/_4$ Jahr ohngefähr, so er hier gewesen, 277 Rthl. 2 gr. 8 d., wie die Special-Rechnung künfftig besagen wird, aufgegangen, allein er hatte erstlich alszbald eine neue Kleydung höchst von nöthen, und 10 Rthl. vor meine mit sich genommene Probir Wage und Gewicht ist mit drunter begriffen, der groszen Theurung und mehrern Holz-Aufganges zu geschweigen. Um den sämtlichen Cassen Bestand übrigens zu zeigen, so nehme mir die Freyheit Ew. Excellenz und Wohlgebohren eine summarische Rechnung über alle Ausgaben hiermit gehorsamst einzureichen und zu bitten, da, besage derer zu seiner Zeit abzulegenden Special-Rechnungen und einzusendenden Belege, von denen empfangenen 1245 Rthl. 6 gr. nur annoch 95 Rthl. 22 gr. 1 d. in Casza habe, gleichwohl täglich Geld seyn will, alles sehr theuer ist und noch mehr wird, der Winter auch ein mehrers alsz der Sommer erfodert, und nur vor dem Marckscheider und H. Kern bey Endigung ihrer Lectionen, so mit diesem Jahre noch geschiehet, vor jeden 50 Rthlr. zu zahlen sind, die Veranstaltung gnädig und hochgeneigt zu treffen, damit so bald möglich wiederum ein Wechsel an etliche 100 Rthl. übermachet werden mögen. Inzwischen kan ich versichern, dasz ich allenthalben alle mögliche Erspahrung zu treffen suche, wiewohl ich fast nicht zu ersehen vermag, ob das regulirte qvantum bey der groszen Theurung und einigen dringenden

starcken Ausgaben, wie sie denn von der Wäsche sehr heruntergekommen sind, künfftig zureichen werde. Itzo befinden sie sich seit 3 Wochen bey denen Schmelzhütten und werden allda noch 14 Tage verbleiben müszen, hernach werde ich mit denenselben repetiren und so fort schuldigst zu melden mir die Freyheit nehmen, wie ihre Sachen ferner in behöriger Ordnung gehen müszen. Ich habe die Gnade und Ehre mit allem Respect und Consideration zu seyn

Ew. Excellenz und Wohlgebohren

gehorsamst ergebenster Diener

Freyberg d. 31 Oct. 1740.

Johann Friedrich Henckel.

№ 77. Общій счетъ расходовъ на содержаніе студентовъ, представленный Генкелемъ, отъ 31 (20) окт. 1740 г.

Summarische Rechnung

Was von einer hochlöblichen Academie zu St. Petersbourg vor die Hrn. Ruszen baar empfangen, und davon vom 25 Jul. 1739 bisz itzo ausgegeben.

Empfangen

520 Rthl. bald im Anfange, durch Hrn. Petri.
725 Rthl. 6 gr. vergangenen Sommer durch Wechsel

1245 Rthl. 6 gr.

Ausgegeben

150 Rthlr. dem Probirer, ganz.
50 Rthlr. dem Marckscheider, alsz die Helffte.
50 Rthlr dem Vice Edelgestein Inspector, die Helffte.
17 gr. Postgeld von Dresen vor die erste Post.
1 Rthlr. 20 gr. — vor die andere von Leipzig.
277 Rthlr. 2 gr. 8 d. vor Mons. Lomonosoff.
320 Rthlr. 7 gr. 7 d. vor M. Winogradoff.
299 Rthlr. 8 gr. 8 d. vor M. Raiser.

1149 Rthlr. 7 gr. 11 d.

Diese 1149 Rthlr. 7 gr. 11 d. Ausgabe von 1245 Rthlr. 6 gr. Einnahme abgezogen, bleibt in

C a s s a

95 Rthlr. 22 gr. 1 d.

Salvo errore calculi.

Johann Friedrich Henckel.

Freyberg den 31 Oct. 1740.

№ 78. Письмо Ломоносова изъ Марбурга къ Шумахеру, отъ 16 (5) ноябр. 1740.

Hoch-Edelgebohrner Herr

Hoch geneigter Herr Bibliothecarius!

Ich kan mir leicht vorstellen, was für ein Unwillen die Academie der Wieszenschafften wieder mich habe; dieweil ich ohne Dero Vorbewust mich von Freyberg entfernet habe. Ich glaube fast dasz mein Verfolger sich über mein ferneres Unglück erfreuen werde, indem Ew. Hoch-Edelgebohrn von meiner den 21 May aus Leipzig abgeschickten Klage (was ich neulig von Freyberg vernommen) nichts wieszen, und man hat die Zeit gewonnen mich bey der Academie der Wieszenschafften mit Lügen verhaszt zu machen: allein wofern Derselben der von dem Herrn Berg-Rath Henckel an mir ausgeübte Neid, Verfolgung und Verachtung und mir daraus erfolgtes Unglück und Noth bewuszt wäre, so würde Sie mich gewiesz viel mehr Erbahrmens als Straffes würdig achten wollen. Es ist zwar war, dasz mein Verbrechen, so ich sonst hier begangen (welches doch mehr denen unbehilflichen und wiederwärtigen Umständen, einer verführerischen Compagnie, wie auch dem des mir allergnädigst verwilligten Stipendii gar zu langem Ausbleiben, als meinem unordentlichen Leben zuzuschreiben ist) zur Bestraffung meiner gegenwärtigen Unschuld viel beytragen werde: Aber ich bin des festen Vertrauens, dasz Ew. Hoch-Edelgebohrn als ein Ihro Mayestet Unserer Allergnädigsten Kaise(r)in treuer Diener und von Allerhöchst Deroselbe gesetzter Richter diesen meinen unterthänigsten Bericht und Klage geduldig durch zu lesen, und ohne Ansehen der Person zu urtheilen geruhen werden. Ew. Hoch-Edelgebohrn ist wol bewust, dasz ich seit meiner Ankunfft nach Freyberg Lust und Fleisz in Erlernung des Bergwesens und der Chymie, dem Berg-Rath Henkel einen gehörigen respect und Gehorsam gewies-

zen und dabey ein anständiges Leben geführet, weszen nicht nur der Herr Hof-Cammerrath Junker, sondern Er selbst mein Zeige ist. Ich habe auf alle Art und Weise gesucht ihm zu gefallen: allein es hat nichts geholfen, sondern seine Bosheit, Geitz, Falsch und neidisch Gemüth legten sich bald an Tag. Denn, so bald wir von dem Herrn Hof-Cammerrath den Abschied genommen, so hat er, der Bergrath Henkel angefangen das von der Academie der Wieszenschafften uns bestimmtes Geld auf zu halten. Wir musten erst zehen Mahl zu ihn kommen, ehe wir was von ihm erbetteln konten. Er predigte aber auch eine halbe Stunde allemahl darüber, mit einer verdrüszlichen Mine sagend: er hätte kein Geld; die Academie hätte schon lange versprochen seinen halben Lohn 500 Rubel ihm zu überschicken und sie hält doch ihr Wort nicht. Unterdeszen hat er in der gantzen Stadt sagen laszen, man sollte uns gantz und gar nichts borgen; selbst aber (wie ich erfahren habe) kauffte für das unsrige Geld Kuxen, und machte eigenen Profit. Bey so bestalten Sachen musten wir fast immer ohne Geld bleiben, und die Ge(sel)lschafft, von der wir etwas in dem Bergwesen profitiren könten, entbehren. Ferner was den Cursum Chymicum anbelangt, so hat er in den ersten vier Monath kaum die doctrinam de salibus absolviret, worzu man einen Monath genug hätte: die übrige Zeit aber hat zu allen den wichtigsten Materien, als Metallen, halb-Metallen, Erden, Steinen und Schwefel lang genug gewesen seyn müszen. Wobey aber die meiste experimenta seiner Ungeschickligkeit wegen verdorben. Dergleichen fatalen Begebenheiten (die nebst seinen socis frigidis und lehrem Geschwätze dictiret) machen die Helfte von unserem diario aus. In zwischen verachtete er die gantze vernünftige philosophie; und da ich die phaenomena Chymica seinem Befehl nach auslegen solte, so hat er gleich (weil es nicht nach seinem peripathetischen Concept, sondern ex principiis Mechanicis et Hydrostaticis geschah) wieder still zu schweigen befohlen, und seiner gewöhnlichen Naseweiszheit nach als eine Grillenfängerey zum Hon und Spott verkehret. In der Zeit aber habe ich erfahren, dasz ihm der H. Graf Rays 150, der H. von Knecht, und der M. Freyesleben ein jeder nur ein Hundert Reichsthaler für die Chymie bezahle, deszwegen habe ich bey jemand heimlich geklagt, dasz der Bergrath einen unbilligen Preis von uns nehme; wir aber derohalben müszen Noth leiden, und einige nützliche Sachen zu erlernung der Chymie und Metallurgie entbehren. Welches doch war nicht geheim gehalten, sondern ihm ertzehlet. Worzu er Sprach: die Zarin ist reich, kan noch so viel betzahlen. Nach dieser Zeit, bin ich gewar worden, dasz seine Bosheit keine Schrancken habe. Die erste

Gelegenheit mich zu schimpfen hatte er in laboratorio (in Gegenwart derer Herren Commilitonum). Er nöthigte mich den Mercurium sublimatum zu reiben. Da ich aber von wegen des garstigen und schädlichen Geruchs, so niemand vertragen konte, mich entschuldigte, so hat er mich nicht nur zum nichts nutzen genennet, sondern noch dazu gefragt, ob ich lieber ein Soldat werden wolte, ja endlich mit hönischen Worten die Thür gewiesen. Diesen Compliment muszte ich nur mit Grämen und Ärgern verdauen und darzu den H. um Verzeigung bitten. Kurtz darauf hat er mich ohne aller Ursache aus meinem Logis in ein anderes vertrieben, welches weder wohlfeiler noch beszer war: ja die Ursache war diese: der Wirt war ein Doctor Medicinae, mit dem er wegen einiger praxium uneinig worden; und ich muszte dabey 2 Rth. für die Sache über zu tragen und eben so viel dem Wirth zu viel bezahlen, weil die Zeit noch nicht aus war, auf welche ich die Stube gemüthet habe. Mit diesem aber war er noch nicht zufrieden, sondern suchte mich noch beszer an zu packen, welches auch gefunden. Denn weil er alle Materialien die er für uns nöthig gehabt, hat er bey seinem Schwieger Vatter ausgenommen, welchem er reichlich alles betzahlet, so wolte er endlich das Geld sparen und uns des Monats mit 4 Rthl. abspeisen, welches gantz und gar unmöglich war, dasz wir damit uns sustentiren könten. Deszwegen ersuchte ich ihn im laboratorio um was mehreres; er antwortete aber: und wenn wir betteln gehen solten, so wolte er uns nichts mehr geben. Wir kamen demnach alle drey zusammen, und in Hoffnung ihn zu erbitten, gingen in sein Haus. Und da ich unsern Noth proponirte und ihn mit aller Demuth um das uns bestimmtes Geld ersuchte, so antwortete er nichts mehr als: kein Pfennig mehr; und darauf schimpfte er mich mit allen Schimpf- und Fluch Worten die er nur finden konte, und begleitete mich mit seinen Fausten zur Stube hinaus, und darbey drohete mir ich weisz nicht warum mit der Wache. Bey diesen Umständen wuste ich nicht was thun solte. In der gantzen Stadt war verbothen uns was zu lehnen, und ich befürchtete mich einer gröszeren Verfolgung und Unglück. Derohalben habe ich mich resolviret nach dem Herrn Baron von Kaiserling zu gehen, welcher damahls in Leipzig auf der Mesze war. Da ich aber den 19 May dahin kam, so habe ich zu meinem Verdrusz und Unglück zur Nachricht bekommen müszen, dasz er nach Caszel abgereiset der bevorstehender Vermählung des Printzen Friedrichs bey zu wohnen. Weil ich nun in Leipzig einige gute Freunde aus Marburg gefunden, die mich mit sich bisz nach Cassel nehmen wolten, so habe ich mich resolviret auf den Weg zu begeben. Denn in Freyberg war weder zu eszen noch zu

lernen mehr zu bekommen: wo ich das probieren schon gelernet; die Chymie war aus; der Inspector Kern wolte nicht anfangen; weil der Henkel viel von dem ihm von der Academie der Wieszenschafften zu gestandenem Gelde abziegen wolte. Und bey dem Markscheider, der, welcher die Mathematic beszer als er verstehet, hat nichts mehr zu lernen, als die Mesz Sch(n)ur auszuziehen, welches man ohne 50 Thaler zu bezahlen, lernen kan. Indem ich aber dahin kam habe ich wieder zu meinem groszeren Mieszvergnügen erfahren müszen, dasz man dort von unserem Hern Abgesanden gar nichts wüszte. Ich wunderte mich sehr, weil ich doch in einigen Orten auf dem Wege von Seiner Reise gehöret. Bey diesen verzweifelten Umstand, weil nicht wuste wo der Herr wäre, habe ich für das rathsamste gefunden über Holland (wofern ich bey dem Herrn Graf Galofkin keine Zuflucht finde) nach Petersburg zu gehen. Ich begab mich erstlich nach Marburg, damit ich mich bey meinen alten Freunden auf die Reise versehen könte. Dem Herrn Wolf beschwerlich zu fallen, habe ich mich nicht unterstanden, weil ich von ihm vernommen habe, dasz er nur vor einigen Wochen das übrige Geld von Petersburg bekommen, und ich konte wohl merken, dasz Er in diese affaire gar nicht sich mengen wolte. Ich ging demnach von hier nach Franckfurt, und von dort zu Waszer bisz Rotterdam und Hag. Der Herr Graff hat mir alle Hilfe abgeschlagen und sich in die Sache gar nicht meliren wolte. Dannenhero ging ich nach Amsterdam, wo ich einige bekante Kaufleute von Archangel gefunden, welche mir die Rückreise nach Petersburg ohne Befehl vor zu nehmen gantz und gar abgerathen; Sie stelleten mir ein Hauffen Gefahr und Unglück vor, deszwegen habe ich mich wieder nach Deutschland zurück kehren müszen. Was ich aber auf den Weg für eine Gefahr und Noth habe ausstehen müszen, das grauet mich selbst zu erinnern; und weil es zu weitläuftig ist, will ichs der Kürtze wegen auslaszen. Nun aber halte ich mich in Marburg bey meinen Freunden in Cognito auf, und übe mich in der Algebra, in Absicht dieselbe auf die Chymie und Phisicam intimiorem zu appliciren. Ich tröszte mich noch damit, dasz ich die Gelegenheit gehabt in denen berühmten Städten zu seyn, und dabey mit einigen erfahrenen Chymicis zu sprechen, ihre laboratoria und die Bergwerke in Heszen und Siegen land in Augen Schein zu nehmen. Diese meine fataliteten weil ich etwas natürlich und weitläufftig berichte und mit solchen verdrüszlichen Sachen beschwerlich falle, ersuche Ew. Hoch-Edelgebohrn darinn mich zu entschuldigen, weil ich von meiner Noth darzu gezwungen bin. Ich lebe versichert, dasz Ew. Hoch-Edelgebohrn Dero natürlichen Güte nach werden mich unglückseeligen und verfolgten

nicht verwerfen und an mir einen Menschen, der schon im Stande ist Ihro Mayestet zu dienen und dem Vatterlande zu nutzen, verderben, sondern Dero Gewogenheit empfinden laszen. Es deucht mir zwar, Dieselben werden denken: es ist nun mit dem Henkel verdorben, und ich habe die gantze Hoffnung verlohren, was tüchtiges in der Chymie und Metallurgie zu lernen. Allein diesen Herrn, welchen nur diejenige, so ihn nicht recht kennen, für einen Abgott halten, und mit dem ich meine geringe, aber doch gründliche Wieszenschafft nicht vertauschen will, für meinen Leitstern und ein einziges Heil zu halten, sehe keine Ursache; in dem er die gemeinste processe, die fast in allen Chymischen Büchern stehen, geheim hält, und als mit einem Arcano nicht gern heraus will, und den Bergbau kan man beszer von einem Steiger, der seine Lebetage in der Grube zu gebracht, als von ihm lernen. Die historia naturalis aber ist nicht in des H. Henkels Stube aus Fächen und Kästgen zu erlernen, sondern man musz selbst verschiedene Bergwerke besuchen, die situation derer Gegende, die Beschaffenheit der Bergen und des Erdreichs und die retation der mineralien, die darin liegen, gegen einander betrachten. Derohalben supplicire ich Ew. Hoch-Edelgebohrn mich von der Tyrannischen meines Verfolgers Macht zu befreuen und bey über Schickung des mir Allergnädigst verwilligten Stipendii mir noch einen Ort, als auf den Harz u. d. g. zu reisen zu befehlen, wo ich meine Berg Studia vollführen könne. Wofern ich nun meines bittens vermittelst Dero Vorsorge theilhafftig werden soll, dabey aber die mir vertrauete Gelder liederlich verschwenden, oder meine Studia nachläszig tractiren werde, so verurtheile ich mich voraus selber zu der aller ersinnlichsten Straffe, welches aber niemahls zu begehen, sondern in einer kurtzen Zeit, nicht nur aller der mir vorgeschriebenen Wieszenschafften gehöhrige Testimonia zu zeigen, sondern auch in einem Specimine meine Geschicklichkeit Deneselben bekant zu machen. Übrigens alles dasjenige, was in dieser Begebenheit etwa unbedachtsam geschehen, bitte unterthänigst mir zu verzeigen und verharre

Ew. Hoch-Edelgeborhnen

ergebenster Knecht

Michael Lomonosoff.

Marburg den 16 Nov. Anno 1740.

№ 59. Письмо Генкеля къ президенту Академіи, отъ 13 (2) янв. 1741.

HochEdelgebohrner Herr

Hochgeehrtester Herr Hof Rath

Ew HochEdelgebohren wollen nicht ungütig deuten, dasz ich, bey Ihnen anzufragen, mir die Freyheit nehme, ob meine 2 Schreiben, so ich seit einigen Monaten an die hochlöbliche Ruszisch Keyserliche Academie, sowohl Mons. Lomonosoffs, alsz unseres Geldbedürffnüszes wegen abgehen laszen, richtig einzugehen die Ehre gehabt, besagten Bedürfnüszes wegen wollen Ew. HochEdelgebohren nochmals zu wiederholen groszgünstig erlauben, dasz die vor die hierseyenden Ruszischen Metallurgiae studiosos bestimmte Casse gänzlich erschöpft ist und ich vorzuschieszen meinen Beutel im Stande nicht befinde, anbey versichere, dasz ich mit denen dieser wegen mir anvertrauten Geldern die möglichste menage treffe, wie die Rechnung besagen soll. Anbey kan nicht umhin eine hochlöbliche Academie nochmals bittlich anzugehen, es wolle dieselbe hochgeneigt dahin zu disponiren suchen, dasz mir die andere Helffte des accordirten Honorarii nun auch bald angedeyen möge, vor welche besondere Gefälligkeit ich mit aller Consideration beharre

Ew. HochEdelgebohren

Meines hochgeehrtesten Herrn Hof Rath

ergebenster Diener

Freyberg den 13 Jan. 1741.

Johann Friedrich Henckel.

№ 80. Письмо Шумахера къ проф. Вольфу въ Галле, отъ 28 февр. 1741.

Schreiben an den H. Geheimbde Rath Wolff in Halle von 28 Febr. 1741.

Hochwohlgebohrner,

Besonders hochgeehrter H. Geheimbde Rath,

Hochgeneigter Gönner.

Ew. Hochwohlgebohren habe die Ehre einen Wechsel von 250 Rbl. von Wolff et Liebmann zu last des H. Isaacs Liebmanns in Amsterdam vor die Pension des 1740ten Jahrs zu praesentiren und dabey alles ersinnliche Wohlergehen von Hertzen anzuwünschen.

Die Innlage ist an Mr. Lomonosoff, welcher an die Academie aus Marburg geschrieben; sie enthält einen Wechsel von 100 Rbl. und eine Ordre, krafft welcher Er mit denen ersten Schiffen sich hieher begeben solle.

Sollte Er etwann damit nicht fortkommen können, so ersuche Ew. Hochwohlgebohren Ihme mit etwas zu assistiren oder die Creditores dahin zu disponiren, dasz sie mit der Bezahlung von hier aus sich befriedigen möchten, welche auch, sobald Er wird hier angekommen seyn, geschehen soll.

Der Herr Prof. Euler ist von dem König nach Berlin zu der neuen Societaet vociret und es scheint auch, dasz er die Vocation annehmen werde. Der Verlust auf Seiten der Academie ist grosz. Können Ew. Hochwohlgeb. keinen Vorschlag thun, wie solcher wieder zu ersetzen? Es musz ein tüchtiges und in der Republica literaria berühmtes und bekantes Subjectum seyn. Der Profess. Strube de Piermond ist mit dem H. Czernizoff I. K. Majst. Gesandten an den dänischen Hoff von hier abgereiset. Er bleibet bey der Academie und genieszet von derselben eine Pension von 200 Rbl., verharre mit allem Respect

Ew. Hochwohlgebohren . . .

№ 81. Письмо Шумахера къ Ломоносову въ Марбургъ, отъ 28 февр. 1741.

An den Studiosum Lomonosoff.

Monsieur.

Da Ew. WohlEdlen in Dero aus Marburg an mich ergangenes Schreiben der von der Academie durch den Herrn Geheimbde Rath v. Keyserlingk an Dieselbe geschickten Ordre keine Meldung thun, so scheinet es, als hätten Sie dieselbe nicht empfangen; sie war von gleichen Inhalt wie diese. Ew. WohlEdlen werden also keinen Moment versäumen, um derselben nachzukommen. Ihrenthalben habe auch die Ehre gehabt an den Herrn Geheimbden Rath Wolff zu schreiben. Zweiffle nicht, Er werde Ihnen mit Rath und That an die Hand gehen, übrigens verharre vollkommen

Dero . . .

St. Petersburg d. 28. Febr. 1741.

№ 82. Ордеръ Шумахера Ломоносову, отъ 28 Февр. 1741.

Ordre
an den Studiosum Michaila Lomonossoff.

Demselben werden hiemit mittelst beygelegten 1ma Wechszel (2da wird mit folgender Post folgen) Ein Hundert Rubel übermachet. Nach Empfang derselben hat er sich sogleich nach Lübeck zu begeben und von daselbst mit erstem offnen Wasser sich hieher zu verfügen.

Gegeben in der K. A. d. W. zu St. Petersburg d. 28 Febr. 1741.

№ 83. Вексель, присланный Ломоносову въ Марбургѣ, 28 февр. 1741.

St. Petersburg den 24 Febr. 1741. Rbl. 100 à 49 St. pr. R. Fünff und Sechzig Tage nach dato zahlen EE. gegen diesen Prima Wechszel (Sda nicht) an die ordre des Hrn. Studiosi Michael Lomonossoff in Marpurg Ein Hundert Rubl., à Neun und Vierzig Stiver Holl. Court. jeden R. Die Valuta von der Kayserl. Academie empff. laut advis.

Wolf et Liebmann

Herrn
Herrn Isaac Liebmann à Amsterdam

Pma d. 28. Febr. 1741 versandt. Sda d. 7 Mart. 1741 versandt.

№ 84. Письмо Шумахера къ проф. Вольфу въ Галле, отъ 7 марта 1741.

Hochwohlgebohrner
Insonders Hochgeehrter Herr Geheimbde-Rath,
Hochgeneigter Gönner.

Ew. Hochwohlgeboren werden in vorigen sub dato den 28ten Febr. h. a. an Dieselben abgelaszenen Schreiben den prima Wechszell von Zweyhundert und Funffzig Rbl. bereits schon erhalten haben; jetzo habe die Ehre zu desto sichern Empfang den Secunda zu überschicken, die Inlage ersuche an Monsieur Lomonosoff nach Marburg zu begleiten; übrigens verharre mit allem Respect

Ew. Hochwohlgebohren . . .

St. Petersburg den 7 Mart. 1741.

№ 85. Ордеръ Шумахера Ломоносову въ Марбургѣ, отъ 7 марта 1741.

Ordre

an den Studiosum Michaila Lomonossoff in Marpurg.

Derselbe wird den unterm 28. Febr. h. a. mit einer Ordre abgelaszenen prima Wechszel von 100 Rubl. à 49 St. pr. R. bereits erhalten haben, hiebey folget Secunda und hat Er sich nach der oben gemeldeten Ordre stricte zu richten.

Gegeben in der Kayszerl. Academie der Wiszenschafften zu St. Petersburg den 7 Mart. 1741.

№ 86. Письмо проф. Вольфа изъ Галле къ Шумахеру, отъ 25 (14) апр. 1741.

HochEdler,

Insonders Hochgeehrtester Herr Bibliothecarie,

Hochwerther Gönner.

Euer HochEdlen beyde Schreiben nebst der Ordre an den Studiosum Lomanosoff und den beyden Wechsel Brieffen betreffend die Pension vom vorigen Jahre habe richtig erhalten. Gleich wie ich nun für die letztere gehorsamst dancke; so habe die erste nach Marburg an einen guten Freund geschickt und dem Hrn. Lomanossoff einhändigen laszen, auch dabey geschrieben, dasz er sich bald auf die Reise machen möchte, so bald er den Wechsel gezahlet bekommen, und mir was noch sonst zu Beschleunigung seiner Reise von nöthen wäre schreiben, so wollte es besorgen. Da er mir nun geantwortet, zur Reise und seiner equippirung sey der Wechsel hinreichend, nur wäre noch bis 100 Rthl. oder was weniges darüber Schulden zu bezahlen; so habe einen guten Freund in Marburg ersucht auf meine Rückbürgschafft für ihn zu caviren: welches er auch zu thun versprochen, und den Herrn Lomanossoff nochmahlen ermahnet seine Reise zu beschleunigen, soviel immer möglich. . .

№ 87. Письмо Шумахера къ академику Амману, отъ 13 іюня 1741.

HochEdelgebohren

Insonders Hochgeehrter Herr Doctor.

Nachdem in Ao. 1736 den 13ten Mart. vermöge der eingegangenen resolution aus I. K. M. Cabinet unter der Unterschrifft derer Herren Cabinet Ministres der Academie der Wiszenschafften anbefohlen worden, einige junge Leuthe zu Erlernung der Historiae naturalis und absonderlich der Metallurgie, heraus zu schicken und zu diesem Ende die Studiosi Rayser, Wynogradoff und Lomonossoff in eben dem obbenannten 1736ten Jahre abgefertiget worden, nunmehro aber der letztre hier wieder zurückgekommen: Als ersuche Ew. HochEdelgeb. denselben in der Historia naturali, besonders in dem Regno minerali bisz zu weitern Verfügung zu unterrichten und seine Studia zu dirigiren, damit der mit ihm intendirte entzweck desto eher erreichet werde. Uebrigens bin mit aller Hochachtung

Ew. HochEdelgeb....

d. 13. Juny 1741.

№ 88. Письмо Генкеля къ презид. Академіи, отъ 7 іюля (26 іюня) 1741.

Hochwohlgebohrner Herr,

Gnädiger Herr,

Ew. Excellenz werden hierbey derer 2 Ruszischen Studiosorum, Mons. Raiser und Winogradoff von einer hochlöblichen Ruszisch-Keyserlichen Academie derer Wiszenschafften zu Petersburg anbefohlene und von ihnen selbst gefertigte, sowohl den Gruben Bau und das Schmelz-Wesen, alsz die metallurgiam chymicam fundamentalem betreffende Specimina, nebst ihrer anderweitigen Lehrmeistere, des Marckscheiders, Gvardeins und Mechanici ausgestellten Attestaten, schuldigst eingereichet. Wie ich nun zugleich bezeugen kan, dasz dieselben bey diesen Anführern, so wohl in der Geometria subterranea, alsz in Gruben Bau, Probir Kunst und Hütten Wesen, in Poch- und Wäsch-Wercken, in Schmelzhütten und durch fleisziges Gruben-Befahren,

nicht allein durch zusehen, sondern auch durch selbstiges mithandanlegen eine gründliche practische Wiszenschafft von Klüfften und Gängen, von Anordnung einer Gruben-Zimmerung, Anlegung eines Kunstgezeuges, von Schurffen, Schächten und Stollen, von Gebrauchung des Gruben-Compasses, von Aufbereitung und Zugutemachung derer Erze, und was dem anhängig, erlanget haben, Also befindet es sich auch in der Warheit, dasz ich besagter Studiosorum (wie auch Mons. Lomonosoffs, so lange er hier gewesen) getriebenes Bergwercks-Studium, nach Erheischung natürlicher Nothwendigkeit und guter Ordnung allenthalben zum besten eingerichtet und dirigiret, dieselben zu fleisziger application unermüdet angehalten, anbey ihre Wirthschafft aufgetragener maaszen redlich und mühsam besorget, und ihr ganzes thun und laszen in möglichster Aufsicht so wohl, alsz sie selbst in der Nähe wohnend gehabt. Insonderheit habe ich dieselben bey meinen besonders mit ihnen gehaltenen lectionibus in Erkentnüsz derer Mineralien, nemlich, Metallen, Erze, Steine, Erden, Salze, sulphurischer und bituminoser Cörper, Erdsäffte und Waszer, samt aller dieser mineralien Lagerstädten und Findungen, allen getreuen und fleiszigen Unterricht gegeben, auch von allen und jeden solchen Sachen, so wohl hiesigen alsz ausländischen, so viel deren nur zu erlangen gewesen, ein Stück zu ihrer eigenen Samlung, alsz einer lebendigen und unumgänglich-nöthigen, allerbesten Mineralien-Bibliothec ihnen getreulich mitgetheilet, in besonders darüber gehaltenen Stunden mein Stuffen Cabinet mit denenselben durchgangen, die eigentlichen Merckmahle eines jeden, zu faszung einer richtigen idee und gewiszer Beurtheilung, deutlich und gründlich gewiesen. Hiernächst und vornehmlich habe ich einen richtigen Cursum metallurgico-practicum mit denenselben gehalten, das Tractament und die Natur derer Metallen, Erze, Steine, Erden, Salze, schwefeliger Dinge(?) und unterirdischen Waszer in meinem Laboratorio nach ihrer analysi, auch wo es möglich, synthesi, ferner nach ihren Verhältnüszen unter einander, und dieses alles insonderheit in Ansehung des Erzschmelzwesens, hinfolglich nach ihrer dahin gereichenden Nützlich- und Schädlichkeit, auch anderweitigen Absehen, naturgemäsz und rechtschaffen gelehret, in der That gewiesen, auch sie selbst hierzu mit hand anlegen laszen, und hiernach, wie sie einen ihnen aufgegebenen mineralischen Cörper gründlich examiniren, so dann eine solide Relation nebst practischen Gutachten darüber abstatten sollen, alle gute Anleitung gegeben. Da kan ich denn mit Warheit sagen, dasz mehrbemeldete Studiosi alles wohl begriffen, die über den gehaltenen Cursum chymicum so wohl alsz über die Perlustrirung meines Stuffen-

Cabinets treulich communicirten und gewiesenen Experimenta und nützlichen Observationes fleiszig aufnotiret haben, hinfolglich qualificiret sich befinden, woferne sie das erlernete qvaestionis fleiszig wiederholen und ihre attention eyfrig darauf behalten werden, Ihro Ruszisch Keyserlichen Majestät hierunter allerhöchst geführten Intention gemäsz, in Bergbau, Erzschmelzwesen, zumahl was Silber-Wercke betrifft, an bey in Cognition und Findung derer Edelgesteine, in Zubereitung allerhand Farben- Schleiffer- Polir- und Walcker-Erden, in Glasz Künsten, in Untersuchung derer Gesundbrunnen und Solen, ihren Vaterlande zu erspricszlichen Diensten gebraucht zu werden. Bey so bestellten Sachen kan ich auch asseriren, dasz, so nothwendig es zu mehrerer Perfectionirung ihrer erlangten Wiszenschafft und Acquirirung einiger anderer dahin gehöriger, im Groszen aber allhier nicht so wohl alsz anderweit zu erholender Stücken ist, so wehrt der Mühe und derer Kosten die von ihnen erlangten profectus sind, dasz sie nicht allein die Chursächsischen Obergebürgischen, Schneebergischen, Annebergischen etc. Kobold- Zin- Eisen- Kupfer- und Silber-Bergwercke wie auch die dasigen Schwefel- Vitriol- Arsenic- und Fossilien-Fabriquen annoch besuchen, sondern auch auf die vornehmsten Bergwercke in Teutschland, z. e. die Böhmischen, Steyermärkischen und Hydrischen, und die beyden letzten vornemlich wegen Zinober- Quecksilber- und Stahlwercke, ferner die Elsaszer, Lothringischen, zumahl dasiger Blau Farben Sachen wegen, ingleichen die Pfälzischen Zinnober und Heszischen Kupfer-Gruben, so dann die Ilmenauischen Kupferschiefer Flez Wercke, deszgleichen die Manszfeldischen, und endlich auf die weltberühmten Harzer-Bergwercke nebst anderen en passant, auf ein Jahr ohngefähr, nemlich von 1742 an (bisz dahin dieselben annoch allhier nachzuholen finden möchten) jedoch wegen erfoderlicher schwerer Reise Kosten, unter einen mehreren alsz biszherigen Gehalt, wie auch unter der Direction und Wirthschaffts-Führung Mons. Raisers, annoch eine Reise zu thun, allerhöchsten Befehl und Vorschub erlangen mögen, wobey denn auch ich mit nüzlichen Instructionen und guten addressen bey meinen überal habenden Correspondenten sie zu versehen so wenig ermangeln würde, alsz ich mittler zeit annoch hier, dieselben in ein und andern zu exerciren und zeit meines Lebens mit guten Rath, Untersuchungen, Nachrichtungen, Observationen und Gutachten, deren sie sich in der Metallurgie, Berg- und Schmelzwesen seiner Zeit benöthiget finden möchten, zumahl auf einer höchlöblichen Academie derer Wiszenschafften zu Petersburg Verlangen, mich allezeit willig und rechtschaffen finden laszen werde. Anbey überreiche Ew. Excellenz

die summarische Rechnung, davon die Stück Rechnungen, weil solche vor der Abreise von hier, auch wegen Ermangelung einiger Belegungen in behöriger Richtigkeit zu setzen nicht sind, zu seiner Zeit folgen können. Inzwischen kan ich die Versicherung geben, dasz alle und jede Ausgaben von mir dependiret haben, mithin kein Geld verschwendet worden ist, noch besagte Studiosos genauer halten können, der nun übers Jahr grassirenden groszen Theurung zu geschweigen. Wannenhero Ew. Exzellenz hierdurch gehorsamst zu ersuchen, mir die Freyheit nehme, das annoch hier erfoderliche Bedürfnüsz vor dieselben dergestalt zu reguliren, damit solches nächst kommende Michaelis Messe hier seyn möge, verharre mit allen ersinnlichen Respect Ew. Excellenz

Meines gnädigen Herrn

gehorsamster Diener

Freyberg, den 7. Juli 1741.

Johann Friedrich Henckel.

№ 89. Общій перечень суммъ, полученныхъ и израсходованныхъ Генкелемъ, отъ 7 іюля (26 іюня) 1741.

Summarische Rechnung über Einnahme und Ausgabe, derer allhier sich befindenden Ruszischen Studiosorum wegen.

1494 Rth 18 gr. — Einnahme an 3 Wechseln, nach dem jedesmahligen Cours und Abzügen an provision.

1461 Rth. 3 gr. 5 d. Ausgabe, nemlich

250 Rth. Lehrgelder, vor Marckscheider, Gvardein und mechanicus,
277 » vor Mons. Lomonosoff.
473 » 10 gr. 7 d. vor M. Winogradoff.
457 » 14 » 2 » vor M. Raiser.
bleibt hierauf:

33 Rth. 14 gr. 7 d. Casse.

Hierzu ist ferner insgemein noch zu bezahlen, so allbereit verfallen:

62 Rth. an unterschiedlichen Posten,
50 » annoch vor den Marckscheider,
50 » » vor den mechanicum,
10 » » vor den Hüttenmeister ein Trinckgeld, der ihnen fleiszig assistiret.

172 Rth.

Das noch bevorstehende Bedürffnüsz, so lange sie noch hier sind:

40 Rth. dem Silberbrenner,

60 » Annoch zu Instrumenten, Büchern und einigen guten Stuffen, und

So viel bisz auf Neujahr ohngefähr zu ihrer sustentation allhier an deputat nöthig.

Ferner gebrauchen sie

jeder ein neues gutes Kleyd,

ein Reise-Kleyd, nebst Roquelauren, Stiefeln etc. ein Gruben-Kleyd à 5 Rth. ohngefähr, weil die biszherigen ganz abgenüzet sind, und solche auf Berg-Reisen überall nöthig,

etwas zu einer Reise nach Dresden, um dasiges Königliches mineralien-Cabinet und andere Curiosa zu besehen, etwan à 6 bisz 8 Rth.

Johann Friedrich Henckel.

Freyberg, den 7. Jul. 1741.

№ 90. Письмо Генкеля къ президентю Академіи, отъ 9 авг. (29 іюля) 1741.

HochEdelgebohrner

Insonders Hochgeehrtester Herr Hoff Rath.

Unter Beziehung auf mein voriges vom 30. Jun., womit ich die Specimina derer 3 (sic) Hrn. Studiosorum zu begleiten die Ehre gehabt, diene Einer hochlöblichen K. Academie derer Wiszenschafften hierdurch mit denen Rechnungen, worzu die Belege oder Zeddel, worauf man sich unter denen Buchstaben l. Z. wie auch l. B. bezogen, auf verlangen auch überkommen sollen, hiernächst in schuldigster Antwort, dasz ich besagte Hrn. Studiosos zu allem guten annoch anzuweisen und zu ihrer Rückreise möglichst anzuhalten nicht ermangeln werde, verharre mit ausnehmender Consideration

Ew. HochEdelgebohren

Meines hochgeehrtesten Herrn Hoff Raths

gehorsamst ergebenster Diener

Johann Friedrich Henckel.

Freyberg, den 9. Aug. 1741.

№ 91. Общій счетъ, представленный Генкелемъ, отъ 13 авг. 1741 г.

General-Berechnung.

über die von der Hochlöblich-Ruszischen Academie zu St. Petersburg vor die 3 Ruszischen Hrn. Studiosos von Raiser, Lomonosoff, und Winogradoff empfangenen Gelder.

Einnahme.

Thl.	Gr.	Den.	
520			baar durch Hrn. Petri in Dreszden.
725	6		baar an 600 Rubel nach Abzug Provision l. Z. den 2. May 1740.
249	12		baar an 200 Rubel nach Abzug Provision l. Z. den 9. April 1741.

Summa der Einnahme: 1494 Thlr. 18 gr.

Folget

Auszgabe.

Thl.	Gr.	Den.	
150			dem Hrn. Gvardein Klotzchen l. Bel.
50			dem Hrn. Marckscheider Beyern l. Bel.
50			Mons. Kern. l. Bel.
	17		Postgeld von Dreszden vor 520 Thlr.
1	20		Dergl. von Leipzig von 725 Thlr. 6 gr.—à 6 gr. pr. Cent.
	12		Dergl. von Leipzig vor 200 Rubel.
	4		Postgeld von 2 Paqueten über Wittenberg den 7. July 1741.
278	2	8	Vor Mons. Lomonosoff } laut Rechnung.
487	19	4	Vor Mons. Winogradoff } laut Rechnung.
471	11	11	Vor Herrn von Raiser } laut Rechnung.

Summa der Auszgabe: 1489 Thlr. 14 gr. 11 den.

Diese von vorstehender Einnahme derer 1494 Thlr. 18 gr. abgezogen,

verbleibet baar 5 Thlr. 3 gr. 1 d.

Dasz wir diese 5 Thlr. 3 gr. 1 pf. richtig empfangen, attestiren

G. U. Raiser.
D. Winogradoff.

Und dasz der Gvardein Klotzsch von denen 150 Thalern auf mein Vorstellen, mit unterlauffenden Umständen nach, 18 Thlr. 18 gr. wieder zurück gezahlet und sich mit 150 Gulden, meisznisch begnügen laszen besagt Quittung sub ⊙. Freyberg den 13 Aug. 1741.

Johann Friedrich Henckel.

№ 92. Письмо академика Аммана къ Шумахеру, отъ 10 ноябр. 1741.

Monsieur.

J'ai deja vû tous les catalogues des pierres faits par M. Lomanosoff, excepté celui de l'Ambre jaune, dans le quel je ne trouve rien à changer, particulierement estant déja ecrit au net. Vous verréz, Monsieur, si les tables de Mr Gottwald, que je Vous envoie, appartiennent a l'Academie ou non. J'ai l'honneur d'être avec respect

Monsieur

Votre très humble et très obeissant serviteur

ce 10. de Novembr. 1741.

J. Amman.

№ 93. Счетъ деньгамъ и книгамъ, отпущеннымъ Ломоносову изъ академической книжной лавки.

A.

Der Herr Lomonossow hat aus dem Buchladen empfangen:

1741. d. 7. Aug.	baar auf Gage	. . .	15 Rub.
4. Sept.	ditto	. . .	10 »
15. Octobr.	ditto	. . .	6 »
			31 R.
den 2. Nov. noch			10 »
Geschlossen den 10. Nov. 1741			41 R.

Rosenhahn.

B.

Der Herr Adjunctus Lomonossow hat nach den 2. November des verwichenen 1741 Jahres aus dem Buchladen empfangen:

1741, 8. Dec.	Baar auf Gage.	20 Rub.		Kop.
1742, 20. Jan.	1 Plan von Moscau. .		25	»
	1 Plan von Petersburg		25	»
3. Febr.	1 Hallers Gedichte . .		10	»
26. ditto	Baar auf Gage . . .	15 »		
	Summa	35 »	60	»

S. Peterb. den 8. Martij 1742.

Johann Christian Rosenhahn.

№ 94. Общій счетъ деньгамъ, назначеннымъ на содержаніе фрейбергскихъ студентовъ, отъ 10 ноябр. 1741.

Die Studiosi in Freyberg.

Credit.

1736 vom 4. Juny e. a. bis dahin 1737 vor dieselbe aus dem Staats-Contoir erhalten	1200 Rub.
1737 desgl.	1200
1738 desgl.	1200
1739 desgl.	1200
1740 desgl.	1200
1741 desgl.	1200
Summa	7200

Debet.

1736, July 15. Denen Studiosis baar bezahlt . .	900 Rub.	Kop.
1737, Sept. 10. Pr. Wechsel an den Reg.-R. Wolff in Marpurg	600	
1738, May 29. Pr. Wechsel ebendahin	300	
dito desgl.	550	
octr. 12 desgl..	300	
1739, Jul. 29. Pr. Wechsel durch den Geh. R. v. Summ	400	
Sept. 6. Pr. Wechsel auff Amsterdam. . .	1000	

1740, Mart. 14.	Pr. Wechsel an den Reg.-R. Wolff in Marburg (seinen Vorschusz)	332	80
	» » an den Berg R. Henckel in Freyberg	600	
	An den Legat. Secret. Pezold die Helffte des Honorarii vor den Berg. R. Henckel	500	
1741,	Pr. Wechsel nach Freyberg 200 Rub. und nach Marpurg 100 Rub. .	300	
	Juny. Dem Stud. Lomanossow bey seiner Ankunft allhier	50	
	Demselben aus denen Buchladen Gefällen .	41	
	Aug. 18. Pr. Wechsel nach Freyberg . . .	640	
	Kommt ihnen pro Saldo bis den 4. Juny 1742 annoch zu	686	20
		Summa 7200 Rub.	

Den 10. Nov. 1741.

Hoffmann, Control.

№ 95. Извлеченіе изъ актовъ о фрейбергскихъ студентахъ, отъ 7 окт. 1745.

Extract

aus den Acten der Freyburgischen Studenten.

1736 d. 7. Mart. hat die Academie der Wiszenschafften mittelst Doclad dem damahligen Kayserl. Cabinet vorgestellet, wann einige junge Leuthe nach Freyberg an den Berg-Physicum Henckell zu Erlernung der Metallurgie geschickt werden solten, so könten Gustav Ulrich Raiser, Demitrius Wynogradoff und Michaila Lomanosoff hiezu ernennet werden. Zu ihren Unterhalt wird jährl. erfordert eine Summa von 1200 Rub., neml. vor jede Persohn 400 Rub., als 250 Rub. vor Kost, Kleydung, Bücher und Instrumenten und 150 Rub. zu hin und her Reyszen und recompensirung der Lehrmeistere etc. Ob sie gleich in Freyberg an dieser Summa etwas ersparen können, so wird ihnen doch dieszes auf ihre Reysze nach Holland, England und Franckreich, allwo sie die berühmteste Laboratoria Chymica nothwendig besuchen müssen, wohl zu statten kommen.

Hierauf ist die Resolution aus dem Cabinet unter der Unterschrifft derer gewesenen Cabinets Ministri Ao. 1736 den 13. Mart. eingegan-

gen, dasz die hier vorgeschlagene drey Studiosi zu Erlernung der Metallurgie nach Freyberg an den Berg-Physico Henckel sollen abgefertiget, zu ihrem Unterhalt 1200 Rub. der Academie zugeschickt und aus dieser Summa nach gut befinden der Academie ihre jährliche Besoldung bestimmet werden. Was nun von dieser Summa übrig bleibt, solches soll bey der Academischen Cassa zurücke behalten werden. Woferne aber diese zum studiren gewidmete Persohnen die Metallurgie in Freyberg erlernen, und vor nöthig erachtet seyn würde, zu vollbring- und Excolirung dieser Wiszenschafften auch umb die berühmteste Chymische Laboratoria in England, Holland und Franckreich zu besehen, abzufertigen, alsdann kan (man) ihnen zu ihrem dortigen Auffenthalt und rückreysze nach Ruszland aus obgedachte rückständige Summa nach gut befinden, das nöthige zulegen und amelioriren.

Anno 1736 den 18. Aug. sind die Studiosi Rayser, Wynogradoff und Lomanossoff laut Resolution von der Academie der Wiszenschafften und ertheilten Instruction ihres Verhaltens von hier nach Marpurg abgefertiget, ihnen einem jeden zu ihren Unterhalt 300 Rub. jährlich veraccordiret, wovon sie nebst ihren Unterhalt zugleich auch die Kosten, auf der hinreysze und was sonsten erfordert wird, zu bestreiten haben. Die übrigen 300 Rub. bleiben in Cassa, damit auf erheischenden Fall, die etwann vorkommende extraordinaire Ausgaben und Reysze Kosten, wenn sie weiter nach Hollandt, Engelland und Franckreich gehen sollen, hieraus bezahlet werden können.

Ao. 1739 im Monath Martij ist vermöge Resolution unter der Unterschrifft des gewesenen Präsidenten Herrn Cammerherrn von Korff verordnet worden, dasz ihnen zur ihrer Subsistence in Freyberg vors künfftige jährlich nicht mehr als 150 Rbl. bestanden, sothanes Geldt auch ihnen nicht in die Hände, sondern dem Herrn Berg-Physico Henckell zugeschickt werde, um Kost, Quartier, Holltz, Licht und andere benöthigte Ausgaben darvon zu bestreiten. Doch wird die Academie der Wiszenschafften das honorarium vor die Informationes apart bezahlen.

		Rbl.	Cop.
Ao. 1736, d. 15. July.	Den Studiosis baar einem jeden bey der Abfertigung à 300 R.. . .	900	—
1737, d. 16. Sept.	Pr. Wechsell an den H. Regierungs Rath Wolff vor ihnen	600	—

		Rbl.	Cop.
Ao. 1738, d. 39. May.	Pr. Wechsell an den H. Regierungs-Rath Wolff nach Marpurg auf 550 R. davon ihnen	300	—
	Die übrigen 250 R. sind des Hrn. Wolffens honorarien Gelder.		
d. 12. Octob.	Pr. Wechsell nach Marpurg . . .	300	—
1739.	Pr. Wechsell an die Kaufleuthe von Ouderkerck, zahlbahr an den Hrn. Regierungs-Rath Wolff in Marpurg zu Tilgung derer Studenten ihre Schulden	1162	—
d. 29. July.	Pr. Wechsell durch den Hrn. Geheimen-Rath von Summ nach Freyberg	400	—
d. 6. Sept.	Pr. Wechsell an die Kaufleuthe von Auderkerck in Amsterdam, zahlbahr in Freyberg	1000	—
1740, d. 14. Mart.	Pr. Wechsell nach Marpurg an den Hrn. Regierungs-Rath Wolff seine ausgelegte 416 Rthl. à 80 Cop.	332	80
Eod.	Pr. Wechsell an den Hrn. Berg-Physico Henckel.	600	—
	An den Hrn. Legation Secretair Pezold die hälffte des Berg-Physici Henckels Honoraria . . .	500	—
1741, d. 24. Febr.	Pr. Wechsell nach Freyberg an den Hrn. Berg-Physico Henckel vor Raiser und Wynogradoff . .	200	—
—	dergl. an den Hrn. Lomanossoff nach Marpurg.	100	—
d. 18. Aug.	Pr. Wechsell nach Freyberg für Raiser und Wynogradoff auf 800 Rthl. aus dem Buchladen . .	640	—
1742, d. 14. July.	Pr. Wechsell nach Freyberg zu Reysze Kosten für Raiser und Wynogradoff à 300 Rthl. . . .	249	—
	Summa	7283	80
	bleibt also annoch in Cassa	2316	20
	Summa	9600 Rbl.	

Aus diesen umstehenden Geldern hat der Hr. Professor Lomanosoff während seines Auffenthalts in Marpurg und Freyberg empfangen:

		Rbl.	Cop.
1736, d. 15. July.	Bey Abfertigung allhier in St. Petersburg	300	—
1737.	Von denen an den Hrn. Regierungs-Rath Wolff nach Marpurg Pr. Wechsell übermacht 600 Rub.	200	—
1738.	dito dito in zweyen mahl	200	—
1739.	Laut des Hrn. Regierungs-Rath Wolff seinen unterm 1. Aug. 1839 eingesandten Rechnung von 1739 Rthl. 85 Kr. à 75 Cop. pr. Rthl.	456	68
1740.	Von denen Pr.-Wechsell übermacht 332 Rub. 80 Cop. als des Hrn. Regierungs-Rath Wolffens vorgeschossene 416 Rthl., à 80 Cop. pr. Rthl., auf sein part.	110	$93\frac{1}{3}$
1741.	Laut des Hrn. Berg-Physici Henckels unterm 9. Aug. 1741 eingesandten Rechnung mit dem Gwardein von 427 Rthl. 2 gr. 8 d., à 75 Cop.	245	53
d. 24. Febr.	Pr. Wechsell nach Marpourg.	100	—
	Von den an den Hrn. Berg-Physico Henckell übersandten 500 Rub. Honorarien Gelder kömbt auf sein part.	166	$66\frac{2}{3}$
	Summa	1779	81

1741, d. 8. Juny	ist der Hr. Lomanosoff allhier retourniret, und hat auszer obige Summa annoch am Gelde erhalten, neml. aus der Cassa	50	—
d. 10. Nov.	aus dem Buchladen	41	—
	Summa Summarum	1870 R.	81 C.

Ao. 1742, den 28. Jan. ist der Hr. Lomanosoff vermöge Resolution von der Academie bis auf weitere Ukase des dirigirenden Senats und Resolution der Academie zum Adjunctus mit einem jährl. gehalt von 360 Rbl. incl. Holltz, Licht und Quartier vom 1. jan. 1742 ab ernennet worden. Da er

	Rbl.	Cop.
nun laut umstehender Rechnung . . .	1870	81
empfangen, und ihm bis den 1. Jan. 1742 an à 300 Rbl. jährlich, neml. vom 4 Jun. 1736 ab gerechnet, gereichet werden solte, so kähme ihm die Gage vor 5 Jahr 6 Monathe und 26 Tage zu	1671	$66\frac{2}{3}$

Hat also überhoben 199 R. $14\frac{2}{3}$ C.

№ 96. Изъ автобіографической Записки Ломоносова, отъ 1754 г.

3. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года*) посланъ въ Германію по кабинетскому указу и тамъ обучался Физикѣ, Химіи и Горныхъ дѣлъ и пріѣхалъ обратно 1741 года въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Жалованья получалъ по 400 рублевъ въ годъ.

*) 1736. См. стр. XXII (прим. 21) Введенія.

VI.

ODE

SUR LA MORT

DE MONSIEUR

L O M O N O S O F

DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES

DE ST. PÉTERSBOURG.

Mon admiration me tient lieu de génie.

MDCCLXV.

Réimprimé en 1865.

AVERTISSEMENT. 3

MONSIEUR LOMONOSOF nâquit à Archangel, de parens adonnés au commerce, mais peu aisés. Dès sa plus tendre jeunesse, son goût pour les lettres se manifesta. Il fit ses prémiéres études à Moscou, où son génie le fit distinguer. Le Gouvernement l'envoya ensuite en Allemagne, et nommément à Freyberg en Saxe, pour y étudier l'art d'exploiter les mines. Pendant son séjour dans ce pays, il eut le loisir de faire de nouvelles études, et le bonheur d'entendre le célébre Wolff.

De retour dans sa Patrie, une Ode qu'il adressa à l'Impératrice Anne, sur la victoire de Chotzim, *lui acquit la réputation d'excellent Poëte: En effet, cette premiére production est remplie d'énergie, d'idées neuves, et d'images sublimes. Ses talens furent recompensés, et depuis, ne firent que croître et se fortifier.*

Tous nos Souverains protégérent, et animérent successivement 4
ce grand homme, (le premier homme de lettres de la Russie.) L'Impératrice Elisabeth le nomma Professeur de Chimie à l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, et le combla de bienfaits. L'Impératrice actuellement régnante, ne fit que les accumuler; elle l'admit même dans cette familiarité dont on ne voit les traces que dans le siécle d'Auguste: familiarité qui ne tourna jamais à l'amertume du savant.

Enfin, comblé de gloire, admiré universellement de ses Compatriotes, chéri de ses Monarques, Mr. Lomonosof vient de mourir il y a quelques mois, âgé d'environ cinquante-cinq ans.

Les écrits qui nous restent de lui, passent presque tous pour des chef-d'oeuvres. Ils contiennent un volume d'Odes, dignes d'être mises en parallele avec celles de Rousseau: Diverses autres poësies, comme Epitres, Inscriptions etc.: Des Annales de Russie *); *deux*
5 *Panégyriques, l'un de Pierre le Grand, l'autre d'Elisabeth: Des discours sur l'utilité de la Chimie, sur les couleurs etc. prononcés dans les séances de l'Académie. Enfin, un Traité de Rhétorique et une Grammaire Russe. Ainsi depuis l'Hisope jusqu'au Cédre, il a tout embrassé et a réussi dans tout.*

Peu content de s'être illustré en tant de genres différents, Mr. Lomonosof entreprit, sur la fin de sa vie, un Poëme épique, à l'honneur de Pierre le Grand. Ce Poëme devait être divisé en vingt-quatre Chants **); *les trois premiers qui en ont paru, sont de toute beauté, et font infiniment regretter le reste.*

Ce n'est point ici la place de s'étendre sur ses ouvrages et de les analiser: Un homme qui l'entreprendrait, ferait une chose très-utile. Il suffit de dire que ses autres poësies valent bien ses Odes. On y remarque une Epitre sur l'utilité du Verre, *piéce aussi*
6 *singuliére que philosophique. C'est Galilée qui parle en vers, et Swift qui plaisante finement. De pieux ignorans, qui combattirent jadis le systême de l'univers, y sont habilement ridiculisés, et le Tableau que l'Auteur présente, des déprédations de l'Amérique, causées par l'avarice des Espagnols, est un morceau au-dessus de tout éloge.*

Son Panégirique de Pierre Premier, est considéré, avec raison, comme le Pendant de celui de Trajan. C'est dommage qu'il ait été défiguré par un Etranger, qui ne connoissait pas un mot de Russe, et écrivait médiocrement dans sa langue.

---

*) Je passe sous silence une histoire du même Empire, dont j'ai vu la Préface, et les premiers Chapitres, imprimés il y a seize mois. Comme je suis absent depuis ce tems là de ma patrie, j'ignore si cet ouvrage nécessaire est achevé.

**) Dans le premier Chant de la Pétréade, Mr. Lomonosof a imité Mr. De Voltaire, mais en disciple digne d'un aussi grand Maître. Le Solitaire *de Jersey* lui a fourni un épisode intéressant, et des beautés de détails admirables. C'est, peut-être, l'unique fois que notre Poëte a imité quelqu'un; ailleurs, il crée toujours. On est charmé de rapporter cette anecdote, elle prouve combien le Poëme immortel de Henri IV. est respecté sous le Pole.

Sa Grammaire atteste dans quel état il nous a trouvés; et tout ce qu'on dirait là-dessus, serait superflu.

Il est vrai qu'avant Mr. Lomonosof, nous avons eu quelques rimeurs, tels que le Prince de Cantimir, Trédiakofsky etc., mais on les lui peut comparer comme les Troubadours à Malherbe.

Pénétré justement de respect et de reconnoissance pour cet homme supérieur, on ose, dans l'Ode suivante, élever un faible monument à sa gloire. Il faut espérer qu'une main plus habile, le fera connaître un jour plus avantageusement. Il faut se flatter aussi, qu'on aura de l'indulgence pour un homme qui écrit dans une langue étrangère.

---

7 # ODE

SUR LA MORT

DE M[R]. LOMONOSOF.

Qu'entends-je! Quel accens! Quelle affreuse nouvelle!
Des filles de l'Enfer la troupe criminelle
D'un Chantre harmonieux termine les beaux jours.
On n'entend plus sa lyre,
C'en est fait, il expire,
On le perd pour toujours.

* * *

Des confins du Sarmate aux climats de l'Aurore,
Où renait chaque jour l'Astre que l'on adore,
Des rochers du Caucase aux limites du Nord,
Tout est plein de sa gloire,
Tout chérit sa mémoire,
Et tout pleure sa mort.

* * *

8 Dans nos deserts glacés, dans nos antres humides,
Privé de tout secours, sans modéle et sans guides
Il osa le premier cultiver les beaux Arts,
Et du fond de la Gréce,
Fit couler le Permesse
En nos heureux remparts.

* * *

Toujours réunissant, par le don le plus rare,
Les palmes d'Archiméde aux lauriers de Pindare,
La plume de Tacite aux fleurs de Ciceron,
Sa voix avec courage,
Dans un païs Sauvage,
Enseigna la raison.

* * *

Déja l'on se flattait que le Ciel moins terrible,
Désarmerait pour nous sa colére infléxible,
Qu' Apollon et sa cour régneraient sur nos bords,
Tandis que dans Athéne,
L'ignorance incertaine
Remplace leurs accords.

* * *

La paisible Néva fiére de son prodige,
Perdait le souvenir d'un destin qui l'afflige,
Avec plus d'apareil elle roulait ses flots,
Et quittant sa demeure,
Jusqu'à la derniére heure,
Anima son Héros.

* * *

Mais hélas! un instant détruit notre espérance! 9
Ce flambeau qui brillait dans notre Empire immense,
Du moins guidait nos pas au pied de l'Hélicon.
Il s'éteint! La nuit sombre,
Tout à coup de son ombre,
Obscurcit l'horizon.

* * *

Tel est donc le destin de toute ame hardie,
Qui s'ouvre avec éclat les routes du génie,
Eclaire un peuple entier, et devient son appui.
Dès que l'homme succombe,
Il traine dans la tombe
Les beaux arts après lui.

* * *

Je vois les tendres Soeurs et les Graces plaintives,
En longs habits de deuil abandonner nos rives,
Apollon s'éxiler, et les Arts éperdus,
Gemissant dans nos glaces,
Fixer encor les traces,
D'un Pére qui n'est plus.

* * *

Hé! qui pourra jamais égaller son génie?
Envain de vils rivaux enflammés par l'envie,
Outragent ses talents, lui cherchent des défauts.
Leur étude avilie
Les couvre d'infamie,
Et redouble nos maux.

* * *

L'un copiste *) insensé des défauts de Racine,
De l'Homére du Nord hait la muse divine;
D'autres **) versent le fiel sur son nom et ses mœurs.
Insectes méprisables,
De leurs trames coupables
On connait les horreurs.

* * *

Fuiez monstres ingrats, cœurs abreuvés de haine,
Les crimes sont vos jeux, l'Enfer est votre aréne,
Jamais le Dieu des vers n'inspirera vos chants.
Des gouffres du tartare,
Une troupe barbare
Applaudit vos accents.

* * *

Du sommet de l'Olimpe, en contemplant leur rage,
Protecteur de nos bords, tu ris de cet outrage.
Qu'importe qu'on insulte à tes dons glorieux!
Tandis que Polymnie,
Te verse l'ambroisie
A la table des Dieux.

---

*) Mr. Somorokof auteur de quelques Tragédies, où l'on remarque une imitation servile de Racine, et la manie de copier ce grand homme, jusques dans les faiblesses qu'on lui reproche. Ce Mr. Somorokof a détesté de tout tems le Poëte qu'on célébre, uniquement à cause de ses talens supérieurs.

**) On me permettra de ne les point nommer.

On désirerait d'insérer ici quelques morceaux des Poësies de Mr. 11
Lomonosof. Quoiqu'une traduction ne soit que l'estampe d'un tableau (où le dessein se conserve, mais où le coloris ne saurait se transmettre,) on se flatte que ce serait le meilleur moyen de faire connaître le Poëte qu'on célébre, et de prouver que les éloges qu'on lui donne ne sont point outrés. Mais on avoue, avec douleur, que n'ayant point l'original sous la main, on est dans l'impossibilité d'exécuter ce louable projet. Toutefois on hazarde un très petit fragment, qui n'est pas même ce que l'Auteur a composé de meilleur. Il y a six mois que cette traduction fut faite à Paris, et mise en vers Français, par Mr. Le Miére Auteur d'Hipermnestre. On donne ici la prose, parce qu'elle est plus littérale.

REFLEXIONS DU MATIN

SUR LA GRANDEUR DE DIEU.

Déja le flambeau du monde répand sa clarté sur la Terre, et dé- 12
couvre à mes yeux les ouvrages de l'Eternel. O mon âme! rempli toi d'allégresse, contemple cet éclat Divin, et songe au Créateur.

Si les mortels pouvaient s'élever assez haut, et porter de près leurs regards sur le Soleil, ils appercevraient de toutes parts un Océan de feu éternellement embrasé.

Là, des vagues enflamées roulent sans cesse, et ne rencontrent jamais de bords: Là, des tourbillons brûlants lutent entr'eux, depuis une multitude de siécles: Là, des pierres bouillonnent comme l'onde, et des torrents de lumiére jaillissent en pluye.

Ce disque ardent fut créé pour éclairer la marche des saisons, 13
et les actions des hommes. Mais, Seigneur, cet immense amas de flammes, n'est qu'une étincelle devant toi.

Le Soleil dore la surface des corps où ses faisceaux se brisent. Ta vuë qui ne connait point d'obstacles, pénétre par tout, et de la sérénité de tes regards, se répand la joye dans le coeur de tous les Etres.

Le pendant de ce petit ouvrage intitulé, *Réflexions du soir sur la grandeur de Dieu, faites à l'occasion d'une Aurore Boréale*, est encore plus beau. La description poëtique du météore est neuve, originale, hardie et sublime.

On compte donner un jour au public une traduction complette des Oeuvres de Mr. Lomonosof.

NOTICE SUPPLÉMENTAIRE A L'ÉDITION DE 1865.

Lorsqu'un homme de génie, ayant inscrit pour toujours son nom dans les fastes littéraires et civils de son pays, a été arraché aux lettres par une mort prématurée, il importe toujours de savoir comment ses contemporains l'ont apprécié, exalté ou dénigré au moment même de son décès. C'est donc une curiosité bien légitime qui nous porte à nous rendre compte des sentiments dont furent animés, il y a juste un siècle, tant les adorateurs que les antagonistes du célèbre académicien Michel Lomonóssof, mort le 4 avril 1765. Comme il était naturel de s'y attendre, le regret de la perte que la Russie venait d'éprouver dut s'exprimer dans le monde littéraire et avant tout à l'Académie Impériale des Sciences. Dans sa séance du 15 avril l'Académie venait d'admettre en qualité de membre honoraire un médecin, bien connu par ses propres travaux et en outre par la traduction de plusieurs ouvrages russes, — M. Nicolas-Gabriel Clerc ou Leclerc. Le nouvel académicien s'empressa de témoigner à l'Académie sa reconnaissance de l'honneur qui lui était fait, par un discours tenu en français, dans lequel, en déplorant la mort de Lomonossof, il célébra le nom immortel de Pierre-le-Grand et fit l'éloge de l'impératrice alors régnante. Du moins est-ce dans ces termes que le procès-verbal rend compte du discours susdit, sur lequel nous ne possédons pas d'autres détails, vu que la copie faite à cette époque sur le discours original, qui allait être soumis à une nouvelle discussion, ne s'est point conservée dans les archives de l'Académie [1].

---

[1]) Gratias agendum Academicis conventui intervenit Dnus Clerc M. D.... Academicis honorariis nuper aggregatus, atque orationem lingua gallica conscriptam praelegit, qua obitum Lomonossovii lugens, Petri Magni nomen immortale, atque laudes Augustae nostrae incomparabilis celebrat.

Quelques jours après, dans la séance du 18 avril, les membres de l'Académie discutèrent le projet d'un Eloge à faire sur leur collègue défunt Lomonossof, et il paraît que ce fut le secrétaire savant de l'Académie — Jacques Stählin, qui fut chargé de préparer un discours de ce genre. En effet, parmi les papiers de Stählin, on a trouvé l'esquisse d'un Eloge sur son confrère défunt [2]) dont il avait, un des premiers (à partir de 1740), reconnu le talent et le mérite. On sera peut-être étonné d'apprendre que le savant critique Auguste Schlözer s'était également offert à composer l'éloge de son antagoniste dans le domaine des sciences historico-philologiques. L'Académie, à ce qu'il paraît, crut plus convenable de décliner cette offre, que de mettre à l'épreuve l'impartialité de son historien qui, disons-le, même vieillard-grondeur a proclamé publiquement Lomonossof comme un vrai homme de génie [3]).

En dehors de l'Académie, plusieurs jeunes gens de la noblesse russe ne manquèrent pas d'exprimer, dans la mesure de leurs forces, les sentimens d'un regret sincère. Le 15 avril Lucas Sitchkaref, né en 1741, à Néjine, et qui avait fini son cours d'étude à l'Académie, composa une Ode, remplie des expressions de l'attachement le plus dévoué pour son ancien maître [4]). En 1773 Michel Mouravief, alors âgé de 16 ans, qui plus tard fut curateur de l'université de Moscou et a laissé en cette qualité un si beau souvenir, éleva aussi sa voix dans un discours russe, pour exprimer les sentiments de vénération dûs à Lomonossof qu'il n'avait point connu personnellement [5]). Mais déjà avant lui et immédiatement après la mort de Lomonossof, un jeune aristocrate, le comte André Chouválof (né en 1745, † 1789), avait publié, en français l'Eloge du défunt.

---

[2]) V. l'article publié par M. Tikhonrávof dans le journal intitulé le Moscovite (Москвитянинъ) pour l'année 1853 (№ 3, Отд.IV, pag. 22)

[3]) August Ludwig Schlözer's öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben. Göttingen, 1802 pag. 219: «Lom. war ein wares Genie, das dem ganzen NordPol und EisMeer hätte Ehre machen, und für den Satz, dasz das Genie nicht von Länge und Breite abhänge, einen neuen Beweis liefern können...»

[4]) Надгробная пѣснь въ Бозѣ вѣчно почившему ученому Россійскому мужу Михайлѣ Васильевичу Ломоносову. Отъ усерднѣйшаго имени его почитателя Луки Сичкарева. 1765 году Апрела 15 дня. Въ СПб-ѣ. 8 стр. in-4°.

[5]) Похвальное слово Михайлѣ Васильевичу Ломоносову. Писалъ Лейбъгвардіи Измайловскаго полку Каптенармусъ Михайло Муравьевъ. СПб. 1774 года. 16 pag. in-8°. Ce discours, imprimé vers la fin de 1773, au nombre de 200 ex., à la typographie de l'Académie, n'a plus été reproduit par l'auteur (V. Собраніе сочиненій Михаила Никитича Муравьева. СПб. 1819. 3 tomes in-8°) et paraît avoir échappé aux biographes de Lomonossof. Le traité de Mouravief sur les mérites savants de Lomonossof est d'une date plus récente.

Les Chouvalof sont reconnus parmi les membres de la noblesse russe, comme les premiers protecteurs de Lomonossof après son retour des pays étrangers en 1741. C'est surtout Jean Chouvalof, chambellan de l'impératrice Elisabeth, qui l'honora de sa confiance. Mais Lomonossof chanta également dans ses vers, et à plusieurs reprises, le comte Pierre Chouvalof, mort en 1762 avec le titre de maréchal de camp. Le comte André, fils de ce dernier, partit de Russie au printemps de 1764 et c'est à l'étranger qu'il apprit la mort de Lomonossof et qu'il se hâta d'«élever un monument à la gloire» du défunt. Au mois de septembre 1765 le jeune comte alla avec son épouse offrir ses hommages à Voltaire, dans le «petit hermitage» de Ferney.

La brochure du comte André Chouvalof passait jusqu'à l'heure pour introuvable. A-peine son existence fut-elle constatée, au siècle passé, par deux ou trois autorités dignes de foi, d'abord en 1768 (et en 1771) par Jean Dmitrevski, premier acteur de l'impératrice Catherine II, par J. Fr. De la Harpe, dans une lettre adressée (en 1766?) à La Combe et enfin par Stählin. Jean Dmitrevski (né en 1733) fut envoyé pour la première fois, par l'impératrice, à l'étranger, pour se perfectionner dans son art, en 1765. Arrivé à Paris, il ne manqua pas d'aller se présenter au protecteur éclairé des lettres et des arts — Jean Chouvalof qui, de son côté, mit le digne acteur en rapport avec les célébrités de la scène française. Trois ans plus tard, (en 1768) Dmitrevski partit de nouveau pour l'Allemagne et pour la France. En passant par Leipzic il s'engagea à composer une courte notice sur les auteurs russes du XVIIIe siècle qui fut imprimée, la même année, dans un journal littéraire [6]). Nous ignorons qui en publia (en 1771), à Livourne, une traduction française, dans laquelle le

---

[6]) Sur les voyages de Dmitrevski et sur son séjour à Paris v. les Отечественныя Записки, часть XIII. СПб. 1823 pag. 378, et les Mémoires d'un fonctionnaire (Жихаревъ) insérées dans les Отеч. Зап. pour l'année 1855 (Ч. С. Отд. I, 159). C'est grâce aux recherches de M. le prof. Soukhomlinof que l'identité de l'auteur de l'«Essai» et de l'acteur Dmitrevski a été tout récemment constatée. V. son article inséré dans les Mém. de l'Acad. (Записки Акад. Н. 1865 Томъ VI, pag. 230 et suiv.).

Le petit dictionnaire littéraire de Dmitrevski (V. Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste. Leipzig 1768. Siebenten Bandes erstes Stück, p. 188—200; zweites Stück, p. 382—388) a pour titre: Nachricht von einigen russischen Schriftstellern, et a été réimprimé, à Moscou, avec une traduction russe, dans un journal bibliographique (Библіографическія Записки 1861 года, pag. 609 et suiv).

texte n'a subi que quelques modifications peu importantes [7]). Nous en reproduisons ici le passage de l'article: «Lomonosof» qui nous intéresse spécialement.

«Ceux qui voudroient avoir une idée plus complette de ce grand homme, pourront s'instruire dans un ouvrage écrit en langue françoise par M. le Comte André Schuwalov, qui contient la vie de M. Lomonossov, une ode à son éloge, deux traductions de ses réflexions sur la toute puissance de Dieu [8]), et une lettre à M. de Voltaire avec la réponse.» Plus, bien regrettant la dureté avec laquelle le comte avait traité Soumarokof, Dmitrevski se plait à ajouter: «Ce procédé à suffi pour indisposer contre M. le C. de Schuwalov les connoisseurs qui... rendent justice au mérite distingué de M. Sumárokov.»

Il faut convenir que la Notice de Dmitrevski contribua à répandre dans l'Europe occidentale des renseignements assez exacts sur la littérature russe naissante. Bientôt, cependant, cette notice fut ou-

---

[7]) Essai sur la littérature russe, contenant une liste des Gens de lettres russes qui se sont distingués depuis le règne de Pierre-le-Grand. Par un Voyageur Russe. A Livourne, 1771, avec permission. VI et 23 pag. in-8°. Cette édition a été réimprimée par M Serge Poltoratski dans la Revue étrangère, tome 80me. St.-Pét. 1851. (Il en existe des exemplaires tirés à part.)

Comme il n'est pas constaté que Dmitrevski ait visité l'Italie, il ne sera pas superflu de mentionner que le comte Alexis Orlof, accompagné d'une suite d'officiers, débarqua (en 1770 et 1771) dans le port de Livourne et que Jean Chouvalof séjourna à la même époque à Rome, d'où il ne partit qu'en 1773. Voir la biographie de J. Ch. publiée par M. Barténief (dans le journal: Русская Бесѣда. Москва 1857. I), auquel a échappé une assez intéressante notice sur J. Chouvalof, publiée par Jean Bernoulli (Reisen durch Brandenburg... Ruszland... in den Jahren 1777 und 1778. V. Band. Leipz. 1780, pag. 62—68). Il serait à désirer que M. Barténief publiât son ouvrage en français pour que les relations, entretenues par J.Ch. avec un grand nombre de Français et d'Italiens, fussent mieux mises au jour.

L'existence d'une traduction italienne de l'Essai de Dmitrevski n'est pas tout-à-fait hors de doute. J. Bernoulli (V, 120) n'en parle que très-vaguement. Tout ce qu'on pourrait dire, en attendant, c'est que J. Chouvalof ne peut pas être l'auteur d'une courte notice insérée sur le «Saggio sopra la Letteratura Russa, contenente una Lista de Letterati Russi dopo il Regno di Pietro il grande. Livorno 1771». 8-vo, dans les «Efemeridi letterarie di Roma per l'anno 1772» (pag. 364). Mais il se peut bien que l'ancien protecteur de Lomonossof ait fixé l'attention du rédacteur du Journal de Rome sur l'Histoire de Russie par Lom., publiée en 1772 à Paris. V. les Efemer. letter. per l'anno 1772, pag. 398. — Parmi les personnes qui avaient voyagé en Italie et que Bernoulli rencontra chez J. Chouvalof, sont cités le prince Youssoupof, le prince Galitsin (probablement le neveu de J. Ch.) et S. Domáchnef.

[8]) Ingleichen zwo Uebersetzungen von desselben *Morgen- und Abendbetrachtungen der Almacht Gottes.* (D'après le journal de Leipzic).

bliée tant à l'étranger qu'en Russie, où elle ne fut plus mise à profit qu'à partir de 1850 et 1851. La brochure du comte Chouvalof éprouva presque le même sort. Cependant en 1800, un Recueil, actuellement devenu une rareté bibliographique, fit connaître une lettre écrite par De la Harpe à La Combe et relative à l'Ode sur la mort de Lomonossof [9]). Enfin, en 1853 M. Nicolas Tikhonrávof communiqua dans le Moscovite l'«Ode» même, d'après une copie non parfaitement exacte qu'il avait été assez heureux pour trouver parmi les manuscrits de Stählin. C'est ce dernier qui nous apprend le mauvais accueil fait à la brochure du comte Chouvalof par le poëte Alexandre Soumarokov qui avait déjà maintes fois lancé des épigrammes contre Lomonossof, son rival.

«Mr. Soumarokof, enragé des affronts que l'auteur de cette ode lui «a faits, s'est vengé par une épigramme composée sur Mr. le comte «Schouvalof, dans laquelle il le peint en fou, indigne d'une réponse, et «son ode d'un galimatias plein de contradictions, d'ignorance, d'excès «et de sottises» [10]).

Après beaucoup de recherches infructueuses, l'auteur de la présente Notice découvrit un exemplaire de la brochure du comte A. Chouvalof dans la bibliothèque de Voltaire, transportée aux frais de l'impératrice Catherine II à St.-Pétersbourg. Cette rareté bibliographique fait partie du t. XXIV des Recueils que Voltaire avait désignés sous le nom de «Pot-pourri». Notre espoir d'y trouver des renseignements nouveaux et importants à la fois sur Lomonossof a été déçu, mais l'opuscule du jeune auteur, sans parler de quelques indications et allusions intéressantes, a pour nous toute la valeur d'un document littéraire: *l'auteur de la nécrologie et de l'éloge*, abstraction faite de quelques expressions propres aux jeunes écrivains, *doit passer comme l'organe des sentiments de cette partie de l'aristocratie qui honora Lomonossof de son estime* [11]). C'est là le motif qui nous a déterminé à donner une nouvelle édition de ce Rarissimum, et nous espérons que les connaisseurs des annales littéraires du siècle passé nous prêteront le concours de leurs lumières, pour arriver à la résolution définitive de plusieurs questions douteuses se rattachant à notre Ode.

La brochure du comte Chouvalof que nous avons reproduite sans toucher à l'orthographe, forme une feuille in-8°, dont les pages 14—

---

[9]) Утренняя Заря. Труды воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Книжка I. М. 1800, pag. 73—81.

[10]) Москвитянинъ на 1853 г. (№ 3. Отд. IV).

[11]) Ceux qui sont versés dans l'histoire littéraire de la Russie, sans doute ne nous contrediront pas. Pour d'autres, il est permis de se référer à l'épitaphe de Lomonossof, composée (en latin) par Stählin sur le désir du comte Vorontsóf.

16 sont tout-à-fait vides. Elle ne porte ni le nom de l'auteur ni celui du lieu d'impression. Le dernier n'échappera pas pour toujours aux bibliographes, vu que la feuille du titre et plusieurs pages sont ornées de différentes vignettes. La fameuse brochure intitulée: «Les quatre Homélies prêchées à Londres. Seconde Edition. MDCCLVII» est-elle sortie de la même typographie?

En comparant l'opuscule du comte Chouvalof avec la description que Dmitrevski en donne dans sa Notice, on est embarrassé de répondre, *si Dmitrevski en a exactement fait connaître le contenu?* N'oublions pas que dans l'avertissement de l'édition française de son Essai on lit: «Le Voyageur qui l'a jettée sur le papier, l'a tirée uniquement de sa mémoire, se trouvant entièrement dépourvu du secours des livres.» S'il en est ainsi, on peut supposer que Dmitrevski commet une erreur en parlant d'une traduction française de *deux* pièces de Lomonossof (Voir ci-dessus pag. 214). Ou bien, Dmitrevski avait-il en vue, en 1768, une seconde édition de l'Ode, augmentée d'une lettre à Voltaire et d'une réponse de celui-ci? En tout cas, il est bien probable que Dmitrevski ait reçu, pendant son premier séjour à Paris, un exemplaire de la brochure de 1765 des mains soit de Jean Chouvalof, soit du comte André Chouvalof qui n'avait passé que trois mois à Paris (V. plus bas pag. 222).

La question paraît se compliquer encore plus si l'on prend en considération que la brochure du comte Chouvalof a permis de dévoiler un plagiat commis en 1765. Six mois avant la publication de l'Ode le comte doit avoir remis la traduction française de la pièce ci-dessus imprimée (v. pag. 209) à Le Mierre, auteur d'Hypermnestre. En 1766 l'«Almanach des Muses» dont le rédacteur accompagne les différentes pièces de remarques plus ou moins sévères, commence par un poème que nous reproduisons ici. Nous rendons la signature exactement comme elle était dans l'Almanach de Paris, et nous nous permettons seulement de faire imprimer plusieurs expressions du texte du poème en caractères italiques.

LE LEVER DU SOLEIL.

Déja l'astre du jour s'est emparé du ciel;
il lance par faisceaux ses rayons sur la terre,
    et je découvre à sa lumière
les prodiges sortis des mains de l'Eternel.
Mon ame, élance-toi vers cette clarté pure;

des portes du matin, admire la nature *),
et remplis-toi de son auteur.
Ah! si nos yeux pouvoient, *sans blesser leur paupière*,
approcher du soleil, contempler sa splendeur,
et s'enfoncer dans sa lumière **),
ils ne verroient qu'un océan de feux
qui ne rencontre *aucuns rivages* ***),
que tourbillons brûlans, luttant sans cesse entr'eux,
et dès la naissance des âges,
embrâsant les plaines des cieux.
La pierre se dissout, bouillonne avec furie, ****),
au sein de ces foyers ardens;
la flâme roule par torrens;
la lumière par flots jaillit et tombe en pluie.
C'est aux clartés de tant de feux divins,
que marchent les saisons, qu'*agissent* les humains,
Mais, grand Dieu, cet amas de lumière éternelle,
qu'est-il devant tes yeux? *à-peine* une étincelle.
Ce disque dont tes mains *ont arrondi les bords*,
dont jamais les feux ne s'épuisent,
colore seulement la surface des corps
où ses rayons se brisent *****).
Ton oeil plus pénétrant perce leurs profondeurs,
réunit sous un point les déserts de l'espace;
il ne parcourt pas, il embrasse
et du même regard il *sonde* tous les coeurs.

Par M. LE MIERRE.

Cette description est énergique et sublime; il seroit à souhaiter que les derniers vers fussent aussi poëtiques que les autres.

*) Il est dommage que cette amphibologie vienne après de si beaux vers.

**) Expression forte.

***) Comment un océan peut-il *rencontrer* des rivages? *Aucuns rivages* devoit être au singulier.

****) Il semble qu'on ne peut point dire *la pierre bouillonne avec furie*.

*****) Harmonie imitative.

Quelque temps après, Jean-François De la Harpe (que l'on confond quelquefois avec Frédéric-César La Harpe, Suisse de naissance et instituteur de l'empereur Alexandre I), adressa une lettre à un certain La Combe, probablement l'auteur de l'Histoire des révolutions de

l'empire de Russie (1760) et collaborateur du «Mercure de France» de 1761 à 1768. Voici le commencement de cette lettre, sans doute destinée à être publiée dans quelque journal de Paris [12]):

«Je suis chargé, Monsieur, pour l'honneur de la Poésie Russe, de révendiquer un morceau de feu L. Lomonosof, dont on a inséré une imitation dans l'Almanach des Muses de 1766, sous le nom de M. Le Mierre, sans qu'on fît la moindre mention de l'Auteur Original. Une personne d'un rang très-distingué à la Cour de Russie (M. le Comte de S**) avait fait de ce fragment une version française littérale. Je la joins ici avec l'Imitation de M. Le Mierre; mais il faut dire auparavant un mot du Poète Russe.»

«M. Lomonosof est né en 1711, dans le voisinage d'Arcangel [13]). Il eut le bonheur d'être un des élèves du célèbre Volf, et l'un de ceux que ce Philosophe chérissait le plus [14]). Il joignait de grands talens à de vastes connaissances. Il fut Professeur en Chymie, Membre de l'Académie Impériale de Pétersbourg, de l'Académie de Stockolm et de l'Institut de Bologne. Il fut regardé comme le meilleur Poète, le meilleur Historien et le meilleur Critique de son pays. Il avait commencé un Poëme de Pierre le Grand, dont il n'acheva que les deux premiers Chants. On s'accorde à y trouver des beautés sublimes. L'Ode que l'on va lire, intitulée *Méditation du matin sur la Grandeur de Dieu*, fera juger que M. Lomonosof avait de l'élévation et de la richesse dans le style, et qu'il était animé de l'esprit poétique.»

«Ode de M. Lomonosof, littéralement traduite».

«Déja le flambeau céleste étend sa splendeur sur la terre et découvre les oeuvres de Dieu. O mon âme! tressaille d'allégresse. Pénétrée d'admiration à l'aspect de ces faisceaux lumineux, représente-toi ce qu'est le Créateur lui-même.»

«L'astre du jour resplendit seulement sur la surface des corps. Ton oeil perce l'abyme sans connaître de bornes. De la sérénité de tes regards coule la joie sur toute la création.»

Nous n'avons reproduit ici que la première et la dernière strophes de cette traduction littérale, tout en faisant observer que la

---

[12]) Oeuvres de M. De La Harpe. Tome sixième. A Paris 1778, p. 108.

[13]) Cette rectification n'est pas puisée dans l'édition de l'Ode qui a paru en 1765. (Voy. ci-dessus p. 203).

[14]) Toute la phrase *et l'un — — le plus* manque dans l'édition de 1765.

dernière strophe de l'original russe manque dans la brochure de 1765 ainsi que dans l'article de M. De la Harpe.

Puis, le défenseur de l'honneur de la poésie russe communique la pièce de M. Le Mierre, dans laquelle il a rendu plusieurs passages en caractères italiques (voir ci-dessus pag. 217) et s'exprime ainsi:

«Il y a de très-beaux vers dans cette imitation qui pourrait être plus travaillée; mais il eût été encore mieux de nommer l'Auteur de l'Ode Russe.»

Après avoir entretenu son correspondant La Combe d'objets d'un intérêt personnel, De la Harpe finit sa lettre de la manière suivante:

«Je reviens à M. Lomonosof, le principal objet de cette Lettre. Vous ne serez pas fâché de savoir les honneurs qu'a rendus à la mémoire de cet illustre Ecrivain le Grand Chancelier Voronzof; il a fait faire une très-belle urne en marbre d'Italie, ornée des attributs de la Poésie. D'un côté du piédestal est gravée l'inscription latine que vous allez lire, et de l'autre, la traduction en langue Russe. Je joins ici la version française pour les Lecteurs à qui la Langue Latine n'est pas familière». . . .

On conviendra que De la Harpe ne peut avoir été *chargé* de dévoiler le plagiaire que par le comte André Chouvalof qui, en même temps, doit avoir pourvu son correspondant d'une *nouvelle* traduction de la pièce de Lomonossof, ainsi que de la description du monument érigé par le comte Vorontsóf. Cette nouvelle traduction, rendant l'original russe d'une manière plus conforme au génie de la langue française, a-t-elle été faite par le comte uniquement dans le but de dévoiler le plagiaire, ou était-elle destinée à faire partie d'une nouvelle édition de l'Ode de 1765? C'est là une question que l'on tranchera peut-être un jour à force d'éclaircir les relations littéraires du comte Chouvalof avec les Voltaire, Helvétius, De la Harpe, Chamfort, Marmontel, Levesque et d'autres, ainsi qu'avec ses compatriotes.

Les historiens tant soit peu initiés aux annales littéraires du règne de Catherine II, conviendront qu'un personnage tel que le comte André Chouvalof mériterait une attention plus grande que celle qu'on lui a vouée jusqu'à l'heure. De retour en Russie il fut honoré de la confiance particulière de l'impératrice qui le chargea d'assister aux grandes réunions de la Commission pour la confection du Code et d'y rédiger le journal[15]). C'est lui qui composa la dé-

---

[15]) Именный Списокъ Господамъ Депутатамъ, находящимся въ Коммиссіи о сочиненіи Проекта Новаго Уложенія, съ показаніемъ, кто изъ оныхъ въ разныя отъ большаго собранія учрежденныя частныя коммиссіи членами и канди-

dicace à l'archevêque de Tver Gabriel, de la traduction de Bélisaire de Marmontel, exécutée par différentes personnes pendant le voyage de l'impératrice Catherine sur le Volga, au printemps de 1767. C'est lui qui forma, conjointement avec le directeur de l'Académie des Sciences (le comte Vladimir Orlóf) et M. Kozitski, ancien académicien-adjoint, le comité établi pour surveiller les traductions en langue russe de différents ouvrages, — travail pour lequel l'impératrice avait mis à la disposition de ce comité une somme annuelle de 5000 roubles[16]). Malgré les assertions de M. Quérard, nous ne trouvons aucun motif plausible de douter de la part que prit le comte Chouvalof à la composition de l'Antidote, dont le manuscrit original a été copié entièrement par Kozitski[17]). On attribue aussi au comte Chouvalof une excellente traduction française de l'épître de Lomonossof sur le verre,—ouvrage qui lui plaisait beaucoup à cause de certaines tendances qui y étaient confessées. La «Correspondance littéraire, adressée à Son Altesse Impériale M-gr le Grand-Duc, aujourd'hui Empereur de Russie, et à M. le comte André Schouwalow, ... depuis 1774 jusqu'à 1789; par J. F. Laharpe. Paris 1801 et suiv. 6 vol.» ne renferme rien qui puisse jeter quelque lumière sur notre sujet spécial.

Sans prétendre vider la question relative aux deux lettres mentionnées par Dmitrevski, nous fixons l'attention de ceux qui s'y intéressent, sur quelques faits qui peuvent contribuer à rendre plus clair le rôle que le comte Chouvalof a joué de 1765 à 1774, comme partisan de Voltaire. Avant tout, il ne sera point superflu de faire observer que les deux derniers éditeurs des Oeuvres de Voltaire (M. Lahure et Cie ainsi que MM. Didot frères et fils) s'obstinent, malgré

датами опредѣлены, и нынѣ дѣйствительно находятся. Февраля по 24-е число 1769 года. Печатанъ въ СПб-ѣ при Сенатѣ. In-8⁰, p. 84 (ср. № 485): «Присутствующіе въ большомъ собраніи:

... Директоръ дневныхъ записокъ, Тайный Совѣтникъ, дѣйствительный Камергеръ и Кавалеръ Графъ Андрей Шуваловъ.»

Именной Списокъ господамъ Депутатамъ, — — кто находятся Генваря по 1 число 1768 году, p. 57, «Присудствующіе въ большомъ собраніи:

... Директоръ дневныхъ записокъ, Дѣйствительной Камергеръ, Графъ Андрей Шуваловъ. *Имѣетъ входъ по своему дѣлу и въ другія Коммиссіи.*»

16) Russische Bibliothek, ... herausgegeben von Ludw. Bacmeister. III (St. Pet. 1775), p. 74.

17) Les supercheries littéraires dévoilées . . : par M. Quérard. Tome I. Paris 1847 pag. 211 et comp. pag. 6 du traité de M. Pékarski sur quelques travaux littéraires de Catherine II (Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Приложеніе къ III-му тому Записокъ И. Академіи Наукъ. № 6. 1863) dans les Mémoires russes de l'Académie des Sc.

l'avertissement donné par M. Poltoratski [18]), à confondre en une seule personne deux Chouvalof, — le comte André Pétrovitch, si souvent mentionné dans cette Notice, et son oncle, Ivan Ivanovitch Chouvalof qui n'a jamais porté le titre de comte. C'est ce dernier qui, pendant le règne de l'impératrice Elisabeth, a fourni à Voltaire bon nombre de sources inédites pour l'histoire de Pierre-le-Grand, dont l'historien attitré de Ferney ne sut profiter. Disons en passant que Lomonossof fut un de ceux qui ne goutèrent point la faible composition de Voltaire sur le règne de Pierre-le-Grand.

La correspondance du comte André Chouvalof avec Voltaire ne peut dater d'avant 1765. S'il était vrai que Dmitrevski ait effectivement lu les deux lettres imprimées dont il parle dans son «Essai», on pourrait en conclure que le comte avait fait hommage de son Eloge sur Lomonossof à l'Hermite de Ferney, en l'acompagnant d'une lettre et que celui-ci lui avait répondu sans retard. Le chambellan Jean Chouvalof, ayant reçu, en 1763, le consilium itinerandi, partit d'abord pour Vienne, et de là pour Paris, où il arriva au commencement de l'an 1764. L'année suivante il passa quelque temps (du mois de mars au mois de juillet) en Angleterre, d'où il repartit par la Haye (au mois de juillet 1765) et Bruxelles (au mois d'août) pour Paris. Plus tard, il choisit Rome pour lieu de séjour et ce n'est qu' en 1773, qu'il se résolut à faire la connaissance personnelle de Voltaire. Le comte André étant parti au printemps de 1764 pour les pays étrangers, se hâta sans doute d'aller voir son oncle dans son exil involontaire. «Quelques mois» après la mort de Lomonossof, le jeune comte fit imprimer, soit en France, soit quelque autre part, sa brochure, puis passa, en septembre (1765), à Ferney, où il reçut l'accueil le plus flatteur. Il y a lieu de supposer que déjà depuis ce temps Voltaire entretenait une correspondance avec le neveu de son ancien admirateur, et nous en trouvons les premières traces dans une pièce composée en 1766 et inserée dans l'Almanach des Muses pour l'année 1767 (pag. 6).

«Vers de M. de Voltaire à M. le Comte de Schowalou, qui lui avoit adressé une Epître».

Puisqu'il faut croire quelque chose,
j'avoûrai qu'en lisant vos séduisans écrits,

---

[18]) Les deux CHOUVALOF (V. Le bibliophile belge. Tome VI, 1849, p. 123—134.).

je crois à la métempsycose.
Orphée, aux bords du Tanaïs,
expira dans votre païs:
près du lac de Genêve, il vient se faire entendre;
en vous il renaît aujourd'hui,
et vous ne devez pas attendre
que les femmes jamais vous battent comme lui.

Dans une missive que le vieux flatteur adresse le 30 sept. 1767 au comte, il lui écrit: «Les vers français qui vous m'envoyez sont du meilleur ton, et d'une correction singulière; il n'y a pas la plus petite faute de langage: on ne peut vous reprocher que le sujet que vous traitez», c'est-à-dire, Voltaire lui-même. «C'est probablement un panégyrique en vers d'une date plus récente qui est cité par De la Harpe en 1770 [19]).

«A M. le Comte de Schowalow, Chambellan de l'Impératrice de Russie, qui avait adressé des vers à l'Auteur».

Vous avez, sur un noble ton,
Chanté l'astre de notre Europe [20]),
Et jusqu'à mon humble horison
Vous baissez votre télescope......

Dans sa lettre du mois de février 1774, «à un Académicien de ses amis» Voltaire fait l'éloge de l'auteur de la fameuse «Epître à Ninon» en disant:

«C'est une chose bien surprenante que n'ayant été, je crois, que trois mois à Paris, il ait pris si bien ce que vous appelez *le ton de la bonne compagnie*, qu'il l'ait perfectionné.... M. de Schowalow faisait déjà de très-jolis vers français quand il était chez moi, il y a quelques années, et nous avons eu depuis, dans des recueils, quelques pièces fugitives de lui, très bien travaillées».

Il est constaté depuis long-temps que «l'Epître à Ninon» est réellement l'oeuvre du comte André Chouvalof et que Voltaire en publia une seconde édition dont voici le titre exact (comp. les Superch. de M. Quérard II, 579) d'après l'exemplaire conservé dans la bibliothèque de Voltaire:

[19]) Oeuvres. Tome second, p. 208.

[20]) «M. de Voltaire, à qui le même Auteur avait adressé une Epître.» Note de M. De la Harpe.

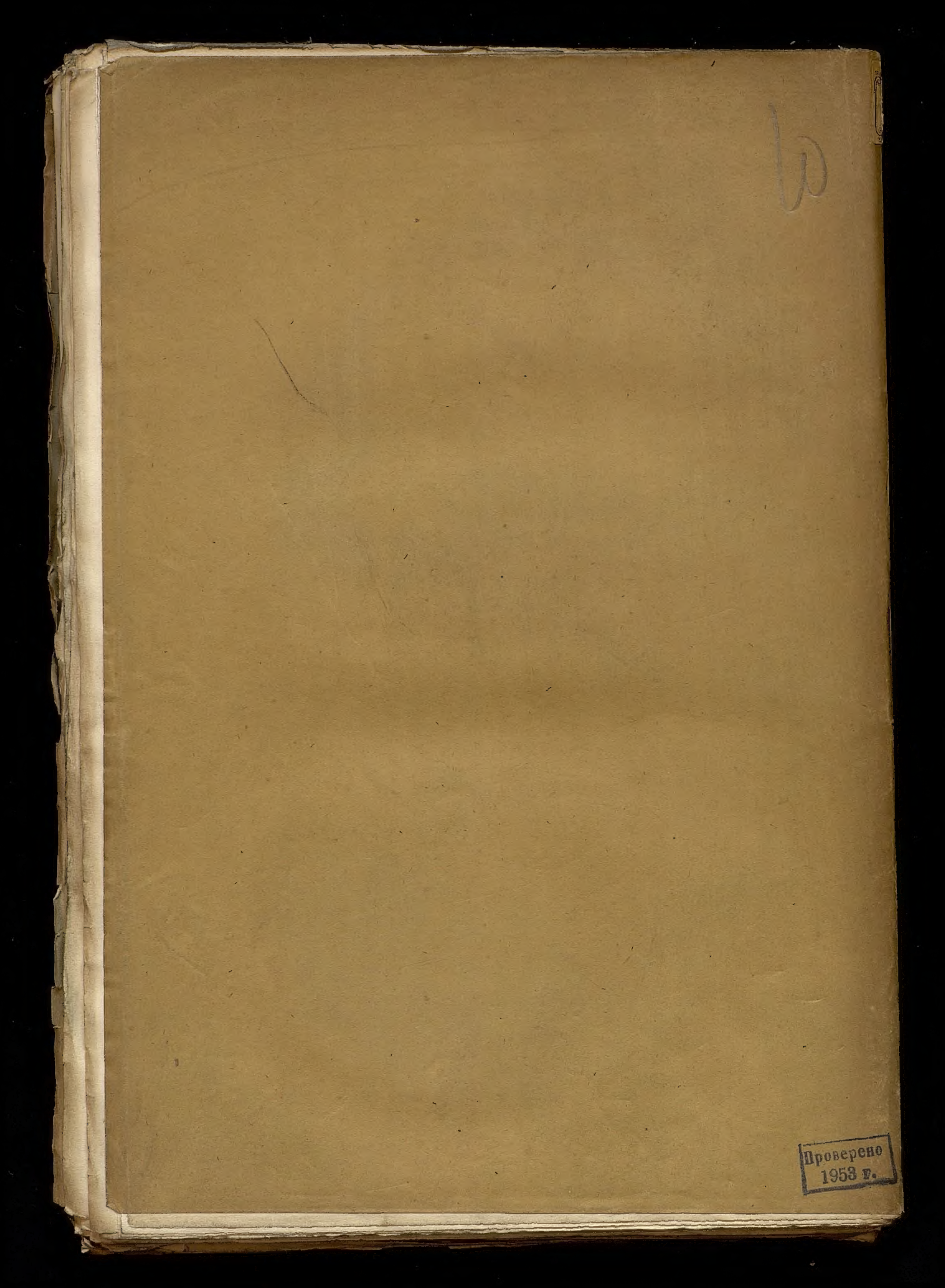
«Epître à Ninon L'Enclos, par Monsieur le Comte de Schwalo, Chambellan de l'Impératrice de Russie et Président de la législation. Nouvelle édition» 6 pag. in-8°. (Avèc un «Billet de Mr. de Voltaire», pag. 6—7).

Cet exemplaire est d'autant plus intéressant que le 7e vers estropié de la première édition est ici corrigé par la main de Voltaire:

Il cherira (sic) *toujours ton esprit et ton coeur.*

En abandonnant à d'autres la tâche de décider si le comte A. Chouvalof a réellement publié, entre 1765 et 1768, une édition corrigée et augmentée de sa brochure sur Lomonossof, nous nous bornons à faire deux observations. Lomonossof fut envoyé, en 1736, par l'Académie I. des Sciences à Marbourg et de là, en 1739, à Freiberg. C'est ici (v. ci-dessus) qu'il composa, en 1739, sa célèbre Ode sur la prise de Khotine. — Il serait trop téméraire de vouloir interpréter les vers lancés par le comte Chouvalof, dans son Ode, contre toute une classe des adversaires de Lomonossof. Mais l'auteur de cette Notice se rappelle bien avoir lu la même expression *Insectes méprisables*, dans les ouvrages soit De la Harpe soit de Voltaire, dans un passage où il était question de poètes manqués.

Проверено
1953 г.